НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СВЯТИТЕЛЯ

Святитель
Игнатий Брянчанинов

СЛОВО О СМЕРТИ

СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ

Благовест

Москва
2011

УДК 248
ББК 86.372
И 26

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 11-025-2778)

«Слово о смерти» печатается по изданию книгопродавца И. Л. Тузова. СПб., 1905; «Слово о человеке» печатается по изданию: СПб.: Епархиальное духовное училище – Центр православного просвещения, 1995

И26 **Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти. Слово о человеке.** (Серия «Наследие русского святителя») – М.: Благовест, 2011. – 416 с.

ISBN 978-5-9968-0117-6

В эту книгу вошли известные сочинения святителя Игнатия Брянчанинова: «Слово о чувственном и духовном видении духов», «Слово о смерти», в котором говорится о загробном бытии души после телесной смерти человека и о правильном построении духовной жизни во имя спасения своей души с приведением многих наглядных примеров из святоотеческого опыта и житий святых; а также «Слово о человеке», где изложено учение о человеке и мироздании на основании Предания Православной Церкви и творений святых отцов.

УДК 248
ББК 86.372

ISBN 978-5-9968-0117-6

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2011

СЛОВО О ЧУВСТВЕННОМ И О ДУХОВНОМ ВИДЕНИИ ДУХОВ

ВСТУПЛЕНИЕ

Приступая к объяснению, по мере скуднейших понятий моих, свойственного человеку сугубого видения сотворенных духов, нахожу необходимым изложить учение и о сугубой слепоте человека, усвоившейся ему при посредстве его падения. Большинство человеков чуждо всякого понятия об этой слепоте; даже не подозревает существования ее! Большинство человеков чуждо всякого понятия о духах или имеет о них одно теоретическое, самое поверхностное, самое неясное и неопределенное понятие, почти равновесное совершенному незнанию.

В современном обществе человеческом, преимущественно в обществе образованном, многие сомневаются в существовании духов, многие отвергают его. Сомневаются в нем и отвергают его даже и те, которые признают существование души своей[1], признают ее бессмертие или существование ее после смерти, признают ее духом. Странное сочетание взаимно противоречащих друг другу понятий! Если души существуют после разлучения их с телами, то это самое уже значит, что существуют духи. Если души злодеев не умирают наравне с душами человеков добродетельных, это уже значит, что существуют и духи добрые, и духи злые. Они существуют! Существование их делается вполне ясным и очевидным для того, кто занялся правильным и подробным изучением христианства. Отвергающие существование духов непременно вместе с этим отвергают и христианство. *Сего ради явися Сын Божий,* говорит Священное Писание*, да разрушит дела диавола, да смертью упразднит имущего державу смерти, сиречь*

диавола[2]. Если нет падших духов, то вочеловечение Бога не имеет ни причины, ни цели.

Существование духов остается предметом темным для тех, которые не изучали христианства или изучали его поверхностно, по букве, между тем, как Господом Иисусом Христом заповедано и установлено обучение христианству и проповедью его и соблюдением евангельских заповедей[3]. Господь заповедал изучение христианства, и теоретическое и практическое, соединил эти два изучения неразрывной связью, повелел, чтобы за теоретическим познанием непременно последовало практическое. Без второго первое не имеет никакой цены пред Богом! Без второго первое не может принести нам никакой пользы![4] – Второе служит доказательством искренности первого и увенчивается осенением Божественной благодати[5]. Первое можно уподобить основанию, второе – зданию, воздвигнутому на этом основании. Здание не может быть воздвигнуто, если прежде не будет устроено основание, и устроение основания остается бесполезным трудом, если на основании не будет воздвигнуто здание. – Результаты наук человеческих и способ для достижения этих результатов остаются недоступными для понятия человеков, не занимающихся науками; результаты и способ достижения их в науке из наук, в науке, сшедшей с небес, дарованной человечеству Богом, в науке, совершенно изменяющей человека, претворяющей его из плотского и душевного в духовного, в христианстве, тем более остаются недоступными для тех, которые не занимались изучением его законно, по способу, установленному Богом. Безрассудно же требование некоторых, чтобы результаты изучения христианства, его высокие и глубокие тайны были для них вполне ясны без всякого изучения христианства! Хотите знать тайны христианства? – Изучите его.

Учение школьное, по букве, не только очень полезно, но и необходимо, как доставляющее точные и подробные познания о христианстве по преданию Православной Церкви. В течение восемнадцати столетий устремлялись против христианства с целью ниспровергнуть его, особенно ныне уст-

ремляются бесчисленные лжеучения: ныне, более нежели когда-либо, настоит крайняя нужда в основательной проповеди и изучении христианства. Но теоретическое изучение требует, чтобы непременно ему сопутствовало и ему последовало учение деятельное. «Закон свободы деланием заповедей чтется»[6]. Христианский книжник должен научиться Царству Небесному не только от слышания проповеди о нем, но и опытно[7]. Без этого учение по букве сделается исключительно учением человеческим, послужит только к развитию падшего естества. Горестное доказательство этому видим на иудейском духовенстве, современном Христу. Учение по букве, будучи предоставлено самому себе, немедленно рождает самомнение и гордость, отчуждает посредством их человека от Бога. Представляясь по наружности познанием Бога, оно в сущности может быть совершенным незнанием, отвержением Его. Проповедуя веру, можно утопать в неверии! Тайны, открытые для некнижных христиан, весьма часто остаются закрытыми для мужей ученейших, удовлетворившихся одним школьным изучением богословия, как бы науки единой из наук человеческих[8]. А такой именно характер и дан богословию во всем инославном Западе: и папском, и протестантском. По недостатку в опытном познании христианства в наше время очень трудно услышать правильное, основательное учение о видении духов, столько нужное для каждого инока, желающего заняться душевным подвигом в области духов, к которым мы принадлежим нашей душою, с которыми мы должны разделить и вечное блаженство, и вечную муку[9].

Видение духов – сугубо. Есть чувственное видение духов, когда видим их чувственными, телесными очами, и есть духовное видение духов, когда видим их душевными очами, умом и сердцем, очищенными Божией благодатью. В обыкновенном состоянии падения, в котором пребывает все человечество, мы не видим духов ни чувственно, ни духовно; мы поражены сугубой слепотой. Для слепых разные цвета и предметы чувственного мира как бы не существуют: так и для ослепленных паде-

нием мир духовный и духи как бы не существуют. Невидение нами чего-либо никак не служит признаком небытия его.

Увы! увы! Прерываю плачем Слово. *Земля Израилева низвращена от меча, бысть пуста вельми! Язык, собранный от языков многих, умалился и изнемог до крайности*[10]. «Как не плакать – говорил преподобный Исаак Великий, пустынножитель египетский, – куда пойдем мы теперь? Отцы наши почили. Прежде недоставало нам рукоделия на наем лодок, в которых мы ездили (по реке Нилу) к старцам. Теперь же мы осиротели, потому-то я и плачу»[11]. *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне льстивыя в сердце*[12]. Если Исаак Великий, при современном ему высоком состоянии иночества, оплакивал умаление старцев наставников, то какого же труда стоит иноку нашего времени, истинно желающему спастись, найти совет, столько необходимый в его многотрудном подвиге? *Лукавые человецы и чародеи* (то есть все вообще обольстители, вступившие в явное и неявное общение с сатаной) *преуспеют на горшее, прельщающе и прельщаеми*[13], предсказывает апостол, говоря о последних днях мира. Совершается пред нами это предсказание. Нередко говаривал я единодушной братии, при келейных беседах, то, что считаю себя обязанным теперь начертать и пером на бумаге. Не мне бы, пребывающему в рабстве у греха, заниматься наставлением братий! В глубоком молчании и уединении следовало бы мне оплакивать мое горестное душевное состояние. Но я принужден и говорить и писать в назидание, чтобы не оставить ближних моих и любящих меня о Господе без всякого назидания. «Лучше – сказал Пимен Великий – употреблять хлеб нечистый и иметь пропитание, нежели оставаться вовсе без хлеба»[14]. При таком воззрении на себя и на окружающие обстоятельства пишу Слово о видении духов, признавая правильное познание о видении духов существенно и необходимо нужным для подвижников, которым предстоит брань не *к крови и плоти, но к началам и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы*

поднебесным[15]. Необходимо это познание. Духи злобы с такой хитростью ведут брань против человека, что приносимые ими помыслы и мечтания душе представляются как бы рождающимися в ней самой, а не от чуждого ей злого духа, действующего и вместе старающегося укрыться[16]. Чтоб бороться со врагом, надо непременно видеть его. Без видения духов борьба с ними не имеет места: может быть одно увлечение ими и рабское повиновение им. Призвав в помощь скудоумию моему Божественную благодать, сперва буду говорить о чувственном видении духов, о не необходимости и об опасности его, потом о духовном видении духов, о необходимости и пользе его.

О ЧУВСТВЕННОМ ВИДЕНИИ ДУХОВ

До падения человека тело его было бессмертно, чуждо недугов, чуждо настоящей его дебелости и тяжести, чуждо греховных и плотских ощущений, ныне ему естественных[17]. Чувства его были несравненно тоньше, действие их было несравненно обширнее, вполне свободно. Облеченный в такое тело, с такими органами чувств, человек был способен к чувственному видению духов, к разряду которых он принадлежал душою, был способен к общению с ними, к тому боговидению и общению с Богом, которые сродни святым духам[18]. Святое тело человека не служило для сего препятствием, не отделяло человека от мира духов. Человек, облеченный в тело, способен был для жительства в раю, в котором ныне способны пребывать одни святые и одними душами своими, в который взойдут и тела святых по воскресении. Тогда эти тела оставят в гробах дебелость, усвоившуюся им по падении; тогда они соделаются духовными, даже духами, по выражению преподобного Макария Великого[19], явят в себе те свойства, которые им даны были при сотворении. Тогда человеки снова вступят в разряд святых духов и в открытое общение с ними. Образец тела, которое вместе было и тело и дух, мы видим в теле Господа нашего Иисуса Христа по Его воскресении.

Падением изменились и душа и тело человеческие. В собственном смысле падение было для них вместе и смертью. Видимая и называемая нами смерть, в сущности, есть только разлучение души с телом, прежде того уже умерщвленных отступлением от них истинной жизни, Бога. Мы рождаемся уже убитыми вечной смертью! Мы не чувствуем, что мы убиты, по общему свойству мертвецов не чувствовать своего умерщвления! Недуги нашего тела, подчинение его неприязненному влиянию различных веществ из вещественного мира, его дебелость суть следствия падения. По причине падения наше тело вступило в один разряд с телами животных; оно существует жизнью животных, жизнью своего падшего естества. Оно служит для души темницей и гробом. Сильны употребляемые нами выражения! Но они еще недостаточно выражают ниспадение нашего тела с высоты состояния духовного в состояние плотское. Нужно очищение себя тщательным покаянием, нужно ощутить хотя в некоторой степени свободу и высоту состояния духовного, чтобы стяжать понятие о бедственном состоянии нашего тела, о состоянии его мертвости, причиненной отчуждением от Бога. В этом состоянии мертвости, по причине крайней дебелости и грубости, телесные чувства неспособны к общению с духами, не видят их, не слышат их, не ощущают. Так притупленная секира уже неспособна к употреблению по ее назначению. Святые духи уклонились от общения с людьми, как с недостойными такого общения; духи падшие, увлекшие нас в свое падение, смесились с нами, и чтоб удобнее содержать нас в плену, стараются соделать и себя и свои цепи для нас незаметными. Если же они и открывают себя, то открывают для того, чтоб укрепить свое владычество над нами. Всем нам, находящимся в рабстве у греха, надо знать, что общение со святыми Ангелами несвойственно нам по причине нашего отчуждения от них падением, что нам свойственно, по той же причине, общение с духами отверженными, к разряду которых мы принадлежим душою, – что чувственно являющиеся духи людям, пребывающим в греховности и падении, суть демоны, а никак не святые Ангелы. «Душа осквернённая, –

сказал святой Исаак Сирский, – не входит в чистое царство и не сочетавается с духами святых»[20]. Святые Ангелы являются только святым людям, восстановившим с Богом и с ними общение святой жизнью. Хотя демоны, являясь людям, наиболее принимают вид светлых Ангелов для удобнейшего обмана, хотя и стараются иногда уверить, что они человеческие души, а не бесы[21], хотя они иногда и предсказывают будущее, хотя открывают тайны: но вверяться им никак не должно. У них истина перемешана с ложью, истина употребляется по временам только для удобнейшего обольщения. *Сатана преобразуется во Ангела светла и служители его преобразуются, яко служители правды*[22], сказал святой апостол Павел.

Святой Иоанн Златоуст, в беседе 2 о нищем Лазаре, и о богатом, повествует случавшееся в его время: «Демоны говорят: *я – душа такого-то монаха*. Разумеется, этому не верю именно потому, что говорят это демоны. Они обманывают внимающих им. По этой причине и Павел повелел демону молчать, хотя он говорил и правду, чтобы он не обратил этой правды в повод, не подмесил впоследствии к ней лжи и не привлек к себе доверенности. Диавол говорил: *сии человецы раби Бога Вышняго суть, иже возвещают нам путь спасения*[23]. Апостол, огорчась этим, повелел пытливому духу выйти из девицы. И что ж говорил дух худого, когда говорил: *сии человецы раби Бога Вышняго суть?* Но так как большинство незнающих не может основательно судить о том, что говорится демонами, – апостол решительно отверг всякую доверенность к ним. Ты принадлежишь к числу отверженных, говорит апостол демону: ты не имеешь права говорить свободно; умолкни, онемей. Не твое дело проповедовать: это предоставлено апостолам. Зачем похищаешь не твое? Умолкни, отверженный. Так и Христос, когда демоны говорили Ему: *вемы Тя, кто еси*[24], очень строго воспретил им, предписывая этим закон нам, чтобы мы ни под каким предлогом не доверяли демону, если бы даже он говорил что справедливое. Зная это, мы должны ни в чем решительно не верить демону. Если он будет говорить что и справедливое, – бежим, отвратимся от него. Здравым и спа-

сительным познанием мы должны научаться не от демонов, но из Божественного Писания». Далее в этой беседе Златоуст говорит, что души как праведников, так и грешников, немедленно после смерти уводятся из этого мира в другой, одни для принятия венцов, другие – для казней. Душа нищего Лазаря немедленно после смерти вознесена Ангелами на лоно Авраама, а душа богача низвергнута в адский пламень. В беседе 28 на Матфея Златоустый поведает, что в его время некоторые беснующиеся говорили: *я – душа такого-то*. «По истине это ложь и обман диавольские, – присовокупляет великий святитель. – Не душа умершего вопиет это, а демон, который притворяется, чтобы обмануть слушателей».

Демоны не знают будущего, известного Единому Богу и тем разумным Его тварям, которым Бог благоволит открыть будущее; но как умные и опытные человеки из событий совершившихся или совершающихся предусматривают и предугадывают события, имеющие совершиться, так и хитрые, многоопытные лукавые духи могут иногда предполагать с достоверностью и предсказывать будущее[25]. Часто они ошибаются, весьма часто лгут и неясными провещаниями приводят в недоумение и сомнение. Иногда же они могут предвозвестить событие, которое уже предназначено в мире духов, но между человеками не приведено еще в исполнение: так прежде, нежели постигли праведного Иова искушения, и попущение этих искушений уже было решено в совете Божием и было известно падшим духам[26]; так решена была на суде Божием, известна святым небесным силам и отверженным ангелам, передана к исполнению духу лукавому, погибель в сражении царя израильского Ахава, прежде нежели царь выступил в поход[27]; так предсказал диавол святому Иоанну, архиепископу Новгородскому, искушение, которое впоследствии навел на него[28]. Были случаи, когда и грешникам являлись святые Ангелы, но это случалось по особенному смотрению Божию и крайне редко: так лжепророку и волхву, т. е. человеку, бывшему в особенном ближайшем общении с демонами, являлся святой Ангел[29]. Исключительные случаи, по особенному смот-

рению Божию, не должны иметь никакого влияния на общее правило для всех[30]. Общее правило для всех человеков состоит в том, чтобы никак не вверяться духам, когда они явятся чувственным образом, не входить в беседу с ними, не обращать на них никакого внимания, признавать явление их величайшим и опаснейшим искушением. Во время этого искушения должно устремлять мысль и сердце к Богу с молитвой о помиловании и об избавлении от искушения. Желание видеть духов, любопытство узнать что-нибудь о них и от них есть признак величайшего безрассудства и совершенного незнания нравственных и деятельных преданий Православной Церкви. Познание духов приобретается совершенно иначе, нежели как то предполагает неопытный и неосторожный испытатель. Открытое общение с духами для неопытного есть величайшее бедствие, или служит источником величайших бедствий.

Боговдохновенный писатель бытейской книги говорит, что по падении первых человеков Бог, произнесши приговор над ними, еще до изгнания их из рая, *сотвори им ризы кожаны и облече их*[31]. Ризы кожаные, по объяснению святых отцов[32], означают нашу грубую плоть, которая при падении изменилась: утратила свою тонкость и духовность, получила настоящую свою дебелость. Хотя начальной причиной изменения и было падение; но изменение совершилось под влиянием Всемогущего Творца, по неизреченной Его милости к нам, к нашему величайшему благу. Между прочими полезными для нас последствиями, истекающими из состояния, в котором ныне находится наше тело, мы должны указать на то, что, чрез допущение дебелости нашему телу, мы сделались неспособными к чувственному видению духов, в область которых мы ниспали. Объясним это. Мы стяжали как бы естественное влечение ко злу. Это влечение естественно падшему естеству: это влечение, подобно влечению демонов ко злу: *прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его*[33]. Но в нас смешано добро со злом: мы влечемся то к злу, то, покидая это стремление, направляемся к добру. Демоны, напротив того, всегда и всецело устремлены к злу. Если бы мы находились

в чувственном общении с демонами, то они, в кратчайшее время, окончательно развратили бы человеков, непрестанно внушая зло, явно и непрестанно содействуя злу, заражая примерами своей постоянно преступной и враждебной Богу деятельности. Тем удобнее они могли совершить это, что падший человек естественно влечется к злу, что падший человек находится в подчинении у демонов, покорившись им произвольно. В кратчайшее время человеки, по преуспеянию во зле, соделались бы демонами; покаяние и восстание из падения были бы для нас невозможны. Премудрость и благость Божия положила преграду между людьми, низверженными на землю из рая, и духами, низверженными на землю с неба – грубую вещественность тела человеческого. Так земные правительства отделяют темничной стеной злодеев от общества человеческого, чтобы они по произволу не вредили этому обществу и не развращали прочих человеков[34]. Духи падшие действуют на людей, принося им греховные помыслы и ощущения; до чувственного видения духов достигают весьма немногие человеки.

При размножении человечества в его настоящем состоянии падения тело приносит душе весьма сходное служение с тем служением, которое исполняют пелены для новорожденного тела. Обернутое пеленами тело младенца получает правильность, без пелен члены его, по мягкости своей, могли бы получить уродливые формы: так и душа, облеченная в тело, закрытая и отделенная им от мира духов, постепенно образует себя изучением закона Божия, или, что то же, изучением христианства и стяжает способность различать добро от зла[35]. Тогда даруется ей духовное видение духов и, если то окажется сообразным с целями руководствующего ею Бога, чувственное, так как обман и обольщение для нее уже гораздо менее опасны, а опытность и знание полезны. При разлучении души от тела видимой смертью мы снова вступаем в разряд и общество духов. Из этого видно, что для благополучного вступления в мир духов необходимо благовременное образование себя законом Божиим, что именно для этого образования и предоставлено нам некоторое время, определяемое каждому человеку Богом

для странствования по земле. Это странствование называется земной жизнью.

Человеки делаются способными видеть духов при некотором изменении чувств, которое совершается неприметным и необъяснимым для человека образом. Он только замечает в себе, что внезапно начал видеть то, чего доселе не видел и чего не видят другие, слышать то, чего доселе не слышал. Для испытавших на себе такое изменение чувств, оно очень просто и естественно, хотя необъяснимо для себя и для других; для неиспытавших – оно странно и непонятно. Так всем известно, что люди способны погружаться в сон; но что за явление – сон, каким образом, незаметно для себя, мы переходим из состояния бодрости в состояние усыпления и самозабвения – это остается для нас тайной. Изменение чувств, при котором человек входит в чувственное общение с существами невидимого мира, называется в Священном Писании *отверзением чувств. Отверзе Бог,* говорит Писание, *очи Валааму, и узре Ангела Божия, противостояща на пути, и меч извлечен в руце его*[36]. Окруженный врагами, пророк Елисей, чтоб успокоить устрашенного слугу своего, *помолися и рече: Господи, отверзи ныне очи отрока, да узрит. И отверзе Господь очи его, и виде: и се, гора исполнь коней, и колесница огнена окрест Елисеа: и снидоша к нему: И помолися Елисей ко Господу, и рече: порази убо язык сей невидением. И порази их невидением по глаголу Елисееву… и отведе их в Самарию. И бысть егда внидоша в Самарию, и рече Елисей: отверзи убо Господи очи их, и да видят. И отверзе Господь очи их, и видеша*[37]. Когда два ученика шли с Господом по дороге из Иерусалима в Еммаус: то *очи ею держастеся*, повествует евангелист, *да Его*, Господа, *не познаста*. Когда же они пришли на ночлег: тогда, при преломлении хлеба, *онема отверзостеся очи, и познаста Его*[38]. Из приведенных мест Священного Писания явствует, что телесные чувства служат как бы дверями и вратами во внутреннюю клеть, где пребывает душа, что эти врата отворяются и затворяются по мановению Бога. Премудро и милосердно пребывают эти врата постоянно заключенными в падших людях, чтобы

заклятые враги наши, падшие духи, не вторгались к нам и не губили нас. Эта мера тем необходимее, что мы, по падении, находимся в области падших духов, окружены ими, порабощены ими. Не имея возможности ворваться к нам, они извне подают нам знать о себе, принося различные греховные помыслы и мечтания, ими привлекая легковерную душу в общение с собою. Непозволительно человеку устранять смотрение Божие, и собственными средствами, по попущению Божию, а не по воле Божией, отверзать свои чувства и входить в явное общение с духами. Но и это случается. Очевидно, что собственными средствами можно достигнуть общения только с падшими духами. Святым Ангелам несвойственно принять участие в деле, несогласном с волей Божией, в деле неблагоугодном Богу. Чем влекутся человеки к вступлению в открытое общение с духами? Легкомысленные и незнающие деятельного христианства увлекаются любопытством, незнанием, неверием, не понимая, что, вступив в такое общение, они могут нанести себе величайший вред; люди, предавшиеся греховности и отступившие от Бога, вступают в это общение по самым порочным побуждениям и для самых порочных целей.

То, что совершается с нами по Промыслу Божию, всегда преисполнено величайшей премудрости и благости, совершается по существенной надобности для существенной пользы нашей, отнюдь не для удовлетворения нашему любопытству или какому другому мелочному, недостойному Бога, нашему побуждению. По этой причине обыкновенный порядок и ход нарушаются весьма редко; весьма редко вводится человек в чувственное видение духов. Богу благоугодно, чтоб служитель Его пребывал постоянно в величайшем благоговении пред Ним, в безусловной покорности к Нему, в безусловной преданности Его святейшей воле. Всякое нарушение этих отношений неблагоприятно Богу и налагает на нас печать гнева Божия[39]. Легкомысленно покушающиеся нарушить порядок, установленный Богом, и вторгнуться самовольно в то, что Богом сокрыто от нас, признаются искусителями Бога и изгоняются от лица Его во тьму кромешную, в которой не светит Свет

Божий. Приведем несколько примеров, которые объяснят нам, с какой спасительной для нас предосторожностью, с целью величайшей нашей душевной пользы, Бог допускает нам чувственное видение духов. В Африке[40] был мытарь, именем Петр, человек самый жестокосердый, подавший в течение всей своей жизни милостыню нищему однажды, и то не по движению сострадания, а по увлечению гневом. Когда Петр нес большое количество хлебов, нищий начал неотступно просить у него милостыни: Петр, рассердившись и не имея возможности ударить нищего чем другим, кинул в него хлебом. По прошествии двух дней после этого случая Петр заболел; болезнь усилилась; больной очень изнемог и, казалось, приближался к смерти. При таком положении отверзлись его очи: он увидел пред собою весы: по одну сторону их стояли мрачные демоны, по другую – светлые Ангелы. Демоны, собрав все злые дела, соделанные Петром в течение его жизни, положили на весы. Светоносцы, не находя никаких добрых дел, чтоб противоположить их злым делам Петра, стояли в унынии, и в недоумении говорили друг другу: «Мы ничего здесь не имеем». Тогда один из них сказал: «Точно, мы ничего не имеем здесь, кроме одного хлеба, который дан Петром Христу, два дня тому назад, и то поневоле». Они положили хлеб в другую чашу весов, и она тотчас начала перетягивать первую. Тогда световидные мужи сказали мытарю: «Иди, убогий Петр, приложи к этому хлебу, чтоб темнообразные мурины не похитили тебя и не ввергли в вечную муку». Петр выздоровел, сделался необыкновенно милостивым к нищей братии, истощил на них все весьма значительное имение свое, рабам дал свободу, и, переселившись в Иерусалим, продал себя в раба одному из благочестивых жителей Святого Града, чтоб смирением еще ближе усвоиться Богу, Которому он уже усвоился милостыней. Петр сподобился высоких духовных дарований[41]. – В Киево-печерском монастыре был инок Арефа; он имел значительное богатство и хранил сокровище в келье, будучи крайне скуп не только к нищим, но и к самому себе. Воры ночью обокрали его. Арефа впал в тоску, едва не наложил на себя рук; стал разыскивать об

украденном имении и подвергать неприятностям многих невинных. Братия упрашивали его прекратить такие разыскания и возложить печаль свою на Господа[42]; но он не хотел и слышать увещаний, отвечал на них жестко и грубо. Чрез несколько дней Арефа впал в тяжкую болезнь, и приблизился к смерти. Братия собрались к нему; он лежал, как мертвый, ничего не говоря; потом внезапно, вслух всем, начал вопиять громким голосом: «Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, согрешил! Имение – Твое! Не жалею о нем!» Он немедленно выздоровел и так поведал братии о причине своих восклицаний: «Я видел, говорил он, что пришли ко мне Ангелы и полк бесов. Они начали препираться обо мне по поводу украденного моего богатства. Бесы говорили: «Он по этому случаю не воздал хвалы Богу, но роптал, и потому он наш и должен быть предан нам». Ангелы сказали мне: «Несчастный человек! Если бы ты при случившемся похищении у тебя имения принес Богу благодарение, то похищение имения вменилось тебе в милостыню, как Иову. Когда кто подает милостыню – это велико пред Богом, потому что подавший поступает так из своего благого произволения; претерпевающему же с благодарением насильственное похищение вменяется искушение, нанесенное диаволом, в благое произволение. Диавол, хотя ввергнуть человека в злохуление, устраивает похищение его имения; но человек, который благодарит Бога, все предавая Богу, поступает одинаково с милостивым раздаятелем». Когда Ангелы сказали мне это, я воскликнул: «Господи, прости! Господи, я согрешил! Имение принадлежит Тебе; не жалею о нем!» – тогда бесы исчезли, а святые Ангелы возрадовались и, вменив мне украденные деньги в милостыню, удалились. После этого видения Арефа изменился в образе мыслей и в нраве, проводил самую добродетельную, подвижническую жизнь, богатея в Бога: он сподобился блаженной кончины и блаженство свое засвидетельствовал нетлением мощей своих: они почивают в пещерах с мощами прочих преподобных Отцов, к лику которых Арефа справедливо причислен Святой Церковью[43]. – В той же Киево-Печерской лавре жил слепой старец Феофил,

непрестанно погружавшийся в покаяние и, по причине непрестанного умиления, непрестанно проливавший обильные слезы, что признается верным признаком святой души, переселившейся в вечность помышлениями своими еще во время пребывания своего на земле[44]. Феофил плакал над сосудом, и в него собрал значительное количество слез. Это было следствием непонятого им тонкого самомнения, столько душевредного для подвижника, который не должен давать никакой цены своим подвигам, вполне предоставляя оценку их Богу[45]. За три дня до кончины своей Феофил прозрел, как ему то было предсказано его наставником, преподобным Марком. Поняв, что настало время переселения в вечность, Феофил удвоил свой плач и, имея ввиду накопленные им слезы в сосуде, умолял Бога, чтобы слезы его были приняты. Внезапно предстал пред ним Ангел с благоухающим сосудом, и сказал ему: «Феофил! Хорошо, что ты молился и плакал; но напрасно ты хвалишься слезами, собранными тобою в сосуд. Вот сосуд, гораздо больший того, наполненный твоими же слезами, которые ты изливал при усердной молитве, и отирал их рукою или платком, или оставлял падать на землю и одежды твои. Я собрал их по повелению Владыки и Творца моего, а теперь послан возвестить тебе радость преселения к Тому, Кто сказал: *Блажени плачущии, яко тии утешатся*[46]. – Из приведенных здесь событий ясно усматривается общий характер явления духов, устрояемого Промыслом Божиим. По смотрению Божию являются духи только во время крайней нужды, с целью спасения и исправления человеков; являются таким образом, что явление их не может иметь вредных последствий. Петр и Арефа извлечены были из пропасти греховной страхом от виденного ими состязания Ангелов с бесами, а Феофил, которого недостаток заключался не в образе жизни, а в образе мыслей, наставлен смиренномудрию и вместе извещен об ожидающем его блаженстве. Он не мог превознестись явлением ему Ангела и обетованием блаженства, потому что при этом обнаружен ему его недостаток и объявлено о спасении пред самою смертью, как о даре, дарованном единственно милостью Божией. Только

совершеннейшим христианам, преимущественно из иноков, сподобившимся прозреть душевными очами, был открыт мир духов; но таких христиан и в самые цветущие времена иночества было очень мало, по свидетельству преподобного Макария Великого[47]. Свойство всех видений, посылаемых Богом, замечает святой Иоанн Лествичник, заключается в том, что они приносят душе смирение и умиление, исполняют ее страха Божия, сознания своих греховности и ничтожества. Напротив того, видения, в которые мы вторгаемся произвольно, в противность воле Божией, вводят нас в высокоумие, в самомнение, доставляют радость, которая не что иное, как непонимаемое нами удовлетворение наших тщеславия и самомнения[48]. Демоны, являясь наиболее в виде Ангелов, стараются польстить человеку похвалою, потешить его любопытство и тщеславие; затем они удобно ввергают его в самообольщение и наносят ему сильнейший, более или менее явный, душевный вред.

Мысль, что в чувственном видении духов заключается что-либо особенно важное, ошибочна. Чувственное видение, без духовного, не доставляет должного понятия о духах, доставляет одно поверхностное понятие о них, очень удобно может доставить понятия самые ошибочные, и их-то наиболее и доставляет неопытным и зараженным тщеславием и самомнением. Духовного видения духов достигают одни истинные христиане, а к чувственному наиболее способны люди самой порочной жизни. Кто видит духов и находится в чувственном общении с ними? Волхвы, отрекшиеся от Бога и признавшие богом сатану[49]; люди, предавшиеся страстям и, для удовлетворения их, прибегшие к волхвам, при посредстве их вступившие в явное общение с падшими духами, что совершается под непременным условием отречения от Христа[50]: человеки, истощенные пьянством и развратной жизнью; подвижники, впавшие в самомнение и гордость; весьма немногие способны к нему по естественному сложению; весьма немногим являются духи по поводу какого-либо особенного обстоятельства в жизни. В последних двух случаях человек не подлежит порицанию, но

должен приложить все тщание, чтобы выйти из этого положения, как весьма опасного. В наше время многие позволяют себе входить в общение с падшими духами посредством магнетизма, причем падшие духи обыкновенно являются в виде светлых ангелов, обольщают и обманывают различными интересными сказками, перемешивая правду с ложью, – всегда причиняют крайнее душевное и даже умственное расстройство. Употребление магнетизма есть отрасль волхвования. При нем нет явного отречения от Бога, но несомненно имеется отречение прикрытое, так как в настоящее время вообще диавол очень прикрывает свои сети, более заботясь об уничтожении существенного, нежели наружного. Оставя без всякого внимания постановления Божии, не справясь тщательно, угодно ли Богу, сообразно ли воле Божией предпринимаемое, легкомысленный испытатель таинственного слепо вверяется действию магнетизма, без всякой предосторожности вступает в общение с духами, верит им и вверяется, действует под их руководством и по их наставлениям. Что это, как не отступление от Бога?

Случалось, что, по особенному смотрению Божию, святые духи являлись людям порочной жизни, и даже идолопоклонникам. Этим людям не принесло никакой пользы явление им святых Ангелов; да оно и устраивалось не для их личностей, и потому не служило признаком их достоинства. Священное Писание повествует, что в то время, когда патриарх Иаков ушел тайно из Месопотамии от тестя своего Лавана, идолопоклонника, и Лаван пустился в погоню за зятем, *прииде Бог* (здесь надо разуметь Ангела Божия: посланный назван именем Пославшего) *к Лавану Сирину нощию во сне, и рече ему: блюди себе, да не како возглаголеши Иакову зла*[51]. Идолопоклоннику Лавану явился Бог не для Лавана, а для того, чтобы доставить спасение Иакову. Идолопоклонник остался идолопоклонником, несмотря на то, что видел Бога лицом к лицу и беседовал с Ним. Чувственное видение не принесло никакой пользы, потому что ему не предшествовало познание. Увидев истинного Бога, идолопоклонник не престает признавать богами идолов своих; он говорит о них: *вскую украл еси боги*

моя?[52] – Идолопоклонник, лжепророк и волхв Валаам видел явно на пути святого Ангела, и беседовал с ним; по внушению этого Ангела произнес истинное пророчество, пророчество Боговдохновенное об израильском народе, но это не принесло ему никакой пользы: он пребыл в своем нечестии, дерзнул действовать враждебно определению Божию и подвергся казни с врагами Божиими[53]. – Саул, царь израильский, явно не отступивший от Бога, но часто преступавший повеления Божии, что вменено ему в отступление[54], довершил свои беззакония сообщением с волшебницей. Он знал, что волшебство есть тяжкий грех, ибо предал смерти всех волшебников в земле израильской; но, увлекшись своим поведением, решился на поступок, явно богопротивный. Желая узнать, какой исход будет иметь сражение, в которое он намеревался вступить с филистимлянами, Саул просил волшебницу, чтоб она вызвала из ада душу почившего пророка Самуила для совещания с ним. Волшебница исполнила это. Явившийся на призыв ее из подземных темниц, пророк предсказал царю поражение и смерть в битве. Саул, вместо того, чтоб погрузиться в покаяние, впал в отчаяние; явление пророка и предузнание будущего, вместо пользы, принесли ему величайший вред[55]. Войско язычников сириян, вступившее в землю израильскую, внезапно увидело полк святых Ангелов и предалось бегству[56]. Святые Ангелы и почившие праведники подобными явлениями нередко останавливали варваров и разбойников от нападения на жилища угодников Божиих[57]. Да не мнят о себе что-либо увидевшие чувственно духов, даже святых Ангелов: это видение одно, само по себе, нисколько не служит свидетельством о достоинстве видевших: к нему способны не только порочные человеки, но и самые бессловесные животные[58].

Святые отцы предпочитали всякое духовное видение видению чувственному. Великий наставник иноков, святой Исаак Сирский, сказал: «Сподобившийся увидеть себя выше сподобившегося видеть Ангелов: ибо последний входит в общение очами телесными, а первый – очами душевными»[59]. Те преподобные иноки, которые сподобились обильного виде-

ния духовного, обиловали духовным рассуждением и другими возвышеннейшими дарованиями Святого Духа: скудны были ими те преподобные отцы, которые за простоту свою и чистоту удостоены были одного чувственного видения духов. Преподобный Даниил Скитский поведал о некотором старце весьма строгой жизни, жившем в Нижнем Египте, что он говорил по неведению: «Мельхиседек, царь Салимский, упоминаемый в бытейской книге[60], есть Сын Божий». Это было передано блаженному Кириллу, архиепископу Александрийскому. Кирилл пригласил к себе старца, который совершал знамения, которому Бог открыл то, о чем просил старец. Архиепископ поступил очень благоразумно. Он сказал старцу: «Авва! Помолись за меня. Один помысл говорил мне, что Мельхиседек есть Сын Божий, а другой помысл говорит: нет! Он человек и архиерей Божий. Я колеблюсь, которому из этих помыслов поверить. По этой причине и пригласил тебя. Помолись Богу, чтоб Бог возвестил тебе это откровением». Старец, уповая на свое жительство, отвечал с решительностью: «Дай мне сроку на три дня: я попрошу Бога об этом, и возвещу тебе, кто Мельхиседек». По прошествии трех дней старец пришел к архиепископу и говорит ему: «Мельхиседек – человек». Архиепископ отвечал: «Как ты узнал, отец?» Старец: «Бог показал мне всех патриархов, от Адама до Мельхиседека. При этом Ангел сказал мне: вот Мельхиседек. Будь уверен, что это так». Возвратившись в келью, старец уже сам собою проповедовал всем, что Мельхиседек человек, а не Сын Божий. Святой Кирилл возрадовался о спасении брата, который, несмотря на то, что совершал знамения и получал откровения от Бога, был в общении со святыми Ангелами и с душами отшедших святых, – погибал от усвоения себе богохульной мысли, не понимая своего душевного бедствия[61]. Подобное случилось с некоторым святым пресвитером первых веков христианства. По причине чистоты и незлобия он, при служении Божественной литургии, постоянно сподоблялся видеть Ангела, который стоял близ его. Посетил пресвитера странник диакон. Пресвитер предложил диакону совершить с ним бескровное жертвоп-

риношение. Когда они начали священнодействовать, диакон заметил пресвитеру, что он при молитвах произносит слова, в которых заключается еретическое богохульство. Поразило пресвитера замечание. Он обратился к Ангелу, который тут присутствовал и спросил его: «Справедливы ли слова диакона?» Ангел отвечал: «Справедливы». – «Почему же, – возразил пресвитер, – ты, находясь при мне столько времени, не сказал мне этого?» – «Богу угодно, – отвечал Ангел, – чтоб человеки наставлялись человеками». Постоянное общение с Ангелом не препятствовало святому пресвитеру коснеть в погибельном заблуждении.

Видение чувственными очами духов приносит всегда больший или меньший вред тем человекам, которые не имеют духовного видения. Здесь, на земле, образы истины перемешаны с образами лжи[62], как в стране, в которой перемешано добро со злом, как в стране изгнания падших ангелов и падших человеков. В эту страну нисшел Богочеловек для спасения человеков; в эту страну прежде вочеловечения Бога Слова святые Ангелы нисходили к людям, как к существам падшим, но получившим обетование спасения; в эту страну, по вочеловечении Бога Слова, нисходят святые Ангелы для вспоможения людям, израбатывающим свое спасение: но в этой же стране постоянно жительствуют и человеки, произвольно пребывающие в своем падении, и падшие ангелы, закосневшие и утвердившиеся в своем падении, во вражде к Богу. Как люди, возлюбившие свое падение, свою греховность, употребляют все меры, чтоб привлечь всех человеков в свое направление, так в особенности заботятся об этом падшие духи. Они совершают дело погубления человеков с несравненно большим успехом, чем злонамереннейшие люди. Повреждение человеков заключается в смешении в них добра со злом; повреждение падших духов заключается в полном преобладании зла, при совершенном отсутствии добра. Способности падших духов далеко превосходнее способностей падших человеков, которые связаны в своих начинаниях самой тяжестью и дебелостью своего тела. Демоны свободно и быстро обтекают вселенную, сво-

бодно совершают и такие дела, которые вовсе невозможны для человеков[63]. Люди должны поневоле удовлетвориться той опытностью во зле, которую они стяжают во время краткой земной жизни; их злые намерения уничтожаются сами собою в тот час, когда они поневоле оставляют поприще земной жизни, будучи востребованы на суд Божий и в вечность. Демонам, напротив того, предоставлено пребывать на земле со времени их окончательного падения[64] до кончины мира: всякий легко может представить себе, какую опытность в творении зла стяжали они в такое продолжительное время, при их способностях и при постоянной злонамеренности, нисколько не растворенной никаким благим стремлением или увлечением. Если они и притворяются благонамеренными, то это единственно с целью вернее успеть в злом намерении. Для благонамеренности они вовсе не способны. Видящий чувственно духов легко может быть обманут в свое повреждение и погибель. Если же он, при видении духов, окажет доверенность к ним, или легковерие, то он непременно будет обманут, непременно будет увлечен, непременно будет запечатлен непонятною для неопытных печатью обольщения, печатью страшного повреждения в своем духе, причем часто теряется возможность исправления и спасения. Со многими, с весьма многими, это случалось. Случилось это не только с язычниками, которых жрецы были по большей части в открытом общении с демонами; случилось это не только с многими христианами, не знающими тайн христианства, и по какому-нибудь обстоятельству вступившими в общение с духами – случилось это с многими подвижниками и иноками, не стяжавшими духовного видения духов и увидевшими их чувственно.

Одним только христианским подвижничеством доставляется правильный, законный вход в мир духов. Все прочие средства незаконны и должны быть отвергнуты, как непотребные и пагубные. Истинного Христова подвижника вводит в видение Сам Бог. Когда руководит Бог, тогда отделяются призраки истины, в которые облекается ложь от истины; тогда даруется подвижнику, во-первых, духовное видение духов, подробно и

с точностью обнаруживающее пред ним свойства этих духов. Уже после этого даруется некоторым подвижникам чувственное видение духов, которым пополняются познания о них, доставленные видением духовным. Злые духи связываются в своих действиях по отношению к подвижнику Христову властью и премудростью руководящего им Бога, и, несмотря на то, что дышат особеннейшей злобой на служителя Божия, они не могут причинить ему того зла, какое бы желали. Наносимые ими напасти содействуют его преуспеянию[65].

Подробное, существенно нужное учение о духах злобы излагает преподобный Антоний Великий в поучении, которое он произнес ученикам своим. Учение это Антоний Великий заимствовал из собственных святых опытов, из обильно-благодатного состояния своего; свидетельствуется оно Священным Писанием. Антоний имел видение духов и чувственное, и духовное. То и другое видение достигли в нем высшей степени развития. По самоумерщвлению, по глубоко безмолвной жизни, по *житию на небесех*[66], куда возводил его обитавший в нем Святой Дух, Антоний, находясь еще в теле, уже как бы принадлежал к духам[67]. Постоянно находился он то в общении со святыми Ангелами, то в борьбе с демонами[68]. Наставление произнесено отшельникам – инокам, весьма преуспевшим, каковы были ученики Великого. Чувственное видение духов есть принадлежность отшельнической жизни; с общежительными иноками бесы сражаются наиболее невидимо, принося им греховные помыслы, мечтания, ощущения, очень редко являясь чувственно. Антоний Великий, достаточно обучив преподобного Павла Препростого иноческой жизни, устроил для него отшельническую келью в значительном расстоянии от себя и ввел в нее святого ученика своего, сказав ему при этом: «Вот! Благодатью Христа, даровавшего помощь, ты изучился монашеской жизни: отныне пребывай наедине, чтоб стяжать опытность в борьбе с демонами»[69].

«Писание заповедует, – говорил Антоний Великий[70], – чтоб мы *всяцем хранением блюли свое сердце*[71]. Врагов имеем страшных и коварных[72], то есть лукавых демонов, с ними предлежит

нам сражение, как говорил апостол: *несть наша брань к крови и плоти, но к началам и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[73]. Великое множество их находится в объемлющем нас воздухе; они недалеко от нас; господствуют между ними великое несогласие[74]. О природе и разнообразии их многое могут сказать другие, превосходящие нас в духовном преуспеянии, а нам настоит особенная нужда знать употребляемые ими против нас козни».

«Во-первых, мы должны быть убеждены в том, что демоны называются демонами не потому, чтоб они были созданы в настоящем их устроении. Бог не создал ничего такого, что, само по себе, было бы злым. Демоны созданы благими. Впоследствии, отпавши от небесной мудрости, низверженные на землю, они обольстили язычников привидениями. Пламенея ненавистью к нам, христианам, они употребляют все средства к возбранению нам доступа на небеса, чтоб мы не взошли туда, откуда они ниспали. Нужна усиленная молитва, нужен великий подвиг, чтоб те, которым они являются, получив действием Духа благодать рассуждения, могли узнавать их. Некоторые из них менее злобны, другие более злобны; но у всех – одно стремление: разными способами устроять для нас падение и погибель. Многообразна их хитрость; многообразны приемы к приуготовлению козней[75]. Конечно, блаженный апостол с последователями своими знал это с точностью. *Не неразумеваем бо умышлений его* (сатаны)[76]. Мы должны друг друга наставлять, заимствуя познание из тех искушений, которым подверглись от демонов; почему и я, как стяжавший некоторое опытное знание о духах, сообщаю его вам, чадам моим».

Если демоны увидят, что кто-либо из христиан, в особенности из монахов, начинает подвизаться и преуспевать, то приступают к нему, и тотчас же начинают полагать препятствия на пути его. Препятствия эти суть греховные помышления. Не должно приходить в смущение и недоумение от приносимых ими внушений: они немедленно уничтожаются молитвами, постами и верою в Господа. Но будучи отражены, демоны не престают от брани: злохитро и коварно приступают они снова.

Не успев обольстить сердце тайным действием при посредстве вожделений, они подступают иным путем и покушаются привести в испуг пустыми привидениями, принимая различные образы – то женщин, то зверей, то гадов, то величайших исполинов, то множества воинов. Но и этих привидений, показываемых ими, не должно страшиться: не имея никакого значения, они мгновенно исчезают, если кто потщится оградить себя верою и знамением креста. Впрочем, они дерзки и крайне бесстыдны: побежденные при одном способе борьбы, прибегают к другому. Они представляют себя одаренными пророчеством, способными предсказывать будущее. Они вытягиваются привидением в такую высоту роста, при великом объеме в ширину, что представляются прикасающимися к крышам домов. Так действуют они с той целью, чтобы обольстить дивами тех, кого не могли обольстить помыслами. Если же и при этом покушении они найдут душу укрепленной верой и надеждой, то наконец приводят с собой своего начальника»[77].

«Антоний говорил, что он часто видел диавола таким, каким открыл его Господь Иову в следующих словах: *Очи его – видение денницы. Из уст его исходят аки свещи горящыя, и размещутся яко искры огненнии. Из ноздрей его исходит дым пещи горящия огнем углия. Душа его, яко углие, и яко пламы из уст его исходят*[78]. Являясь таким, князь демонов, велеречивый и состарившийся во зле, старается, как я сказал, навести ужас, в чем обличает его Господь, говоря опять Иову: *вменяет железо, яко плевы, медь же аки древо гнило, мнит же море, яко мироварницу, и тартар бездны, якоже пленника, вменил бездну в прохождение* (вместо прогулки)[79]; чрез пророка: *гнав, постигну*[80]; через другого пророка: *вселенную всю обыму рукою моею, яко гнездо, и яко оставленная яица возьму*[81]. Таким образом, демоны хвастают и обещаются сделать то и другое, чтоб обмануть подвижников благочестия. Нам, верующим, не должно страшиться их привидений, не должно внимать их провозглашениям. Лгут они всегда, никогда не говорят ничего справедливого. Хотя диавол дерзко высказал о себе так многое[82], однако Господь извлек его как змея на уде, возложил на

него узду, как на рабочий скот, заковал в железный обруч, как беглого раба, продел в ноздри и губы его кольцо. Он связан Господом подобно воробью и предан нам в игралище. Вместе с ним низвержены его сообщники, демоны, как скорпионы и змеи, в попрание нам, христианам. Доказательством этого служит то, что мы самым образом жительства нашего боремся с диаволом, – и тот, кто похвалялся иссушить море и охватить вселенную, уже не может противостоять нашему подвижничеству, не может воспретить мне, говорящему против него. Не будем обращать никакого внимания на слова его, потому что он постоянно лжет! Не будем страшиться его привидений, не имеющих, всеконечно, никакого значения! Показываемый демонами свет – неистинный: скорее он – предзнаменование и предызображение приготовленного им огня: они усиливаются являться человекам в том пламени, в котором будут гореть. Точно – они являются, но исчезнут тотчас, не повредив никого из верующих, в самой же вещи явив только образ огня, в который они будут ввергнуты. Не должно страшиться их ни по какому поводу: благодать Христова соделала все покушения их против нас тщетными[83]. Демоны – лукавы; они способны принимать разные образы и виды. Часто представляются поющими псалмы, пребывая при этом невидимыми, и вспоминают слова Писания[84]. Очень часто, когда мы читаем, они тотчас повторяют прочитанное, подобно эху. Когда спим – они возбуждают нас на молитву, чтоб не дать нам вовсе успокоиться сном. Иногда, приняв вид монахов, как бы самых благочестивых, вступают в разговор, чтоб обмануть привидением одежды и образа, и обманутых увлечь, куда желают. Их никак не должно слушать, возбуждают ли они к молитве, увещевают ли, чтоб мы вовсе ничего не вкушали, обвиняют ли и обличают нас в грехах, которые знают за нами. Они делают это не с целью благочестия или добродетели, но с тем, чтоб привести простейших в отчаяние. Они представляют подвижническую жизнь бесполезною, внушают отвращение к монашеской жизни, как к невыносимо тягостной; они действуют с целью поставить всевозможные препятствия этой жизни»[85].

«Пророк, посланный Богом, объявляет о бедственном состоянии демонов, говоря: *Горе напаяющему подруга своего развращением мутным*[86]. Такие внушения и помыслы наветуют путь, ведущий к спасению. Когда демоны говорили правду – говорили они правду, когда говорили: *Ты еси Святый Божий*[87]. – Господь заключал им уста и повелевал молчать, чтоб они не примесили лукавства своего к правде и чтоб научить нас решительному недоверию к демонам, хотя бы они и говорили правду. Неприлично нам, имеющим Священное Писание и свободу, дарованную Спасителем, научаться от диавола, который не сохранил собственного чина и изменился по разуму, ниспадши от духовного к плотскому. По этой причине, когда диавол покушается говорить, Писание воспрещает ему это следующими словами: *грешнику рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя, и восприемлеши завет Мой усты твоими*[88]. Чтоб обмануть простейших, они прибегают ко всевозможным средствам, ко всевозможному притворству, многословят, шумят, приводят в смятение, производят стук, непомерно хохочут, свищут. Если не будет обращено на них никакого внимания, то они, наконец, начинают плакать и рыдать, как побежденные».

«Господь, как Бог, заключал уста демонов; нам же, наученным святыми, подобает подражать им, уподобляться им мужеством. Они, увидев что-либо такое, восклицали: *Внегда восстати грешному предо мною, онемех и смирихся, и умолчал от благ*[89]. И опять: *Аз же, яко глух, не слышах, и, яко нем, не отверзаяй уст своих: и бых, яко человек не слышай*[90]. Почему мы должны даже не внимать демонам, как чуждым нам, не слушаться их ни в чем, хотя бы они возбуждали к молитве, хотя бы поучали посту. Напротив того, будем твердо держаться постановлений нашего жительства, чтоб не быть обманутыми их действиями, которые все преисполнены злохитрости и злонамеренности. Нечего страшиться их, хотя бы они представлялись нападающими, хотя бы угрожали смертью: они немощны, могут только угрожать, не могут сделать ничего более»[91].

«Сказав доселе кратко об этом предмете, не остановлюсь сказать подробнее: такое поведение возведет нас к строжайшей

бдительности над собою. С пришествием Господа на землю пал враг, силы его сокрушились. Как низверженный тиран, не могущий сделать ничего, он никак не может оставаться спокойным, и, по крайней мере, угрожает словами. Каждый из вас должен знать это; каждый из вас, на основании этого знания, может презирать демонов. Если бы они были связаны такими телами, какими связаны мы, то без сомнения могли бы сказать: «мы не находим человеков, потому что они скрываются; если бы мы находили их, то вредили бы им; также мы могли бы, замкнувши двери, скрываться от них подобно тому, как они скрываются от нас». Но положение их совсем не таково: они могут входить при запертых дверях, могут, как они, так и начальник их диавол, свободно действовать в воздушном пространстве, – готовы к нанесению зла и вреда; диавол, как сказал Господь, *человекоубийца бе искони*[92]. Несмотря на это, мы живем, даже в противодействие ему установили наше жительство: из этого явствует, что демоны лишились всякой силы. Место не служит препятствием для их кознодейства; нет у них залога любви к нам, чтоб они щадили нас по причине любви; они – отнюдь не праведны и не благорасположены к нам, чтоб заботиться об исправлении нашем. Напротив того, они злонамеренны, и ни о чем столько не стараются, как о том, чтоб наносить вред подвижникам добродетели и благочестия. Не делают они ничего только по той причине, что ничего не могут сделать, могут только угрожать; они не могут воздержаться от зла, жаждут нанести нам всякий вред, имея к этому всецело направленную волю. Вот! Мы собрались и говорим против них; они знают, что соответственно нашему преуспеянию они приходят в изнеможение. Наверное, они не допускали бы жить никому из христиан, если бы имели на то власть – *благочестивая жизнь по Богу мерзостна для грешника*. Не имея никакой силы, они терзаются при виде, что не могут выполнить никакого замысла своего. Утвердимся в мысли, что отнюдь не должно страшиться их. Если бы они имели какую-либо власть, то не приступали бы с шумом, в разных привидениях, не устраивали бы ковов, изменяя образы; было бы достаточным одного из них, чтоб исполнить желаемое

им и возможное для него. Имеющий власть убить приступает не в пустом видении, не приводит в ужас шумом и мятежом, но действует свободно по власти своей. Напротив того, демоны, не имея никакой силы, разыгрывают как бы театральное представление, изменяя вид и приводя детей в ужас шумом и безобразными личинами своими: по этому самому они заслуживают презрения, как немощные. Истинный Ангел, посланный Господом против ассириян, не нуждался ни в шуме, ни в поразительной обстановке, ни в стуке, ни в плескании руками: спокойно действуя по данной власти, он убил в течении самого скорого времени сто восемьдесят пять тысяч воинов[93]. Не имеющие же никакой силы – каковы демоны – стараются лишь привести в ужас суетными привидениями».

«Может быть, кто-нибудь, на основании повести об Иове, спросит в опровержение сказанному: почему же диавол, вооружившись на этого праведного мужа, возмог сделать все: и отнял имущество, и убил детей, самого поразил смрадной проказой?[94] Да ведает вопрошающий, что это совершилось не силой диавола, но силой Бога, Который предал Иова диаволу для искушения. Диавол, и именно потому, что сам ничего не мог сделать, просил дозволения сделать сделанное им. Это событие служит основанием большого презрения к врагу, который хотя и желал, но не имел возможности действовать и против одного праведного человека: если бы имел, то не просил бы. Но он просил, просил не однажды, просил дважды: этим обличается его немощь и бессилие. Неудивительно, что он ничего не мог сделать Иову, когда не мог нанести вреда стадам его, без соизволения на то Бога. Даже над свиньями он не имел никакой власти, потому что демоны просили Господа, как написано в Евангелии, говоря: *повели нам идти в стадо свиное*[95]. Если они не имеют власти над свиньями, тем менее над людьми, сотворенными по подобию Божию». «Должно страшиться одного Бога: демонов должно презирать и нисколько не бояться. Чем настойчивее они действуют против нас, тем ревностнее мы должны принадлежать подвижничеству. Великое оружие против них – чистая жизнь и вера в Бога. Несомненно,

что они боятся пощения, бдений, молитв, кротости, сердечного безмолвия, презрения денег и суетной славы, смирения, любви к нищим, милости, благости, более всего благочестия во Христе[96], когда видят эти добродетели в подвижниках. По этой причине они употребляют все усилия, чтобы кто-либо не попрал их: они знают благодать, которую Спаситель дал против них верующим. *Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию*»[97].

«Итак, если демоны будут предсказывать будущее, – никто да не внимает им. Часто они предвозвещают за несколько дней пришествие братий, – и в самом деле братия приходят. Это делают демоны не для чего иного, как только для того, чтобы внушить доверенность к себе тем, которые внимают им, чтобы подчинить их постепенно своему влиянию и погубить. По этой причине не должно внимать им, должно отвергать слова их, когда они говорят, потому что мы нисколько не нуждаемся в них. Что удивительного в том, *что они, имея тела, более легкия, нежели каковы тела человеческия*[98] и, увидев кого-либо, отправившегося в дорогу, приходят прежде его и возвещают о нем? Таким образом едущие на лошадях могут предупреждать пешеходов: в этом отношении они нисколько не достойны удивления. Они ничего не знают такого, что еще не совершалось: один Бог знает все события прежде совершения их. Они же, увидев что-либо, извещают об этом, перебегая поспешно. Так многим возвещают они то, что делается между нами, то есть, что мы сошлись, что сговариваемся против них прежде, нежели кто-либо из нас, вышедши отсюда, мог бы пересказать об этом. Конечно, всякий проворный мальчик мог бы сделать это, предупредив идущего медленно. Сказанное мною надо так понимать. Если кто сбирается в дорогу из Фиваиды или из какой другой страны, то они не знают, пойдет ли он или не пойдет. Когда же увидят, что он пошел: то бегут вперед и предвозвещают пришествие его, и он, по прошествии немногих дней, точно приходит. Случается же отправившимся в путь возвратиться назад: тогда демоны оказываются солгавшими»[99].

«Таким же образом они нередко болтают о прибыли воды в реке: увидев, что пошли большие дожди в Эфиопии, и заключая из этого, что река выступит из берегов, они, прежде нежели вода дойдет до Египта, поспешно прибегают и возвещают о наступающем наводнении. Это могли бы возвещать и человеки, если бы имели ту *способность к быстрому движению*, какую имеют демоны. Каким образом телохранитель Давида[100], взошедши на высокое место, скорее усматривал приходящего человека, нежели тот, который стоял внизу; также каким образом тот из вестников, который предупредил прочих приходом, прежде их возвестил не о том, что еще не совершилось, но о том, что начало совершаться: таким образом и демоны предупреждают возвещением, единственно с целью обмана. Между тем, если по Промыслу Божию обстоятельства сложатся иначе, вода не прибудет, или путешественники не придут, тогда демоны окажутся солгавшими, а поверившие им обманутыми»[101].

«Так начались в древности оракулы (прорицалища) язычников; так язычники издревле были обмануты демонами. Но обману положен конец. Пришел Господь, низверг демонов и ухищрения их. Ничего не знают они сами по себе, но, как тати, сказывают то, что увидят у других. Правильнее сказать, они не столько предсказывают, сколько предугадывают. По этой причине, если бы они когда сказали и правду, то и тогда не заслуживают удивления. Опытные и искусные врачи, изучив какую-либо болезнь во многих больных, очень часто предсказывают о последствиях ее; и также кормчие и земледельцы, постоянно наблюдающие за состоянием воздуха, предсказывают ясную и пасмурную погоду, но приписывают эти предсказания отнюдь не Божественному откровению, а опытности и наглядности. По этой причине никто да не удивляется, если демоны, может быть, на основании подобной сметливости, скажут что-либо справедливо; никто да не подчинится влиянию их вниманием к ним. Какая может быть польза для слышащих, если они за несколько дней узнают имеющее случиться? Или какая нужда знать это, если и удастся узнать справедливо? Не доставляет такое знание никакого преуспеяния в добродетели, не служит

свидетельством святости. Никто из нас не призывается к суду за незнание будущего; никто из получивших это знание не признается блаженным, каждый даст ответ на суде в том, сохранил ли он веру, исполнял ли в точности заповеди».

«Не для того подъемлем мы многие труды, не для того проводим жизнь в подвигах, чтоб предузнавать будущее, но чтоб благоугодить Богу добродетелями. Должно прилежать молитве не для того, чтобы получить предвидение будущего; не в этом заключается награда подвижничества; нам должно просить Господа, чтоб Он помог нам одержать победу над диаволом. Если же мы желаем непременно стяжать предуведение будущего, то стяжем для этого чистоту ума. Имею убеждение, что душа, очистившись и восшедши в состояние естественное[102], делается прозорливою, и, действием Божественного откровения, может видеть дальше и более сокровенное, нежели сколько видит диавол. Таков был ум Елисея, который видел поступки Гиезия[103], совершенные вдалеке, также видел небесное воинство, посланное в защиту ему[104](Елисею).

«Итак, если демоны придут к вам ночью и начнут говорить о будущем, поведая о себе *мы – ангелы*, то не верьте им, они лгут. Если они будут восхвалять ваше жительство и вас называть блаженными, то не слушайте их, не обращайте внимания, даже не глядите на них, но немедленно знаменуйте себя и жилище ваше крестным знамением, обращайтесь к молитве и – увидите – они исчезнут. Они робки и чрезвычайно боятся знамения крестного: потому что Спаситель крестом лишил их силы и предал на позор. Если они будут действовать настойчиво и бесстыдно, скача и изменяя образы гнусных личин своих – не испугайтесь, не приходите в ужас, не вверяйтесь им, как бы благим. Очень скоро можно отличить, благодатью Божией, присутствие благих духов от присутствия злых. Явление святых духов не производит смущения в душе. *Не возопиет бо святый Ангел, ниже ослабит, ниже услышится вне глас его*[105]: он столько приятен, столько благ, что от зрения его является в душе веселье, радость, восторг[106]. Это оттого, что святым Ангелам соприсутствует Господь, Который наша радость, и си-

ла Бога Отца. Помышления души пребывают в спокойствии, чуждыми смущения; объемлет ее желание Божественных будущих благ; она желала бы навсегда пребыть в них и отойти отсюда со святыми Ангелами. Если же кто, как человек, устрашится явления благих Ангелов, то они немедленно отъемлют страх этот своей благостью. Так поступил Гавриил относительно Захарии[107]; так поступил Ангел, явившийся женам в гробе Господа[108], и тот, который сказал пастырям, упоминаемым в Евангелии: *не бойтеся*[109]. Страх в видевших родится не от возмущения души, но от присутствия и созерцания превосходного достоинства существ. Таковы признаки видения святых Ангелов».

«Напротив того, нашествие и привидение злых духов сопровождается шумом, стукотней, звуками и криком, подобно тому беспорядку, который производят неблаговоспитанные юноши и разбойники. От присутствия их является в душе страх, в мыслях смущение и недоумение, тоска, отвращение от подвига, леность, уныние, воспоминание о родственниках, боязнь смерти, потом греховные вожделения, охлаждение ревности к добродетелям, нравственное расстройство. Итак, если вы увидите кого-либо явившегося и вас обымет страх, но страх этот немедленно отымется и его заступят неизреченная радость, веселье, извещение, обновление души, мир помыслов и прочее вышеупомянутое, крепость души и любовь к Богу, то будьте спокойны и молитесь; радость и такое состояние души служат признаком присутствия святых духов. Так Авраам, увидев Господа, возрадовался[110]; так Иоанн *взыграл от радости*[111], когда Богоматерь Мария произнесла приветствие. Если же предстанет вам какое бы то ни было явление, сопровождаемое шумом, стукотней и обстановкой по обычаю мира, с устрашением смертью и при вышеперечисленных признаках, – знайте, что пришли духи лукавые».

«И следующее да служит для вас знамением их. Если страх не будет отступать от души, то это признак присутствия врагов. Демоны никак не отъемлют страха, как отъяли страх великий Архангел Гавриил, явившись Марии и Захарии, и Ангел,

явившийся женам в гробе Господа. Напротив того, демоны, увидев, что человек испугался их, усиливают привидение, чтоб поразить большим испугом, и наругаться, извлекши поклонение себе. Приступив, они говорят испуганным: *Простритесь, и воздайте поклонение*. Таким образом они обманули язычников и признаны ими за богов. Господь не попускает нам быть обманутыми демонами. Когда диавол приступил к Господу с подобными привидениями, то Господь запретил ему следующими словами: *иди за Мною сатано, писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послужиши*[112]. Посему мы должны более и более презирать этого лукавого, принимающего на себя разные виды. Сказанное диаволу Господом, сказано ради нас, чтобы демоны, слыша от нас эти слова, сокрушались силою Господа, Который запретил им этими словами».

«Не должно тщеславиться благодатною силой изгнания бесов, не должно превозноситься благодатным даром исцеления болезней. Не заслуживает удивления тот, кто изгоняет бесов, ни презрения тот, кто не изгоняет. Желающий правильно рассуждать о иноке да исследует образ подвига его. Совершение знамений есть дело Спасителя, а не наше: почему Он и сказал ученикам Своим: *О сем не радуйтеся, яко дуси вам повинуются, радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесех*[113]. То, что имена наши написаны на небесах, служит свидетельством нашей добродетели и богоугодной жизни, а сила изгнания бесов есть дар Спасителя. По этой причине славившимся чудотворением, а не добродетелью и говорившим: *Господи, Господи! Не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом?* – отвечал: *Аминь глаголю вам: не вем вас*[114]. Не ведает Господь путей, которыми идут нечестивые. Должно непрестанно молиться, как я уже сказал, о получении *дара рассуждения духов*, чтоб не вверяться *всякому духу*[115], как научает нас Писание».

«Теперь хотел было я замолчать и уже более не продолжать беседы, но, чтоб вы не подумали, что сказанное мною сказано наобум и уверились, что я поведал из знания, приобретенно-

го опытами, соделываюсь как *бы несмысленным*[116], продолжая слово. Господь, слышащий произносимое мною, знает чистоту сердечного намерения моего, что я не ради себя, а ради любви вашей и вашего назидания начинаю поведание об известных мне по опыту демонских кознодействиях. Сколько раз демоны называли меня блаженным, а я проклинал их во имя Господа! Сколько раз они предвозвещали мне прибыль воды в реке, а я отвечал им: «Какое вам дело до этого?» Однажды они приступили ко мне грозно, в подобии воинов, вооруженных разным оружием, намереваясь изрубить меня. В другой раз они, приняв вид лошадей, зверей и змей, наполнили дом мой. Тогда я повторял изречение псалма: *Сии на колесницех и сии на конех: мы же во имя Господа Бога нашего призовем*[117]. В то время, как я молился таким образом, Господь прогнал их. Однажды, в ночное время, они пришли ко мне, произведя привидение света и говоря: «Антоний! Мы пришли к тебе и принесли свет»; я, закрыв глаза, начал молиться, и немедленно угас свет нечестивых. Чрез несколько месяцев они пришли, воспевая псалмы и произнося изречения из Священного Писания: *аз же яко глух не слышах*[118]. Случилось, что они поколебали мое жилище; я, не смутившись, пребывал в молитве. После этого они опять приходили со стукотней, свистом и плясанием; но увидя, что я молюсь, и, лежа, совершаю умом псалмопение, они тотчас начали плакать и рыдать, как лишившиеся сил, а я воссылал славословие Господу, обуздавшему и извратившему их дерзость и свирепство».

«Однажды демон явился мне в привидении необыкновенной величины и осмелился сказать: «Я – Божия сила, я – Божие провидение: могу даровать тебе благо; чего ты хочешь?» Но я, призвав имя Христа, дунул на него и покусился подвергнуть его побоям; на самом деле представилось мне, что я подверг его побоям![119] Тотчас этот великан со всеми его демонами исчез. – Однажды, в то время, как я постился, диавол пришел ко мне, приняв на себя образ монаха; он как бы держал в руках хлебы и сделал мне следующее предложение: «Прекрати великое пощение твое и вкуси пищи: потому что ты – человек

и подвергаешься опасности впасть в болезнь. Поняв лукавство его, я встал на молитву: не вынесши этого, он исчез и в подобии дыма проник сквозь дверь. Сколько раз диавол представлял мне в пустыне привидение золота с тем, чтоб я хотя прикоснулся к нему или поглядел на него! Но я прибегал к оружию псалмопения и привидение пропадало. Многократно они жестоко били меня и покрывали ранами; но я восклицал: «Ничто не отлучит меня от любви Христовой»[120]. Тогда они кидались друг на друга и поражали друг друга. Не я укрощал и прогонял их: совершал это Господь, сказавший: *Видех сатану, яко молнию с небесе спадша*[121]. Чада мои! Помня изречение апостола, *преобразих сия на себе*[122], чтоб вы научились не упадать духом, протекая поприще подвижничества и не устрашиться привидений диавола и его демонов».

«Поведал я это, как несмысленный, выслушайте же и следующее, чтоб проводить вам жительство без страха и претковения. Веруйте моему нелживому сказанию. Однажды кто-то постучался в дверь моего уединенного жилища. Я вышел: предо мной стоял исполин высочайшего роста. Я спросил его: «Кто ты?» «Я – сатана», отвечал он. Опять спросил я: «Для чего пришел ты сюда?» Он отвечал: «Напрасно обвиняют меня монахи и все христиане! Напрасно не престают ни на час проклинать меня!» Я сказал ему: «Они делают это потому, что ты преследуешь их и не даешь им спокойствия». – «Не я, возразил он на это, но они сами смущают себя, а я окончательно потерял всю силу. Неужели они не читают: *Врагу оскудеша оружия в конец, и грады разрушил еси*[123]. В моем владении не осталось никакого места, ни страны, ни города. Повсюду принято христианство, а ныне и пустыни наполнились монахами. Пусть они наблюдают за собою и не обвиняют меня напрасно». Тогда, удивившись благодати Господа, я сказал демону: «Ты – ложь, всегда пребываешь ложью, и никогда не говоришь правды. Но ныне невольно сказал ты правду: потому что Христос пришествием Своим расслабил тебя, низверг и обнажил». Демон, услышав имя Спасителя и не терпя огня, исходящего из этого имени, исчез».

«Если сам диавол сознается, что он не имеет никакой силы; то, всеконечно, достоин презрения нашего он, достойны презрения и демоны его. Враг со псами своими прибегает к кознодейству, а мы, зная немощь его, должны презирать его. Не будем утруждать ума нашего размышлением, не будем рассматривать причин к испугу, не попустим себе усвоить помыслов боязни, говоря: Как бы демон, напавши на меня, не ниспроверг! Как бы он меня не поднял, и потом не ударил о землю! Или как бы внезапным нападением не перепугал меня! Никак не попустим себе таких помыслов; не попустим себе тоски, как бы долженствующие погибнуть. Напротив того, будем более и более утверждаться верою, исполняясь радости, как долженствующие наследовать спасение, содержа в памяти, что с нами Господь, обративший в бегство и сокрушивший демонов. Также будем помышлять и непрестанно памятствовать, что, доколе Господь находится с нами, дотоле враги не могут причинить нам никакого зла. Когда они придут к нам, то поступают относительно нас соответственно тому, какими найдут нас, и приноравливают свои привидения к помышлениям, которыми тогда мы будем объяты. Если они найдут нас в страхе и смущении, то вторгаются в это состояние наше, подобно ворам, нашедшим какое-либо место, никем не охраняемое. Что помышляем мы сами, то они стараются представить в преувеличенном виде. Если они увидят, что мы испугались и вострепетали, то они соответственно нашему состоянию испуга представляют привидения и страхования, и несчастная душа подвергается наказанию на самом деле за свое внутреннее состояние. Если же они найдут нас радующимися о Господе, размышляющими о будущих благах, утвержденными в мысли, что все – в деснице Божией, что демоны вполне немощны по отношению к христианам, что они ни в чем не имеют ни малейшей власти; если, говорю, они найдут душу огражденной таким оружием, то со стыдом отступают от нее. Враг нашел так вооруженным Иова и отступил от него; Иуду же он нашел без этого оружия и увлек в порабощение себе. Если хотим презирать врага, то да пребываем тщательно в Божественных по-

мышлениях, да пребывает душа постоянно в радости, производимой надеждой на Бога. Тогда будем вменять позорищные представления демонов за дым; будем видеть, что они более бежат от нас, нежели преследуют нас, потому что, как я выше сказал, они – чрезвычайно трусливы; их постоянно содержит в трепете, ожидаемый ими, приготовленный для них огнь геенны».

«И следующее нужно знать вам для вашей безопасности. Когда представится какое-либо видение, не допусти себе испуга, но каково бы то ни было это видение, мужественно спроси его, во-первых: *Кто ты и откуда?* Если то будет явление святых, то они успокоят тебя и страх твой обратят в радость. Если же явление диавольское, то оно, встретив в душе твердость, немедленно придет в колебание, потому что вопрос – *кто ты и откуда?* – служит признаком неустрашимой души. Сделав такой вопрос, Иисус Навин удостоверился в истине[124], а от Даниила не скрылся враг»[125].

Те из подвижников, которые не стяжали дара *рассуждения духов*, не усмотрели в себе своего падения, не поняли, что Христос для христианина – все, что должно отвергнуть самое добро падшего естества и отречься души своей, которые по этой причине способны к самомнению в большей или меньшей степени, – подверглись великим бедствиям и самой погибели от чувственного явления духов, последовавшего по поводу изнурения плоти телесными подвигами и вкравшегося в душу самомнения. Когда духи пленят или уловят человека в тайне сердца и ума его, тогда они удобно действуют снаружи[126]. Человек вверяется лжи, думая, что он доверяет чистейшей истине. Преподобный Исаак Сирский повествует: «Некто Асинас, уроженец города Едеса, сочинитель многих трилогий, которые поются и доныне, проводил высокое (по-видимому) жительство. Он безрассудно наложил на себя труднейшие подвиги с (тайной) мыслью получить известность. Его прельстил диавол: он вывел его из кельи, поставил на вершине горы, именуемой Сторий, и, предварительно получив его согласие, показал ему образ колесницы и коней, причем сказал: «Бог послал меня взять тебя в рай, как Илию». Асинас вдался в обольще-

ние по младенцеумию своему и взошел на колесницу: тогда разрушилась вся эта мечта, он низринулся с большой высоты, упал на землю и умер смертью, достойной плача и вместе смеха»[127]. Очевидно, Асинас погиб по недостатку духовного знания о падших духах, о таинстве искупления человечества Богочеловеком. При этом познании не имеет места в человеке самомнение, на котором были основаны казнь и обольщение. Страшному бедствию и по той же причине подверглись два киево-печерских затворника, святые Исаакий и Никита: первому явился демон в виде Христа, второму – в виде Ангела[128]. Вполне справедливы слова святого апостола Петра: *супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*[129]. Пожирает он немощных и младенцев по духовному разуму; не стыдится нападать и на великих угодников Божиих, надеясь и их обмануть и низложить в минуты душевного дремания или недостаточного бодствования над собой. Средство, которое диавол употребил столь удачно против Асинаса, он хотел употребить для сокрушения преподобного Симеона Столпника. У Асинаса он извлек предварительно согласие; Столпника он хотел уловить внезапностью, – погубить, отняв и время и возможность к рассмотрению приготовленного обмана. Он преобразился в светлого Ангела, – предстал с колесницей и конями огненными Симеону, стоявшему на возвышенном столпе. «Услышь, Симеон! – сказал он. – Бог неба и земли послал меня к тебе, как видишь, с колесницею и конями, чтоб взять тебя на небо, как Илию: ты достоин такой чести за святость жития твоего. Уже настал час твой, в который ты должен пожать плоды трудов твоих и принять венец доброты от руки Господа. Иди не медля, раб Господа, да видишь Творца твоего, да поклонишься Творцу твоему, создавшему тебя по образу Своему. Да узрят тебя ангелы и архангелы, пророки, апостолы, мученики, желающие тебя видеть». Когда искуситель говорил это и этому подобное – бесы многоглаголивы и велеречивы – преподобный не понял, что имеет дело с обольстителем. В характере святого была особенная простота и наклонность к беспрекословному повиновению, как это легко можно усмотреть при внимательном чтении его жизнеописания. Симеон сказал в ответ, обратясь к Богу: «Господи! Меня ли грешного Ты хочешь взять на небо?» С этими словами он поднял ногу, чтоб вступить в колесницу, а рукой сотворил на себе крестное знамение, от которого диавол и колесница с конями мгновенно исчезли[130]. Само собою разумеется, что, по причине этого искушения, Симеон еще более погрузился в смирение, еще более убоялся самомнения, которое, таясь в самой малой степени, едва не погубило его. Если святые находились в такой опасности быть обманутыми лукавыми духами, то для нас эта опасность еще страшнее. Если святые не всегда узнавали демонов, являвшихся им в виде святых и Самого Христа, то как возможно нам думать о себе, что мы безошибочно узнаем их? Одно средство спасения от духов заключается в том, чтобы решительно отказываться от видения их и от общения с ними, признавая себя к таким видениям и общению неспособными.

Святые наставники христианского подвижничества, просвещенные и наученные Святым Духом, постигая благодетельную и богомудрую причину, по которой души человеческие во время пребывания своего на земле прикрыты телами, как завесами и покровами, заповедуют благочестивым подвижникам не вверяться никакому образу или видению, если они внезапно представятся, не входить с ними в беседу, не обращать на них внимания. Они заповедуют при таких явлениях ограждать себя знамением креста, закрывать глаза и, в решительном сознании своего недостоинства и неспособности к видению святых духов, молить Бога, чтоб Он покрыл нас от всех козней и обольщений, злохитро расставляемых человекам духами злобы, зараженными неисцельной ненавистью и завистью к человекам. Падшие духи так ненавидят род человеческий, что, если бы им было попущено невидимо удерживающей их десницей Божией, то они истребили бы нас мгновенно[131]. Учение о вышесказанной осторожности и о спасительной недоверчивости к явлениям духов принято всей Церковью: оно есть одно из ее нравственных преданий, которое чада ее должны хранить тщательно и неупустительно. Святые Ксанфопулы говорят:

«Никогда не прими, если бы ты увидел что-либо чувственно или умом внутри или вне тебя, хотя бы то был вид как бы Христа, или Ангела, или какого святого, или мечтание света; но пребывай не веруя этому и негодуя об этом»[132]. В Прологе читаем о сем следующее наставление: «Некоторому монаху явился диавол, преобразившись в светлого Ангела, и сказал ему: Я – Гавриил; послан Богом к тебе». Монах отвечал: «Смотри: не к другому ли кому ты послан: потому что я, живя во грехах, недостоин видеть Ангела». Посрамленный этим ответом, демон тотчас исчез. По этой причине и говорят старцы: если и в самом деле явится кому Ангел, не прими его, но смирись, говоря: «Я, живя во грехах, недостоин видеть Ангела». Некоторый старец говорил о себе: «Пребывая и подвизаясь в келье моей, я видел бесов наяву, но не обращал на них никакого внимания». Диавол, видя, что он побежден, пришел однажды к старцу (преобразившись и в великом свете), говоря: «Я – Христос». Старец, увидев его, зажал глаза и сказал: «Я недостоин видеть Христа, Который Сам сказал: *мнози приидут во имя Мое, глаголюще, аз есмь Христос: и многи прельстят*»[133]. Диавол, услышав это, исчез; старец же прославил Бога. Сказали старцы: никак не желай видеть чувственно Христа или Ангела. Чтобы тебе окончательно не сойти с ума, приняв волка вместо пастыря и воздав поклонение врагам твоим, бесам[134]. Начало обольщения ума – тщеславие: увлекаемый им подвижник покушается образами и подобиями представить себе Божество. И это тебе должно знать, что иногда бесы разделяются на части: сперва одни приходят в своем виде, потом другие – в виде Ангелов, как бы в помощь тебе»[135]. Преподобный Григорий Синаит в наставлениях своих безмолвнику говорит: «Хочу, чтоб ты имел точное понятие о прелести, чтоб тебе охранить-ся от нее, чтоб ты, в неведении, устремившись (ко лжи, прикрытой личиной добра), не получил величайшего вреда и не погубил души твоей. Самовластие человека (свободная воля) удобно преклоняется к общению с сопротивными (с падшими духами), особливо самовластие неимеющих духовного знания (разума), как находящихся под постоянным влиянием их (духов). Бесы близки к новоначальным и самочинным, окружают их, распростирая сети помыслов, рвы падений и мечтаний пагубу: ибо град их (ум и сердце новоначальных и самочинных) находится в обладании варваров. И не должно удивляться, если кто прельстился или сошел с ума, принял или принимает прелесть, или видит что противное истине, или говорит неподобающее от неопытности и неразумия. Неудивительно, если кто новоначальный обманут обольщением и по многих трудах: ибо это случалось со многими древними и нынешними подвижниками. Ты никак не прими, если увидишь что чувственно или умом, вне или внутри себя, будет ли то образ Христа или Ангела, или какого святого, или если возмечтается и изобразится воображением в уме свет: ибо и самому уму свойственна по естеству мечтательность, и он удобно составляет образы, какие желает, что обычно невнимающим себе строго, и чем они наносят вред самим себе… Часто попущенное Богом для доставления венца многих повредило: ибо Богу благоугодно, чтоб самовластие наше было испытано, куда оно преклонится. Если кто будет принимать, без вопрошения знающих, то, что он увидит умом или чувственно, тот удобно прельщается или склонен к прелести, как легковерный… Немалого труда потребно, чтобы достигнуть точно истины и соделаться чистым от всего, противного благодати: ибо диавол обыкновенно показывает прелесть свою новоначальным во образе истины, преобразуя свои злохитрости как бы в нечто духовное. Почему, желающий достигнуть чистой молитвы в безмолвии, должен шествовать во многом трепете и плаче, всегда плакать о своих грехах, печалясь и боясь, чтоб ему не отпасть от Бога, не подвергнуться отлучению в этом или будущем веке. Диавол, когда увидит кого живущего плачевно, не пребывает там. Боясь смирения, доставляемого плачем. Если же кто, водясь самомнением, мечтает достигнуть в нечто высокое и стяжал ревность, исходящую от сатаны, а не истинную: того сатана удобно опутывает своими сетями, как своего слугу. По этой причине великое оружие – совокуплять с молитвой и плач… Жительствующие же дерзостно и водящиеся своими разуме-

ниями удобно повреждаются… Человек нуждается во многом рассуждении (т. е. в духовном разуме), чтоб стяжать различие добра от зла. Не вдавайся скоро и легкомысленно явлениям, но, пребывая тяжек, удерживай доброе по многом испытании, а лукавое отвергай: ибо ты обязан испытывать и рассуждать, и тогда уже веровать (тому, что окажется достойным веры). Знай, что действия благодати явственны. Их подать диавол, хотя и преобразуется, не может; не может подать ни кротости, ни тихости, ни смирения, ни ненавидения мира, не утоляет сластей и страстей, что все – действие благодати. Действие же, истекающее от диавола, есть дмение, высокомудрие, страхование и все виды злобы. От действия (произведенного на душу твою) можешь познать воссиявший свет в душе твоей, от Бога ли он, или от сатаны»[136]. Вообще же и помыслы, и сердечные ощущения, и чувственные явления бесовские познаются по плодам их, по производимому ими действию в душе. Как и Спаситель сказал: *От плод их познаете их*[137]. Смущение, недоумение суть верные признаки помыслов, ощущений и явлений бесовских. Но и по этим признакам может познать искусителя только обучивший в течении долгого времени чувства своего духа к различению добра от зла[138]. Преподобного Елеазара Анзорского посетил однажды святой апостол Павел и сообщил ему некоторое таинственное учение. На другой день предстало преподобному точно такое же явление. «Я плюнул ему в лице, – пишет Елеазар в своих записках, – и сказал ему: поди прочь, обольститель, с обольщениями твоими! Потому что я ощутил его сердцем моим»[139]. Вот образец действия чувств, обученных различению добра и зла! Точно также обличил преподобный Пахомий Великий диавола, представшего ему в образе Христа[140]. Но для неопытных и новоначальных единственное средство к избежанию обмана, повреждения и погибели заключается в решительном отречении от всякого видения, по совершенной неспособности к правильному суждению о нем.

Какая причина ужасного лицемерства духов, лицемерства ужасного и по началу своему и по последствиям? Причина – очевидна. Всего яснее можем рассмотреть ее в самих себе: по-

тому что человек участвует в падении отверженных ангелов, и если последует злым внушениям, приносимым ими возникающим из падшего естества, то делается подобным демону. В числе свойств нашего падения мы замечаем сопутствующее всем беззакониям человеческим желание скрыть преступление и оправдать себя. Так поступили Адам и Ева по нарушении заповеди Божией[141], так поступил первенец их Каин по убиении брата своего, Авеля[142]. Чем дальше человек от исправления и добродетели, тем сильнее и утонченнее в нем стремление прикрывать себя лицемерством. Намеренные, отчаянные злодеи обыкновенно бывают вместе и бессовестнейшими лицемерами. Закрытые личиной лицемерия, закрытые личиной добродетели и святости, они приготовляют и совершают величайшие злодеяния. Чем искуснее сочинена личина, тем удачнее выполняется злодеяние. Личиной лицемерства прикрываются и падшие ангелы. Они – отчаянные, постоянные, неисправимые злодеи – злодействуют, наиболее принимая вид святых ангелов, пророков, мучеников, апостолов, Самого Христа. Они стараются сообразоваться с обстоятельствами, с образом мыслей человека, с наклонностями, с впечатлениями, им полученными. Некоторым подвижникам они представляют груды золота и серебра, также и прочие предметы роскоши и земного великолепия, с целью найти отголосок мечте в душевной страсти корыстолюбия и любоимания, если она таится в душе; другим подвижникам с подобной же целью представляют трапезы с обильными яствами и питиями; иным – обширные залы, оглашаемые музыкой, с толпами играющих и танцующих; иным являются в виде женщин, возбуждающих вожделение и собственной красотой, и искусственными украшениями. Когда падшие ангелы захотят низложить кого-либо страхом: тогда являются в виде зверей, в виде палачей, в виде тюремной и градской стражи, в виде воинов со сверкающим оружием, с пылающими факелами, – преимущественно же в виде лиц, которые когда-либо возбуждали в подвижнике страх. Иных они старались обольстить пением, будто бы ангельским, – гармонической музыкой, будто бы небесной. Иных покушались ввести

в заблуждение гласами и прорицаниями, как бы божественными. Иным они являлись в виде отсутствующих родственников и знакомых; иным являлись в каком-либо виде, свойственном человекам, уговаривая видящих, чтоб они не сомневались в них, не подумали, что они – отверженные духи, стараясь уверить, что они человеческие души, которых участь еще не решена и которые по этой причине блуждают по земле, не обретши себе пристанища; при этом они сочиняют какую-нибудь интересную сказку, способную возбудить любопытство в легкомысленных и привлечь их доверенность ко лжи, представив ее чистейшей и святой правдой. Последний способ обольщения особливо употребляется духами в наше время. Блуждающим душам доверяют и те, которые не верят в существование злых духов. Злым духам это-то и надо: тати и убийцы тогда именно могут совершать и предпринимать все злодеяния, когда те, против которых направлена их злоба, даже не верят их существованию. «Отовсюду – говорит преподобный Макарий Великий – вражьи козни, обманы и злоковарные действия весьма осмотрительно примечати должно. Ибо якоже Дух Святой чрез Павла *всем вся бывает, да вся приобрящет*[143], тако и лукавый дух чрез злобу всем вся старается быти, да всех низведет в пагубу»[144].

Человек произвольно отверг общение с Богом и святыми Ангелами, произвольно вступил в общение с злыми духами, в один разряд с ними, в разряд существ, отверженных Богом, враждебных Богу, подчинился злым духам. Спасение падшему человеку даровано туне Богом; но предоставлено на произвол принять или отвергнуть это спасение. Ему дана возможность, дана благодатная сила исторгнуться из разряда падших духов, свергнуть иго их; но предоставлено на произвол и оставаться в прежнем состоянии общения с ними, порабощения им. Для человеков неизбежны или плен, или борьба. Благочестивый подвиг есть не что иное, как деятельное принятие спасения, как явление нашего произволения, показываемое и доказываемое самым опытом, самой жизнью. Весьма естественно, что падшие духи стараются удержать нас в своем плене и об-

щении, когда мы захотим расторгнуть общение, освободиться из плена; а нам необходимо доказать наше искреннее желание свергнуть их иго приведением в действие всех зависящих от нас средства к тому. Вступая подвижничеством в мир духов для приобретения свободы, мы встречаемся, во-первых, с духами падшими. Хотя втайне руководит нас, вспомоществует нам и поборствует за нас Божественная благодать, данная нам при святом крещении, без которой борьба с духами и освобождение из плена их невозможны; однако, сначала мы бываем окружены ими, и, находясь, по причине падения, в общении с ними, должно насильственно для себя и для них исторгнуться из этого общения. По причине падения нашего естества в нас перемешаны добрые и правильные помышления и ощущения с помышлениями злыми и ложными. По причине смешения со вторыми и первые непотребны. Падшие духи стараются удержать нас в состоянии нашего падения, в котором мы по необходимости находимся в порабощении у них, и потому приносят нам греховные помышления и мечтания такие, которым сочувствует и которыми наслаждается наше падшее естество, или такие, в которых зло, отвергаемое даже падшим естеством, прикрыто личиной добра и истины. Действуя таким образом, чрез помыслы и мечтания, духи действуют точно также, когда начнут являться чувственно. Общий порядок иноческого христианского подвижничества состоит в том, что инока, по вступлении его в подвиг, встречают и окружают падшие духи, сперва действуют против него помыслами и мечтаниями, а потом и чувственным образом. Это ясно видно из жизнеописаний Антония, Макария, Пахомия Великих, Марка Фракского, Марии Египетской, Андрея Христа ради юродивого, Иоанна Многострадального и всех прочих святых подвижников. Сперва они должны были бороться с помышлениями, мечтаниями и ощущениями явно греховными и прикрыто греховными; уже по прошествии долгого времени, после многих и постоянных усилий, ниспосылались им помышления и ощущения святые. Когда они достигли чувственного видения духов, то сперва встретили их полчища ангелов отвержен-

ных, а потом уже, после лютой борьбы, приближались к ним и входили в общение с ними святые Ангелы, как с отвергшими деятельно первое общение и деятельно показавшими способность ко второму общению. Этот порядок в подвижничестве явил нам Собою Господь Иисус Христос, Спаситель наш, восприявший все наши немощи, кроме греха: сперва предстал Ему в пустыне искуситель диавол, потом, уже по побеждении диавола Господом, святые Ангелы приступили к Господу *и служаху Ему*[145], говорит Евангелие.

Юным инокам, не стяжавшим достаточного познания духов из невидимой брани с ними в помыслах и ощущениях, опытные наставники монашества воспрещали усиленный подвиг поста, бдения, затвора, при каковых подвигах духи скоро начинают являться чувственно и удобно могут обмануть подвижника к его повреждению и погибели[146]. К открытой борьбе с бесами способны весьма немногие, даже из иноков: способны из них те, которые стяжали о духах подробное познание в невидимой брани с ними, обучили сердечные чувства различению добра от зла при посредстве духовного ощущения, которых подвиг осенен Божественной благодатью[147]. Единственный правильный вход в мир духов – христианское подвижничество. Единственный правильный вход к чувственному видению духов – христианское преуспеяние и совершенство. Вводит в это видение тех, которые должны взойти в него, Сам Бог. Вторгающийся в чувственное видение духов самопроизвольно, поступает неправильно, незаконно, в противность воле Божией: невозможно такому избежать обмана и следующих за обманом самообольщения и повреждения. Самое намерение его имеет своим началом обман и самообольщение.

О ДУХОВНОМ ВИДЕНИИ ДУХОВ

Гораздо менее стеснительна для человека ограниченность его чувственного видения, слепота по отношению к первобытному зрению, произведенная падением, нежели произведенная этим же падением слепота духа[148]. Какая это слепота духа?

Что за слепота духа? Спросят в особенности мудрецы мира, и, не ожидая ответа, немедленно назовут пустословием и нелепостью возвещение о слепоте человеческого духа, о смертности его. Такова эта слепота! Ее безошибочно можно назвать и смертью. *Еда и мы слепы есмы?*[149] Говорили слепые и надменные фарисеи Господу. Неощущение слепоты не есть признак зрения. Падшие человеки, не хотевшие сознать слепоты своей, остались слепыми, а слепорожденные, сознавшие слепоту свою, прозрели о Господе Иисусе Христе[150]. Постараемся при свете Святого Духа усмотреть слепоту нашего духа.

Слепотою поражены наши ум и сердце. По причине этой слепоты ум не может различать истинных помыслов от ложных, а сердце не может различать ощущений духовных от ощущений душевных и греховных, особливо когда последние не очень грубы. По причине слепоты духа вся деятельность наша делается ложной. Как и Господь называл книжников (ученых) и фарисеев *буими и слепыми*[151], *вождями слепыми*, не входящими в Царство Небесное и не попущающими человеков входить в него.

При истинном духовном подвиге благодать Божия, насажденная в нас святым крещением, начинает исцелять нас мало-помалу от слепоты духа посредством умиления. В противоположность состоянию слепоты мы начинаем входить в состояние видения. Как в состоянии видения зритель – ум, то и видение названо святыми отцами видением умным, то есть умственным. Как состояние видения доставляется Святым Духом, то и видение названо духовным, будучи плодом Святого Духа. Этим оно различается от созерцания. Созерцание свойственно всем людям; каждый человек занимается созерцанием, когда захочет. Видение свойственно одним очищающим себя посредством покаяния; является оно не по произволу человека, но от прикосновения к духу нашему Духа Божия, следовательно по всесвятой воле Всесвятого Духа. Учение о духовных или умных видениях изложено с особенной ясностью и подробностью священномучеником Петром, митрополитом Дамаска[152].

Умиление есть первое духовое ощущение, доставляемое сердцу, осенившему его Божественной благодатью. Оно состоит из вкушения Богоугодной печали, растворенного благодатным утешением, и отверзает пред умом доселе невиденное им зрелище. От духовного ощущения является духовное видение, как Священное Писание говорит: *Вкусите и видите*[153]. От видения усугубляется ощущение. «От делания с понуждением рождается безмерная теплота, возгорающаяся в сердце от теплых помышлений, новоприходящих уму. Такое делание и хранение утончают ум теплотой своей и доставляют ему способность видеть. От сего рождаются теплые помышления, как мы сказали, во глубине души, что называется *видением*. Эти видения рождают (родившую его) теплоту. От этой теплоты, возрастающей от благодати видения, рождается изобильное течение слез»[154]. Доколе действует ощущение, дотоле действует и видение. С прекращением ощущения прекращается видение. Неведомо оно приходит, неведомо отходит, не завися от нашего произвола, завися от устроения. Врата в духовное видение – смирение[155]. Постоянное пребывание умиления сопровождено с постоянным видением. Видение есть чтение и приятие духом Нового Завета. С прекращением умиления прекращается общение с Новым Заветом, является общение с Ветхим; вместо преобладания в душе смирения, непротивящегося злу[156], является правосудие, усиливающееся исторгнуть око за око, зуб за зуб[157]. По этой причине преподобный Сисой Великий со стенанием говаривал: «Читаю Новый Завет, а возвращаюсь на Ветхий»[158]. Желающему постоянно пребывать в умилении и духовном видении, должно заботиться о постоянном пребывании в смирении, изгоняя из себя самооправдание и осуждение ближних, вводя смирение самоукорением и сознанием своей греховности пред Богом и человеками.

Первое духовное видение есть видение своих согрешений, доселе прикрывавшихся забвением и неведением. Увидев их при посредстве умиления, подвижник немедленно получает опытное познание о предшествовавшей слепоте духа своего, при которой существующее и существовавшее представля-

лось ему вовсе не существовавшим и не существующим. Это существующее при отступлении умиления опять скрывается в небытие и снова представляется не существующим. При появлении умиления оно опять является. Подвижник опытно переходит от сознания грехов своих к познанию своей греховности, которой заражено естество его, к познанию страстей или разнообразных недугов естества. От видения своего падения он переходит постепенно к видению падения, которым объято все естество человеческое. Затем открывается ему постепенно мир падших духов; он изучает их в своих страстях, в борьбе с ними, в приносимых духами помыслах, мечтаниях и ощущениях. Отъемлется от него обольстительное и обманчивое воззрение на земную жизнь, доселе представлявшуюся ему бесконечной: он начинает видеть грань ее – смерть; он начинает восхищаться, то есть переноситься духом, ощущением к самому часу смерти, к часу нелицеприятного суда Божия. Из своего падения он усматривает необходимость Искупителя, а прилагая заповедания Господа к своим недугам и усматривая целительное и животворное действие этих заповедей на недуги и на страждущую душу, стяжает живую веру во Евангелие и начинает жизнью исповедовать Евангелие. В Евангелии, как бы в зеркале, еще яснее видит и падшее естество свое, и падение человечества, и лукавых духов. Ограничиваемся исчислением этих видений, как существенно нужных и скоро соделывающихся доступными для тщаливого инока; исчисление заключим словами преподобного Максима Исповедника: «невозможно уму (т. е. духу) достигнуть бесстрастия от одного деяния (т. е. от одних телесных подвигов), если не *приемлют* его многие и различные видения[159]. Слово *приемлют* показывает, что эти видения не суть, как созерцания, произвольные состояния или сочинения ума; можно слово *приемлют* перевести словом *посетят*. Весьма естественно духу нашему стяжание бесстрастия, когда ощущения падшего естества заменяются ощущениями духовными, последующими и сопутствующими умилению, а разум естества падшего заменится духовным разумом, образующимся из понятий, доставляемых духовными

видениями. Чтоб отвлечь нас от жительства по евангельским заповедям, от христоподражательного смирения, от умиления, от духовного видения, от освобождения из рабства страстей или от бесстрастия, от воскресения душой, чтобы удержать в слепоте, в смерти, в плену у себя, падшие духи ведут с подвижниками ожесточенную брань. В этой брани истощают всю свойственную им злобу, все свойственное им лукавство. Лукавство и злоба названы здесь свойственными падшим духам не потому, чтоб они даны им были при сотворении – нет! Падшие духи были сотворены добрыми, чуждыми зла, как мы это уже знаем из учения Антония Великого – потому что они произвольным падением своим усвоили себе зло, соделались чуждыми добра. Повторяем сказанное выше: падение человеков состоит в смешении добра со злом; падение демонов – в полном отвержении добра, в полном усвоении[160]. *Ко всем заповедям Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех*[161], говорит Святой Дух о руководстве Своем человека ко спасению: так, в противоположность этому, дух злобы противодействует всякой заповеди Нового Завета, ненавидит всякий образ Богоугодного жительства. Но в этом-то противодействии евангельским заповедям, в содействии всем греховным наклонностям, изучаются подвижником благочестия падшие духи, усматриваются им, познаются: при познании духов, приобретенном этим средством, чувственное видение духов, если оно допустится, только пополняет познание. Точно таким образом получается познание о человеке: существенное познание человека приобретается изучением его образа мыслей и чувствований, его образа действий; чем такое изучение будет подробнее, тем познание делается определеннее. Знакомством лицом к лицу пополняется это познание; одно личное же знакомство не имеет почти никакого значения в отношении к существующему знанию человека.

Падшие духи действуют на нас различными помыслами, различными мечтаниями, различными прикосновениями. В этих действиях своих они усматриваются и изучаются. О всех этих действиях упоминает Священное Писание. Святое

Евангелие изображает диавола сперва вложившим в сердце Иуды Искариотского мысль о предании Богочеловека[162], потом взошедшим в Иуду[163]. Из Евангелия явствует, что Иуда имел наклонность к сребролюбию[164] и, вопреки заповедям Господа, начал удовлетворять влечениям этой страсти, прикрываясь благовидным, но в сущности лукавым попечением о нищих. На основании этой страсти диавол начал внушать ему мысль о предательстве; когда Иуда усвоил диавольскую мысль себе и решился привести ее в исполнение, тогда диавол вполне возобладал им. «Смотри, – говорит блаженный Феофилакт, – взошел в него сатана, то есть взошел в самое сердце, объял душу. Прежде он стужал ему извне страстью сребролюбия: ныне окончательно овладел им». Страшно согласиться с помыслом диавольским; за такое согласие Бог отступает от человека, и человек погибает. Это случилось с Ананией и Сапфирой, упоминаемых в Апостольских Деяниях, которые, по принятому ими внушению диавола, согласились солгать пред Духом Святым, и немедленно по преступлении поражены были смертью. *Анания*, – сказал святой апостол Петр, – *почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому, и утаити от цены села?*[165] Что мечтаниями искушает диавол человека, это видно из искушения диаволом Богочеловека: диавол показал Господу все земные царства и славу их *в часе времене*[166], то есть в мечтании. Ум наш имеет способность мышления и способность воображения; посредством первой он усваивает понятия о предметах, посредством второй усваивает себе образы предметов. Диавол, основываясь на первой способности, старается сообщить нам греховные помыслы, а основываясь на второй способности, старается запечатлеть соблазнительными изображениями. «Как малое и незлобивое дитя, – говорит святой Исихий, – видя какого-либо фокусника, веселится и последует фокуснику по незлобию: так и душа наша, простая и добрая, будучи такой создана всеблагим Владыкой, увеселяется мечтательными прилогами диавола, – прельщаемая, прилепляется ко злу, как бы к добру, и перемешивет (соединяет) свои помыслы с мечтанием бесовского прилога»[167]. Мечтание бесовское действует на душу

очень вредно, возбуждая в ней особенное сочувствие к греху. Являясь часто, оно может произвести неизгладимое, пагубнейшее впечатление. О том, как действует диавол на человека чрез прикосновение, читаем в книге Иова[168] и в евангельской повести о женщине, которую связал сатана особенным странным недугом[169]. От прикосновений бесовских возбуждаются плотские страсти и порождаются болезни, на которые не действуют обычные человеческие врачевания. – Все эти образы бесовских устремлений на человека можно изучить, читая жизнеописания святых и отеческие сочинения, преимущественно составленные для назидания иноков. Но изучение из чтения очень недостаточно: для удовлетворительного познания необходимо изучение опытом. Когда же Божественною благодатью начнет очищаться дух человеческий, тогда он постепенно переходит от познания духов к духовному видению их. Это видение совершается умом и сердцем, даруется Духом Святым. Оно естественно уму и сердцу обновленным: так чувственное зрение естественно чувственному оку, которое видит не по причине научения, но по естественному свойству, а не видит только по случаю болезни, препятствующей естественному действию или прекращающей его.

Духовное видение духов совершается умом и сердцем. Обличает духов лукавых сердце; ум недостаточен для сего: ему не различить одними собственными силами образов истины от образов лжи, прикрытых образами истины. Духовное рассуждение основано на духовном ощущении, как и святой Исаак Сирин сказал: «Духовный разум есть ощущение живота вечного»[170], или как засвидетельствовали два ученика о своем ощущении и о значении этого ощущения при беседе с Господом, Которого они не узнали ни чувственными очами, ни по соображению умственному: *не сердце ли наше горя бе в нас, егда глаголаше* (Господь) *нама на пути, и егда сказоваше нама писания*[171]. Это-то сердце, свидетельствовавшее с верностью о Господе, свидетельствует с верностью и о духах, и искушает их, *аще от Бога суть*[172], или из царства тьмы и неприязни. Способно к такому свидетельству сердце, очищенное

покаянием, обновленное Святым Духом; но сердце, находящееся в плену у страстей и демонов, способно только к показаниям лживым и ошибочным. По этой причине преподобный Варсонофий Великий сказал иноку, вопросившему его о том, как различать помыслы, приходящие от Бога, от естества и от демонов: «То, о чем ты спрашиваешь, относится к людям, достигшим великой меры (духовного возраста). Если внутреннее око не будет очищено многими врачеваниями, то оно не может избавиться от терний и волчцов, и собрать гроздь винограда, укрепляющего и веселящего сердце. Если человек не достигает сей меры, то не может различать (этих помыслов), но будет поруган демонами и впадет в обольщение, поверив им: потому что они изменяют вещи как хотят, особливо для тех, которые не знают козней их»[173]. Далее в этом послании Великий отец говорит: «Помыслы, происходящие от демонов, прежде всего бывают исполнены смущения и печали и влекут вслед себя скрыто и тонко: ибо враги деваются в одежды овчие, то есть, внушают мысли по-видимому правые, внутренне же суть *волцы хищницы*[174], то есть восхищают и *прельщают сердца незлобивых*[175] тем, что кажется хорошо, а в самом деле зловредно. – Свет, происходящий от бесов, обращается впоследствии в тьму. Что ни услышишь, или помыслишь, или увидишь, и при этом хотя на волос смутится твое сердце – все это – не от Бога». В другом послании Великий сказал: «Знай, брат, что всякий помысл, которому не предшествует тишина смирения, не от Бога происходит, но явно от левой стороны. Господь наш приходит с тихостью; все же вражеское бывает со смущением и мятежом. Хотя (бесы) и показываются облеченными в одежду овчую, но будучи внутренне волками хищными, обнаруживаются посредством наводимого ими смущения: ибо сказано *от плода их познаете их*[176]. Да вразумит Господь всех нас, чтоб не увлечься (мнимой) их правдой»[177]. Заключим наше Слово духовно-мудрым наставлением преподобного Макария Великого: «Любителю добродетели, должно очень заботиться о стяжании рассуждения, чтоб он вполне мог различать добро от зла, чтоб мог исследовать и познавать разно-

образные демонские козни, которыми диавол имеет обычай развращать под видом добрых представлений уму. Полезно быть всегда осторожным для избежания опасных последствий. По легкомыслию не поддавайся скоро внушениям духов, хотя бы то были и Ангелы Небесные, но пребывай непоколебимым, подвергая все самому тщательному исследованию, и тогда, что усмотришь истинно-добрым, прими, а что окажется злым, то отвергни. Не неявны действия благодати Божией, которых грех, хотя бы и принял на себя вид добра, никак не может подать. Хотя, по апостолу, сатана и преобразуется во Ангела светлого[178], чтоб обольстить человека; но если бы и представлял светлые видения, то благого действия, как сказано, отнюдь подать не может, что и служит ясным его признаком. Он не может преподать ни любви к Богу и ближнему, ни кротости, ни смирения, ни радости, ни мира, ни обуздания помыслов, ни ненависти к миру, ни спокойствия духовного, ни вожделения небесных даров, ниже может укрощать страсти и похоти, что – явное действие благодати, ибо сказано: *Плод духовный есть любы, радость, мир* и прочее[179]. Напротив того, он удобно может сообщить человеку гордость и высокоумие, как очень способный к этому. Итак, ты можешь узнать воссиявший в душе твоей умный свет по действию его, от Бога ли он, или от сатаны. Впрочем и самой душе, если она имеет здравое рассуждение и может различать добро от зла, немедленно делается явным то и другое по разумному чувству (духовному ощущению). Как уксус и вино по внешнему их виду одинаковы, но по вкусу язык немедленно познает различие между ними, являя что**=**– уксус, и что**=**– вино: так и душа собственно своей силой, своим духовным чувством действительно может различить дарования Благого Духа от мечтаний лукавого»[180]. Сердце, осененное Божественной благодатью, воскресает в духовную жизнь, стяжает духовное ощущение, неизвестное ему в состоянии падения, в котором словесные ощущения человеческого сердца умерщвлены смешением с ощущением скотоподобными. Духовное ощущение или чувство со всей справедливостью называется разумным: потому что податель его – *Святый Дух,*

Свет и Живот, и Живый Источник Умный, Дух Премудрости, Дух Разума, Бог и Боготворяй[181]. *Вкусите и видите*[182], повторяем уже приведенное нами изречение Священного Писания. Духовное видение, от которого духовное рассуждение является от духовного ощущения[183]. *Совершенных*, говорит апостол, *есть твердая пища, имущих чувствия обучена долгим учением в рассуждение добра же и зла*[184]. Итак, духовное рассуждение есть достояние совершенных христиан; участвуют в этом благе значительно преуспевшие в благочестивом подвиге; чуждо оно новоначальных и неопытных, хотя бы они были по телесному возрасту и старцы.

Что ж делать новоначальным? – Вступая в иночество, они вместе с этим вступают в борьбу с духами; какими правилами они должны руководствоваться, чтобы не сделаться жертвой своего незнания, жертвой злобы и лукавства духов? – Святые отцы Православной Церкви отвечают на этот вопрос так: «Истинного рассуждения достигаем не иначе, как посредством истинного смирения, состоящего в том, чтобы мы открывали отцам не только то, что делаем, но и то, что помышляем, – чтоб мы ни в чем не верили своему помыслу, но во всем последовали словам старцев и признавали добром то, что они одобрят. Это делание не только удерживает инока в истинном рассуждении и на правом пути, но и предохраняет его от всех сетей диавольских. Невозможно управляющему свою жизнь по суду и совету преуспевших пасть от обольщения бесовского, ибо прежде нежели кто сподобится дара рассуждения, само то, что он являет и открывает отцам свои помыслы, увядает их и отнимает у них силу. Как змей, извлеченный из темной норы на свет, старается убежать и скрыться, так и лукавые помыслы, будучи обнаружены искренней исповедью и объявлением их, стараются убежать от человека»[185]. Откровение помыслов и руководство советом преуспевших отцев и братий было общим деланием древнего монашества. Оно – предание апостолов: *исповедайте друг другу,* говорит апостол Иаков, *согрешения и молитесь друг за друга яко да исцелеете*[186]; а апостол Павел поведает о себе, что он самым тщательным образом занимался

назиданием каждого христианина, старался каждого возвести в христианское совершенство, что так действовала в нем благодать Святого Духа[187]. Подобно сему поступали и святые наставники древнего монашества: будучи сосудами Святого Духа, они скоро возводили учеников своих к совершенству, соделывая их храмами Божиими. В этом со всей удовлетворительностью можно удостовериться из оставшихся нам их писаний. Не седины, не количество лет, не земная ученость, но причастие Святому Духу возводило на степень наставника и привлекало слышателей слова к говорящему слово Божие, а не свое, человеческое слово. «Хорошо, – говорит преподобный Кассиан в вышеприведенном слове, – не утаивать своих помыслов от отцов, как я уже сказал; однако должно открывать их не кому случится, а старцам духовным, имеющим дар рассуждения, не по годам их и сединам. Многие, доверившись старости и исповедав свои помыслы, не получили врачевства, а впали в отчаяние от неискусства принявших исповедь». Преподобный авва Моисей Скитский просил себе совета у юного монаха Захарии, жившего в Скиту. Захария пал к ногам старца и сказал ему: «Отец! Меня ли ты вопрошаешь?» Старец отвечал ему: «Поверь мне, сын мой, Захария, что я видел сошествие Святого Духа на тебя, и потому нахожу нужным вопрошать тебя»[188]. Откровение помыслов и жительство под руководством духоносных отцов признавалось древними иноками столько необходимым, что иноки, отвергавшие это делание, причислялись к находящимся вне спасительного пути[189]. С постепенным ослаблением христианства начало постепенно ослабевать и монашество; начали умаляться живые сосуды Святого Духа; многие лицемеры, в видах корыстолюбия и приобретения человеческой славы, начали притворяться святыми и духовными, привлекать к себе неопытных искусно сочиненной личиной, повреждать и губить их. Уже Симеон Новый Богослов, живший в X веке по Рождестве Христовом, говорил: «Изучай Божественное Писание и писания святых отцов, особливо деятельные, чтобы с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты

мог их видеть (это учение и поведение) как в зеркале и понимать; согласное с писанием усваивать себе и содержать в мысли; ложное же и худое познавать и отвергать, чтобы не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей»[190]. С течением времени более и более умалялись духоносные учителя, как об этом с болезнованием повествуют позднейшие святые отцы. «Ныне таковые наставники до крайности оскудели», говорит преподобный Нил Сорский, живший в XV веке[191]. С оскудением наставников святые отцы, по внушению Святого Духа, благовременно и прозрительно промышлявшему о духовной потребности иноков последнего времени, составили много назидательных сочинений, совокупностью которых удовлетворительно определяется иноческий подвиг[192]. Этими святыми писаниями исполняется в некоторой степени недостаток живых органов Духа. Позднейшие отцы уже более предлагают в руководство Священное Писание и писания отеческие, как предложил их Новый Богослов, не отвергая и весьма осторожный совет с современными отцами и братьями, при всевозможном удалении от скитания и от знакомства вне и внутри монастыря, при тщательном содержании духа в мыслях и чувствованиях смирения и покаяния. Весьма затруднительно и весьма косно иноческое преуспеяние, доставляемое этим деланием; но это делание даровано Богом нашему времени, и мы обязаны с благоговением пользоваться даром Божиим, данным нам во спасение. Косность преуспеяния, многочисленность преткновений невольно смиряют дух наш, столько склонный к тщеславию и превозношению, доставляют драгоценное познание наших немощей, приводят к упованию на единое милосердие Божие. Такое *упование не посрамит*[193]. Почему не дано нам огненных крыл древнего монашества, которыми оно с быстротой и силою перелетало через море страстей, как то было открыто одному из великих древних отцов?[194] Это судьбы Божии, превышающие наше понятие, исследование их нам воспрещено: оно было бы трудом тщетным, начинанием высокомерным и преступным[195], *яко неиспытани судове Его, и*

неисследовани путие Его. Кто бо разуме ум Господень? Или кто советник Ему бысть? Ему слава во веки. Аминь[196].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Призванные милосердием Божиим к иноческому жительству, употребим все тщание для стяжания познаний и состояний духовных, существенно нужных для спасения нашего. Не будем удовлетворять пустому любопытству, любознательности суетной и бесполезной. Страшно дозволить себе легкомыслие в подвиге святом: плодом такого легкомыслия могут быть тяжкие, неудобоисцелимые повреждения, нередко сама погибель. Постараемся снискать нищету духа, плач, кротость, алкание небесной правды. Умолим Бога, чтобы Он открыл нам грехи наши и сподобил принести в них истинное покаяние! Умолим Бога, чтобы Он открыл нам страсти наши, даровал исцеление от них! Умолим Бога, чтобы Он открыл нам падение человечества, его искупление Богочеловеком, цель нашего земного странствования и ожидающую нас вечность или в не кончающихся наслаждениях, или в не кончающихся мучениях, чтоб приуготовил нас и сделал способными к небесному блаженству, чтоб снял с нас те печати и уничтожил те рукописания, по которым мы должны быть низвергнуты в темницы ада! Умолим Бога, чтоб Он даровал нам чистоту и смиренномудрие, плодом которых бывает духовное рассуждение, с верностью отличающее добро от зла! Духовное рассуждение срывает личину с действия наших страстей, часто представляющегося для неопытных и страстных действием высочайшего добра и даже действием Божественной благодати; духовное рассуждение срывает личину с падших духов, которой они стараются прикрыть себя и свои козни. Умолим Бога, чтобы Он даровал нам духовное видение духов, при посредстве которого могли бы мы усматривать их и в приносимых ими нам помыслах и мечтаниях, расторгнуть общение с ними в духе нашем, свергнуть с себя иго их, избавиться из плена! В общении с падшими духами и в порабощении им заключается наша погибель. Удержимся

от невежественного, пагубного желания и стремления к видениям чувственным, вне установленного Богом порядка! С покорностью и благоговением последуем учению святых отцов, Преданию Православной Церкви! С благоговением подчинимся установлению Бога, покрывшего души наши густыми занавесами и пеленами тел на время нашего земного странствования, отделившего ими нас от духов сотворенных, заслонившего и защитившего ими от духов падших. Не нужно нам чувственного видения духов для совершения нашего земного, многотрудного странствования. Для этого нужен иной светильник, и он дан нам: *Светильник ногама моима – закон Твой, и свет стезям моим*[197]. Путешествующие при постоянном сиянии светильника – закона Божиего – не будут обмануты ни страстями своими, ни падшими духами, как свидетельствует Писание: *Мир много любящим закон Твой, и несть им соблазна*[198]. Открывает этот светильник все тайные и явные опасности на пути нашем; открывает не только наше падение, не только падших духов, но и самые чудеса Божии: *паче враг моих умудрил мя еси заповедию Твоею,* говорит пророк. *Уклонитеся от мене лукавнующии*, вам нет места, потому что я непрестанно упражняюсь в исследовании закона Бога моего. Закон Его – поучение мое в течение всего дня и всей ночи, в течение всей жизни моей, которую по справедливости могу назвать днем, как освещенную законом Божиим, и по справедливости могу назвать ночью, по преобладанию над обществом человеческим тьмы, исходящей от миродержца[199]. *Заповедь Господня светла:* она *просвещает* мысленные *очи*[200]: не может от них скрыться грех, притворяющийся добродетелью, и темный демон, принимающий личину светлого Ангела.

В свое время, назначаемое единым Богом и известное единому Богу, мы непременно вступим в мир духов. Недалеко от каждого из нас это время! Всеблагий Бог да дарует нам так провести земную жизнь, чтоб мы еще во время ее расторгли общение с духами падшими, вступили в общение с духами святыми, чтобы мы, на этом основании, совлекшись тела, были причислены к святым духам, а не к духам отверженным. Тогда, в не-

изреченной радости, увидим и чины святых Ангелов, и чины святых человеков, в их чудных нерукотворенных обителях, на их вечном духовном празднике. Тогда познаем и узрим падшего херувима с его темными полчищами: тогда Богом даруемое зрение демонов – этих несчастнейших существ – удовлетворит вполне нашей о Господе любознательности, без всякой опасности для нас, как запечатленных перстом Божиим в неизменяемости и в неспособности к обольщению и повреждению злом. Аминь.

СЛОВО О СМЕРТИ

Да поминаете день исхода вашего от земли Египетския вся дни жития вашего[201].

Смерть – великое таинство. Она – рождение человека из земной временной жизни в вечность. При совершении смертного таинства мы слагаем с себя нашу грубую оболочку – тело, и, душевным существом, тонким, эфирным, переходим в другой мир, в обитель существ, однородных душе. Мир этот недоступен для грубых органов тела, чрез которые, во время пребывания нашего на земле, действуют чувства, принадлежащие, впрочем, собственно душе. Душа, исшедшая из тела, невидима и недоступна для нас, подобно прочим предметам невидимого мира. Видим только при совершении смертного тайнодействия, бездыханность, внезапную безжизненность тела; потом оно начинает разлагаться, и мы спешим скрыть его в земле; там оно делается жертвой тления, червей, забвения. Так вымерли и забыты бесчисленные поколения человеков. Что совершилось и совершается с душой, покинувшей тело? Это остается для нас, при собственных наших средствах к познанию, неизвестным.

Сокровенное таинство – смерть! До озарения человеков светом христианства, большей частью они имели о бессмертии души самые грубые и ложные понятия; величайшие мудрецы язычества только умозаключали и догадывались о нем. Однако сердце падшего человека, как бы ни было мрачно и тупо, постоянно осязало, так сказать, свою вечность. Все идолопоклонические верования служат тому доказательством; все они обещают человеку загробную жизнь, – жизнь или счастливую, или несчастливую, соответственно земным заслугам.

Необходимо нам, кратковременным странникам на земле, узнать нашу участь в вечности. Если во время краткого здеш-

него странствования наши заботы сосредоточены на том, чтобы устранить от себя все печальное и окружить себя всем приятным, тем более должны мы озаботиться об участи нашей в вечности. Что совершает с нами смерть? Неужели там нет воздаяния за добро и зло, совершаемые людьми на земле произвольно и непроизвольно? Неужели нет этого воздаяния? Тогда как зло на земле по большей части преуспевает и торжествует, а добро гонимо и страдает? Необходимо, необходимо нам раскрыть таинство смерти и увидеть невидимую телесными очами загробную будущность человека.

Таинство смерти объясняется нам словом Божиим, а посредством действия Святого Духа соделывается даже доступным и открытым для чувств, очищенных и утонченных благодатью. *Святой Дух*, сказал апостол Павел, *испытует глубины Божия*, не только человеческие[202].

Смерть – разлучение души с телом, соединенных волей Божией, и волей Божией паки разделяемых. Смерть – разлучение души с телом вследствие нашего падения, от которого тело перестало быть нетленным, каким первоначально создано Создателем. Смерть – казнь бессмертного человека, которой он поражен за преслушание Бога. Смертью болезненно рассекается и раздирается человек на две части, его составляющие, и по смерти уже нет человека: отдельно существует душа его, и отдельно существует тело его.

И тело продолжает существовать, хотя видим, что оно разрушается и обращается в землю, из которой взято: оно продолжает существовать в самом тлении своем; оно продолжает существовать в тлении, как семя в земле, в ожидании вторичного соединения с душой, после которого оно соделается уже неприкосновенным для этой видимой смерти. Тела особенных избранников Божиих противостоят тлению, будучи проникнуты обильно благодатью Божией, и в самой сени смертной являют начала своего славного воскресения. Вместо зловония они издают благоухание; вместо того, чтоб разливать вокруг смертоносную заразу, они разливают исцеление всех недугов, разливают жизнь. Такие тела вместе мертвы и живы, – мертвы по естеству человеческому, живы по присутствию в них Святого Духа. Они свидетельствуют, в каком величии и святости создан Богом человек, и что это величие, эта святость возвращены искуплением.

В то время, как тело уснуло сном смертным, что совершается с душой? Слово Божие открывает нам, что наши души, по разлучении с телами, присоединяются – соответственно усвоенным ими в земной жизни добрым или злым качествам – к Ангелам света или к ангелам падшим. С Ангелами они составляют, по естеству своему, один разряд существ, разделяясь по качеству, подобно им, добром или злом, усвоенными свободным произволением естеству, в первобытности непорочному и святому. Неоспоримые доказательства этому находим в Священном Писании и в писаниях святых отцов. Господь обетовал покаявшемуся разбойнику немедленное преселение душою с креста в рай. *Аминь глаголю тебе,* сказал Он ему, *днесь со Мною будеши в раи*[203]. Страдалец, нищий Лазарь, отнесен был, по кончине своей, Ангелами в отделение рая, называемое лоном Авраамовым, а умерший немилосердный богач, веселившийся во время земной жизни *на вся дни светло*, был низвергнут в ад[204]. Души праведных, разлучившиеся с телами, наслаждаются блаженством на небе в ожидании воскресения тел, как повествует тайновидец Иоанн Богослов[205]; во аде, в ужасных муках, ожидают его грешники[206]. Когда вострубит труба воскресения, тогда рай представит небожителей для славного соединения с телами их, которые оживут от гласа Сына Божия[207], как услышал этот голос четвородневный и уже смердящий Лазарь и ожил: ад представит мертвецов своих для Страшного Суда и окончательного приговора. По изречении приговора и по исполнении его, усугубится блаженство праведников, – грешники возвратятся в ад свой для сугубого мучения[208]. О состоянии праведников по воскресении Господь возвестил, что они *яко Ангели Божии на небеси суть, равни бо суть Ангелом*[209]. Предвозвещая о Своем втором пришествии и Страшном Суде, Господь сказал, что тогда Он речет стоящим одесную Его праведникам: *приидите, благословеннии Отца*

Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира; а стоящим ошуюю грешникам речет: *идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его*[210]. И то достоверно, что воздаяние как праведников, так и грешников весьма различно. Правосудие Божие воздаст каждому человеку *по делом его*[211]. Не только небесных обителей бесчисленное множество, по свидетельству Спасителя, но и ад имеет множество различных темниц и различного рода мучения: согрешивший в ведении *биен будет много*, согрешивший в неведении *биен будет мало*[212].

Христиане, одни православные христиане и, притом, проведшие земную жизнь благочестиво или очистившие себя от грехов искренним раскаянием, исповедью пред отцом духовным и исправлением себя, наследуют вместе со светлыми Ангелами вечное блаженство. Напротив того, нечестивые, т. е. неверующие во Христа, злочестивые, т. е. еретики, и те из православных христиан, которые проводили жизнь в грехах, или впали в какой-либо смертный грех и не уврачевали себя покаянием, наследуют вечное мучение вместе с падшими ангелами. Патриархи Восточно-Кафолической Церкви в послании своем говорят: «Души человеков, впавших в смертные грехи, и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлучения с настоящей жизнью покаявшихся, только не успевших принести никаких плодов покаяния, каковы: молитвы, слезы, коленопреклонения при молитвенных бдениях, сокрушение сердечное, утешение бедных и выражение делами любви к Богу и ближних, что вся Кафолическая Церковь с самого начала признает богоугодным и благопотребным – души таких человеков нисходят во ад и терпят за учиненные ими грехи наказания, не лишаясь, впрочем, надежды облегчения от них. Облегчение же получают они по бесконечной благости, чрез молитвы священников и благотворения, совершаемые за умерших, а особенно силой Бескровной Жертвы, которую в частности приносит священнослужитель для каждого христианина о его присных, вообще же за всех повседневно приносит Кафолическая и Апостольская Церковь»[213]. Смерть *грешников люта*[214], говорит

Писание, а для благочестивых и святых она – переход от молв и смятений житейских к нерушимому спокойствию, от непрерывных страданий к непрерывному и некончающемуся блаженству, переход с земли на небо и соединение с бесчисленным сонмом святых Ангелов и бесчисленным сонмом святых человеков. В ненасытном созерцании Бога и в непрестанном горении любовью к Нему заключается высшее и существенное наслаждение небожителей. Преподобный Макарий Великий рассуждает об этом предмете следующим образом: «Когда исходит из тела душа человеческая, тогда совершается некое великое таинство. Если она повинна будет греху, то приступают к ней полчища демонов и ангелы сопротивные и силы темные, и похищают душу в область свою. И не должно сему, как бы необычайному, удивляться. Если человек, живя еще в сем веке, им покорился, и повинулся, и соделался их рабом, тем более, когда исходит от мира, бывает ими пленен и порабощен. Также, напротив, в отношении лучшего состояния должно разуметь: святым Божиим рабам и ныне предстоят Ангелы, и святые духи сохраняют и окружают их. А когда из тела изыдут, лики Ангельские, восприяв их душу, относят в свою страну, в мир святыни, и приводят их к Господу»[215].

Уже то самое, что для душ человеческих предназначено одно место жительства, одинаковое наслаждение и одинаковая казнь с ангелами, служит указанием, что души – существа по всему подобные ангелам. Это очевидно из вышеприведенных слов Господа, сказавшего, что праведные люди, по воскресении, подобны и равны Ангелам. Древним праведникам – Аврааму, Лоту, Иакову и другим – Ангелы являлись в виде мужей, и не вдруг познавали праведники, что явившиеся им не люди, а бесплотные. По Воскресении Христовом Ангелы явились Женам Мироносицам в образе мужей, облеченных в блестящие белые ризы[216]; при Вознесении Христовом они явились апостолам также в виде мужей, одеянных в белую одежду[217]. Святые отцы часто видели Ангелов светлыми белоризцами, а демонов – черными безобразными эфиопами. Господь, по Воскресении Своем, внезапно стал посреди апостолов, на-

ходившихся вместе в горнице. Апостолы устрашились, полагая, что видят дух; но Господь успокоил их, объяснив разность между явлением духа и явлением Своим в прославленном теле. *Что смущени есте,* сказал Он им, *и почто помышления входят в сердца ваша? Видите руце Мои и нозе Мои, яко Сам Аз есмь; осяжите Мя и видите, яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща*[218]. Здесь не сказано, что дух не имеет никакого вида. Мало этого: предоставлено признавать, что духи, т. е. Ангелы и души, имеют вид; сказано только, что они не имеют плоти и костей, которые сохранило тело Христово и в прославленном его состоянии. Выразили свое понятие христиане иерусалимские, понятие, что духи имеют вид, признав духом, виденного отроковицею Роди, апостола Петра, чудесно избавившегося из темницы. *Ангел его есть*[219], сказали они. Святой Макарий Великий говорит, что Ангелы имеют образ и вид, так как и душа имеет свой образ и вид, и, что этот образ, наружный вид, как ангела, так и души, есть образ и вид внешнего человека в его теле[220]. Тот же угодник Божий научает, что Ангелы и души, хотя и очень тонки по существу своему, однако, при всей тонкости своей, суть тела. Они – тела тонкие, эфирные, так как, напротив, наши земные тела очень вещественны и грубы. Грубое человеческое тело служит одеждой для тонкого тела – души. На глаза, уши, руки, ноги, принадлежащие душе, надеты подобные члены тела[221]. Когда душа разлучается с телом посредством смерти, она совлекается его, как бы одежды. Святой Макарий говорит, что совершеннейшие из христиан, очищенные и просвещенные Святым Духом, видят образ души, но такого совершенства и видения достигают между святыми весьма редкие[222]. Этот великий отец утверждает, что у молящихся молитвой Духа душа во время молитвы иногда выходит из тела особенным непостижимым действием Святого Духа[223]. И в тот век, в который процветал в пустыне египетского скита Великий Макарий, в век высокого подвижничества монашеского, весьма редкие между святыми иноками сподоблялись видеть образ души: тем реже они ныне. Но и ныне они встречаются, по великой милости Божией и по нелож-

ному обетованию Господа Иисуса пребывать с верными учениками Своими до скончания века. По личному свидетельству такого избранника Божия, внезапно узревшего душу свою, при обильнейшем благодатном действии молитвы, исшедшей из тела и стоящей на воздухе, она – эфирное, весьма тонкое, летучее тело, имеющее весь вид нашего грубого тела, все его члены, даже волосы, его характер лица, – словом, полное сходство с ним. Не только силы ума и сердца были при душе, но при ней были и все органы чувств: зрения, слуха, осязания, при ней была вся жизнь, а тело оставалось на стуле, как мертвое, как скинутая одежда, доколе, по мановению Божию, не возвратилась в него душа также непостижимо, как непостижимо вышла из него[224]. Ангелы подобны душе: имеют члены, главу, очи, уста, перси, руки, ноги, власы – словом, полное подобие видимого человека в его теле. Красота добродетели и Божия благодать сияют на лицах святых Ангелов; этот характер напечатлен на лицах и добродетельнейших христиан. Отчаянная злоба составляет характер падших ангелов; лица их похожи на безобразные лица злодеев и преступников между людьми. Так поведают видевшие Ангелов света и ангелов тьмы. Ангел и душа называются бесплотными, как не имеющие нашей плоти; называются духом, как существа тонкие, совершенно отличающиеся от предметов, составляющих вещественный мир. Так называются они и на обыкновенном языке человеческом, и в Священном Писании, и в писаниях святых отцов[225]: вещество их несравненно тоньше вещества земных предметов, нами видимых. В обыкновенном нашем состоянии падения мы не видим духов, но ощущаем влияние их на нас, если проводим внимательную благочестивую жизнь. Благодатное, живое, мысленное ощущение духов есть духовное видение их[226]. Ветер, воздух, разные газы и испарения называются обыкновенно, и даже в Священном Писании и отеческих Писаниях, духом. Так Господь уподобил действие Святого Духа действию ветра; ветер в этом месте Евангелия назван *духом*[227]. Но в собственном, точном смысле, один Бог – Дух. Он, как Существо всесовершенное, вполне отличается естеством Своим от естества

тварей, как бы они ни были, сравнительно с другими тварями, тонки и совершенны. Нет существа одноестественного Богу! И потому, кроме Бога, нет другого духовного существа по естеству[228]. *Дух есть Бог*[229], *творяй Ангелы Своя духи и слуги Своя огнь палящ*[230], – Бог вочеловечившийся, чтобы *воврещи огнь*[231] в сердца наши, умерщвленные грехом и оледеневшие от греха, соделать нас чрез соединение с Собой пламенем и духом, неприступным для тления и диавола. Чужды истинной жизни и истинной духовности и ангелы падшие, и души отверженных грешников[232].

Будущие жилища душ соответствуют естеству их, т. е. их эфирной природе. Соответствует этой природе *Эдем* или *рай*, соответствует ей и ад. Кроме духовного наслаждения и внутреннего царства святой души, раскрывающегося в ней уже отсюда по мере ее очищения, она помещается в страну и обитель, каковым подобает быть местопребыванию души, удостоенной милостью Божией вечного блаженства. Душа грешная, отвергнутая Богом, не только мучится своей совестью и своим состоянием отвержения, но и заключается в страшную подземную темницу, именуемую *адом, тартаром, геенной*, где подвергается лютым мукам, способным терзать ее эфирную природу. Все это сказано в Священном Писании и открывается Святым Духом, по Его избранию и усмотрению, людям, достойным такого откровения, откровения душеполезнейшего.

Часто, когда хотим тщательно обозреть какой-либо предмет видимого мира, избираем удобное место для самих себя, с которого предмет мог бы быть удовлетворительнее виден и рассмотрен: делаем это не потому, чтобы нуждался в этом сам предмет, но потому, что мы нуждаемся пособить ограниченности нашей. Никак не лишним будет избрание для себя приличного мысленного места при нынешнем нашем рассматривании. Мы безошибочно приищем место это и станем на него, когда усмотрим и сознаем нашу ничтожность среди громадного мироздания, ничтожность наших средств к приобретению познаний, ничтожность самих познаний, нужду, настоятельную нужду, даже к самопознанию, в Божественном

Откровении. Мы не видим ни рая, ни ада нашими чувственными очами; но что видим мы ими? Что видим ими – не говорю в мире духов – что видим в этом самом чувственном мире, который с такой уверенностью называем видимым миром? Видим в нем лишь малейшую часть предметов, ничто в сравнении с целым. В этом уличают нас и телескоп, и микроскоп, уличают обоняние и осязание наши, которые ощущают газы, невидимые для глаза, и тем открывают существование их, скрывающееся от зрения; уличает нас пространство, ограничивающее и затрудняющее взор наш тесным, непрестанно изменяющимся горизонтом; уличает непроницаемость земли и многих других предметов на ее поверхности; уличает нас ограниченность, крайняя ограниченность нашего зрения, не могущего видеть ни одного предмета в настоящем его виде[233], не видящего газов по их тонкости, не могущего проницать грубых предметов по их плотности, даже не могущего видеть одной стороны предмета без того, чтобы другая сторона или и многие стороны не скрывались. Что видим мы из видимой природы? – ничтожнейшую ее частичку!.. И нашу привычку к ограниченности нашего зрения считаем зрением полным и удовлетворительным. Из познания ограниченности нашей, познания смиренного и верного, благоговейно устремим взоры ума к тем предметам, которые скрыты от наших грубых чувств, но открываются нам милосердием и благодатью Божией.

Боговидец Моисей, описывая в бытейской книге сотворение мира, говорит, что в то же время Господь насадил на Востоке *рай сладости*[234], куда и поместил первых двух человеков, родоначальников человеческого племени. *И взя Господь Бог человека, егоже созда, и введе в рай сладости, делати его и хранити*[235]. Согласно этому повествованию, Господь засвидетельствовал, как выше было сказано, что Царство Небесное уготовано для человеков от сложения мира. Праотцы преступили в раю заповедь Божию: после преступления они внезапно изменились душою и телом, сделались неспособными пребывать в святом раю. Тогда Бог – говорит вдохновенный Бытописатель – *изгнал* человека *из рая*, *и изринул* на землю, *и*

вселил их на ней *прямо рая сладости*[236]. Слова: *прямо рая сладости* приводят к мысли, что земная природа подобна раю красотами своими и напоминает его собой падшему человеку. Когда видим великолепие нашего изгнания – земли, невольно восклицаем: это рай! Такое выражение употреблено и Священным Писанием о плодороднейшей стране Содомской до ее превращения: она уподоблена раю Божию[237]. Боговидец Моисей изображает рай изящнейшим и обширнейшим садом[238]. Точно таким видели рай многие угодники Божии новозаветной Церкви. Таков он и на самом деле: но вещество его и природа тонки, соответствуют естеству его жителей – духов, и потому недоступны для наших чувств, огрубевших и притупевших от падения. Когда изгнан был из рая человек, первоначально бывший его хранителем, тогда обязанность райского стража возложена на Херувима[239]; душа разбойника, исповедавшего на кресте Господа, помещена в рай[240]; туда помещены души многих христиан, удостоившихся спасения: этим объясняется свойство райской природы. Святой Макарий Великий говорит о людях, приобретших небесное богатство: «Знают их сограждане, т. е. духи святых и Ангелов, и с удивлением говорят: великое богатство приобрели наши братья, находящиеся на земле. Они (эти земные братья небожителей), при отшествии из сего мира, имея с собой Господа, идут с великой радостью к небесным жителям: обитающие же с Господом приемлют и отводят их в приготовленные им заблаговременно обители (дома и вертограды, на греческом παραδίσος, сады – рай во множественном числе) и возлагают на них драгоценные и знаменитые одеяния»[241]. Преподобный Григорий Синаит, ссылаясь на видевших рай и повествовавших о нем, говорит, что он есть низшее небо, что он преисполнен благовонными садами, насажденными Богом; что древа этих садов постоянно покрыты цветами и плодами; что посреди рая течет река, его напояющая и разделяющая на четыре рукава[242]. Об этой реке упоминает и Священное Писание; *река же*, говорит оно, *исходит из Эдема напаяти рай: оттуду разлучается на четыре начала*[243]. Святой пророк Давид также

воспоминает о воде, находящейся *превыше небес*[244]. Место рая определяется Священным Писанием *на востоце*. В таком направлении находится рай по отношению к земле. Преподобная Феодора поведала, что по исшествии ее из тела, она с сопутствовавшими ей Ангелами направилась для достижения небесных обителей к востоку[245]; великий угодник Божий Симеон Дивногорец видел рай на востоке[246]; на востоке видела его преподобная Евфросиния Суздальская в дивном видении своем[247]. На восток строятся православные храмы; православные христиане при молитвах своих обращаются к востоку; тела умерших кладутся по направлению к востоку – *прямо рая сладости*. Тем, для которых остается недовольно удовлетворительным определение местности рая изречением Писания *на востоце*, отвечаем словами преподобного Григория Синаита: «обычай есть Писанию о недоумеваемых доселе творити сказание просто и не многопытне»[248].

Апостол Павел был восхищен в рай, и потом до третьего неба – *аще в теле, или кроме тела, не вем*, говорит он – и слышал там неизреченные глаголы, *ихже не лет есть человеку глаголати*[249]. Природа рая, благолепие небес, изобилие там благодатного блаженства так превышают все изящное и приятное земное, что святой апостол, для изображения виденного им в священном исступлении, употребил следующие выражения: *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его. Нам же Бог открыл есть Духом Своим*[250]. В этих словах апостола заключается печальная истина: падение человека так глубоко, что он в состоянии падения уже не может получить сам собой никакого понятия о потерянном своем блаженстве; грехолюбивое его сердце утратило всякое сочувствие к духовному наслаждению. Но слова эти, обличающие бедственное состояние падшего и пребывающего в своем падении, вместе с тем возвещают и радостную истину: обновление Святым Духом тех человеков, которые верою и покаянием вступили в духовное племя Нового Адама, Господа нашего Иисуса Христа. Святой Дух, вселившись в человека, разрушает в нем царство греха, уничтожает невидимую внут-

реннюю борьбу и расстройство, водворяет мир Христов, производящий такое духовное наслаждение, что сердце, упоенное им, умирает для сочувствия греху, и начинает постоянно пребывать при Боге и в Боге. Водворив Царство Божие в человеке, Дух Святой нередко возводит достойных служителей Своих в страны премирные, в обители, уготованные праведникам для вечного их праздника. Многие из угодников Божиих были восхищены в рай, из него проникли в небо, в небеса небес, к самому Престолу Господа, окруженному пламенными Серафимами и Херувимами. Свидетельства этих очевидцев о рае согласны. Так преподобный Симеон Дивногорец видел в раю чудные сады, видел там душу праотца Адама и душу разбойника, первого из человеков, введенного Богочеловеком, по искуплении, в рай[251].

Из известных нам видений святых отцов, бывших зрителями рая, с особенной ясностью и подробностью изложено видение святого Андрея, юродивого ради Христа, пребывшего вышеестественно в течение целых двух недель в созерцании невидимого мира. Он поведал сотаиннику своему, иерею Никифору, об этом видении следующее: «Я увидел себя в раю прекрасном и удивительнейшем, и, восхищаясь духом, размышлял: что это?.. Знаю, что живу в Константинополе: как же очутился здесь – понять не могу. Я видел себя облеченным в самое светлое одеяние, как бы истканное из молний; венец был на главе моей, сплетенный из великих цветов, и я был опоясан поясом царским. Радуясь этой красоте, дивясь умом и сердцем несказанному благолепию Божиего рая, я ходил по нему, и веселился. Там были многие сады с высокими деревьями; они колебались вершинами своими, и увеселяли зрение; от ветвей их исходило великое благоухание. Одни из деревьев непрестанно цвели, другие украшались златовидными листьями, иные имели на себе различные плоды несказанной красоты и приятности. Невозможно тех дерев уподобить ни одному дереву земному: Божия рука, а не человеческая насадила их. Птиц в этих садах было бесчисленное множество: иные из них были со златовидными крыльями, другие – белые как снег, а иные – разнообразно испещренные; они сидели на ветвях райских дерев, и

пели прекрасно; от сладкого пения их я не помнил себя – так услаждалось мое сердце; и казалось мне, что глас пения их досягал даже до высоты небесной. Стояли те прекрасные сады рядами, как бы полк против полка. В то время как я ходил между ними в веселии сердца, увидел реку великую, текущую посреди них и их напояющую. На другом берегу реки был виноградник, которого лозы, украшенные златыми листьями и златовидными гроздьями, широко раскинулись. Дышали там от четырех стран ветры тихие и благоухающие; от их дыхания колебались сады и производили дивный шум листьями своими»[252].

Подобно этому преподобная Феодора поведала о райской обители великого угодника Божиего Василия Нового, что она преисполнена была славы и имела многие сады златолиственные и многоплодные. Святой Феодоре был подробно показан рай Ангелами, ее руководившими. «И видела я, – говорила она, – прекрасные селения и многочисленные обители, уготованные любящим Бога, преисполненные славы и благодати. Водящие меня показывали мне отдельно обители апостольские, отдельно пророческие, отдельно мученические, отдельно обители каждого чина святых. Каждая обитель была красоты неизреченной, в широту и долготу, сказать бы, подобная Царьграду, но несравненно красивейшая, со многими пресветлыми нерукотворенными палатами. Всюду в обителях тех слышен был глас радости и веселья духовного, и видны были лики празднующих. Все, увидя меня, радовались о моем спасении, выходили ко мне навстречу, лобызали меня, восхваляя Господа, избавившего меня от сетей вражиих»[253].

Повторяем: природа земная служит только слабым образом рая, красоты которого нетленны, несказанно изящны, преисполнены священного мира и благодати. Земля, после согрешения праотцев наших, проклята Создателем и непрестанно выражает это проклятие в своих смятениях и своем нестроении. То колеблется она и поглощает целые грады и веси, то выступают на поверхность ее свирепые воды и губят целые страны, то проходят по ней бури с вихрем, молнией, громом, градом, оставляя следом своим разрушение. Человечество, живущее

на ней, находится в непрестанной борьбе, и частной и общественной, представляя собой обширное зрелище разнообразного страдания, неумолкающего труда, бесчисленных грехов, страшных преступлений, вавилонского столпотворения. Добродетель едва находит на ней тесный и скорбный приют. Неумолимая и ненасытная смерть ходит по ней и постоянно истребляет поколения человеческие, которые закон размножения, установленный для рода человеческого Творцом, заменяет поколениями новыми. И будет ходить она и пожинать людей, доколе сама не погибнет вместе с разрушающимся миром. Животные, населяющие землю, восстали одни против других, непощадно истребляют друг друга. Самые стихии находятся в непримиримой вражде и непрерывном борении между собой. На земле все сражается, все страдает, все стремится к взаимному уничтожению. Какое грозное и непрерывное смятение! Какое повсеместное и ожесточенное столкновение! Оно неприметно, или малоприметно для тех, которые всегда участвуют в нем; но из уединения и тишины монастырской оно очевидно для странника, которого вселил Бог *прямо рая сладости*, для непрестанного воздыхания и сетования о нем[254]. Если ж земля, проклятая Богом, земля – изгнание наше, страна бедствий, обольщений, злодеяний, смерти, обреченная Богом на сожжение[255], имеет красоты свои, нас восхищающие: то каков должен быть рай, уготованный Богом для возлюбленных Его в вечное жилище и наслаждение? *Око* плотское *не виде*, плотское *ухо не слыша, и на сердце*, занятое одной чувственностью, *не взыде, яже уготова Бог любящим Его. Нам же Бог открыл есть Духом Своим*.

Святой Андрей был восхищен не только в рай, но, подобно святому апостолу Павлу, и до третьего неба. Вслед за вышеприведенным повествованием о рае, он продолжал свое сказание так: «После этого напал на меня ужас, и я ощущал, что стою превыше небесной тверди. Юноша, с лицом, подобным солнцу, предшествовал мне. Я последовал за ним, и вот – увидел Крест прекрасный и великий, видом похожий на радугу. Вокруг него стояли певцы огнезрачные, как пламень, и пели

сладкую песнь, прославляя Господа, распявшегося на Кресте. Предшествовавший мне юноша, приступив ко Кресту, облобызал его, и подал мне знак, чтоб я сделал то же: я припал к святому Кресту со страхом и радостью великою, и усердно лобызал его. В то время, как я лобызал, насытился неизреченной духовной сладости, и обонял большее благоухание, нежели в раю. Миновав Крест, я посмотрел вниз и, увидев под собой бездну – потому что мне казалось, что я хожу по воздуху – начал пугаться и возопил к руководившему меня: боюсь, чтобы мне не низвергнуться в глубину! Он, обратясь ко мне, сказал: «Не бойся, нам должно взойти выше» – и подал мне руку. Когда я схватился за его руку, – мы очутились выше второй тверди; я увидел там дивных мужей, и покой их, и радость праздника их, неизглаголанного языком человеческим. После этого мы вошли в чудный пламень, который нас не опалял, но только просвещал. Я начал ужасаться, и опять руководивший меня обратился ко мне, и подал мне руку, говоря: «Нам должно взойти и еще выше». С этим словом мы очутились выше третьего неба, где я увидел и услышал множество Небесных Сил, поющих и славословящих Бога. Мы пришли пред завесу, блиставшую как молния, пред которой стояли страшные великие юноши, подобные пламени огненному; лица их сияли паче солнца, и в руках их было огненное оружие; кругом со страхом предстояло бесчисленное множество Небесного воинства. Руководивший меня юноша сказал мне: «Когда отымется завеса и увидишь Владыку Христа, тогда поклонись Престолу славы Его». Услышав это, я вострепетал и возрадовался; меня объяли ужас и неизъяснимая радость; я стоял и смотрел, когда отымется завеса. Ее отъяла некая пламенная рука, и я увидел Господа моего, как некогда Исаия пророк, сидящего на Престоле высоком и превознесенном, окруженного Серафимами. Он был облечен в багряную одежду, лицо Его сияло неизреченным светом, и Он с любовью обратил ко мне Свои очи. Увидев Его, я пал пред Ним на лицо мое, поклоняясь пресветлому и страшному Престолу славы Его. Какая же тогда от видения лица Его объяла меня радость, того невозможно выразить, так что и ныне,

поминая это видение, исполняюсь неизреченной сладости. В трепете лежал я пред Владыкой, удивляясь толикому Его милосердию, что попустил мне, грешному и нечистому человеку, придти пред Него и увидеть Божественную лепоту Его. Я исполнился умиления, размышляя о моем недостоинстве, и, рассматривая величие моего Владыки, повторял в себе слова Исаии пророка: *О, окаянный аз! яко сподобихся, человек сый и нечисты устне имый, Господа моего очима моима видети*[256]. И услышал я, что премилосердый Творец мой изрек ко мне пречистыми и сладчайшими устами Своими три Божественных слова, которые столько усладили мое сердце и столько разожгли любовью к Нему, что я весь таял, как воск, от действия теплоты духовной, и исполнились надо мной слова Давида: *бысть сердце мое, яко воск таяй посреде чрева моего*[257]. Потом все воинства воспели песнь предивную и неизреченную. После этого, не знаю как, я очутился опять ходящим в раю. Пришла мне мысль, что я не видел Госпожи Пресвятой Богородицы: и вот вижу некоего мужа, светлого, как облако, носящего крест и говорящего мне: «Ты захотел видеть здесь Пресвятую Царицу Небесных Сил? Ныне нет Ее здесь: Она ушла в многобедный мир помогать людям и утешать скорбящих. Я показал бы тебе Ее святое местопребывание, но теперь уже не время: тебе должно возвратиться туда, откуда ты пришел – так повелевает Владыка». – Когда он говорил это, мне показалось, что я сладко уснул; проснувшись, я увидел, что нахожусь на том же самом месте, где был прежде». Из этого видения святого Андрея видно, что рай есть ближайшая к земле небесная обитель, или первое небо, превыше которого находятся другие небеса, воспетые духоносным Давидом, называющим их *небесами небес*[258]. В этих горних обителях пребывают ныне души праведников, сообразно достоинству своему; к этим горним обителям будут восхищены праведники, по соединении душ их с телами воскресением *на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господом будем*[259]. Над ними повторится искупленное и возвращенное роду человеческому Спасителем восхищение с земли и взятие в рай Адама. Святые тела их, не только души, обновленные и воссозданные Богочеловеком, соделаются способными к такому восхищению и взятию на небо, как способно было к нему тело первозданного человека[260]. Видение святого Андрея, так как и все подобные видения других угодников Божиих, служит доказательством и объяснением вышеприведенного мнения святого Макария Великого, что Ангелы и души имеют свой вид и образ, и что этот образ есть образ внешнего человека. Столько сходны образ тела и образ души, что святой Андрей не понимал ясно, восхищен ли он был в теле или вне тела. Приведем собственные слова его, как они передаются иереем Никифором в пространном жизнеописании. «Я видел себя, – говорит святой Андрей, – как бы без плоти, потому что я не чувствовал плоти». Далее святой поведает об одежде, которая была на нем, причем исчисляет телесные члены. Возвращаясь к объяснению своего состояния, святой сказал: «По-видимому, я был в теле, но не чувствовал тягости телесной; не чувствовал никакой телесной потребности в течение всех двух недель, в которые продолжалось восхищение. Это приводит меня к мысли, что я был без тела. Не знаю, как сказать достоверно: ведает это сердцеведец Бог». Святой видел Ангелов в образе светлых мужей и юношей. Он беседовал с ними. Руководивший его Ангел несколько раз подавал ему руку; Ангелы, предстоявшие завесе, имели образ юношей высокого роста, грозного вида, с пламенным оружием в руках. Поведая об Ангелах, исчисляя члены их: лицо, глаза, руки, ноги, как бы усиливаясь объяснить саму природу их, святой сказал, что – «*они тела бесплотные*», или, по пониманию нашего времени, газообразные. Святой Андрей видел устроение и природу горних обителей, соответствующую их бесплотным жителям, несравненно превосходнейшую всего того, что знает и что может представить себе плотский человек, пригвожденный к земле, необновленный и невоспитанный Духом Святым, а потому неспособны проникнуть в таинства будущего века.

Ад[261] помещается во внутренности земли. Бог, произнося определение на Адама, при изгнании его из рая, сперва исчис-

лял земные казни для преступника райской заповеди, потом возвестил, что этим казням Адам будет подвергаться дотоле, доколе не возвратится в землю, из которой он взят. *Земля еси,* сказал ему Господь, *и в землю отыдеши*[262]. Здесь не сказано, что он пойдет в землю одним телом: изреченный приговор для дерзнувшего восстать против Бога страшнее, нежели каким он представляется для легкого, поверхностного взгляда[263]. Праведники Ветхого Завета, как очевидно из Священного Писания, постоянно признавали земные недра местом ада. *Сниду к сыну моему, сетуя, во ад*[264], говорил святой патриарх Иаков, когда принесли ему ложную весть о кончине любимого его сына, Иосифа. *Остави мене почити мало*, умоляет Бога праведный, многострадальный Иов из среды отовсюду окружавших его искушений, *прежде даже отъиду, отнюдуже не возвращуся, в землю темну и мрачну, в землю тьмы вечныя, идеже несть света, ниже видети живота человеческаго*[265]. Боговдохновенный законодатель израильтян, Моисей, объявляя народу гнев Божий на Корея и его сообщников, сказал: *Аще смертию всех человеков умрут сии, и аще по присещению всех человеков, будет посещение их, то не Господь посла мене. Но явно покажет Господь, и отверзши земля уста своя, пожрет я, домы их, и кущи их, и вся елика суть их, и снидут живы во ад… Егда же преста глаголя вся словеса сия*, продолжает повествование Писание, *разседеся земля под ногами их… и снидоша живы во ад*[266]. Пророк Давид воспевал Господу: *милость твоя велия на мне, и избавил еси душу мою от ада преисподнейшаго*[267]. Когда душа святого пророка Самуила была вызвана волшебницей, по просьбе царя Израильского Саула, для совещания о предстоявшей битве со врагами, то волшебница, увидев эту душу, сказала: *видех мужа стара, восходяща от земли, и сей оболчен одеянием долгим и уразуме Саул, яко сей Самуил есть*[268]. Пророк Исаия говорит сатане: *во ад снидеши и в основания земли*[269]. Подобно сему выражается о падшем ангеле, от лица Божия, пророк Иезекииль: *свождах его во ад со снисходящими в ров, и утешаху его в земли дольнейшей вся древеса сладости… сниди с древесами сладости в глубину земную*[270].

Пророк назвал падшего ангела фараоном и уподобил его древу сладости; другие ангелы, увлеченные главным падшим ангелом в погибель, также уподоблены древам сладости, по состоянию их падения. То же место для ада определяет и Священное Писание Нового Завета. Возвещая о нисшествии во ад Своею душою и неразлучным с ней Божеством, Богочеловек сказал: *будет Сын Человеческий в сердце земли три дни и три нощи*[271]. Объясняя слова Спасителя, блаженный Феофилакт Болгарский говорит, что Господь исполнил это предсказание Свое, «сошед в преисподнюю землю до ада». Господь, по словам святого апостола Павла, *сниде в дольнейшия страны земли*, – по русскому переводу: в преисподние места земли[272], а по словам апостола Петра: *сущим в темнице духовом, сошед, проповеда*[273]. «Обоженная душа Христова, говорит святой Иоанн Дамаскин, нисходит во ад для того, чтобы как живущим на земли воссияло солнце правды, так и для сидящих *под землей* во тьме и сени смертной воссиял свет»[274]. В XIV огласительном поучении святого Кирилла Иерусалимского читаем: «Господь наш Иисус во Евангелии сказал: *Якоже бо бе Иона во чреве китове три дни и три нощи: тако будет и Сын Человеческий в сердцы земли три дни и три нощи*»[275]. Рассматривая повесть об Ионе, мы находим в ней действие очень подобное действию Иисуса. Иисус был послан проповедывать покаяние: и Иона *послася*[276]. Но он бежал, не ведая будущего: Иисус же добровольно пришел на покаяние спасительное… Иона был ввергнут во чрево китово: Иисус же сошел волей туда, где был мысленный кит, чтобы смерть извергла пожранных ею, по сказанному в Писании: *от руки адовы избавлю я, и от смерти искуплю я*[277]. Иона из чрева китова молился, говоря: *возопих в скорби моей, и из чрева адова вопль мой*[278]. Это говорил он еще находясь в ките. Но находясь в ките, он говорил о себе, что находится во аде: потому что он был предызображением Христа, долженствовавшего низойти во ад. Несколько далее, очевидно, пророчествуя, он сказал от лица Христова. *Понре глава моя в расселины гор*[279]. Если он был во чреве китове, то какие там горы? Знаю это, отвечает он; но я служу образом Того,

Кто будет положен в иссеченном каменном гробе. Находясь в море, Иона говорит: *Снидох в землю, еяже вереи ея заклепи вечнии*[280]: потому что он носил образ Христа, *низшедшего в землю*[281]. Подобным образом святой Епифаний Кипрский указывает со всей ясностью и определенностью местонахождение ада во внутренности земли, описывая в слове своем на Великую Субботу спасение человеков Богочеловеком. Мы помещаем здесь это слово с немногими исключениями. «Отчего толикое безмолвие на земле? Что значит это безмолвие и молчание великое? Безмолвие великое: Царь погрузился в сон. Земля убоялась и замолкла: потому что Бог во плоти уснул. Бог во плоти уснул, и ад ужаснулся. Бог уснул на краткое время, и спящих издревле, от Адама, воскресил. Ныне спасение сущим на земле, и от века сущим *под землей*; ныне спасение всему миру, и видимому, и невидимому. Ныне сугубое пришествие Христово, сугубое промышление, сугубое людям посещение: Бог приходит с небес на землю, с земли *под землю*. Врата *ада* отворяются, и вы, спящие от века, радуйтесь. Седящии во тьме и сени смертной, свет великий приимите: с рабами Господь, с мертвыми Бог, с умершими Жизнь, с находящимися во тьме Свет невечерний, с плененными Свободитель, *с преисподними* Сый превыше небес. Христос между мертвыми: снидем туда с Ним, да познаем тайны этой страны, да познаем тайну Божию *под землею*, и разумеем чудеса Господни; да научимся, какую благовествует Господь проповедь сущим *во аде*, и что со властью повелевает связанным. Изыдите вещает, сущии во тьме, и просветитеся; изыдите, и восстаните лежащии. И тебе повелеваю, Адам: восстани спяй. Я не для того сотворил тебя, чтобы ты остался связанным *во аде*: воскресни от мертвых. Я – Живот человеков и Воскресение. Для тебя Бог твой был сын твой. Для тебя Я, Господь твой, принял образ раба. Для тебя Сущий превыше небес, Я пришел на землю и *под землю*. Восстань и изыди отсюду. Восстаньте, идите отсюда: из тьмы в вечный свет, от страданий к веселью. Восстаньте, идите отсюда, из рабства в свободу, *из темницы* в горний Иерусалим, из уз к Богу, из-*под земли* на небо»[282].

В торжественные службы Великой Субботы и Святой Пасхи Церковь, празднуя и воспевая спасение человеков пострадавшим за нас Богочеловеком, поправшим смертью смерть, сокрушившим врата и заклепы адовы, воскресившим человечество в Себе и с Собою, с особенной ясностью выражает свое мнение о местонахождении как ада, так и рая. Церковь не занимается собственно изысканием, где ад и где рай, но, славословя Господа и говоря о аде и о рае, по необходимости, хотя и мимоходно, высказывает свое мнение о месте их, говорит об этом как о предмете общеизвестном. Величественное песнопение на утрени Великой Субботы, после прочтения шестопсалмия и великой ектении, начинается с двух глубоко-умилительных и вместе изящно-поэтических тропарей, из которых в первом воспевается погребение Господа, во втором нисшествие Его во ад. «Благообразный Иосиф с древа снем пречистое тело Твое, плащаницею чистою обвив и вонями, в гробе нове закрыв, положи». – «Егда *снишел еси* к смерти, Животе бессмертный, тогда *ад* умертвил еси блистанием Божества, егда же и умершие от *преисподних* воскресил еси, вся силы небесные взываху: Жизнодавче Христе, Боже наш, слава Тебе». – После этого все священнослужащие, а в монастырях и все братство, выходят с возжженными свечами на средину храма, становятся пред плащаницей и начинают возглашать так называемые Церковным Уставом похвалы Господу, соединяя их со стихами 118 псалма. Из этих похвал выписываем те, в которых с наибольшей ясностью упоминается о том, что ад находится внутри земли. «Зашел еси *под землю* Светоносец правды, и мертвыя якоже от сна возвдигл еси, отгнав всякую тьму, сущую *во аде*»[283]. – Землю содержай дланию, умерщвлен плотию, *под землею ныне содержится*, мертвыя избавляя *адова* содержания»[284]. – На *землю* сшел еси, да спасеши Адама, и *на* земли не обрет его, Владыко, даже *до ада* снисшел еси, ищай»[285]. – «О радосте оныя! О многия сладости! Ихже *во аде* наполнил еси, во *днах мрачных* свет воссияв»[286]. – «Волею снисшел еси, Спасе, *под землею* умерщвленныя человеки оживил еси, и возвел еси в славе Отчей[287]. – Послушав, Слове, Отца Твоего, даже

до ада лютого сошел еси, и воскресил еси род человеческий[288]. – «Зашел еси *под землю*, рукою Твоею создавый человека, да воздвигнеши от падения соборы человеческия всесильною державою»[289]. – «Убояся Адам, Богу ходящу в раи: радуется же *ко аду* сошедшу, падый прежде, и ныне воздвизаем»[290]. – Недр Отеческих неисходен пребыв, Щедре, и человек быти благоволил еси, и *во ад снисшел* еси, Христе»[291]. – «Восстани, Щедре, от *пропастей адских* восставляяй нас»[292]. – *Под землею* хотением *нисшед* яко мертв, возводиши *от земли* к *небесным, оттуду* падшия, Иисусе»[293]. – «Аще и мертв виден был еси, но живый, яко Бог, возводиши *от земли* к *небесным, оттуду* падшия, Иисусе»[294]. В последних двух *похвалах* Церковь во всенародное услышание объявляет не только о местонахождении *ада*, но и о местонахождении *рая*. Люди, в праотцах своих, низвержены на землю из *рая*: Церковь определяет место *рая*, говоря, что люди ниспали *с неба*. – В каноне утрени Великой Субботы воспевается: «Да Твоея славы вся исполниши, сшел еси в *нижняя* земли»[295]. Далее говорится, что «Господь явил Себя сущим *во аде*, что Он приобщился сущим *во аде*, что *ад*, Слове, срет Тя, огорчися, что душа Твоя *во аде* не оставлена, что *ад низу* стенет, что уязвися *ад*, в *сердце* прием Уязвленнаго копием в ребра, что Господь *сниде* даже до *адовых* сокровищ». «В Синаксаре Великой Субботы читается, что в этот день мы празднуем *погребение* Господа и Его *сошествие во ад*, что Он *сошел во ад* нетленною и Божественною Своею душою, разделившеюся от тела смертью. Употреблены выражения о *аде*, как о глубокой пропасти, которая, очевидно из всей службы, признается подземной и находящейся внутри земли[296].

То же мнение о местонахождении ада и рая видим в службе на Святую Пасху. С наибольшей определительностью выражено мнение о месте ада в ирмосе 6 песни канона: «*Снисшел* еси в *преисподняя земли*, и сокрушил еси вереи вечныя, содержащия связанныя, Христе». В Синаксаре по 6 песни говорится: «Господь ныне *из адовых сокровищ* человеческое естество исхитив, *на небеса* возведе, и к *древнему достоянию* приведе нетления. Обаче *сошед во ад,* не всех воскреси, но елицы веровати Ему изволиша. Души же от века святых, нуждею держимыя, от *ада* свободи, и всем даде на небеса взыти». Здесь опять *древнее достояние*, то есть, рай, указывается *на небе*: «Воскресением Твоим, Господи, *рай паки отверзеся*[297], и иже *на небеса* восход *обновил* еси нам»[298].

Мнение о местонахождении ада внутри земли усматривается на всем пространстве богослужения Православной Церкви. Она повсюду говорит об этом предмете, как о общепринятом и общеизвестном. По этой причине выражение определенное встречается изредка. Но оно встречается, и именно по той причине, что встречается как общепринятое и общеизвестное, служит яснейшим свидетельством и доказательством. «Завеса раздрася, воспевает Церковь, распеншуся Тебе, Спасе наш, и отдаваше мертвыя, яже пожре смерть, и *ад* обнажися, Тебе зря *в преисподних земли* бывша»[299]. – «С *душею* пришедшу *Тебе во утробу земли*, души, яже стяжа, *ад* издаваше со тщанием, вопиющия державе Твоей песнь благодарную»[300]. – «С *душею* сшед в *страны преисподния ада*, возвел еси мужеством связанныя вся, яже от века смерть прият, горький мучитель»[301]. – «Тебе, *сошедшаго до последних земли*, и человека спасшаго, и восхождением Твоим сего возвысившего, величаем»[302]. – «Не ктому боюся еже в *землю*, Владыко, возвращения: Ты бо *от земли* возвел мя еси, забвенна»[303]. Адам низведен бысть, лестию запенся, ко *адове пропасти*: но естеством Бог же и милостив, сошел еси ко исканию, и на раму понес совоскресил еси»[304]. «Из *преисподняго ада* вознесша мя падшаго благословите вся дела Господа, и превозносите Его во веки»[305]. – «Дошедшу Ти во *врата адова*, Господи, и сия сокрушившу, пленник сице вопияше: кто Сей есть, яко не осуждается в *преисподних земли*, но яко сень разруши смертное узилище»[306]. – «Вострепеташа *доле преисподняя* днесь, *ад* и смерть, Единаго от Троицы: *земля* поколебася, *вратницы же адовы*, видевше Тя, ужасошася»[307]. – «Во глубины достигша морския, и тридневствоваша в китовех персех морскаго зверя древле Иону подражаяй зову Ти: Спасе мой, возведи мя из *ада преисподняго*»[308]. – «Да не прииду в *землю плача*, да не вижу *место тмы*, Христе мой, Слове»[309]. – «Несть *во*

аде покаяния, несть тамо прочее ослабы: тамо червь неусыпаемый, тамо *земля темна*, и помрачена вся»[310]. Также мимоходно, как о предмете общеизвестном, упоминает о местонахождении ада во внутренности земли святой Иоанн Лествичник. Он советует подвижнику благочестия непрестанно воспоминать о бесконечной пропасти преисподнего пламени, *о подземных* страшных местах и пропастях, о тесных сходах, чтобы таким размышлением и воспоминанием отторгнуть душу от усвоившегося ей сладострастия[311]. Учение, что ад находится внутри земли, есть учение Православной Церкви; в весьма многих сочинениях святых отцов встречается это учение[312]; ни один из них не отвергает его[313]; Божественные Откровения, бывшие угодникам Божиим, подтверждают его.

В первые времена христианства, когда ожесточенная и слепая ревность идолопоклонников к сохранению на земле идолопоклонства проливала реки невинной крови христианской, в Бруссе, главном городе Вифинии, претерпел мучение и казнь епископ города, Патрикий. Мучитель-игемон принимал ванны на теплых целительных источниках, находившихся близ города[314], там допрашивал и умертвил епископа. По поводу этих горячих вод, которых температуру и целебность игемон приписывал действию боготворимых им истуканов, святой Патрикий говорил ему так: «Блистательный игемон! Если хочешь узнать истину о начале, течении и теплоте этих вод, то я могу открыть ее тебе, если с кротостью меня выслушаешь. Всякий исповедующий христианство святое и поклоняющийся единому истинному Богу стяжавает ум, исполненный разумения Божественных тайн: и я, будучи рабом Христа, хотя и грешным, могу объяснить истину об этих водах. Бог, предвидя, что созданные Им люди прогневают Его – Бога, Создателя своего, и, отвергнув истинное Богопочитание, устроят себе бездушных кумиров и будут поклоняться им, уготовал два места для преселения в них человеков после их земной жизни. Первое место Он просветил вечным светом и исполнил обильными и неизреченными благами; другое же место исполнил непроницаемой тьмой, неугасающим огнем

и вечными казнями. Он предназначил, чтобы в первое место были преселяемы те, которые будут стараться благоугождать Ему исполнением Его заповедей, а во второе, темное, ввергаемы те, которые прогневают Творца злым житием своим и заслужат себе казнь. Сподобившиеся места светлого будут жить бессмертной жизнью в непрестанной и бесконечной радости, а низринутые в темное место будут мучены непрестанно, бесконечно. Создатель, разделяя огонь от воды и свет от тьмы, каждое из них, как создал отдельно, так и поставил на отдельных местах. Есть и над твердью небесной, так как и под землей, огонь и вода. Вода, находящаяся на поверхности земной, собранная в собрания свои, называется морем, а подземная вода называется бездной. Из этой бездны, на потребности человеков и животных, населяющих землю, воды подымаются сквозь земные недра, как бы водопроводными трубами и, выходя на поверхность земли, образуют источники, колодцы и реки. Из этих-то вод те, которые приближаются подземному огню, согреваются им, и вытекают горячими; те же, которые текут вдали от огня, сохраняют естественную хладность. На некоторых местах бездны имеются самые холодные воды, обратившиеся в лед, как отстоящие весьма далеко от огня. Подземный огонь устроен для мучения нечестивых душ. Преисподняя вода, обратившаяся в лед, именуется тартаром[315]. В тартаре подвергаются бесконечной муке ваши боги и поклонники их, как воспел один из ваших стихотворцев: «концы земли и моря – не что иное, как их последние пределы, где Иапет и Сатурн – так именуются ваши боги – не утешаются ни блистанием солнца, ни прохладою ветров». Это значит: ваших богов, заключенных в тартаре, не освещает и не согревает солнце, а ввержденных в огонь не прохлаждает ветер. Тартар глубже всех прочих бездн, находящихся под землею. В том, что под землей находится огонь, уготованный на нечестивых, пусть удостоверит тебя по крайней мере тот огонь, который извергается из недр земных в Сицилии». – Так рассуждал о подземном аде святой епископ Христовой Церкви первых веков[316].

Вышеупомянутая преподобная Феодора, посетив райские обители, низведена была в *преисподняя земли*, и видела страшные, нестерпимые муки, уготованные грешникам в аду[317].

Воскресший воин Таксиот поведал, что он был похищен диаволом с блудного мытарства, они свели его из воздушного пространства вниз, на землю. Земля расступилась, и он был спущен по узким и смрадным сходам до преисподних темниц адовых, где души грешных затворены в вечной тьме и вечной муке[318].

Самый образ исшествия души из тела и обстоятельства, его сопровождающие, изложены святыми отцами для назидания и спасения нашего. Преподобный Феодор Студит в 3-м оглашении говорит: «Братия! Останемся ли мы навсегда здесь? Нет! Нет! О горе, братия! Какое страшное таинство смерти! Как мы должны быть всегда внимательны, исполнены покаяния, рассудительны, помышляя, что ныне же предстоит нам смерть, помышляя, как будет совершаться разлучение души от тела, как придут Ангелы – не говорю о том, как предстанут бесы. И бесы приходят к увлекающимся страстями. Помышляйте, каковы будут труд и болезнь, при страшном видении их и при слышании повеления: «душа, выходи!» Тогда людям, разлучающимся от тела, служат великой помощью, утешением, радостью добрые дела и чистота совести. Тогда послушание имеет великое дерзновение; тогда смиренномудрие приносит великое утешение, слезы вспомоществуют, добрые дела прогоняют бесов, терпение вспомоществует, и противники возвращаются без всякого успеха, – души в великой радости пойдут вместе с Ангелами к Спасителю. Но душу, стяжавшую навык в страстях и побежденную грехом, обымет великий страх: тогда побеждают бесы и низводят эту окаянную душу с собой в преисподний ад, во тьму и тартар, для мучения». Однажды два Ангела явились преподобному Макарию Александрийскому, современнику и сподвижнику Макария Великого, обиловавшему дарами Духа, и беседовали с ним. В этой беседе один из Ангелов сказал: «Услышь, Макарий, каким образом души, как верных, так и неверных, выходят из тел, и уводятся, и ведай, что, по

примеру совершающегося в этом мире, должно умозаключать о небесном. Как посланные земным царем воины взять кого-либо, схватывают его и задерживают, хотя бы он этого не хотел и этому противился; задержанный, пораженный страхом, трепещет и ужасается присутствия тех, которые без милосердия влекут его в путь: так, когда пошлются Ангелы, чтобы изъять из тела чью-либо душу, благочестивого ли человека или нечестивого, она приходит в испуг и устрашается присутствия страшных и грозных Ангелов. Тогда, наконец, она усматривает, как бесполезно для нее, ничтожно, не доставляет никакой помощи множество богатства, знакомых и друзей; она слышит и понимает слезы и рыдания окружающих ее человеков, но не может произнести ни одного слова, ни подать голоса, потому что никогда не случалось ей испытать такого требования об исшествии. Ее устрашает и неимоверное пространство пути, и перемена образа жизни; также она ужасается вида тех, у которых находится уже во власти и которые не оказывают ей никакого сочувствия и милосердия. К тому же она томится скорбью по причине привязанности к телу, она болезнует и тоскует о разлучении и разъединении с ним, как с своим сожителем по природе. Ей не соприсутствует и не вспомоществует никакое утешение, доставляемое совестью, разве только душа сознает за собой добрые дела. Таким образом, душа, и прежде изречения Верховного Судии, судится своей совестью»[319].

Пространно говорит об обстоятельствах, сопровождающих смерть, святой Кирилл, патриарх Александрийский, в слове на исход души. Из этого слова помещаем здесь краткую выписку: «Какой страх и трепет ожидает тебя, душа, в день смерти! Ты увидишь страшных, диких, жестоких, немилостивых и бестыдных демонов, подобных мрачным муринам, тебе предстоящих. Одно видение их лютее всякой муки. Душа, увидев их, приходит в смущение, волнуется, мятется, ищет спрятаться, прибегает к Божиим Ангелам. Святые Ангелы держат душу, проходя с ними воздух и возвышаясь, она встречает мытарства, хранящие путь от земли к небу, удерживающие души и препятствующие им восходить далее. Каждое мытарство ис-

пытывает принадлежащие ему грехи; каждый грех, каждая страсть имеет своих мытарей и истязателей. Какой страх, трепет и беспокойство должна ощущать душа, видя все это, доколе не произнесется окончательный приговор, ее освобождающий! Болезнен, бедственен, исполнен стенаний, безутешен час нерешительности. Божественные Силы стоят против лица нечистых духов и представляют добрые помышления, слова и дела, принадлежащие душе, а она, в страхе и трепете, посреди препирающихся о ней Ангелов и демонов, ожидает или оправдания своего и освобождения, или осуждения и погибели. Если она проводила жизнь благочестиво и богоугодно и соделалась достойной спасения, то приемлют ее Ангелы, и она уже спокойно шествует к Богу, имея спутниками Святые Силы. Тогда исполнится сказанное: отбежали печаль, болезнь и воздыхание. Тогда, освободившись от лукавых, гнилых и страшных духов, она идет в неизглаголанную радость. Если же окажется, что душа прожила в небрежении и блуде, то услышит лютейший глас: «да возьмется нечестивый, да не узрит славы Господней!» Постигают ее дни гнева, скорби, нужды и стеснения, дни тьмы и мрака!.. Оставляют ее святые Божии Ангелы и похищают мурины – демоны. Они начинают бить ее без милосердия и низводят на землю; растворивши землю, ввергают душу, связанную нерешимыми узами, в темную и мрачную страну, в преисподнии узилища и темницы адовы, где заключены души грешников, от века усопших, как говорит Иов, в землю темную и мрачную, в землю тьмы вечной, где нет ни света, ни жизни для человеков, но болезнь вечная и печаль бесконечная, и плач непрестанный, и скрежет зубов немолчный, и воздыхания неусыпающие. Там слышится непрестанное «увы! увы!», там зовут – и нет помогающего; там вопиют – и никто не избавляет. Нет возможности поведать тамошнего бедствия; нет возможности выразить тамошней болезни, которой подвергаются низверженные туда и заключенные там души. Изнемогают всякие уста человеческие к объяснению страха и трепета, объемлющего узников адских; нет уст человеческих, могущих выразить томление и плач их – непрестанно и вечно стонут, но

никто их не милует; испускают глубокие воздыхания, но никто не слышит; рыдают, но никто не избавляет; взывают и бьются, но никто не милосердствует. Тогда – где похвалы этого мира? Где тщеславие? Где наслаждение? Где пресыщение? Где благородие? Где мужество плоти? Где красота женская, обманчивая и губительная? Где дерзость бесстыдная? Где украшение пышными одеждами? Где сладость греха нечистая и гнусная? Где помазующие и окуривающие себя мирами и благовониями? Где пирующие с тимпанами и гуслями? Где пристрастие к деньгам и имуществу и происходящее от него немилосердие? Где бесчеловечная гордость, гнушающаяся всеми и научающая уважать только одного себя? Где пустая и суетная человеческая слава? Где зрелища и прочие игрища? Где кощунствующие, праздно и беспечно живущие? Где мягкие одеяния и мягкие постели? Где высокие здания и широкие врата? Где мудрость мудрых, благоязычие риторов и суетная ученость? Увы! Все смятутся, поколеблются, как изумленные; поглотится вся мудрость их. О, братия! Помыслите, каким подобает быть нам, имеющим дать отчет в каждом поступке нашем, и великом, и малом! Даже за каждое праздное слово мы дадим ответ Праведному Судии[320].

Согласно этому поведал о своей кончине воин Таксиот. «Когда я умирал, увидел муринов, представших мне. Вид их был очень страшен; душа моя, смотря на них, возмутилась. Потом я увидел двух прекрасных юношей и выскочила душа моя к ним на руки. Мы начали немедленно восходить по воздуху на высоту, как бы летя, и достигли мытарств, стерегущих восход и удерживающих душу каждого человека. Каждое мытарство истязало об особенном виде греха: одно – о лжи, другое – о зависти, иное – о гордости; каждый грех имеет на воздухе своих испытателей. И видел я, что Ангелы держат в ковчежце все мои добрые дела, – вынимая их, сравнивают с моими злыми делами. Так миновали мы мытарства. Когда же, приближаясь ко вратам небесным, пришли на мытарство блудное, – стерегущие там удержали меня и представили все мои плотские блудные дела, соделанные от детства моего и доселе. Руководившие

меня Ангелы сказали: «Все телесные грехи, которые ты сделал в городе, простил тебе Бог, потому что ты покаялся в них». На это сказали мне сопротивники мои: «Но, вышедши из города, на селе ты соблудил с женой земледельца твоего». Ангелы, услышав это, и не нашедши доброго дела, которым бы можно было возмерить за грех мой, оставили меня и удалились. Тогда лукавые духи схватили меня и, удручая побоями, свели на землю. Земля разверзлась; я был спущен по узким и смрадным сходам в преисподнюю темницу ада»[321].

С особенной подробностью поведала о кончине своей преподобная Феодора, ученица великого угодника Божия Василия Нового. Здесь помещается сокращенно ее поведание. Ученику преподобного Василия, Григорию, вопросившему ее в видении об обстоятельствах, сопровождавших ее смерть и последовавших ей, Феодора сказала следующее: «Чадо Григорий! О страшной вещи вопросил ты меня, о которой и вспомянуть ужасно. Когда настал час моей смерти, я увидела лица, которых никогда не видала, услышала глаголы, которых никогда не слыхала. Что скажу? Лютые и тяжкие бедствия, о которых я не имела понятия, встретили меня по причине дел моих: но молитвами и помощью общего отца нашего Василия я избавилась от них. Как рассказать тебе телесную боль, тягость и тесноту, которым подвергаются умирающие? Как бы кто, обнаженный, упавши на великий огонь, горел, истаивал, обращался в пепел – так разрушается человек смертною болезнью в горький час разлучения души с телом. Когда я приближалась к концу моей жизни и наступило время моего преставления, увидела множество эфиопов, обступивших одр мой. Лица их были темны, как сажа и смола; глаза их – как каленые угли; видение так люто, как сама геенна огненная. Они начали возмущаться и шуметь. Одни ревели, как звери и скоты, другие лаяли, как псы, иные выли, как волки. Смотря на меня, они ярились, грозили, устремлялись на меня, скрежеща зубами, и тотчас же хотели пожрать меня; между тем готовили хартии и развивали свитки, на которых были написаны все мои злые дела, как бы ожидая какого судию, долженствующего прийти. Убогая моя душа была

объята великим страхом и трепетом. Не только томила меня горесть смертная, но и грозный вид и ярость страшных эфиопов были для меня как бы другой лютейшей смертью. Я отвращала глаза мои во все стороны, чтобы не видеть страшных лиц их и не слышать голоса их, но не могла избавиться от них, – они всюду шатались; помогающего мне не было. Когда я окончательно изнемогла, то увидела двух светоносных Ангелов Божиих, в образе юношей невыразимой красоты, идущих ко мне. Лица их сияли, взор был исполнен любви; волосы их были, как снег, белые с златовидным отблеском, одежды их сверкали, как молния; они были препоясаны златыми поясами по сосцам. Приближась к одру моему, они стали на правой стороне его, тихо беседуя друг с другом. Увидев их, я возрадовалась и с приятностью смотрела на них; черные эфиопы содрогнулись и отсупили несколько далее. Один из светоносных юношей, с гневом обратясь к темным, сказал: «О, бесстыдные, проклятые, мрачные и злобные враги рода человеческого! Зачем всегда предваряете приходом к умирающим и молвою вашей устрашаете и смущаете всякую душу, разлучающуюся с телом? Но не очень радуйтесь, потому что здесь не найдете ничего. Есть Божие милосердие к этой душе, и нет вам в ней ни части, ни жребия». Когда Ангел перестал говорить, эфиопы восшатались, подняли клич и молву, начали показывать злые мои дела, содеянные от юности, и вопили: ничего в ней не имеем? А эти грехи чьи? Не она ли сделала то-то и то-то? Так вопия, они стояли и ожидали смерти. И вот пришла смерть, рыкая как лев, видом очень страшная, человеческого подобия, но без тела, составленная из одних нагих костей человеческих[322]. Она принесла различные орудия к мучению: мечи, стрелы, копья, серпы, пилы, секиры, удицы и другие неведомые. Узревши это, смиренная душа моя вострепетала от страха. Святые Ангелы сказали смерти: «Не медли; разреши эту душу от союзов плотских; скоро и тихо разреши ее: она не имеет много тяжести греховной». Смерть приступила ко мне, взяла малую секиру и отсекла мне сперва ноги, потом руки; после другими орудиями расслабила мне все члены, отделив их по составам один от дру-

гого. Я лишилась рук, ног; все мое тело омертвело, и я уже не могла двигаться. Потом отсекла мне голову – я не могла приводить в движение головы моей, соделавшейся мне чужою. После этого она растворила в чаше какой-то состав, и, приложив к устам моим, насильно напоила меня. Так горько было это питие, что душа моя не могла вынести его: содрогнулась и выскочила из тела, отторгнувшись от него насильно. Светоносные Ангелы тотчас приняли ее на свои руки. Оглянувшись назад, я увидела лежащее мое тело бездушным, нечувственным и недвижимым. Как бы кто, совлекшись одежды и кинувши ее, стоял и смотрел на нее: так и я смотрела на тело мое и удивлялась. В то время, как святые Ангелы держали меня, демоны, бывшие в образе эфиопов, обступили нас, вопя: «Множество грехов имеет эта душа: пусть отвечает нам!» – и показывали грехи мои. Святые Ангелы начали искать моих добрых дел и, по благодати Господа, находили их; они собирали все доброе, когда-либо с Божией помощью сделанное мной, и готовились положить на весах против злых дел моих. Эфиопы, видя это, скрежетали на меня зубами, потому что хотели немедленно похитить меня из рук ангельских и низвести во дно адово. В то время неожиданно явился туда преподобный наш отец Василий и сказал святым Ангелам: «Ангелы Божии! Эта душа много послужила мне при старости моей; я молился о ней Богу и Бог даровал мне ее». С этими словами он вынул из недр червленый полный мешец – мне казалось, что в этом мешце было чистое золото – и, подав его Ангелам, примолвил: «Когда будете проходить воздушные мытарства, и лукавые духи начнут истязывать душу, выкупайте ее этим из долгов ее. Благодатью Божией, я богат, собрал многое сокровище потом и трудами моими, и дарую этот мешец душе, послужившей мне». Сказав это, он ушел. Лукавые духи пришли в недоумение, потом подняли плачевные вопли и удалились. И опять пришел преподобный Василий, неся с собой многие сосуды чистого елея и драгоценного мира. Он отверзал их, один за другим, и возливал на меня: я исполнилась благоухания духовного и ощутила, что изменилась и просветилась. Преподобный сказал святым Ангелам: «Когда совершите этой

душе все подобающее, тогда введите ее на жительство в обитель, уготованную мне Господом». Сказав это, он сделался невидим. Ангелы взяли меня, и мы направились на восток».

В самом Евангелии видим указание, что обстоятельства, сопровождающие кончину человека, те самые, какими они представлены в вышеприведенных сказаниях святых отцов. Господь засвидетельствовал, что Ангелы отнесли душу нищего Лазаря на лоно Авраамово[323]. Скупому богачу, мечтавшему, по случаю обильного урожая нив его, о долговременной земной жизни, о построении более пространных житниц, о плотских наслаждениях, сказал Бог: *безумне! В сию нощь истяжут душу твою от тебе, а яже уготовал еси, кому будут?*[324] «Истяжут, – говорит Господь, по изъяснению этих слов Евангелия блаженным Феофилактом, потому что немилостивые мытари-ангелы страшно и насильно исторгают душу грешника. Душа праведника не исторгается из него; он, радуясь и веселясь, предает дух свой Богу и Отцу».

Хотя смерть праведников и вполне покаявшихся грешников совершенно или, по крайней мере, во многом отличается от смерти грешников отверженных и грешников недостаточно покаявшихся, но страх и томление свойственны каждому человеку при его кончине. Это и должно быть так: смерть есть казнь. Хотя казнь и смягчается для праведников, но казнь пребывает казнью. Сам Богочеловек, приуготовляясь к приятию вольной смерти для спасения рода человеческого, был в подвиге, скорбел и тужил; капли пота Его падали на землю каплями крови: *Прискорбна есть душа Моя до смерти*[325], сказал Он апостолам, уснувшим от печали и нечувствовавшим приближавшейся напасти. *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты*[326] – так молился Он Отцу. Предсмертный страх ощущала Пресвятая Дева Богоматерь пред Своим блаженным Успением, хотя Ей предвозвещены были Архангелом Гавриилом Ее преселение в горние обители и слава, там ожидающая Ее, хотя Дух Святой, обильно обитавший в Ней, увлек все помышления и все желания Ее на небо[327].

Страхом и плачем приготовляли себя к роковому смертному часу все святые: они понимали значение этого часа для человека. Когда наступило время кончины преподобного Агафона, он пребыл три дня в глубоком внимании себе, не беседуя ни с кем. Братия спросили его: «Авва Агафон, где ты?» – «Я предстою суду Христову», – отвечал он. Братия сказали: «Неужели и ты, отец, боишься?» – Он отвечал: «Я старался по силе моей сохранять заповеди Божии, но я – человек и откуда знаю, были ли угодны дела мои Богу?» – Братия спросили: «Неужели ты не уповаешь на жительство твое, которое было сообразно воле Божией?» – «Не могу уповать, отвечал он, потому что ин суд человеческий, и ин суд Божий». Они хотели еще спросить его, но он сказал им: «Окажите мне любовь, теперь не говорите со мной, потому что я не свободен». И он скончался с радостью. «Мы видели его веселящимся, – передавали ученики его, – как бы он встречал и приветствовал дорогих друзей». Этот угодник Божий во всем строго, постоянно наблюдал за собой и говаривал, что без тщательнейшего наблюдения над собой человеку невозможно достичь преуспеяния[328]. Таков путь ко спасению. Святые Божии, непрестанно рассматривая себя, непрестанно находили в себе новые недостатки, и, находя их, более и более погружались в покаяние, которое очищало и усовершало их для неба. Напротив того, лютая рассеянность и многопопечительность непременно соединены с глубоким неведением себя; а такое неведение всегда очень довольно, гордо собой. «Многие обольщают себя, говорит блаженный Феофилакт, суетным упованием, думают, что получат Царство Небесное, и присоединят себя к лику возлежащих на высоте добродетелей, высоко мечтая о себе в сердце своем… Много званых, потому что Бог призывает многих, паче же всех, но мало избранных, мало спасаемых, мало достойных избрания Божиего. Призвание – дело Божие, а избрание и неизбрание зависят от нас: иудеи были зваными, но не оказались избранными, оказавшись непослушными Призывавшему»[329].

Великий между святыми иноками, Арсений, во все время жития своего, когда занимался рукоделием, полагал на колени платок, по причине слез, изливавшихся из очей его. Он скончался. Авва Пимен, отец, особенно обиловавший даром духовного рассуждения, услышав о кончине его, сказал: «Блажен Арсений: ты оплакал себя в течение земной жизни! Не оплакивающий себя здесь будет плакать вечно. Невозможно избежать плача: или здесь – произвольного, или там, в муках, невольного». Услышал об этой смерти Феофил, патриарх Александрийский, и сказал: «Блажен, авва Арсений! Ты непрестанно помнил час смертный»[330].

Утешительна повесть о смерти праведников, поучительно и душеспасительное сказание о том, с каким сокрушением и смирением сердца они приготовлялись к ней, с каким святым страхом они встречали ее. Некоторому отцу, за чистоту его жизни, Бог не отказывал ни в каком его прошении. Старец однажды пожелал видеть разлучение с телом души грешника и души праведника. Приведенный рукой Божией в некоторый город, он остановился при его вратах, в монастыре, в котором жил имевший громкое имя затворник. Затворник в то время был болен и ожидал смерти. Старец увидел, что делается большое приготовление восковых свечей и лампад для затворника, как бы ради его Господь подавал хлеб и воду городу и спасал его. Граждане говорили между собой: «Если скончается затворник, то мы все погибнем разом». Между тем, настал час его кончины; старец увидел адского приставника с огненным трезубцем в руке, нисшедшего на затворника, и услышал глас: «Как эта душа не успокоила Меня в себе ни единого часа, так и ты без милосердия исторгни ее». Адский приставник вонзил огненный трезубец в сердце затворника и, промучив его несколько часов, извлек его душу. После этого старец вступил в город, где нашел некоторого больного странника, лежащего на улице. Некому было послужить этому страннику: старец пробыл с ним день. Когда настал час его успения, старец увидел, что Архангелы Михаил и Гавриил низошли за его душой. Один сел по правую, другой – по левую сторону странника и

начали упрашивать душу его, чтоб она вышла. Она не хотела оставить тела и не выходила. Тогда Гавриил сказал Михаилу: «Возьмем душу и пойдем». Михаил отвечал: «Нам повелено Господом взять ее без болезни, не можем употребить насилия». Вслед за сими словами Михаил воскликнул громким голосом: «Господи! Что повелишь об этой душе? Она не повинуется нам и не хочет выйти». И пришел ему глас: «Вот! Я посылаю Давида с Псалтирью и певцов Божиих Иерусалима Небесного, чтобы душа, услышав псалмопение и гласы их, вышла». Они низошли и окружили душу, воспевая гимны: тогда она вышла на руки к Михаилу и принята была с радостью[331]. Кто не подивится Божией любви и милосердию к роду человеческому? К несчастью, к величайшему несчастью, мы с ожесточением отталкиваем все милости Божии и с безумным ослеплением становимся в ряды слуг и поклонников врага Божия и врага нашего.

Кончина избранников Божиих преисполнена славы. Когда настало время умирать великому Сисою, просветилось лицо его, и он сказал сидевшим у него отцам: «Вот пришел авва Антоний». Помолчав несколько, сказал: «Вот лик пророческий пришел». Потом просветился более и сказал: «Вот пришел лик апостольский». И опять сугубо просветилось лицо его; он начал с кем-то беседовать. Старцы упрашивали его сказать, с кем он беседует? Он отвечал: «Ангелы пришли взять меня; но я умоляю их, чтобы они оставили меня на короткое время для покаяния». Старцы сказали ему: «Отец, ты не нуждаешься в покаянии». Он отвечал им: «Поистине не знаю о себе, положил ли я начало покаянию». А все знали, что он совершен. Так говорил и чувствовал истинный христианин, несмотря на то, что во время жизни своей воскрешал мертвых единым словом и был исполнен даром Святого Духа. И еще более засияло лицо его, засияло как солнце. Все убоялись. Он сказал им: «Смотрите, – Господь пришел и изрек: принесите Мне избранный сосуд из пустыни». С этими словами он испустил дух. Увидена была молния, и храмина исполнилась благоухания[332]. Так окончил земное течение один из величайших угодников Божиих.

Но и грешники, принесшие искреннее раскаяние в грехах, сподобились милости Божией. При греческом императоре Маврикии был во Фракии разбойник свирепый и жестокий. Поймать его никак не могли. Блаженный император, услышав о том, послал к разбойнику наперсный крест свой и повелел ему сказать, чтобы он не боялся: этим означалось прощение всех его злодеяний, с условием исправления. Разбойник умилился, пришел к царю и припал к ногам его, раскаиваясь в преступлениях своих. После немногих дней он впал в недуг и помещен был в странноприимный дом, где видел во сне Страшный Суд. Пробудившись и примечая усиление болезни и приближение кончины, он обратился с плачем к молитве и говорил в ней так: «Владыко, человеколюбивый Царь, спасший прежде меня подобного мне разбойника, удиви и на мне милость Твою: прими плач мой на смертном одре. Как принял Ты пришедших в единодесятый час, ничего не совершивших достойного, так прими и мои горькие слезы, очисти и крести меня ими. Больше этого не взыскивай от меня ничего: я уже не имею времени, а заимодавцы приближаются. Не ищи и не испытывай: не найдешь во мне никакого добра; предварили меня беззакония мои, я достиг вечера; бесчисленны злодеяния мои. Как принял Ты плач апостола Петра, так прими этот малый плач мой и омой рукописания моих грехов. Силой милосердия Твоего истреби мои прегрешения». Так исповедуясь в течение нескольких часов и утирая слезы платком, разбойник предал дух. В час смерти его старший врач странноприимного дома видел сон: к одру разбойника пришли мурины с хартиями, на которых были написаны многочисленные грехи разбойника; потом два прекрасных юноши-царедворца принесли весы. Мурины положили на одну чашу написанное на разбойника: эта чаша перетянула, а противоположная ей поднялась кверху. Святые Ангелы сказали: «Не имеем ли мы здесь чего?» – «И что можем иметь – возразил один из них, – когда не более десяти дней, как он воздерживается от убийства?» – «Впрочем, прибавили они, поищем чего-нибудь доброго». Один из них нашел платок разбойника, намоченный его слезами, и сказал другому: «Точно, этот пла-

ток наполнен его слезами. Положим его в другую чашу, а с ним человеколюбие Божие, и посмотрим, что будет?» Как только они положили платок в чашу, она немедленно перетянула и уничтожила вес рукописаний, бывших в другой. Ангелы воскликнули в один голос: «Поистине победило человеколюбие Божие!» Взяв душу разбойника, они повели ее с собой; мурины зарыдали и бежали со стыдом. Увидев этот сон, врач пошел в странноприимный дом; пришедши к одру разбойника, он нашел тело еще теплым, оставленным уже душою; платок, наполненный слезами, лежал на глазах его. Узнав от находившихся при нем о покаянии его, принесенном Богу, врач взял платок, представил его императору и сказал: «Государь! Прославим Бога: и при твоей державе спасся разбойник». Однако, – заключает весьма благоразумно эту повесть передавший нам ее, – гораздо лучше благовременно приготовлять себя к смерти и предварять страшный час ее покаянием[333]. Справедливо замечает святой Иоанн Лествичник, что зло, обратившееся от долговременной привычки к нему в качество, соделывается уже неисправимым[334]. «Злой навык обладает, как самовластный тиран, часто и над плачущими», – восклицает грустно тот же наставник иночествующих[335]. К этому должно присовокупить, что покаяние возможно только при точном, хотя бы и простом, знании православной христианской веры, чуждом всякой ереси и зломудрия. Заимствовавшие свой образ мыслей о добродетелях и правилах жизни из романов и других душевредных еретических книг не могут иметь истинного покаяния: многие смертные грехи, ведущие в ад, признаются ими за ничтожные, извинительные погрешности, а лютые греховные страсти – за легкие и приятные слабости; они не страшатся предаваться им пред самими смертными вратами. Неведение христианства – величайшее бедствие!

Господь призывает человека к покаянию и спасению до последней минуты его жизни. В эту последнюю минуту еще отверсты двери милосердия Божия всякому, толкущему в них. Никто да не отчаивается! Доколе не закрыто поприще, действителен подвиг. Последние минуты человека могут искупить

всю жизнь его. В Египте некоторая девица, именем Таисия, оставшись сиротой после родителей, умыслила обратить дом свой в странноприимницу для скитских иноков. Прошло много времени, в которое она принимала и успокаивала отцов. Наконец ее имение истощилось. Она начала терпеть недостаток. С ней познакомились неблагонамеренные люди и отвратили ее от добродетели; она начала проводить худую жизнь, даже развратную. Отцы, услышав это, очень опечалились. Они призвали авву Иоанна Колова и сказали ему: «Мы слышали о сестре Таисии, что она расстроилась. Когда была она в состоянии, показывала нам свою любовь: и мы ныне покажем нашу любовь к ней и поможем ей. Потрудись посетить ее и, по премудрости, данной тебе Богом, устрой ее». Авва Иоанн пришел к ней и сказал старице, стоявшей на страже у ворот, чтобы она доложила о нем госпоже своей. Она отвечала: «Вы, монахи, поели все имение ее». Авва Иоанн сказал: «Доложи ей; я доставлю ей большую пользу». Старица доложила. Юная госпожа сказала ей: «Эти иноки, постоянно странствуя при Чермном море, находят жемчуг и драгоценные камни; поди, приведи его ко мне». Авва Иоанн пришел и сел возле нее. Воззрев на лицо ее, он преклонил голову и начал горько плакать. Она сказала ему: «Авва, что ты плачешь?» Он отвечал: «Вижу, что сатана играет на лице твоем, и как мне не плакать? Чем не понравился тебе Иисус, что ты обратилась на противные Ему дела?» Она, услышав это, затрепетала и сказала ему: «Отец! Есть ли для меня покаяние?» Он отвечал: «Есть». «Отведи меня, куда хочешь», – сказала она ему и, встав, пошла за ним. Иоанн, заметив, что она не распорядилась, даже не сказала ни одного слова о доме своем, удивился. Когда они достигли пустыни, уже смеркалось. Он сделал для нее возглавие из песка, такое же другое, в некотором расстоянии, для себя. Оградив ее возглавие крестным знамением, сказал: «Здесь усни». И он, исполнив свои молитвы, лег спать. В полночь Иоанн проснулся – видит: образовался некий путь от того места, где почивала Таисия, до неба; Ангелы же Божии возносят ее душу. Он встал и начал будить ее, но она уже скончалась. Иоанн повергся ниц

на молитву и услышал глас: «Един час покаяния ее принят паче долговременного покаяния многих, не оказывающих при покаянии такого самоотвержения»[336]. «Господи! Для рабов Твоих, – говорит святой Василий Великий, – разлучающихся с телом и приходящих к Тебе, Богу нашему, нет смерти, но преставление от печального на полезнейшее и сладостнейшее, и на упокоение и радость»[337].

Точно, в собственном смысле разлучение души с телом не есть смерть; оно – только последствие смерти. Есть смерть, несравненно более страшная! Есть смерть – начало и источник всех болезней человека, и душевных, и телесных, и любой болезни, исключительно именуемой у нас смертью. «Истинная смерть, – говорит преподобный Макарий Великий, – внутрь в сердце сокровенна, и чрез тую внешний человек жив умер. Аще кто в тайне сердца от смерти к жизни прешел, сей воистину живет во веки, и ктому не умирает. Хотя же таковых тела на некое время и разлучаются от душ, но, однако, освященная суть, и со славою востанут. Сего ради и сном смерть святых именуем»[338].

Слово и понятие *смерть* поразили в первый раз слух и мысль человека при вступлении его в рай. Между древами рая были особенно замечательны древо жизни и древо познания добра и зла. Господь, введя человека в рай, заповедал ему: *ото всякого древа, еже в раи, снедию снеси; от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него: а воньже аще день снесте от него, смертию умрете*[339]. Несмотря на страшную угрозу смертью, человек преступил заповедь и, по преступлении, немедленно умер; смерть мгновенно явилась во всех движениях души и в ощущениях тела. Святой Дух, обитавший в человеке, сообщавший бессмертие душе и телу, бывший их жизнью, отступил от них, как от нарушивших общение с Богом произвольным отвержением заповеди Божией и столько же произвольным вступлением в единомыслие и союз с сатаной. Святой Георгий, архиепископ Фессалоникийский, говорит: «Как разлучение души от тела есть смерть тела, так и разлучение Бога от души есть смерть души. В этом собственно

заключается душевная смерть. На эту смерть указывал и Бог заповедью, данной еще в раю, когда говорил: *воньже аще день снеси от возбраненнаго древа, смертию умреши.* Тогда умерла душа Адамова, разлучившись преслушанием от Бога; телом же он прожил от того времени до девятисот тридцати лет. Эта смерть, постигшая душу за преслушание, не только соделывает непотребной душу, но и распространяет проклятие на всего человека; самое тело подвергает многим трудам, многим страданиям и тлению. Тогда, по умерщвлении внутреннего человека преслушанием, услышал перстный Адам: *проклята земля в делех твоих, в печали снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сельную. В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю: яко земля еси и в землю пойдеши*»[340].

Знаменуя смерть души, святой Иоанн Богослов сказал: *есть грех к смерти, и есть грех не к смерти*[341]. Он назвал смертным грехом грех, убивающий душу, тот грех, который совершенно отлучает человека от Божественной благодати и соделывает его жертвой ада, если не уврачуется покаянием действительным и сильным, способным восстановить нарушенное соединение человека с Богом. Таким покаянием святой апостол Петр уврачевал свой смертный грех – отречение от Христа, а святой пророк Давид – свои два смертные греха: прелюбодеяние и убийство. Покаяние в смертном грехе тогда признается действительным, когда человек, раскаявшись в грехе и исповедав его, оставит грех свой[342]. Таким покаянием блудники, прелюбодеи, мытари, разбойники восхитили Царство Небесное; к такому покаянию – к воскресению из смерти душевной – призывает апостол Павел: *восстани спяй*, вопиет он, *и воскресни из мертвых и освятит тя Христос*[343]. Но кто внимает этому гласу, этой духовной трубе, призывающей к воскресению души, к воскресению, более необходимому для спасения, нежели то, которое оживит тела, не оживит уже душ, умерщвленных грехом? Все мы пребываем в умерщвлении, исполняя греховные пожелания наши, которые не только воюют на душу, но, будучи удовлетворяемы, и умерщвляют ее. Указывая на смерть

души, на существенную смерть, Спаситель мира назвал мертвецами всех человеков, современных Его пребыванию на земле, не обращавших внимания на Его всесвятое учение, необходимое для спасения, единое на потребу для истинной жизни человека: *остави мертвыя погребсти своя мертвецы*[344], сказал Он последователю Своему, просившему дозволения отлучиться на время от Господа и от внимания Его святому учению, для погребения скончавшегося своего родителя. Мертвыми наименовал Господь тех живых по плоти, которые были поистине мертвы, как умерщвленные душою[345]. Те из этих мертвецов, которые остаются чуждыми Христа в течение всей земной жизни и в этом состоянии отходят в вечность, не познают воскресения во все пространство времени, данное для этого воскресения, и заключающееся между двумя пришествиями Христовыми, первым – совершившимся, и вторым, имеющим совершиться. *Прочии же мертвецы не ожиша*, говорит о них зритель тайн, святой Иоанн Богослов, *дондеже скончается тысяща лет*[346].

Блажен и свят, возвещает сын духовного грома[347], *иже имать часть в воскресении первем: на нихже смерть вторая не имать области, но будут иереи Богу и Христу, и воцарятся с Ним тысящу лет*[348]. Тысяча лет, по объяснению, общепринятому Святой Церковью, не знаменует здесь определенного числа годов, а знаменует весьма значительное пространство времени, данное милосердием и долготерпением Божиим, чтоб весь плод земли, достойный неба, созрел, и чтоб ни единое зерно, годное для горней житницы, не было утрачено. Когда и самые святые Божии уже сочли грехи мира преисполнившимися, а окончательный Суд Божий настолько нужным, тогда услышали от Бога: *да почиют еще время мало, дондеже скончаются и клеврети их и братия их*[349]. Так долготерпеливо великое милосердие Божие! «Тысяча лет, – говорит святой Андрей, архиепископ Кесарийский, – время от вочеловечения Христова до второго славного Его пришествия… Тысяча лет – время, в течение которого будет благовествоваться Евангелие. Нет нужды разумевать буквально тысячу лет. Так число не

имеет буквального значения ни в словах Песни Песней: *муж принесет в плод тысящу сребреник. Виноград Мой предо Мною: тысяща Соломону, и двести стрегущим плод его*[350]; ни в словах Господа Иисуса: *даяху плод, ово убо сто, овоже шестьдесят, овоже тридесять*[351]. Полным числом изображается обилие и совершенство в плодоприношении. Так и здесь чрез тысячу лет изображается преисполненное плодоприношение веры»[352], для которого дано все нужное время; полнота времени изображена словом «тысяча лет». С начала этого тысячелетия открылось, и ныне продолжает открываться первое, таинственное, существенное воскресение мертвых; оно будет продолжаться до конца времен. *Аминь, аминь глаголю вам,* сказал Господь, *яко слушаяй словесе Моего и веруяй пославшему Мя, имать живот вечный и на суд не приидет, но прейдет от смерти в живот*[353]. Объясняя эти слова Спасителя, блаженный Феофилакт говорит: «Верующий во Христа не пойдет на суд, т. е. в муку, но живет присносущною жизнью, не подвергаясь душевной и вечной смерти, хотя бы и вкусил по естеству сию временную смерть». То же значение имеют и слова Господа, сказанные Им Марфе, пред воскресением брата ее, Лазаря: *Аз есмь воскресение и живот; и всяк живый и веруяй в Мя, не умрет во веки*[354]. Сыны и дщери ветхого Адама, рожденные по его образу и подобию падшими, рожденные для вечной смерти, переходят верой в нового Адама к вечной жизни. Этот переход, это воскресение незаметны для чувственных очей. Непостижимы для плотского ума, но ясны и ощутительны для души, над которой они совершаются. «Когда слышишь, – говорит святой Макарий Великий, – что Христос, сошед во ад, освободил содержимые там души, не думай, чтоб это далеко отстояло от совершающегося ныне. Знай: гроб – сердце: там погребены и содержатся в непроницаемой тьме твой ум и твои помышления. Господь приходит к душам, во аде вопиющим к Нему, т. е. в глубину сердца, и там повелевает смерти отпустить заключенные души, молящие Его, Могущего освобождать, об освобождении. Потом, отвалив тяжелый камень, лежащий на душе, отверзает гроб, воскрешает точно умерщвленную душу

и выводит ее, заключенную в темнице, на свет»[355]. Первое воскресение совершается при посредстве двух таинств: крещения и покаяния. Чрез святое крещение воскресает душа от гроба неверия и нечестия, или от первородного греха и собственных грехов, соделанных в нечестии; а чрез покаяние уже верующая душа воскресает от смерти, нанесенной ей смертными грехами или нерадивой, любосластной жизнью по крещении. Совершитель воскресения – Дух Святой.

Воскресших от душевной смерти видел святой Иоанн Богослов и сказал о них: *видех престолы, и седящия на них, и суд дан бысть им: и души растесанных за свидетельство Иисусово и за слово Божие, иже не поклонишася зверю, ни иконе его, и не прияша начертания на челех своих, и на руце своей, и ожиша, и воцаришася со Христом тысящу лет… Се воскресение первое*[356], состоящее в оживлении души из ее смерти верою в Господа Иисуса Христа в омовении грехов святым крещением, в жизни по завещанию Христову и в очищении покаянием грехов, соделанных после крещения. Престолы святых – их господство над страстями, над самыми демонами, над недугами человеческими, над стихиями, над зверями, обилие их духовных дарований. Им дан суд, т. е. рассуждение духовное, которым они обличают грех, как бы он ни был прикрыт благовидностью, и отвергают его; им дан суд, которым они судят ангелов тьмы, приемлющих вид Ангелов, и не дозволяют им обольщать себя. Они не поклонились зверю, ни иконе его: ни антихристу, ни предызображавшим его гонителям христианства, требовавшим от христиан отречения от Христа и отвержения Его всесвятых заповеданий. Они не прияли ни на челах, ни на десницах начертаний врага Божия, но, усвоив себе ум Христов, постоянно выражали его в образе мыслей и в образе действий, не щадя крови своей для запечатления верности Христу, и потому воцарились со Христом. Для них нет смерти! Для них разлучение души с телом – повторим вышеприведенную мысль Василия Великого – не смерть, но переход от скорбного земного странствования к вечной радости и упокоению. *Смерть вторая, т. е. окончательное осуждение на вечные ад-*

ские муки и предание им, не имать области над воскресшими первым воскресением; воскресшие им будут иереи Богу и Христу, и воцарятся с Ним тысящу лет[357]. Это царствование священников Божиих в Духе Святом не может быть прервано разлучением души от тела: оно развивается и упрочивается им. *Егда скончается тысяща лет*[358], исполнятся времена и созреет весь словесный плод земли, – последует воскресение второе, воскресение тел. После него усугубится блаженство праведников, благовременно воскресших первым воскресением; усугубится после него смерть отверженных грешников, лишившихся первого воскресения.

«Хотя в будущем пакибытии, – говорит святой Григорий Палама, – когда воскреснут тела праведников, воскреснут вместе с ними тела беззаконников и грешников, но воскреснут лишь для того, чтобы подвергнуться второй смерти: вечной муке, неусыпающему червю, скрежету зубов, кромешной и непроницаемой тьме, мрачной и неугасимой геенне огненной. Говорит пророк: *сокрушатся беззаконнии и грешницы вкупе, и оставившие Господа скончаются*[359]. В этом заключается вторая смерть, как научает нас Иоанн в своем Откровении. Услышь и великого Павла: *аще по плоти живете,* говорит он, *имате умрети: аще ли Духом деяния плотская умерщвляете, живы будете*[360]. Он говорит здесь о жизни и смерти, принадлежащих будущему веку. Эта жизнь – наслаждение в присносущем Царстве; смерть – предание вечной муке. Преступление заповеди Божией – причина всякой смерти, душевной и телесной, и той, которой подвергнемся в будущем веке, вечной муке. Смерть собственно состоит в разлучении души от Божественной благодати и в совокуплении с грехом. Это для имеющих разум – смерть, которой должно убегать; это – смерть истинная и страшная. Она для благомыслящих ужаснее геенны огненной. Будем избегать ее со всевозможным усилием! Все повергнем, все оставим, отречемся от усвоений, деяний, хотений, от всего, что низвлачает и разлучает нас от Бога и производит такую смерть. Убоявшийся этой смерти и сохранившийся от нее не убоится приближения плотской смерти,

имея в себе жительствующую истинную жизнь, которую плотская смерть соделывает лишь неотъемлемой».

«Как смерть души есть собственно смерть, так и жизнь души есть собственно жизнь. Жизнь души – соединение ее с Богом, как жизнь тела – соединение его с душою. Душа, разлучившись с Богом преступлением заповеди, умерла; но послушанием заповеди опять соединяется с Богом и оживотворяется этим соединением. Посему-то и говорит Господь в Евангелии: *глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть*[361]. Это же выразил и Петр, уразумевший от опыта, словами, сказанными им Спасителю: *глаголы живота вечнаго имаши*[362]. Но глаголы живота вечного суть глаголы живота для послушных: для преступников же заповедь жизни соделывается причиною смерти. Так и апостолы, это Христово благоухание, были для одних вонею жизни в жизнь, а для других вонею смерти в смерть[363]. Опять, эта жизнь принадлежит не только душе, но и телу, доставляя ему бессмертие воскресением. Она не только избавляет его мертвенности, но с ней и никогда непрестающей смерти – будущей муки. Она дарует телу присносущную жизнь о Христе, безболезненную, безнадежную, беспечальную, воистину бессмертную. Как душевной смерти, т. е. преступлению и греху, в свое время последовала телесная смерть – соединение тела с землей и обращение его в прах, а за телесною смертью последовало помещение отверженной души во ад, так и за воскресением души, состоящем в возвращении души к Богу, посредством послушания Божественным заповедям, в свое время должно совершиться воскресение тела соединением его с душою, а за этим воскресением должно последовать нетление и во веки пребывание с Богом достойных этого пребывания, соделавшихся из плотских духовными, способных, подобно Ангелам Божиим, жительствовать на небе. И мы будем *восхищени в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем*»[364]. «Сын Божий, соделавшись человеком, умер плотию: душа Его разлучилась с телом, но не разлучилась с Божеством; потом Он, воскресив тело Свое, вознес его на небо во славе. Так бывает и с жившими здесь по

Богу. Разлучаясь с телом, они не разлучаются с Богом; по воскресении же и телом вознесутся к Богу, входят с неизглаголанной радостью туда, куда предтечею нашим взошел Иисус, для наслаждения с Ним Его славой, которая тогда явится[365]. Они соделаются общниками не одного Воскресения Господня, но и Вознесения Его и всякой боговидной жизни. Не удостоятся этого жившие здесь по плоти и не вступившие ни в какое общение с Богом в час исхода своего. Хотя и все воскреснут, но каждый, говорит Писание, *в своем чину*[366]. Умертвивший здесь духом деяния плотские будет там жить божественной и истинно-присносущной жизнью со Христом, а умертвивший здесь дух похотями и страстями – увы! – будет осужден с содетелем и виновником злобы и предан нестерпимой и непрестанной муке – смерти второй и бесконечной».

«Где прияла начало истинная смерть – причина и содетель временной и вечной смерти для души и тела? Не в месте ли жизни? По этой причине – увы! – человек немедленно был осужден и изгнан из рая Божия, как стяжавший жизнь, сопряженную смерти, неприличную для божественного рая. Так и наоборот, истинная жизнь, причина бессмертной истинной жизни для души и тела, должна иметь свое начало здесь, в месте смерти. Нестарающийся здесь стяжать в душе этой жизни да не обольщает себя тщетною надеждой, что получит ее там; да не уповает там на человеколюбие Божие. Там – время воздаяния и отмщения, а не милосердия и человеколюбия, время откровения ярости, гнева и правосудия Божия, время показания крепкой и высокой руки, движимой для мучения непокорных. Горе впадшему *в руце Бога Живаго!*[367] Горе узнающему там ярость Господню, ненаученному здесь страхом Божиим познанию державы гнева Его, непредобручившему делами человеколюбия Его, на что дано настоящее время. Даруя место покаянию, Бог попустил нам земную жизнь»[368].

Вечные муки, ожидающие грешников в аду, так ужасны, что человек, живущий на земле, не может получить о них ясного понятия без особенного откровения Божия. Все наши лютые болезни и злоключения, все страшнейшие зем-

ные страдания и скорби ничтожны в сравнении с адскими муками. Напрасно вопиют сладострастные эпикурейцы[369]: «Не может быть, чтобы адская мука, если только она существует, была так жестока, была вечна! Это несообразно ни с милосердием Божиим, ни с здравым разумом. Человек существует на земле для наслаждения; он окружен предметами наслаждения: почему ж ему не пользоваться ими? Что тут худого и греховного?» Оставляя этот клич на произвол произносящим его и противопоставляющим его Божественному Откровению и учению, сын Святой Церкви, пребывающий на земле для покаяния, руководствуется в понятиях своих о вечности и лютости адских мук словом Божиим. Чего не отвергало многострастное человеческое сердце, чтобы свободнее предаваться разврату! Оно употребило разум в слепое орудие своих греховных пожеланий, хотя и величает его здравым. Для своей греховной свободы оно отвергло учение о Боге и о Его заповедях, возвещенное на земле Самим Сыном Божиим, отвергло духовносладостнейшее наслаждение, доставляемое любовью Божией: мудрено ли, что оно отвергло бразду и грозу, останавливающие грешника в путях его, отвергло ад и вечные муки? Но они существуют. Грех всякой ограниченной твари пред ее Творцом, бесконечно Совершенным, есть грех бесконечный; а такой грех требует бесконечного наказания. Наказание твари за грех пред ее Творцом должно вполне растлить ее существование: ад со своими лютыми и вечными муками удовлетворяет этому требованию неумолимой справедливости[370].

Священное Писание повсюду называет адские муки вечными, это учение постоянно проповедовалось и проповедуется Святой Церковью. Господь наш Иисус Христос несколько раз в святом Евангелии подтвердил грозную истину. Предвозвещая отверженным грешникам общую участь с падшими ангелами, Он объявил, что скажет им на Страшном Суде Своем: *идите от Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелам его*[371]. По изречении окончательного определения на род человеческий, погибшие отыдут *в муку вечную*[372]. В повести о жестокосердном богаче и нищем Лазаре Господь засвидетельствовал, что между обитателями вечного блаженства и адскими темницами *пропасть велика утвердися*, и нет перехода от блаженства к мукам, ни от мук к блаженству[373]. Червь адский не умирает, и огонь адский не угасает[374]. Преисподние темницы представляют странное и страшное уничтожение жизни при сохранении жизни. Там – полное прекращение всякой деятельности; там – одно страдание; там господствует лютейший из сердечных недугов – отчаяние; там – плачи и стоны, непривлекающие никакого утешения душе, раздираемой ими; там – узы и оковы неразрешимые; там – тьма непроницаемая, несмотря на обилие пламени; там – царство вечной смерти. Так ужасны адские муки, что ничтожна пред ними лютейшая из земных мук – насильственная смерть. Спаситель мира, предвозвещая ученикам Своим поприще мученичества, заповедал: *глаголю вам, другом Своим: не убойтеся от убивающих тело и потом не могущих лишше что сотворити. Сказую же вам кого убойтеся: убойтеся имущаго власть по убиении воврещи в дебрь огненную: ей, глаголю вам, Того убойтеся*[375]. Взирая оком веры на уготованное неизреченное блаженство для верных рабов Божиих и столько же неизреченные муки, ожидающие рабов неверных, святые мученики попрали лютейшие казни, которые изобретала против них исступленная злоба мучителей, и бесчисленными скорбями и смертями[376] сокрушили под ноги свои вечную смерть. На муки ада взирали непрестанной памятью о них святые иноки – таинственные мученики – и этим воспоминанием низлагали помыслы и мечтания искусителя, живописно и увлекательно рисовавшего пред их воображением, изощренным пустынею, гибельное сладострастие. Орудие, заповеданное Господом, воспоминание о смерти и вечных муках, употреблял преподобный Антоний Великий, особливо в начале своего подвига. В ночное время диавол принимал вид прекрасных женщин и, являясь Антонию в этом виде, старался возбудить в нем греховное похотение; но Антоний противополагал диавольским мечтам живое представление пламени геенского, неусыпающего червя и прочих ужасов ада, – этим оружием погашал огонь сладострастия и разрушал картины

обольстительные[377]. Только потому мы побеждаемся страстями нашими, что забываем о казнях, последующих за ними; только потому считаем тяжкими земные скорби, что не изучили мучений адских. Некоторый инок, подвижнической жизни, сказал святому старцу: «Душа моя желает смерти». Старец сказал: «Ты так говоришь потому, что желаешь избежать скорбей, а не знаешь, что будущая скорбь несравненно жесточе здешней». Другой брат вопросил старца: «Отчего я, живя в келье моей, пребываю в небрежении?» Старец отвечал: «Потому, что ты не узнал ни ожидаемого покоя, ни будущей муки. Если бы ты знал их как должно, то терпел бы и не ослабевал и тогда, когда бы твоя келья была полна червей, и ты стоял в них по шею»[378].

Господь, по великому милосердию Своему, открывал отчасти вечные муки некоторым избранникам Своим, для их спасения и преуспеяния. Чрез поведание их и наши понятия об адских муках соделались яснее и подробнее. «Были два друга – сказано в некоторой священной повести – один из них, тронутый словом Божиим, вступил в монастырь и проводил жизнь в слезах покаяния; другой остался в мире, проводил рассеянную жизнь и, наконец, пришел в такое ожесточение, что начал дерзко насмехаться над Евангелием. Среди такой жизни кончина постигла мирянина. Узнав о его смерти, монах, по чувству дружбы, начал молить Бога, чтобы загробная участь почившего была ему открыта. По прошествии некоторого времени, в тонком сне, является иноку друг его. «Что, каково тебе? Хорошо ли?» – спросил монах явившегося. – «Ты хочешь знать это? – со стоном отвечал почивший, – горе мне, злосчастному! Неусыпающий червь точит меня, не дает и не даст мне покоя чрез целую вечность». – «Какого рода это мучение?» – продолжал вопрошать монах. – «Это мучение невыносимо! – воскликнул умерший, – но нет возможности избежать гнева Божия. Ради твоих молитв теперь дана мне свобода и, если хочешь, я покажу тебе мое мучение. Тебе не вынести, если бы я открыл его так, как оно есть, вполне; но, хотя отчасти, узнай его». При этих словах почивший приподнял одежду свою до колена. О ужас! Вся нога была покрыта страшным червем, снедавшим

ее, и от ран выходил такой зловонный смрад, что потрясенный монах проснулся. Но адский смрад наполнил всю келью, и так сильно, что монах в испуге выскочил из нее, забыв затворить за собой двери. Смрад проник далее и разлился по монастырю; все кельи переполнились им. Как самое время не уничтожало его, то иноки должны были совершенно оставить монастырь и переселиться в другое место, а монах, видевший адского узника и его ужасную муку, во всю жизнь свою не мог избавиться от прилепившегося ему зловония, ни отмыть его от рук, ни заглушить никакими ароматами[379]. Согласно этой повести свидетельствуют и другие подвижники благочестия, которым были показаны адские муки: без ужаса они не могли воспоминать своих видений, и в непрестанных слезах покаяния и смирения искали обрести отраду – извещение спасения. Так случилось с Исихием Хоривским. Во время тяжкой болезни душа его оставляла тело на целый час. Пришедши в себя, он умолял всех, находившихся при нем, удалиться от него. Заградив двери кельи, он пребыл двенадцать лет в неисходном затворе, не произнося ни с кем ни слова, не вкушая ничего, кроме хлеба и воды; в уединении задумчиво углублялся он в виденное им во время исступления и непрестанно проливал тихие слезы. Когда надлежало ему скончаться, он сказал пришедшим к нему братьям, после многих их просьб, только следующее: «Простите меня! Кто стяжал памятование смерти, тот не может согрешить»[380]. Подобно затворнику Хорива умирал и воскрес затворник наших отечественных киевских пещер, Афанасий, проводивший святую, богоугодную жизнь. Он, после продолжительной болезни, скончался. Братья убрали тело его, по обычаю иноческому, но скончавшийся оставался непогребенным в течение двух дней, по некоторому встретившемуся препятствию. На третью ночь было божественное явление игумену, и он слышал глас: «Человек Божий, Афанасий, лежит два дня непогребенным, а ты не заботишься о нем». Рано утром игумен с братией пришли к почившему с намерением предать его тело земле, но нашли его сидящим и плачущим. Ужаснулись они, увидев его ожившим; потом начали

вопрошать: как ожил он? Что видел и слышал в то время, как разлучался с телом? На все вопросы он отвечал только словом: «Спасайтесь!» Когда же братья неотступно упрашивали сказать им полезное, то он завещал им послушание и непрестанное покаяние. Вслед за этим Афанасий заключился в пещере, пребыл в ней безвыходно в течение двенадцати лет, день и ночь проводя в непрестанных слезах, чрез день вкушая понемногу хлеба и воды и не беседуя ни с кем во все это время. Когда настал час его кончины, он повторил собравшимся братьям наставление о послушании и покаянии и скончался с миром о Господе[381]. *Страшно некое чаяние суда*, говорит святой апостол Павел, *и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя. Отвергся кто закона Моисеова, без милосердия при двоих или триех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, ею же освятися, и Духа благодати укоривый? Вемы бо рекшаго: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь. И паки: яко судит Господь людем Своим. Страшно есть еже впасти в руце Бога Живаго*[382].

Пространство между небом и землею, пространство, которым отделяется Церковь торжествующая от Церкви воинствующей, обыкновенно называется и в Священном Писании, и в писаниях святых отцов, и на общеупотребительном языке человеческом – воздухом. Предоставим ученым земли химическое исследование этого воздуха, т. е. газов и других тонких веществ, окружающих землю и простирающихся от поверхности ее на пространство, неизвестное самим ученым – займемся исследованием того, что существенно нужно и полезно для нашего спасения.

Что такое – этот синий свод, который мы видим над собой и называем небом? Точно ли это – небо? Или это – только необъятная глубина воздуха, беспредельная, окрашивающая голубым цветом и закрывающая от нас небо? Последнее вероятнее: свойственно воздуху на большом пространстве принимать для глаз наших синеватый цвет и оттенять им другие предметы, находящиеся в отдалении от нас. В этом всякий может убе-

диться собственным опытом. Стоит только в ясный солнечный день стать на значительной высоте и посмотреть вдаль: зеленеющие рощи, вспаханные поля, строения – словом, все представляется не в своем цвете, но с синеватым отливом, производимым цветом воздуха, находящегося между нашими глазами и теми предметами, на которые смотрим. Чем далее эти предметы, тем они кажутся синее; наконец, общая синева покрывает самые отдаленные предметы и сливает их в одну синюю полосу. Печально верное изображение ограниченности нашей, произведенной, поддерживаемой в нас грехом! Но лучше знать ее, нежели в неведении обольщать себя ложным мнением неограниченного видения и ведения.

Совершенные христиане, очистившие свои чувства, точно видели небо и усмотрели на небе и в воздухе то, чего мы не видим дебелыми нашими очами. Так, внезапно увидел, по действию Святого Духа, отверзшееся небо святой первомученик Стефан, пред страдальческой кончиной своей, стоя в многочисленном собрании иудеев, враждебных Христу и христианству. *Стефан же*, говорит Священное Писание, *сый исполнь Духа Святаго воззрев на небо, виде славу Божию и Иисуса, стояща одесную Бога, и рече: се, вижу небеса отверста, и Сына Человеча одесную стояща Бога*[383]. Видели небо и вход учителя своего во врата небесные святые ученики Макария Великого, конечно, также как и Стефан, при посредстве Святого Духа[384]. Видел преподобный Исидор Скитский, присутствовавший при кончине юного подвижника Захарии, отверзшимися врата небесные для умирающего, и воскликнул: «Радуйся, сын мой Захария: для тебя отворились небесные врата!»[385] Видел, как уже выше сказано, преподобный Иоанн Колов лучезарный путь от земли до неба, по которому Ангелы возносили душу почившей Таисии[386]. Увидела, при отверзении душевных очей, отверзшееся небо и сошедшего оттуда молниеносного Ангела мать старца Паисия Нямецкого, неутешно скорбевшая об отшествии ее сына в монашество[387]. Когда начинают действовать чувства, уже несвязанные падением, действие их необыкновенно изощряется, самый круг действия принима-

ет обширные размеры – пространство для них сокращается. Вышеупомянутые видения святых служат тому достаточным доказательством: но для большей ясности не останавливаемся представить и другие духовные опыты. Святой Антоний Великий, обитавший в одной из пустынь Египта, недалеко от Чермнаго моря, увидел возносимую на небо Ангелами душу преподобного Аммона, подвизавшегося на другой оконечности Египта, в Нитрийской пустыне. Ученики Великого заметили день и час видения, – потом узнали от братий, пришедших из Нитрии, что преподобный Аммон скончался именно в тот день и час, в которые видел вознесение души его преподобный Антоний Великий. Расстояние между пустынями требовало тридцати дней путешествия для пешехода[388]. Очевидно, что зрение христианина, обновленного Святым Духом и достигшего высокой степени совершенства, простирается далеко за пределы зрения человеческого в его обыкновенном состоянии; подобно обновленному зрению действует и слух обновленный. Нетрудно было духоносным ученикам Макария Великого видеть шествие его души по воздуху и слышать слова, произнесенные ею на воздухе и при входе во врата небесные. Когда к этому Великому Макарию привели женщину, которой вид изменился по наваждению нечистого духа, и некоторые из учеников его не могли заметить действия диавольского, очевидного для Великого, то он сказал им, что причина такого невидения их – плотское состояние их чувств, неспособных для зрения духов и действий их[389]. В этом состоянии мы находимся, как в темнице и оковах.

Но большая часть человеков не ощущает своего плена и своей темницы: они кажутся им удовлетворительнейшей свободой. Познание и ощущение такого состояния нашего – дар Божий. Открыл это состояние Святой Дух пророку Давиду, и Давид произнес от всего человечества и от каждого человека умилительнейшую молитву к Богу об избавлении от состояния бедственного. *Изведи*, молитвенно воспевает и вопиет он, *из темницы душу мою исповедатися имени Твоему*[390]. Апостол Петр называет плотское и душевное состояние человеков, хотя и благочестивых, темным местом. Место может быть не только вещественное, но, в отвлеченном значении, и мысленное, и нравственное, как Писание говорит: *в мире* (сердечном) *место Его* (Божие)[391]. Заключенным в темном месте и желающим спастись должно руководствоваться, как светилом, Священным и Святым Писанием, доколе не низойдет на них Святой Дух и не соделается для них живой книгой Божественного учения, всегда отверстой и неумолкающей. *Имамы известнейшее пророческое слово, емуже внимающе, яко светилу сияющу в темном месте, добре творите, дондеже день озарит и денница воссияет в сердцах ваших*[392].

Заключенные в темнице земного мудрования! Услышим тех, которые стяжали о Господе духовную свободу и озарились духовным разумом! Слепорожденные! Услышим прозревших от прикосновения к очам их перста Божия, увидевших свет истины, увидевших и уведавших, при сиянии этого света, невидимое и неведомое для плотских и душевных умов. Слово Божие и содействующий Слову Дух открывают нам, при посредстве избранных сосудов Своих, что пространство между небом и землею, вся видимая нами лазуревая бездна, воздух, поднебесная, служит жилищем для падших ангелов, низвергнутых с неба. *Бысть брань на небеси*, повествует великий зритель тайн, святой Иоанн Богослов: *Михаил и Ангели его брань сотвориша со змием, и змий брася и ангели его. И не возмогоша, и места не обретеся им ктому на небе*[393]. Это низвержение диавола и увлеченных им духов с неба, по объяснению святого Андрея Кесарийского, последовало за первым согрешением их, когда они были устранены святыми силами из Ангельского сонма и изринуты из него, как поведает о том святой пророк Иезекииль[394]. В книге Иова падший ангел уже представляется блуждающим в неизмеримом пространстве поднебесной; он скитался в ней, быстро пролетал ее, томимый ненасытной злобой к роду человеческому[395]. Святой апостол Павел называет падших ангелов духами злобы поднебесными[396], а главу их – князем власти воздушной[397]. Падшие ангелы рассеяны во множестве по всей прозрачной бездне, которую мы видим над

собой. Они не престают возмущать все общества человеческие и каждого человека порознь; нет злодеяния, нет преступления, которого бы они не были зачинщиками и участниками; они склоняют и научают человека греху всевозможными средствами[398]. *Супостат ваш диавол*, говорит святой апостол Петр, *яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*[399] и во время земной жизни нашей, и по разлучении души с телом. Когда душа христианина, оставив свою земную храмину, начнет стремиться чрез воздушное пространство в горнее отечество, демоны останавливают ее, стараются найти в ней сродство с собою, свою греховность, свое падение, и низвести ее во ад, уготованный *диаволу и ангелом его*. Так действуют они по праву, приобретенному ими.

Бог, сотворив Адама и Еву, предал им владычество над землею. Он благословил их, повествует Писание, *глаголя: раститеся и множитеся, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими, и зверьми, и птицами небесными, и всеми скотами, и всею землею, и всеми гадами пресмыкающимися по земли*[400]. Не только земля поручена была первым людям, им поручен был самый рай, который они обязаны были возделывать и охранять[401]. Они имели над собой Владыкою единого Бога. Что ж сделали они в раю?.. Увы! Несчастное ослепление! Увы! Ослепление и безумие непостижимые! Вняв коварному и убийственному совету падшего ангела, они свергли с себя благое иго повиновения Богу и возложили на себя железное иго повиновения диаволу. Увы! Прародители наши преступили повеление Божие и исполнили советование всезлобного врага своего, духа мрачного, духа богохульного, льстивого и лживого. Этим поступком, по весьма естественному порядку, они нарушили свое общение с Богом, и не только вступили в общение с диаволом, но и произвольно подчинили себя ему, а с собой и ту часть создания, которая сотворена была для них и над которой Богом предоставлено было им владычество «Враг, прельстивший Адама, – говорит Макарий Великий, – и таким образом восхитивший господство над ним, лишил его всей власти и объявлен князем века сего. Сначала Бог поставил человека князем этого века и господином всего видимого»[402]. Праотцы наши изринуты из рая на землю, земля проклята ради них, и Херувим с пламенным, вращающимся оружием поставлен хранить путь древа жизни[403]. Но и другой Херувим[404] стал на пути человека к раю, тот Херувим, который не пощадил своего дивного величия, начальник и родитель зла и смерти, ниспавший в пропасть погибели, увлекший туда множество ангелов и весь род человеческий. Этот Херувим, по справедливому попущению и распределению Божию, с сонмом ангелов падших, князь воздушный, князь мира и века сего, князь и глава добровольно покорившихся ему ангелов и человеков, стал на пути от земли к раю, и с того времени до спасительного страдания и животворной смерти Христовой не пропустил по пути тому ни одной души человеческой, разлучившейся с телом. Врата небесные заключились для человеков навсегда. И праведники, и грешники нисходили во ад.

Врата вечные и пути непроходимые открылись пред Господом нашим Иисусом Христом, Который, восприяв вольную смерть, сошел Пресвятою душою Своею и неразлучившимся с нею Божеством во ад, сокрушил его вереи и врата, освободил его пленников[405], потом, воскресив Свое Тело, прошел уже с ним пространство поднебесной, небо, небеса небес, и вступил на Престол Божества. Ужаснулись темные власти в ожесточении и ослеплении своем, видя шествие Богочеловека, уничтожающего всю силу их: в духовной радости, с величайшим торжеством, чиноначалия святых Ангелов отверзли пред Ним горние врата[406]. Потом снова объял ужас демонов, когда они увидели разбойника, за исповедание Христа восходящего за Христом в рай: тогда они с изумлением познали силу искупления.

Неведомою премудростью Божией, по искуплении рода человеческого Господом нашим Иисусом Христом, предоставлена человекам свобода в избрании жизни и смерти, в принятии Искупителя и искупления или в отвержении их. И многие, к несчастью, весьма многие, пожелали остаться в общении с сатаной, в плену и рабстве у него, объявили себя открыто вра-

гами Спасителя и Его Божественного учения. Также многие, вписав себя в Его воинство и объявив себя Его служителями, нарушают обет верности Ему, – действиями своими, явными и тайными, вступают в союз с духами злобы. Все, явно отвергшие Искупителя, отселе составляют достояние сатаны: души их, по разлучении с телами, нисходят прямо во ад. Но и христиане, уклоняющиеся ко греху, недостойны немедленного переселения из земной жизни в блаженную вечность. Самая справедливость требует, чтоб эти уклонения ко греху, эти измены Искупителю были взвешены и оценены. Необходимы суд и разбор, чтоб определить степень уклонения ко греху христианской души, чтоб определить, что преобладает в ней – вечная жизнь или вечная смерть. И ожидает каждую христианскую душу, по исшествии ее из тела, нелицеприятный суд Божий, как сказал святой апостол Павел: *лежит человеком единою умрети, потом же суд*[407].

Правосудие Божие совершает суд над христианскими душами, исшедшими из тел своих, посредством Ангелов: как святых, так и злобных. Первые, в течение земной жизни человека, замечают все его добрые дела, а вторые замечают все его законопреступления. Когда душа христианина начнет восходить к небу, руководимая святыми Ангелами, темные духи обличают ее неизглаженными покаянием грехами ее, как жертвами сатане, как залогами общения и одинаковой вечной участи с ним.

Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стражи в замечательном порядке. По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведывает особенным видом греха и истязывает в нем душу, когда душа достигнет этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в отеческих писаниях *мытарствами*, а духи, служащие в них – *мытарями*.

Мытарем именовался во времена Христовы и в первые века христианской Церкви собиратель государственных по-

винностей. Как эта обязанность, по простоте древних обычаев, поручалась лицу без положительной ответственности и отчетности, то мытари позволяли себе все средства насилия, разного рода ухищрения, придирки, бесчисленные злоупотребления и бесчеловечное грабительство. Они обыкновенно становились при городских воротах, на рынках и других публичных местах, чтобы никто не мог избежать их зоркого наблюдения. Поведение мытарей сделало их ужасом для народа. По понятию его, имя мытаря выражало человека без чувств, без правил, способного ко всякому злодеянию, ко всякому унизительному поступку, дышащего, живущего ими, – человека отверженного. В этом смысле Господь сравнил упорного и отчаянного преслушника Церкви с язычником и мытарем[408]. Для ветхозаветных поклонников истинного Бога ничего не было отвратительнее служителя идолов: столько же ненавистным был для них и мытарь. Название мытарей распространилось от человеков на бесов, стерегущих восход от земли к небу, по сходству должности и исполнения ее. Как сыны и наперсники лжи, демоны уличают души человеческие не только в содеянных ими согрешениях, но и в таких, каким они никогда не подвергались. Они прибегают к вымыслам и обманам, соединяя клевету с бесстыдством и наглостью, чтобы вырвать душу из рук ангельских и умножить ею бесчисленное множество адских узников[409].

Учение о мытарствах есть учение Церкви[410]. *Несомненно*, что святой апостол Павел говорит о них, когда возвещает, что христианам предлежит брань с поднебесными духами злобы. Это учение находим в древнейшем церковном предании и в церковных молитвословиях. Пресвятая Дева, Богоматерь, извещенная Архангелом Гавриилом о приближающемся Своем преставлении, принесла слезные молитвы Господу об избавлении Ее души от лукавых духов поднебесной. Когда настал самый час Ее честного Успения, когда низшел к Ней Сам Сын и Бог Ее с тьмами Ангелов и праведных духов, Она, прежде нежели предала пресвятую душу Свою во всесвятые руки Христовы, произнесла в молитве к Нему и следующие слова:

«Приими ныне в мире дух Мой, и огради Меня от области темной, чтоб не встретило Меня какое-либо устремление сатаны»[411].

Святой Афанасий Великий, патриарх Александрийский, в жизнеописании преподобного Антония Великого, повествует следующее: «Однажды он (Антоний), при наступлении девятого часа, начав молиться перед вкушением пищи, был внезапно восхищен Духом и вознесен Ангелами на высоту. Воздушные демоны противились его шествию: Ангелы, препираясь с ними, требовали изложения причин их противодействия, потому что Антоний не имел никаких грехов. Демоны старались выставить грехи, соделанные им от самого рождения; но Ангелы заградили уста клеветников, сказав им, что они не должны исчислять согрешений его от рождения, уже изглаженных благодатью Христовой, но пусть представят, если имеют, грехи, соделанные им после того времени, как он поступлением в монашество посвятил себя Богу. При обвинении демоны произносили много наглых лжей; но как клеветы их лишены были доказательств, то для Антония открылся свободный путь. Тотчас он пришел в себя и увидел, что стоит на том самом месте, на котором стал для молитвы. Забыв о пище, он провел всю ночь в слезах и стенаниях, размышляя о множестве врагов человеческих, о борьбе с таким воинством, о трудности пути к небу чрез воздух и о словах апостола, который сказал: *несть наша брань к плоти и крови, но к началам власти сего воздуха*[412], который, зная, что воздушные власти того только и доискиваются, о том заботятся со всем усилием, к тому напрягаются и стремятся, чтобы лишить нас свободного прохода к небу, увещевает: *приимите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют*[413], *да противный посрамится, ничтоже имея глаголати о нас укорно*»[414].

Святой Иоанн Златоуст, сказав, что умирающий хотя бы был великим властелином на земле, объемлется смущением, страхом, недоумением, когда *увидит страшныя власти ангельския*, и *пришедшия противныя силы*, чтоб разлучить душу

от тела, – присовокупляет: «Тогда нужны нам многие молитвы, многие помощники, многие добрые дела, великое заступление от Ангелов при шествии чрез воздушное пространство. Если, путешествуя в чужую страну или чужой город, нуждаемся в путеводителе, то сколько нужнее нам путеводители и помощники для руководства нас мимо невидимых старейшинств, и властей миродержителей этого воздуха, называемых и гонителями, и мытарями, и сборщиками податей!» От лица почивших христианских младенцев Златоуст так витийствует и богословствует: «Нас святые Ангелы мирно разлучили от тела, и мы свободно миновали старейшинства и властей воздушных. Мы имели благонадежных руководителей! Лукавые духи не нашли в нас того, чего искали; не увидели того, что желали бы увидеть. Увидев тело неосквернённое, они посрамились; увидев душу чистую, чуждую злобы, они устыдились; не нашли в нас слов порочных, и умолкли. Мы прошли и уничижили их; мы прошли сквозь них и попрали их; *сеть сокрушися, и мы избавлены быхом. Благословен Господь, иже не даде нас в ловитву зубом их*»[415]. Когда это совершилось, руководившие нас Ангелы возрадовались; они начали лобызать нас, оправданных, и говорить в веселии: Агнцы Божии! Ублажаем ваше пришествие сюда; отверзся вам прародительский рай; предоставлено вам лоно Авраама. Прияла вас десная рука Владыки; призвал Его глас в десную часть. Благосклонными очами воззрел Он на вас; в книгу жизни вписал Он вас. И сказали мы: Господь! Праведный Судия! Ты лишил нас благ земных: не лиши небесных. Ты отлучил нас от отцов и матерей: не отлучи от святых Твоих. Знамения крещения сохранились целыми на нас; тело наше мы представляем Тебе чистым, по причине младенчества нашего»[416].

Преподобный Макарий Великий говорит: «Слыша, что под небесами находятся реки змиев, уста львов, власти темные, огнь горящий и все члены в смятение приводящий, не знаешь ли, что если не восприимеши залога Святого Духа, при исхождении из тела, они душу твою поймут и воспрепятствуют тебе внити на небеса»[417].

Святой великомученик Евстратий, по претерпении страшных пыток и мучений, по совершении дивных чудес, пред приятием смертной казни за постоянное и крепкое исповедание Христа, принес молитву Богу, в которой сперва возблагодарил Бога, призревшего на него и даровавшего во время земных страданий победить невидимого врага, диавола; потом он переходит к предстоящему разлучению души его с телом и говорит: «Смутилась и возболезновала душа моя, при исхождении своем из окаянного и скверного тела. Чтоб не уловил ее в чем лукавый супостат и не изверг во тьму за неведомые и ведомые грехи, соделанные мною во время сей жизни! Владыка! Будь милостив ко мне, и да не узрит душа моя мрачного взора лукавых демонов, но да примут ее Ангелы Твои светлые и пресветлые. Да будет слава святому имени Твоему, и Твоею силою возведи меня на божественное Твое судилище. Когда буду судиться, да не восхитит меня рука князя мира сего для ввержения меня, грешного, в глубину ада; но предстань мне, и будь Спасителем и Защитником моим. Телесные же эти мучения суть увеселения для рабов Твоих». Подобным образом и святой великомученик Георгий, поправший благодатью Христовой все ужаснейшие мучения, изобретенные злобою мучителей, воскресивший пред очами их мертвеца, низвергший идолов единым именем Господним, когда пришел на место казни, излил такую предсмертную молитву: «Благословен Господь Бог мой, не предавший меня в челюсти ловцов моих, не возвеселивший о мне врагов моих и избавивший душу мою, как птицу от сети ловцов! Владыка! И ныне услышь меня: предстань мне в сей час моей кончины и избавь душу мою от козней воздушного князя, этого ужасного противоборца, и его нечистых духов. Не поставь во грех согрешившим против меня в неведении, но Твое прощение и любовь даруй им, да и они, познав Тебя, получат часть с избранными Твоими во Царствии Твоем»[418].

Великий угодник Божий, зритель тайн, святой Нифонт, епископ Кипрского града Констанции, стоя однажды на молитве, увидел небеса отверстыми и множество Ангелов, из

которых одни нисходили на землю, другие восходили горе, вознося человеческие души в небесные обители. Он начал внимать этому зрелищу, и вот – два Ангела стремились к высоте, неся душу. Когда они приблизились к блудному мытарству, вышли мытоимцы бесы и с гневом сказали: «Наша эта душа! Как смеете нести ее мимо нас, когда она наша?» Отвечали Ангелы: «На каком основании называете ее вашей?» – Бесы сказали: «До самой смерти она грешила, оскверняясь не только естественными, но и чрезъестественными грехами, к тому же осуждала ближнего, а что всего хуже, умерла без покаяния: что вы скажете на это?» – Ангелы отвечали: «Поистине не поверим ни вам, ни отцу вашему, сатане, доколе не спросим Ангела хранителя этой души». Спрошенный Ангел хранитель сказал: «Точно, много согрешил этот человек; но только что сделался болен, начал плакать и исповедывать грехи свои Богу. Простил ли его Бог, о том Он ведает. Того власть, Того праведному суду слава». Тогда Ангелы, презрев обвинение бесов, вошли с душою во врата небесные. – Потом блаженный увидел и другую душу, возносимую Ангелами. Бесы, выбежав к ним, вопияли: «Что носите души без нашего ведома, как и эту, златолюбивую, блудную, сварливую, упражнявшуюся в разбое?» Отвечали Ангелы: «Мы наверно знаем, что она, хотя и впала во все это, но плакала, воздыхала, исповедываясь и подавая милостыню, и потому Бог даровал ей прощение». Бесы сказали: «Если эта душа достойна милости Божией, то возьмите грешников всего мира; нам нечего здесь трудиться». Отвечали им Ангелы: «Все грешники, исповедающие со смирением и слезами грехи свои, примут прощение по милости Божией; умирающим же без покаяния судит Бог». Так посрамив бесов, они прошли. Опять видел святой возносимую душу некоторого мужа боголюбивого, чистого, милостивого, ко всем любовного. Бесы стояли вдали и скрежетали на эту душу зубами; Ангелы же Божии выходили к ней навстречу из врат небесных и, приветствуя ее, говорили: «Слава Тебе, Христе Боже, что Ты не предал ее в руки врагов и избавил ее от преисподнего ада!» – Также видел блаженный Нифонт, что бесы влекли некоторую душу к аду.

Это была душа одного раба, которого господин томил голодом и побоями и который, не стерпев томления, удавился, будучи научен диаволом. Ангел-хранитель шел вдали и горько плакал; бесы же радовались. И вышло повеление от Бога плачущему Ангелу идти в Рим, там принять на себя хранение новорожденного младенца, которого в то время крестили. – Опять видел святой душу, которую несли по воздуху Ангелы, которую отняли у них бесы на четвертом мытарстве и ввергли в бездну. То была душа человека, преданного блуду, волшебству и разбою, умершего внезапно без покаяния[419]. Преподобный Симеон, Христа ради юродивый, достигший высоты христианского совершенства, поведая сотаиннику своему диакону Иоанну о приближающейся своей кончине и великом воздаянии на небе, возвещенных ему откровением свыше, говорил: «Ничего не знаю в себе такого, что было бы достойно небесного воздаяния: разве восхощет Господь помиловать меня туне Своею благодатью. Знай, что и ты скоро будешь взят отсюда, почему позаботься, сколько у тебя силы, о душе твоей, да возможешь безбедственно пройти чрез область воздушных духов и избегнуть лютой руки князя тьмы. Ведает Господь мой, что и я одержим большою печалью и великим страхом, доколе не миную эти грозные места, на которых истязуются все дела и слова человеческие»[420].

Блаженный Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, постоянно беседовал о смерти и исходе души из тела, как ему о том открыто было преподобным Симеоном Столпником: «Когда душа выйдет из тела, говаривал он, и начнет восходить к небу, встречают ее лики бесов и подвергают многим затруднениям и истязаниям. Они истязуют ее во лжи, клевете, ярости, зависти, гневе, памятозлобии, гордости, срамословии, непокорстве, лихве, сребролюбии, пьянстве, объядении, злопомнении, волховании, братоненавидении, убийстве, воровстве, немилосердии, блуде, прелюбодеянии. Во время шествия души от земли к небу самые святые Ангелы не могут помочь ей: помогают ей единственно ее покаяние, ее добрые дела, а более всего милостыня. Если не покаемся в каком грехе здесь

по забвению, то милостынею можем избавиться от насилия бесовских мытарств. Братия! Ведая это, убоимся горького часа встречи с суровыми и немилостивыми мытарями, часа, в который придем в недоумение, что отвечать нам истязателям нашим. Ныне покаемся во всех грехах наших, дадим по силе нашей милостыню, могущую проводить нас от земли на небо и избавить от задержания бесами. Велика их ненависть к нам, великий страх ожидает нас на воздухе, великое бедствие!»[421].

Симеон Столпник, открывший о мытарствах патриарху Иоанну, был Дивногорец, современник патриарха, хотя и старший его. До нас дошел отрывок поучения, принадлежащего собственно святому Симеону, в котором он говорит о загробной участи христианина. В этом поучении преподобный сперва открывает, что ему возвещено Святым Духом о малом числе спасающихся, о малом числе сохраняющихся в руках Ангельских в настоящее время, т. е. во время жизни угодника Божия. Далее он говорит, что душу неосквернённую и праведную Ангелы воспринимают с любовью, ублажают, с песнопением возносят, отражая силу врагов и возвышаясь превыше мытарств восхода. Напротив того, грешная душа не допускается подняться в страну, превысшую воздуха: диавол имеет повод обвинять ее. Он препирается с несущими ее Ангелами, представляя ее согрешения, по причине которых она должна принадлежать ему, представляя недостаточество ее в той степени добродетели, которая необходима для спасения и для свободного шествия сквозь воздух[422].

Преподобный Иоанн Раифский, в послании к преподобному Иоанну Лествичнику, упоминает о воздушных князьях, миродержителях, духах злобы, желая, чтобы душеполезные наставления Синайского светильника руководили иноков к вратам небесным и сохранили их от темных властей, стерегущих восход к небу. – Святой Иоанн Лествичник повествует, что падшие иноки, приносившие глубокое и постоянное покаяние, среди прочих, исполненных умиления и сопровождаемых стенаниями слов своих, произносили следующее: *«убо прейде ли душа наша воду воздушных духов непостоянную?»*[423]

Так говорили они, ибо еще не ощутили уверенности, но издали созерцали то, что совершается на воздушном истязании [424].

Преподобный Исаия Отшельник в завещании ученикам своим заповедал «ежедневно иметь пред очами смерть и заботиться о том, как совершить исход из тела и как пройти мимо властей тьмы, имеющих встретить нас на воздухе»[425]. В 17-м Слове он говорит: «Помысли, какова радость души предавшего себя в служение Богу и совершившего это служение! При исшествии его из этого мира, дела его будут подвизаться за него; Ангелы, увидав его избавившимся от властей тьмы, возрадуются о нем. Когда душа выйдет из тела, ей сопутствуют Ангелы; навстречу ей выходят темные силы, желая удержать ее, и истязуя, не найдут ли в ней чего своего. Тогда не Ангелы противоборствуют врагам, но дела, совершенные душою, ограждают ее и сохраняют от врагов, не допуская им прикоснуться к ней. Если победят дела ее, то Ангелы воспевают ей песнь хвалы и ведут ее с весельем пред лицо Божие. В тот час она забывает все, принадлежащее к земной жизни и все понесенные ей труды. Со всем тщанием и усилием постараемся во время сего краткого века делать добро и сохранять его неприкосновенным для зла, чтобы было нам возможно спастись от рук князей, уже ожидающих нас: они лукавы и немилостивы. Блажен тот, в ком не найдется чего-либо, принадлежащего им: его радость, веселье, покой и венец превыше всякой меры»[426].

Некоторый инок, живший в общежитии аввы Серида, где безмолвствовал в затворе великий угодник Божий, старец Варсонофий, приближаясь к кончине своей, просил этого святого старца, чтобы он спутешествовал ему на воздухе, в том пути, которого он (умирающий инок) не ведал. Великий Варсонофий отвечал: «Брат! Предаю тебя Христу, благоволившему умереть за нас, Владыке неба и земли и всего живущего, да уменьшит Он в очах твоих страх смерти и соделает беспрепятственным восход души твоей»[427].

Преподобный авва Дорофей, воспитанник по монашеству того же общежития аввы Серида, пишет в одном из своих посланий: «При нечувствии (жестокости) души полезно чтение

Божественного Писания и умилительных слов богоносных отцов, памятование о Страшном Суде Божием, об исходе души из тела, о имеющих встретить ее страшных силах, с соучастием которых она делала зло в этой маловременной и бедственной жизни»[428].

Святой Иоанн Карпафийский, утешая иноков Индии, в одно и то же время терпевших сильное гонение от видимых и невидимых врагов, и приближавшихся к пропасти отчаяния, говорит: «Ратуя и поношая, с дерзостью находит на душу исшедшую из тела враг, этот горький и страшный клеветник в содеянных ею грехах. Тогда боголюбивая и вернейшая душа, хотя бы и была уязвлена многими грехами, не придет в ужас от его устремления и угроз. Укрепляемая Господом, воскрыляемая радостью, ободряемая Святыми Силами, ее наставляющими, ограждаемая светом веры, она с великим мужеством противостоит лукавому диаволу и отвечает ему: «Что нам и тебе, чуждый Бога? Что нам и тебе, беглец с неба и раб лукавый? Ты не имеешь власти над нами: власть над нами и над всеми принадлежит Христу, Сыну Божию. Пред Ним согрешили мы, Ему и дадим отчет, имея Его честной Крест залогом Его милосердия к нам и нашего спасения. Губитель! Беги далеко от нас: нет ничего общего между тобою и рабами Христовыми». Когда душа мужественно говорит так, диавол обращается в бегство и вопиет: не могу противостоять имени Христову! А душа парит превыше врага… и после этого в радости приносится Божественными Ангелами в места, определенные ей по степени ее духовного преуспеяния»[429].

«Душа, возлетевши по смерти на воздух к вратам небесным, – говорит святой Исихий, – имея с собой и в себе Христа, ниже там устрашится врагов своих, но мужественно, как и ныне, будет отвечать им во вратах. Только да не ослабеет она до исхода своего вопить день и ночь к Господу Иисусу Христу. Он отмстит за нее вскоре, по неложному и Божественному Его обещанию, выраженному в притче о Судии неправедном. Точно, говорю вам, отомстит и в настоящей жизни, и по исшествии души из тела. – Найдет на нас час смерти, придет он, и

избегнуть его будет невозможно. О, если бы князь мира и воздуха, долженствующий тогда встретить нас, нашел наши беззакония ничтожными и незначительными и не мог обличить нас правильно! В противном случае восплачемся бесполезно. *Раб*, говорит Писание, *ведевый волю господина своего и не исполнивший ее, биен будет много*[430]. Не видит света родившийся слепым: так и не пребывающий в трезвении не видит богатого сияния высшей благодати и не освободится от лукавых и богоненавистных дел, слов и помышлений. Таковой, при кончине своей, несвободно минует тартарских князей»[431].

Преподобный Феогност: «Неизреченна и несказанна сладость той души, которая разлучается с телом, будучи извещена о своем спасении. Она скидает тело, как одежду. В твердой уверенности получить уже полученное в обручении, без печали отлагает она тело, мирно выходит из него к свыше посланному за ней Ангелу, светлому и тихому. Сопутствуемая этим Ангелом, она беспрепятственно проходит воздушное пространство, нисколько не тревожимая лукавыми духами; радостно и дерзновенно восходит она, при восклицаниях благодарения Богу, и приходит наконец на поклонение Создателю своему. Там произносится о ней определение, повелевающее поместить ее с равными ей по добродетели для пребывания с ними до общего Воскресения»[432]. – «Хотя ты, постоянно пребывая в чистой молитве, невещественно соединяющей с Богом невещественный ум, и сподобился увидеть, как в зеркале, ожидающее тебя блаженное состояние по окончании здешней жизни, сподобился этого, как приявший обручение Духа и стяжавший Небесное Царство внутри себя яснейшим и определеннейшим ощущением души; но не потерпи разрешиться от плоти, непредваренный известием о наступающей смерти. Молись прилежно об этом и будь благонадежен, что получишь это известие, когда приблизится твоя кончина, если то полезно. Готовься к кончине всегда, отвергая всякую боязнь; готовься всегда, чтоб ты возмог пройти воздушное пространство, избежать лукавых духов, войти дерзновенно и безбоязненно в небесные круги, сопричислиться чинам ангельским, приумножить собою лик всех избранных и праведников, увидеть Бога, насколько достижимо это видение»[433]. – Ощущение духовное, о котором говорит преподобный Феогност, называется очень справедливо в отеческих писаниях *известованием*, по свойству решительной достоверности. Оно производится наитием Божественной благодати, приемлющей в отеческие духовные объятия кающегося и недоумевающего грешника. Оно является в душе неожиданно, как новая жизнь, о которой человек доселе не мог составить себе никакого понятия. Оно освобождает душу от насилия лукавых духов и страстей, изменяет всего человека, соединяет его с Богом, влечет всего человека в ту чудную молитву, которую возглашает к Богу из человека Дух Божий. *Вся кости* такого человека *рекут* неизреченным духовным славословием и благодарением: *Господи, Господи, кто подобен Тебе?* Ты – *избавляяй нища из руки крепльших его, и нища и убога от расхищающих его. Душа* такого человека *возрадуется о Господе, возвеселится о спасении Его.* Духовное ощущение это столько сильно, что, наполнив собой человека, отъемлет у него сочувствие ко всем другим предметам: короче сказать – оно есть водворение в душе Царства Божия. Стяжавший это ощущение *ктому не себе живет*, но Богу[434], устремившись всецело к Нему и имея Его в себе. У подвергшихся самообольщению и бесовской прелести бывает *мнение такого ощущения*, и отличается от благодатного по противоположным ему плодам.

«Опомнись, душа моя, – умилительно обращается скитский инок Евагрий к самому себе, – и помысли, как вынесешь внезапно разлучение твое от тела, когда грозные Ангелы придут за тобою и восхитят тебя в час, в который ты не ожидаешь, и во время, о котором ты не знаешь! Какие дела пошлешь ты пред собою на воздух, когда начнут истязать тебя о делах твоих враги твои, находящиеся на воздухе?»[435]. Так чувствовали и говорили святые угодники Божии: они поняли и исследовали глубину падения человеческого; они поняли и исследовали власть демонов над людьми, возникшую из этого падения.

Затворник Задонский Георгий рассказывает событие, почти нам современное: архимандрит Варсонофий (Задонского монастыря) замирал в течение трех суток. В это время он находился душою на воздушных мытарствах, подвергаясь истязанию за все грехи, соделанные от самой юности, но услышал глас Божий: молитв ради Пресвятой Богородицы, священномученика Мокия и стратилата Андрея, отпущаются ему грехи и дается время на покаяние[436].

Учение о мытарствах, подобно учению о местонахождении рая и ада, встречается, как учение общеизвестное и общепринятое, на всем пространстве богослужения Православной Церкви. Возвещает и напоминает она его чадам своим, чтоб насеять в сердцах их душеспасительный страх и приготовить их к благополучному переходу из временной жизни в вечную. В каноне молебном ко Господу Иисусу Христу и к Божией Матери, который положен при кончине *каждаго православнаго*[437], читается: «*Воздушнаго князя*, насильника, мучителя, страшных *путей* стоятеля, и напраснаго сих словоиспытателя, сподоби мя прейти невозбранно, отходяща от земли»[438]. «Убегнути ми *варвар безплотных полки, и воздушныя бездны* возникнути, и к небеси взыти ми сподоби»[439]. «Горькаго *мытарств* начальника, миродержца, отжени далече от мене»[440]. На келейном правиле, в молитвах после кафизм, Церковь влагает в уста молящегося следующие прошения: «Господи мой, Господи, даруй ми слезы умиления, яко да ими Тя умолю очиститися прежде конца от всякаго греха: *страшно бо и грозно место* имам проити, тела разлучився, и *множество* мя мрачное и безчеловечное *демонов* срящет»[441]. «Соверши мя Твоим совершенством, и тако мя настоящаго жития изведи, да невозбранно прошед *начала и власти тмы*, Твоею благодатию, узрю и аз неприступныя Твоея славы доброту незреченную»[442]. В молитве пред кондаками и икосами акафиста Божией Матери читается: «О, Мати Царя небесе и земли! Прощение всем согрешениям моим испроси, житию моему подаждь исправление, и на кончине от воздушных *врагов* немятежное прешествие»[443]. «Мертвии Тобою (Богоматерь)

оживляются, Жизнь бо Ипостасную родила еси: немии прежде, благоглаголиви бывают, прокаженнии очищаются, недузи отгоняются, *духов воздушных множества побеждаются*[444]. В Осьмигласнике воссылаются следующие моления к Божией Матери: «В час, Дево, конца моего *руки бесовския* мя исхити, и суда, и прения, и страшнаго истязания и *мытарств горьких*, и князя лютаго, и вечнаго осуждения»[445]. – «Истязания мя, Пречистая, в час смертный, *исхитити от бесов*»[446]. – «В час, Дево, кончины моея *руки бесовския* и осуждения, и ответа, и страшнаго испытания, *и мытарств горьких*, и князя лютаго, и огня вечнаго исхити мя»[447]. – «Владычице и Мати Избавителя, Ты предстани мне в час исхода моего, истязуему мне *от воздушных духов* о яже несмысленною мыслию содеях»[448]. – «Егда плотскаго союза хощет душа моя разлучитися, тогда ми предстани, Владычице, и безплотных врагов советы разори, и сих челюсти сокруши, ищущих пожрети мя нещадно: яко да невозбранно пройду *на воздусе стоящия князи тмы*»[449]. В «Чине на разлучение души от тела, внегда человек долго страждет», читается: «Ныне убо время все живота моего яко дым претече, и *предсташа* прочее *ангели*, посланнии от Бога, окаянную мою душу ищуще немилостиво»[450]. – «*Се предсташа множество лукавых духов*, держаще моих грехов написание, и зовут зело, ищуще безстудно смиренныя моея души»[451]. – «Помилуйте мя Ангели всесвятии Бога Вседержителя, и избавите *мытарств всех лукавых*»[452]. В Каноне Ангелу-Хранителю: «Да покрыет срам и студ студная и смрадная и мрачная *лица вражия*, егда смиренная моя душа от тела распрягается»[453]. «Да узрю тя одесную окаянныя души моея предстояща, внегда исчезати от мене нуждно духу моему, и ищуща мя пояти, *горькия враги* отгоняюща»[454]. – «Молю тя, хранителя моего, буди ми защититель и поборник непоборим, егда прехожду *мытарства лютого миродержца*»[455]. Во второй молитве святителю Николаю: «Во исходе души моея помози ми, окаянному: умоли Господа, всея твари Содетеля, избавити мя *воздушных мытарств* и вечного мучения»[456]. Прошение об избавлении *воздушных мытарств* помещено в молитве преподобному Сергию Радонежскому и в

молитвах другим святым. Преподобный Феодосий Печерский, ощутив конечное изнеможение от болезни, возлег на одр и сказал: «Воля Божия да будет: якоже благоизволи о мне, тако и да сотворит. Но молюся Ти, Владыко мой, Иисусе Христе, милостив буди души моей, да не *усрящет* ю противных духов лукавство, но да приимут Ангели Твои, приводящии чрез *темныя мытарства*, приводящии же к свету Твоего милосердия»[457]. Святитель Димитрий Ростовский молился: «Егда приидет страшный час разлучения души моея от тела: тогда, Искупителю мой, приими ю в руце Твои, и сохрани от всех бедствий ненаветну, и да не узрит душа моя мрачного взора *лукавых демонов,* но да спасена прейдет *вся мытарства*»[458].

Подробное описание мытарств и порядок, в котором они следуют одно за другим, в воздушной бездне, заимствуем из поведания преподобной Феодоры. Она, покинув на земле свое бездыханное тело, руководимая двумя святыми Ангелами, начала, как мы уже видели, шествие свое по воздуху к востоку. Когда она поднималась к небу, встретили ее темные духи *первого мытарства*, на котором истязуются грехи человеческие *словом*, как то: празднословие, сквернословие, насмешки, кощунство, пение песен и других страстных гимнов, бесчинные восклицания, хохоты и тому подобное. По большей части человек вменяет эти согрешения в ничто, не кается в них пред Богом и не исповедует их отцу духовному. Но Господь явственно сказал: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный. От словес бо своих оправдишися и от словес своих осудиши*[459]. И апостол завещает: *всяко слово гнило да не исходит из уст ваших и сквернословие и буесловие и кощуны*[460]. Демоны с жестокостью и упорством обвиняли душу, представляя все согрешения ее словом, содеянные от самой юности; святые Ангелы оспаривали их и противопоставляли грехам соделанные душою добрые дела. Таким образом Феодора, искупленная на этом мытарстве, начала подыматься выше и приблизилась ко (второму) *мытарству лжи*, на котором истязаются всякая ложь, клятвопреступления, призывание имени Божия всуе, неисполнение обетов, данных

Богу, утаение грехов пред духовником на исповеди. Избавившись и здесь, она перешла к (третьему) *мытарству клеветы*, где истязуются оклеветание ближнего, осуждение, уничижение, обесславление его, ругательство и насмешки над ним, при забвении собственных согрешений и недостатков, при невнимании им. Подвергшихся согрешениям этого рода лютые истязатели истязают с особенной жестокостью, как антихристов, предвосхищающих суд Христов и соделавшихся судьями и губителями ближних. На (четвертом) *мытарстве чревоугодия* истязуются объядение, пьянство, безвременное и тайное ядение, ядение без молитвы, нарушение постов, сластолюбие, пресыщение, пирование, – словом, все роды угождения чреву. По избавлении от этого мытарства Феодора, несколько ободрившись, вступила в беседу со святыми Ангелами и сказала им: «Кажется мне, никто из живущих на земле не знает совершающегося здесь и того, что ожидает грешную душу по смерти?» Святые Ангелы отвечали ей: «Разве не объясняет этого Божественное слово, ежедневно читаемое в церквах и проповедуемое служителями Божиими? Но пристрастившиеся к земным суетам не обращают внимания на слово Божие, считают наслаждением ежедневное насыщение и пьянство, пресыщаются и упиваются без страха Божия, имея себе богом чрево, не помышляя о будущей жизни и не внимая Писанию, которое говорит: *горе вам, насыщеннии ныне, яко взалчете*[461]. Баснею они считают Святое Писание, живут в небрежении и пространстве, ежедневно веселятся светло и пируют при звуке музыки и при пении хоров, подобно богачу, упоминаемому в Евангелии. Впрочем, те из них, которые милостивы, благодетельствуют нищим и помогают нуждающимся, удобно получают от Бога прощение своих грехов, и, ради милостыни своей, проходят мытарства безбедственно. Говорит Писание: *милостыня от смерти избавляет, и тая очищает всяк грех: творящии милостыни и правды исполнятся жизни: согрешающии же врази суть своего живота*[462]. Тем, которые не стараются милостынями очистить грехи свои, невозможно избегнуть бедствия на мытарствах: их похищают мытари и низводят, люто

муча, в преисподнии темницы ада, где держат в узах до страшного Христова Суда». Так беседуя, они достигли (пятого) *мытарства лености*. Там сочтены все дни и часы, проведенные в лености, в нерадении о служении Богу; там истязуются уныние, оставление церковных и келейных молитвословий, по лености, небрежению и хладности к Богу; там истязуются тунеядцы, снедающие чужие труды и не хотящие сами трудиться, также наемники, получающие плату, но исполняющие свои обязанности с небрежением. За этим мытарством следовало (шестое) *мытарство воровства*, на котором рассматриваются всякого рода похищения и воровства, грубые и благовидные, явные и тайные; потом (седьмое) *мытарство сребролюбия и скупости*; далее (восьмое) *мытарство лихвы*, где обвиняются ростовщики, лихоимцы и присвоители чужого. Еще далее (девятое) *мытарство неправды*, на котором уличаются неправедные судьи, увлекающиеся на судах пристрастием или мздой, оправдывающие виновных и осуждающие невиновных; здесь рассматриваются ложные весы и меры купцов и прочие неправды. (Десятое) *мытарство – зависти*, на нем истязываются предающиеся этой пагубной страсти и ее последствиям. Выше помещается (одиннадцатое) *мытарство гордости*, где надменные духи с презрением истязывают гордость, тщеславие, самомнение, презорство, величание, невоздаяние должной чести родителям, духовным и гражданским властям, неповиновение им и ослушание их. Выше (двенадцатое) *мытарство гнева и ярости*, потом (тринадцатое) *мытарство памятозлобия*. По исшествии из этого мытарства, Феодора спросила Ангелов: «Прошу вас, скажите мне, откуда эти страшные воздушные власти знают все злые дела всех человеков, живущих во всем мире, не только явные, но и тайные?» Отвечали святые Ангелы: «Каждый христианин получает от Бога при святом крещении Ангела-хранителя, который, невидимо храня человека, наставляет его денно и нощно на всякое благое дело в течение всей жизни его до самого смертного часа. Он записывает все добрые дела того человека, за которые сей мог бы получить милость и вечное воздаяние от Господа в

небесном царстве. Также и князь тьмы, желающий вовлечь весь род человеческий в свою погибель, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который всюду следует за человеком, замечает все его злые дела, поощряет к ним кознями своими и, посещая мытарства, записывает там все грехи человека, внося каждый грех в принадлежащее мытарство. Вот почему известны воздушным властям грехи всех человеков во всем мире. Когда же душа, разлучившись с телом, стремится взойти на небо, к Создателю своему, тогда лукавые духи препятствуют ей в том, обличая ее грехами ее, записанными у них. Если душа имеет больше добрых дел, нежели грехов, то они не могут удержать ее. Если же найдут в ней больше грехов, то удерживают ее на время и заключают в темнице невидения Бога; там они мучат ее, доколе сила Божия попустит им мучить, и доколе та душа не будет искуплена церковными молитвами и милостынями ближних. Если же душа окажется столько грешною и мерзостною пред Богом, что ей не остается никакой надежды спасения, но ожидает ее вечная погибель, то они тотчас же низводят ее в бездну, где имеют и для себя уготованное место вечного мучения; они держат ее там до второго пришествия Христова, после которого душа соединится с телом и уже вместе с ним будет мучиться в геенне огненной. Еще и то знай, что этим путем восходят и подвергаются на нем истязанию только просвещенные святою христианской верой и омовенные святым крещением. Не приходят сюда идолослужители, магометане и все чуждые Бога: они, будучи еще живы телом, уже мертвы, и погребены во ад душой. Когда они умирают, тотчас, без всякого испытания, демоны берут их, как часть, себе принадлежащую, и низводят в геенскую пропасть». После этой беседы Феодора достигла (четырнадцатого) *мытарства убийства*, на котором истязуются не только разбойничество и убийство, но и всякое ударение, заушение и толкание. Выше находилось (пятнадцатое) *мытарство волхвования*, где истязуются чародейство, обаяние, составление отравлений, наговоры, шепоты и чародейное призывание бесов. На этом мытарстве темные духи не нашли ничего, чем бы уличить блаженную

Феодору, и, в ярости, кричали ей: «Придешь на блудные мытарства – увидим, избежишь ли их?» Подымаясь еще выше, она спросила святых Ангелов: «Неужели все христиане проходят этими местами, и никому из них невозможно пройти, не подвергаясь истязаниям и страху?» Святые Ангелы отвечали: «Нет другого пути для христианских душ, восходящих к небу; все проходят здесь, но не все бывают так истязуемы, как истязуются подвергшиеся грехопадениям и не вполне исповедавшиеся в них, стыдившиеся отца духовного и утаивавшие пред ним свои постыдные дела. Если же кто поистине исповедует грехопадения, жалеет о них и раскаивается в содеянном зле, того грехи невидимо заглаждаются Божиим милосердием, и когда душа придет сюда, воздушные истязатели, разгнув свои книги, ничего не находят в них[463], почему не могут ни оскорбить ее, ни устрашить, и восходит душа с радостью к Престолу Благодати». Беседуя, они достигли (шестнадцатого) *блудного мытарства*, на котором истязуется всякого рода любодеяние, т. е. блудный грех лиц, необязанных супружеством; также истязуются мечтание помысла, соизволение на грех, услаждение грехом, сладострастные воззрения, скверные осязания и прикосновения. Когда Феодора достигла этого мытарства, темные духи, принадлежащие к нему, очень удивились, что она дошла даже до них, и с жестокостью обвиняли ее, особенно по причине ее неоткровенности пред духовным отцом. Потом они пришли на (семнадцатое) *прелюбодейное мытарство*, на котором истязуются блудные грехи лиц, живущих в супружестве, не сохранивших супружеской верности и брачного ложа неосквернным; здесь грозно истязуются похищения и насилия блудные, также блудные падения лиц, посвященных Богу, обещавших чистоту свою Христу, но нарушивших обет. (Восемнадцатое) *мытарство – содомское*, на котором истязуются все чрезъестественные блудные грехи и кровосмешения. Когда они миновали это мытарство, святые Ангелы сказали Феодоре: «Ты видела страшные и отвратительные блудные мытарства! Знай, что редкая душа минует их свободно: весь мир погружен во зле соблазнов и скверн, все люди сластолюбивы и блудолюбивы. *Прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его*[464], и едва кто соблюдает себя от нечистот блудных. Мало умерщвляются плотские похоти и мало таких, которые бы свободно прошли мимо этих мытарств! Большая часть, дошедши сюда, погибает: лютые истязатели блудных грехов похищают души блудников и низвлекают их во ад. Хвалятся власти блудных мытарств, что они одни более всех прочих мытарств наполняют огненное родство в аду. Благодари Бога, Феодора, что ты миновала этих блудных истязателей молитвами отца твоего, преподобного Василия: уже более не увидишь страха». После этого они пришли на (девятнадцатое) *мытарство ересей*, где истязуются неправильное мудрование о вере, сомнения в вере, отступничество от православной веры, богохульства и тому подобные согрешения против *единого истинного* исповедания веры. По миновании этого мытарства они уже приближались ко вратам небесным; но и еще встретили их злобные духи последнего (двадцатого) *мытарства немилосердия*, на котором истязуются немилосердие и жестокость. Если кто совершил многие подвиги, посты, бдения, коленопреклонения, молитвословия; если кто соблюл чистоту девства неосквернённой и изнурил воздержанием тело, но был немилосерден и затворял сердце свое для ближнего, тот с этого мытарства низвергался долу и затворялся в адской бездне навеки. Наконец, с неизреченной радостью они приблизились к вратам небесным. Врата небесные светились, как кристалл; из них разливалось неизреченное сияние и стояли в них солнцеобразные юноши. Они, увидев преподобную, руководимую Ангелами, исполнились веселья о ней, что она, покрываемая Божиим милосердием, избежала воздушных мытарств, и с великой любовью ввели ее во врата. Во время шествия своего по мытарствам Феодора заметила, что каждое мытарство подчинено отдельному князю и что духи каждого мытарства по наружному виду были сообразны греху, истязуемому на мытарстве.

Великие угодники Божии, совершенно прешедшие от естества ветхого Адама в естество Нового Адама, Господа наше-

го Иисуса Христа, в этой изящной и святой новизне проходят честными душами своими воздушные бесовские мытарства с необыкновенной быстротой и великой славой. Их возносит на небо Святой Дух, Который и во время их земного странствования непрестанно внушал им желание разлучиться от тела и со *Христом быти*[465]. Протек, как молния, поднебесную великий Марк Фраческий в течение одного часа[466]. Когда настало время кончины преподобного Макария Великого, Херувим, бывшим его Ангелом-хранителем, сопровождаемый множеством Небесного воинства, пришел за его душою. Низошли с сонмом Ангелов лики апостольские, пророческие, мученические, святительские, преподобнические, праведнические. Установились демоны рядами и толпами на мытарствах своих, чтоб созерцать шествие души духоносной. Она начала возноситься. Далеко стоя от нее, кричали духи с мытарств своих: «О, Макарий! Какой славы ты сподобился!» – Смиренномудрый муж отвечал им: «Нет! Я еще боюсь, потому что не знаю, сделал ли я что доброе». – Между тем он быстро поднимался к небу. С других высших мытарств опять кричали воздушные власти: «Точно! Ты избежал нас, Макарий!» – Он отвечал им: «Силой Христа моего ограждаемый, я избежал ваших козней»[467]. – С такой великой свободой великие угодники Божии проходят воздушные стражи темных властей потому, что в земной жизни вступают в непримиримую брань с ними, и, одержав над ними победу, в глубине сердца стяжавают совершенную свободу от греха, соделываются храмом и святилищем Святого Духа, соделывающего словесную обитель свою неприступной для падшего ангела.

Как воскресение христианской души из греховной смерти совершается во время земного ее странствования, точно так таинственно совершается здесь, на земле, ее истязание воздушными властями, ее пленение ими или освобождение от них; при шествии чрез воздух эти свобода и плен только обнаруживаются.

Заповедь, данная человеку в раю, воспрещающая вкушение от древа познания добра и зла, не отменена[468]. Она и ныне

воспрещает видеть зло в ближнем и осуждать его, воспрещает мстить ему, повелевая воздавать благим за зло; воспрещает воззрение с вожделением на красоту жены, на красоту, которая до падения не возбуждала вожделения; воспрещает не только произнесение слова богохульного, раздавшегося в раю из уст диавола, но и произнесение имени Божия всуе, и каждое праздное слово, каждое греховное помышление. «И блаженный Моисей, – говорит святой Макарий Великий, – изображая подобием, что душа не должна последовать двум несогласным между собой началам, т. е. добру и злу, но должна прилепляться только к одному добру, также, что она не должна творить двоякого плода, полезного и вредного, но один полезный, говорит так: *не спряжеши на гумне твоем инородная животна вкупе, сиречь, вола и осла: но тождеродная сопряг, смлатиши жатву свою*[469]. Это значит: да не являют на гумне сердца твоего своих действий добродетель и злоба, но да действует одна добродетель. Опять тот же говорит: *Не изотчеши волняную ризу вкупе с льняною, ниже с льняною волняную. Не посееши на селе земли твоея два плода вкупе*[470]. *Не впустиши инородное животно в плод иному; но тождеродное с тождеродным спряжеши*[471]. Всем этим таинственно знаменуется, что не должны быть посеяны в нас и злоба и добродетель, но чтоб родились одного рода плоды, плоды добродетели, также чтоб душа не имела общения с двумя духами, т. е. с Духом Божиим и духом мира»[472].

Как стоял в раю, так и ныне стоит против человека убийца его, падший херувим, со своим вращающимся пламенным оружием, непримиримо борется с человеком, старается вовлечь его в нарушение заповеди Божией и в более тяжкую погибель, нежели какой погибли наши прародители. К несчастью, успех более и более ободряет врага. Вращающееся пламенное оружие в руках воздушного князя, по объяснению величайших отцов[473], есть власть демонов вращать умом и сердцем человека, колебля и разжигая их различными страстями. Апостол называет оружие врага *огненными стрелами*[474], а пророк уподобляет действие этого оружия в душе действию *огня в хворосте*[475]. «С

того времени, – говорит святой Симеон Новый Богослов, – как диавол устроил для человека, посредством преслушания, изгнание из рая и отлучение от Бога, он с бесами своими получил свободу мысленно колебать словесность каждого человека, одного больше, другого меньше. Уму невозможно иначе оградиться, как непрестанной памятью Божией. Когда силою Креста напечатлеется в сердце память Божия, тогда чрез сие словесность делается непоколебимою. К этому ведет мысленный подвиг, которым подвизаться принял обязательство каждый христианин на поприще веры. Без этого плода суетен подвиг»[476].

Заповедь дана не только для дел и слов, но преимущественно для их начал, для помышлений, и брань врага направлена преимущественно против ума. Если этот вождь человека не согласится тайно на грех, то не может родиться ни слово, ни дело греховные. Оружие врага – помысл и мечтание греха[477]. Человек должен сражаться против воздушных властей в стране мысленной. Здесь назначено ему или одержать победу, или претерпеть побеждение; здесь он приобретает свободу от мытарей, или подчиняется им; здесь решается его вечная участь; он произвольно избирает или вечную жизнь, дарованную ему Создателем, возвращенную Искупителем, или вечную смерть, возвещенную еще в раю правосудием Божиим для твари, попирающей благодеяния Творца. К этой великой и важнейшей брани призывает святой апостол Павел, когда говорит: *облецытеся во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским: яко несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[478]. Апостол показывает и страну этой страшной брани и род оружия, который должно употреблять в ней. *Оружия воинства нашего,* говорит он, *не плотская, но сильна Богом на разорение твердем: помышления низлагающе и всяко возношение, взимающееся на разум Божий и пленяюще всяк разум в послушание Христово*[479]. Апостол завещевает пленять в послушание Христово не только греховные помышления, явно противные Ему, но и всяк разум, – потому

что лукавый супостат наш, опытный в погублении человеков, не внушает нам, при первоначальном столкновении с ним, помышлений явно греховных[480], но старается противопоставлять духовному разуму, т. е. евангельскому учению, человеческий естественный, падший, плотский и душевный, лжеименный разум, и, назвав его здравым, основательным, праведным, великим, устранить, при посредстве его, послушание Христу. В пример ласкательства и лукавства, с какими диавол привлекает волю человека к свержению благого ига Христова, святой Макарий Великий приводит следующую мысленную брань: «Кто-нибудь, ссорясь с братом своим, смущается сам в себе, помышляя так: сказать ли ему то или другое?.. Нет! Не скажу… Он так поносит меня!… Наговорить ли ему вопреки?… Лучше промолчу… Правда, имеем заповеди Божии, но должно беречь и честь свою… Таким образом трудно вполне отречься самого себя»[481]. Посему апостол заповедует решительное и полное самоотвержение, заповедует облечение во всеоружие Божие, а не препоясание каким-либо одним оружием. Недостаточен один пост, недостаточна одна молитва, недостаточна одна милостыня, недостаточно одно целомудрие! Всеоружие Божие – все евангельские заповеди. Поправший одну из них – попрал все собрание их, весь закон; поправший одну из них, *мний наречется в Царствии Небеснем*[482], пошлется в геенну огненную[483]. *Ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех*[484]. *Приимите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют и вся содеявше стати*[485]. Только принявшему все *оружия Божия* возможно *противитися в день лют*; только содевающему все без исключения заповеди возможно устоять против врага. *День лютый* – година жестокого диавольского искушения и нападения, которым подвергаются мужественные воины Христовы во время земного странствования и при которых победители переходят от вечной смерти к воскресению души[486]: для прочих христиан *день лют* – день разлучения души от тела, день шествия по воздушным мытарствам. Во всеоружие Божие облекались святые Божии. Правилом жизни их было Евангелие, а словом их, словом уст,

ума и сердца, был *глагол Божий*[487], имя Господа Иисуса Христа. Этим мечом духовным они поражали и сокрушали вращающееся огненное оружие врага: слова, произносимые диаволом, и мечты, изображаемые им, не могли проникать в душу, отражались от нее праздными. В строжайшем бодрствовании и трезвении угодники Божии внимали уму и сердцу. Озаряемые Божественной благодатью, уже издали они ощущали приближавшихся к ним мысленных татей и убийц и видели во внимании своем, как в зеркале, черные лица мысленных эфиопов[488]. Отвергшись общения их здесь, они лишили их всякого права над собой и по смерти уже беспрепятственно прошли мимо воздушных властей, благовременно попранных ими. «Только воистину отрекшийся от мира, – говорит святой Макарий, – подвизающийся, свергший с себя земное бремя, освободивший себя и искренно удалившийся от суетных желаний, плотских страстей, начальства и человеческих почестей, получивший тайно в тайном подвиге помощь от Господа, твердо пребывающий в служении Ему, весь предавшийся окончательно душою и телом Господу – только таковой, говорю, находит сопротивление, тайные страсти, невидимые сети, сокровенную войну, внутреннюю брань. Находясь посреди этой брани и непрестанно молясь Богу, он приемлет с неба духовные оружия, которые описал блаженный апостол: броню правды, шлем спасения, щит веры и меч духовный: препоясавшись ими, он может противостоять тайным козням вражеским, на него устремленным. Приобретши эти оружия посредством молитвы, терпения, прошения, пощения, веры, он может производить мужественно брань против начал, властей и миродержителей и, победив сопротивные власти помощью Духа и собственными добродетелями, соделаться достойным вечной жизни»[489].

Выше было сказано, что смертный грех православного христианина, неврачеванный должным покаянием, подвергает согрешившего вечной муке; также было сказано, что язычники, магометане и прочие лица, принадлежащие ложным религиям, составляют отселе достояние ада и лишены всякой надежды спасения, будучи лишены Христа, единого средства ко спасе-

нию. Смертные грехи для христианина суть следующие: ересь, раскол, богохульство, отступничество, волшебство, отчаяние, самоубийство, любодеяние, прелюбодеяние, противоестественные блудные грехи, кровосмешение, пьянство, святотатство, человекоубийство, грабеж, воровство и всякая жестокая, бесчеловечная обида. Только один из этих грехов – самоубийство – не подлежит врачеванию покаянием, но каждый из них умерщвляет душу и делает ее неспособной для вечного блаженства, доколе она не очистит себя удовлетворительным покаянием. Если человек впадет хотя однажды в один из этих грехов, он умирает душою: *иже бо весь закон соблюдет*, сказал Богобрат, *согрешит же во единем, бысть всем повинен. Рекий бо, не прелюбы сотвориши, рекл есть: и не убиеши: аще же не прелюбы сотвориши, убиеши же, был еси преступник закона*[490].

Впадший в смертный грех да не впадает в отчаяние! Да прибегает к врачевству покаяния, к которому призывается до последней минуты его жизни Спасителем, возвестившись во Святом Евангелии: *веруяй в Мя, аще и умрет, оживет*[491]. Но бедственно пребывать в смертном грехе, бедственно – когда смертный грех обратится в навык! Никакие добрые дела не могут искупить из ада душу, неочистившуюся до разлучения своего с телом от смертного греха. В царствование греческого императора Льва жил в Константинополе человек очень славный и богатый, подававший обильную милостыню нищим. К несчастью, он предавался греху прелюбодеяния и пребыл в нем до старости, потому что от времени укрепился в нем обычай злой. Непрестанно подавая милостыню, он не отступал от прелюбодеяния – и внезапно умер. Много рассуждал о его вечной участи патриарх Геннадий с другими епископами. Одни говорили, что он спасен, по сказанному в Писании: *избавление мужа души свое ему богатство*[492]. Другие утверждали против этого, что рабу Божиему должно быть непорочну и нескверну, потому что также сказано в Писании: *аще и весь закон исполнит человек, согрешит же во едином, бысть всем повинен*[493], *не помянется вся правда его*[494]; и Бог сказал: *в чем тебя застану, в том и буду судить*[495]. Патриарх повелел всем монастырям и

всем затворникам просить у Бога, чтоб открыл о судьбе почившего, и Бог открыл о ней некоторому затворнику. Он пригласил патриарха к себе и поведал ему пред всеми: «В прошедшую ночь я был в молитве и увидел некоторое место, имеющее по правую руку рай, исполненный неизреченных благ, по левую же – огненное озеро, которого пламень восходил до облаков. Между блаженным раем и страшным пламенем стоял умерший связанным и стонал ужасно; он часто обращал взоры к раю и предавался горьким рыданиям. И видел я светоносного Ангела, приступившего к нему, и сказавшего: «Человек, что ты стонешь напрасно? Вот, ради милостыни твоей, ты избавлен муки; а за то, что не оставил скверного любодеяния, ты лишен блаженного рая». Патриарх и бывшие с ним, услышав это, объяты были страхом и сказали: истину провещал апостол Павел: *бегайте блудодеяния: всяк бо грех, егоже сотворит человек, кроме тела есть: а блудяй, во свое тело согрешает*[496]. Где те, которые говорят: если и впадем в любодеяние, то спасемся милостыней? Милостивый, если он милостив истинно, то должен прежде помиловать самого себя и приобрести чистоту тела, без которой никто не узрит Бога. Не приносит никакой пользы сребро, раздаваемое рукой нечистой и душою нераскаянной[497].

Лишены надежды спасения и те православные христиане, которые стяжали греховные страсти и посредством их вступили в общение с сатаной, расторгнув общение с Богом. Страсти суть греховные навыки души, обратившиеся от долгого времени и частого упражнения в грехе как бы в природные качества. Таковы: чревообъядение, пьянство, сладострастие рассеянная жизнь, сопряженная с забвением Бога, памятозлобие, жестокость, сребролюбие, скупость, уныние, леность, лицемерие, лживость, воровство, тщеславие, гордость и тому подобное. Каждая из этих страстей, обратившись в характер человека и как бы в правило его жизни, соделывает его неспособным к духовному наслаждению на земле и на небе, хотя бы человек и не впадал в смертный грех. *Не льстите себе*, говорит святой апостол Павел, *ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернители, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы, Царствия Божия не наследят*[498]. *Явлена суть дела плотская, яже суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, студодеяние, идолослужение, чародеяния, вражды, рвения, завиды, ярости, разжжения, распри, соблазны, ереси, зависти, убийства, бесчинныя кличи, и подобныя сим: яже предглаголю вам, яко же предрекох; яко таковая творящии Царствия Божия не наследят. А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми*[499]. Страсть требует тщательного врачевания покаянием и благовременного искоренения противоположною ей добродетелью. Страсть не всегда выражается делом; она может тайно жить в сердце человека, обладая его чувствованиями и помышлениями. Страсть познается из того, когда человек не престает воображать грех и услаждаться мечтанием его, когда плененный им, он уже не в силах противиться увлекающей силе греховных помышлений и картин, которые своею непотребною сладостью поглощают всю его мудрость и крепость. Страстный не престает совершать грех в мечтании и сердечном чувстве, чрез что поддерживает свое общение с темными духами и свою подчиненность им, а потому и свою вечную погибель. *Возопий крепостию,* повелевает Господь пророку Своему, *и возвести людем Моим грехи их, и дому Иаковлю беззакония их. Мене день от дне ищут, и разумети пути Моя желают, яко людие правду сотворшии, и суда Бога своего не оставившии, просят ныне у Мене суда праведна: и приближитися ко Господу желают, глаголюще: что яко постихомся, и не увидел еси? Смирихом души наша, и не увидел еси? Во дни бо пощений ваших обретаете воли ваша*[500], т. е. «лукавые мысли ваши! Вы приносите им всесожжения, как идолам! Вы признали как бы богами вашими лютые помышления и приносите им жертву честнейшую из жертв: свободу вашу, которую подобало вам посвятить Мне вашим благоделанием и чистой совестью»[501].

Тогда только осеняет человека надежда спасения, когда он увидит себя в невидимой брани постоянным победителем. Эту мысль выразил святой пророк Давид, когда молитвенно сказал Богу: *в сем познах, яко восхотел мя еси, яко не возрадуется*

враг мой о мне[502]. Он молился о получении этого блаженного состояния, когда говорил: *от тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади раба Твоего*[503]. *Аще не обладают мною, тогда непорочен буду, и очищуся от греха велика. Воздаждь ми радость спасения Твоего, и Духом Владычним утверди мя. И будут во благоволение словеса уст моих, и поучение сердца моего пред Тобою выну, Господи, помощниче мой, и избавителю мой*[504]. Очевидно, что грехом тайным и вместе грехом великим пророк назвал страсть. Он назвал ее грехом чуждым, потому что она составляется из принятых и усвоенных душою бесовских помыслов, чуждых душе, от которых она томится и болезнует, как от состояния противоестественного. Непорочность, достойная рая, является по истреблении из сердца страстей. Единый Святой Дух может вполне очистить человека от страстей и возвратить ему власть над самим собой, похищенную диаволом. В состоянии бесстрастия человек достигает чистой любви, и мысль его начинает постоянно пребывать при Боге и в Боге. Душа, ощутив осенение Духа, увидев себя победительницей греховных помыслов и мечтаний, начинает ощущать неизъяснимую радость спасения. Эта радость не имеет никакого сходства с обыкновенной человеческой радостью, которая рождается единственно от тщеславия, составляется самодовольством, когда человек льстит сам себе, или когда льстят ему другие, или же когда льстит ему земное преуспеяние. Духовная радость, извещающая спасение, полна смиренномудрия, полна благодарения Богу, сопутствуется обильными и постоянными слезами, непрестанными молитвами, не насыщается осуждением и уничижением себя, изливается в исповедании Богу, в славословии Бога, ознаменовывается умерщвлением к миру. Она – предощущение вечной жизни! Она – живое познание Бога, которое вопиет таинственно: *глас радости и спасения в селениях праведных: десница Господня сотвори силу, десница Господня вознесе мя, десница Господня сотвори силу. Не умру, но жив буду, и повем дела Господня: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя. Отверзите мне врата правды: вшед в ня, исповемся Господеви. Сия врата Господня, праведнии внидут в ня. Исповемся Тебе, яко услышал мя еси, и был еси мне во спасение*[505]. Врата Господни – благодатное смирение[506]. Когда отверзутся пред умом эти врата Божественной правды, он престает осуждать ближнего, памятозлобствовать на него, обвинять и его и обстоятельства, перестает оправдывать себя, познает во всем совершающемся непостижимую правду Божию, и потому отвергает свою правду, как мерзость. Этими вратами в исповедании бесчисленных благодеяний Божиих и многочисленных своих согрешений, омовенный слезами покаяния и умиления, входит человек чистой молитвой и духовным видением пред лице Божие.

Бежим, бежим убийцы нашего – греха! Бежим греха не только смертного, но и простительного, чтоб он не обратился от небрежения нашего в страсть, низводящую в ад наравне со смертным грехом. Есть грехи простительные. Так, если случится кому увлечься чревообъядением, блудным воззрением и помышлением, произнести гнилое слово, солгать, украсть что-либо маловажное, потщеславиться, погордиться, прогневаться, на короткое время огорчиться или воспамятозлобствовать на ближнего: во всех таких увлечениях, по немощи человеческой, когда за ними следует сознание и раскаяние, мы удобно получаем прощение от милосердного Бога. Простительный грех не разлучает христианина с Божественной благодатью, и не умерщвляет души его, как делает то смертный грех; но и простительные грехи пагубны, когда не раскаиваемся в них, а только умножаем бремя их. По сравнению, сделанному святыми отцами, одинаково может потопить человека и навязанный на шею тяжелый камень, и навязанный мешок с песком: так одинаково влекут в адскую пропасть и смертный грех, и накопленное множество малых, простительных грехов. Что, например, сделал особенно худого евангельский богач, предававшийся ежедневно увеселениям, имея на то собственные средства? Причиною его погибели выставлена в Евангелии единственно его рассеянная жизнь, приведшая к совершенному забвению о вечной будущности и о добродетели. Рассеянность сделалась его страстью; вне ее он не понимал жизни.

Беда получить сердечную язву – страсть! Эту язву наносит иногда самое ничтожное обстоятельство: один неосторожный, по-видимому, невинный взгляд, одно необдуманное слово, одно легкомысленное прикосновение могут заразить неисцельно. В какой тяжкий грех мог впасть вышеупомянутый затворник, особенно уважаемый гражданами, никуда не выходивший из кельи, не соблазнивший никого, напротив, служивший назиданием для многих и погибший за свое невидимое мысленное общение с сатаной, по причине которого он не упокоил в себе Святого Духа ни единого часа? – В некотором женском монастыре жила при игуменьи ее племянница, прекрасная собою по наружности и неукоризненного поведения. Все сестры любовались и назидались ее ангеловидностью и необыкновенною скромностью. Она скончалась. Ее похоронили торжественно, в твердой уверенности, что чистая душа ее воспарила в райские обители. Огорченная разлукой с нею, игуменья предавалась непрестанной молитве, усиливая эту молитву постом и бдением, и просила Господа, чтоб Он открыл ей, какой небесной славы удостоилась ее племянница в лике блаженствующих девственниц? Однажды, когда игуменья, в келейной тишине преполовляющейся ночи, стояла на молитве, – внезапно расступилась земля под ее ногами и клокочущая огненная лава потекла пред взорами молившейся. Вне себя от испуга, она взглянула в открывшуюся пред ней пропасть – и видит среди адского пламени свою племянницу. «Боже мой! – отчаянно воскликнула она, – тебя ли вижу я?» – «Да, – со страшным стоном произнесла погибшая». – «За что ж это? – с горестью и участием спросила старица, – я надеялась видеть тебя в райской славе, в ликах ангельских, среди непорочных агниц Христовых, а ты… За что это?» – «Горе мне окаянной! – простонала мучившаяся. – Я сама виною вечной моей смерти в этом пламени, непрестанно пожирающем, но не уничтожающем меня. Ты хотела видеть меня, и Бог открыл тебе тайну моего положения». – «За что ж это?» – снова сквозь слезы спросила игуменья. – «За то, – отвечала мучившаяся, – что я в виду вашем казалась девственницей, непорочным ангелом, а на самом деле была не то. Я не

осквернила себя плотским грехом, но мои мысли, мои тайные желания и преступные мечты свели меня в геенну. При непорочности моего девического тела я не умела сохранить в непорочности мою душу, мои мысли и движения сердечные, и за это я предана муке. По неосторожности моей я питала в себе чувство сердечной привязанности к одному юноше, услаждалась в моих мыслях и мечтах представлением его прекрасного вида и соединением с ним, и, понимая, что это грех, совестилась открыться в нем духовнику при исповеди. Следствием порочного услаждения нечистыми мыслями и мечтаниями было то, что, при кончине моей, святые Ангелы возгнушались мною и оставили меня в руках демонов. И вот, теперь я горю в геенском пламени, вечно буду гореть и никогда, никогда не сгорю, нет конца мучению для отверженных небом!» Сказав это, несчастная застонала, заскрежетала зубами и, подхваченная пылающей лавою, скрылась со всем видением от взоров игуменьи[507].

«Должно хранить душу и всячески ее блюсти, – говорит святой Макарий, – чтоб она не приобщалась скверным и злым помыслам. Как тело, совокупляясь с другим телом, заражается нечистотой, так и душа растлевается, сочетаваясь с скверными и злыми помыслами и согласуясь заодно с ними. Это надо разуметь не об одном или двух родах помыслов, приводящих ко греху, но о всех вообще злых помыслах, как то: о помыслах неверия, лести, тщеславия, гнева, зависти и рвения. В отвержении всех этих помыслов и заключается *очищение себя от всякия скверны плоти и духа*[508]. Знай, что и в тайне души содевается действием непотребных помыслов растление и блужения, по слову великого апостола: *аще кто растлит храм Божий, растлит того Бог*[509]. Под именем храма Божия разумей это видимое наше тело. Так и тот, кто растлит душу и ум, соединяясь и совокупляясь со злобой, повинен казни. Как должно хранить тело от видимого греха, так должно хранить и душу, эту невесту Христову, от непотребных помыслов. *Обручих вы*, говорит апостол, *единому мужу невесту представити Христу*[510]. И другое Писание говорит: *всяцем хранением блюди твое сердце; от*

сих бо исходища живота[511]. И опять: научись из Божественного Писания, что *строптивая помышления отлучают от Бога*»[512]. Преподобный Нил Сорский так рассуждает о страсти: «Страсть подлежит или соразмерному покаянию или будущей муке. Должно раскаиваться в страсти и молиться об избавлении от нее: она подлежит будущей муке за нераскаяние в ней, а не за производимую ею внутреннюю борьбу. Если б вечной мукой каралась сама борьба, то без совершенного бесстрастия не было бы отпущения грехов, которое, однако же, получено многими, как говорит святой Петр Дамаскин. Боримый какой бы то ни было страстью должен тщательно противиться ей, сказали отцы. Приведем в пример блудную страсть. Боримый блудною страстью к какому-либо лицу должен всячески удаляться собеседования с ним и сопребывания, прикосновения даже к одежде его и обоняния его. Нехранящийся во всем этом совершает страсть и любодействует помыслами в сердце своем, сказали отцы. Таковый сам возжигает в себе пещь страстей и вводит в себя, как зверей, лукавые помыслы»[513].

Приготовимся к вечности и к переходу в вечность, именуемому смертью, во время земной жизни, в этом преддверии к вечности. Земная жизнь есть не собственно жизнь, но непрестанная борьба между жизнью и смертью: попеременно мы уклоняемся то к той, то к другой, колеблемся между ними, оспариваемся ими. Если оценим справедливо, то краткое мгновение, на которое мы поставлены здесь, на земле, сравнив его с неизмеримой и величественной вечностью, то найдем только одно правильное употребление земной жизни. Употребляется она правильно, когда проводится в приготовлении к вечности. Так судит о земной жизни и слово Божие; *не бойся малое стадо*, завещает Господь ученикам Своим на время их земного странствования, *яко благоволи Отец ваш дати вам Царство. Продадите имения ваша, и дадите милостыню: сотворите себе влагалища неветшающа, сокровище неоскудеемо на небесех, идеже тать не приближается, ни моль растлевает: идеже бо сокровище ваше, ту и сердце ваше будет. Да будут чресла ваша препоясана и светильницы горящии: и вы подобни человеком, чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих. Аминь глаголю вам, яко препояшется и посадит их, и минув послужит им. И аще приидет во вторую стражу, и в третию стражу приидет и обрящет их тако, блажени суть раби тии. Се же ведите, яко аще бы ведал господин храмины, в кий час тать приидет, бдел убо бы, и не бы дал подкопати дому своего. И вы убо будите готови: яко воньже час не мните Сын Человеческий приидет. Кто убо есть верный строитель и мудрый, егоже поставит Господь над челядию своею, даяти во время житомерие? Блажен раб той, егоже пришед Господь его обрящет творяща тако. Воистину глаголю вам, яко над всем имением своим поставит его. Аще же речет раб той в сердцы своем: коснит господин мой приити, и начнет бити рабы и рабыни, ясти же и пити и упиватися: приидет господин раба того в день, в оньже не чает и в час, воньже не весть: и растешет его, и часть его с неверными положит*[514]. Мало и уничиженно словесное стадо истинных христиан; оно в презрении и гонении у гордых сынов мира; но Господь заповедует ему не изнемогать в скорбях и не страшиться их, заповедует не обращать внимания на эти скорби, устремлять все внимание к Небесному Царству, обетованному благоволением Отца – Бога. Он заповедует превратить земное имение милостыней в небесное имение, чтоб самое сокровище человека, находясь на небе, влекло его к небу. Он повелевает так устраивать свои обстоятельства и проводить такое жительство, чтоб непрестанно быть готовым к смерти. Называя земную жизнь ночью, Он возвещает, что неизвестно, в которую стражу этой ночи придет смерть: в детском ли возрасте, или в юношеском, в зрелом ли мужестве, или в глубокой старости. Господь угрожает неожиданною смертью тому, кто, считая ее далекой от себя, позволяет себе злоупотреблять земной жизнью и дарами Божиими.

Истинные ученики Христовы с точностью исполнили завещание Господа. Апостол Павел говорит о себе, что он умирал

ежедневно[515]. Точно: кто ежедневно приготовлен к смерти, тот умирает ежедневно; кто попрал все грехи и все греховные пожелания, чья мысль отселе переселилась на небо и там пребывает, тот умирает ежедневно. Кто умирает ежедневно, тот уже живет вечною, истинною жизни[516].

Такой жизни мыслью и сердцем на небе, при жизни телом на земле, такого ежедневного переселения в вечность достигают весьма немногие из христиан, даже проводящих жизнь в святых обителях; тем менее доступно это духовное состояние христианам, живущим посреди мира. Земные попечения непрестанно гнетут мысль к земному, привязывают к временному и тленному, похищая у нее памятование о вечности. Это, однако же, не должно приводить христианина в уныние. Если он не может постоянно пребывать в области вечного и духовного, то может обращаться к ней часто и благовременно приготовляться к смерти. Приготовляться к ней должно хранением себя от всякого дела, слова и помышления, воспрещенным Христовыми заповедями. Приготовляться к ней должно ежедневным или, по возможности, частым исповеданием своих согрешений, как пред отцом духовным, так и в душевной клети пред единым Сердцеведцем – Богом. Должно приготовляться к смерти воздержанием от брашен и напитков, воздержанием от празднословия, шуток, смеха, рассеянности, увеселений и игр, воздержанием от роскоши, требуемой тщеславием мира, и от всех излишеств, соделывающих помышление о смерти чуждым уму, льстиво представляющих земную жизнь как бы бесконечною. Должно приготовляться молитвами от сердца сокрушенного и смиренного, слезами, воздыханиями, рыданиями; должно приготовляться обильным подаянием милостыни, прощением обид, любовью и благодеянием врагам, терпением всех земных скорбей и искушений, которыми искупаются вечные скорби ада. Если смерть застанет христианина в этом подвиге, то, конечно, она застанет его препоясанным, т. е. приготовленным к совершению далекого пути от земли к небу, и со *светильником горящим*, т. е. с разумом и поведением, озаренными Божественной Истиной.

Одним из превосходнейших способов приготовления к смерти служит воспоминание и размышление о смерти. Очевидно из вышеприведенных слов Спасителя, что оно заповедано Господом. И Священное Писание Ветхого Завета говорит: *поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши*[517]. Святые иноки с особенною тщательностью возделывали эту часть умственного подвига. В них размышление о смерти, осененное благодатью, обращалось в живое созерцание смертного таинства, а такому созерцанию сопутствовала горячая молитва с обильными слезами и глубокими сердечными стенаниями. Без постоянного памятования о смерти и Суде Божием они признавали опасным самый возвышенный подвиг, как могущий дать повод к самомнению.

Преподобный Антоний Великий, в наставлениях ученикам своим, советует размышление о смерти: «Рассматривая, – говорит он, – превратность жизни человеческой и неизвестность ее конца, мы устранимся таким рассматриванием от греха. Когда встаем от сна, то вполне сомнительно – достигнем ли вечера. Опять, когда желаем успокоить тело сном, столько же ненадежно – увидим ли свет наступающего дня. Размышляя о неверности наших жизни и естества во всех отношениях, мы достигаем познания, что Божий Промысл управляет нами. Тогда перестаем согрешать и увлекаться положениями пустыми и тленными, тогда не прогневляемся ни на кого, не стремимся к собранию земных сокровищ, попираем все тленное страхом могущего ежедневно последовать отшествия отсюда и непрестанным размышлением о разлучении души с телом; тогда престает действовать любовь к женскому полу, погасает пламень любодеяния, отпускаем друг к другу долги наши, имея непрестанно пред очами наступление окончательного воздаяния. Боязнью суда и страхом мук уничтожаются обманчивые похотения плоти и вместе поддерживается душа, когда она клонится к падению»[518].

Святой Исаак Сирин говорит: «Кто достойно именуется разумным? Тот, кто действительно уразумел, что есть предел сей жизни; тот может положить предел своим согрешениям[519].

Первая мысль, посылаемая человеколюбием Божиим человеку и напутствующая его душу в живот вечный, есть западающая в сердце мысль об исходе. Этой мысли естественно последует презрение к миру; ею начинается в человеке всякое благое движение, наставляющее его в живот. Божественная сила, содействующая человеку, когда восхощет явить в нем живот, полагает в нем эту мысль в основание, как мы сказали. Если человек не угасит ее житейскими заботами и суесловием, но возрастит в безмолвии, углубляясь в себя и занимаясь ею: то она поведет его к глубокому видению, невыразимому словом. Эту мысль крайне ненавидит сатана и употребляет всю силу, чтоб исторгнуть ее у человека. Если бы можно было, он отдал бы человеку царство целого мира, только бы посредством развлечения изгладить эту мысль в уме человека; он сделал бы это охотно, если б мог. Коварный! Он знает, что если помышление о смерти укоренится в человеке, то ум его не остается уже более в стране обольщения, и бесовские хитрости к нему не приближаются. Не подумайте, что мы говорим о первом помысле, пробуждающем в нас напоминанием своим памятование смерти; мы говорим о полноте дела, когда непрестанно приходит человеку воспоминание и размышление о смерти, его всегда утверждающее и приводящее в удивление. Первый помысл телесен, а второе состояние – духовное видение и дивная благодать. Это видение облечено в светлые мысли. Имеющий его не обращает внимания на мир и не заботится о теле своем»[520].

«Когда приближишься к одру твоему, скажи ему: о одр мой! Не сделаешься ли ты в эту ночь моим гробом? Мне неизвестно, не постигнет ли меня в эту ночь, вместо временного сна, будущий вечный сон. Доколе имеешь ноги, теки к деланию, прежде нежели они свяжутся узою, которая уже не может разрешиться. Доколе имеешь персты, распни их на молитву, прежде нежели придет смерть. Доколе имеешь очи, исполни их слез, прежде нежели они покроются прахом. Как роза увядает, едва дунет на нее ветер, так и ты умираешь, если поколеблется внутри тебя какая-либо из стихий, входящих в состав твой. О,

человек! Вкорени в сердце твое мысль о твоем отшествии и напоминай себе непрестанно: Вот! Посланник, долженствующий прийти за мною, уже достиг дверей. Что сижу? Отшествие на веки, безвозвратное»[521].

«Как хлеб нужнее всякой другой пищи, – говорит святой Иоанн Лествичник, – так размышление о смерти нужнее всех деланий. Памятование о смерти рождает в общежительных иноках усердие к трудам и непрестанное приобучение себя к исполнению евангельских заповедей, особливо же к перенесению бесчестий со сладостью, а в безмолвниках – отложение попечений, постоянную молитву и хранение ума. Эти добродетели – вместе и матери и дщери памятования о смерти. Живое памятование смерти отсекает излишество в пище; когда же со смирением отсечено будет это излишество, – с отсечением его отсекаются страсти. Как, по определению отцов, совершенная любовь не падает, так я утверждаю, что истинное предощущение смерти не страшится падений. Как некоторые признают бездну бесконечной, говоря, что это место не имеет дна, так и памятование о смерти доставляет чистоту и делание, не имеющие пределов. Невозможно, невозможно настоящий день провести благочестиво, если не будем считать его последним днем нашей жизни. Уверимся, что памятование смерти, как и всякое благо, есть дар Божий; потому что часто при самых гробах не проливаем слез и пребываем равнодушными; напротив того, часто приходим в умиление и без этого зрелища»[522].

Великий Варсонофий утверждает, что человек, отсекающий свою волю во всем, имеющий смиренное сердце и всегда смерть перед глазами, может спастись благодатью Божией, и, где бы он ни был, им не овладеет боязнь: такой *задняя забывает, а в предняя простирается*[523]. «Да укрепит мысль твою, – пишет этот преподобный отец некоторому брату, – воспоминание о пришествии смерти, которой час неизвестен никому из человеков. Постараемся делать добро, прежде нежели прейдем из этой жизни. Не знаем, в какой день будем позваны, чтоб не оказаться нам неготовыми и не остаться вне чертога с пятью юродивыми девами, которые взяли светильники, но не взяли

елея в сосудах своих»[524]. Другому брату преподобный пишет: «Уразумей, что время не медлит и, когда настанет час, вестник смерти неумолим. Кто молил его и был услышан? Он есть истинный раб своего Владыки, в точности исполняющий повеление Его. Убоимся страшного дня и часа, в который не защитит ни брат, ни сродник, ни начальство, ни власть, ни богатство, ни слава: но будет лишь человек и дело его»[525]. – «Хорошо человеку помнить смерть, чтоб навыкнуть знанию, что он смертен; смертный – не вечен; невечный же и по неволе оставит век сей. Чрез непрестанную память о смерти человек начинает и произвольно делать добро»[526].

Преподобный Филофей Синайский советует Христову подвижнику посвящать все утро трезвенной и продолжительной молитве, а по вкушении пищи употреблять некоторое время на воспоминание и размышление о смерти[527]. Приводя в свидетельство этого древнего отца, наш преподобный Нил Сорский советует также посвящать время после трапезы на размышление о смерти и суде[528]. Этим наставлением святых отцов, как извлеченных из блаженного опыта, полезно и должно пользоваться всем, желающим приучиться к памятованию смерти, желающим освободиться от обольстительного и обманчивого мысленного состояния, при котором человек представляется сам себе как бы вечным на земле, а смерть считает уделом только других человеков, отнюдь не своим. После понудительного приобучения себя к воспоминанию о смерти, милосердный Господь посылает живое предощущение ее, – и оно приходит помогать подвижнику Христову при его молитве. Оно благовременно восхищает его на страшный суд Христов; благовременно на этом суде человек умоляет человеколюбивого Господа о прощении своих грехов и получает его. Потому-то святой Иоанн Лествичник назвал «молитву истинно молящихся – судилищем, судом, престолом Господа, предваряющими общий будущий суд»[529].

Преподобный Филофей Синайский свидетельствует, что *память смертная* (так вообще святые отцы называют воспоминание и размышление о смерти) очищает ум и тело. «Узрев красоту ее, – говорит он, – и будучи пленен духом, а не оком, я

захотел стяжать ее сожительницей на время этой земной жизни, соделавшись любителем ее благолепия и честности. Как она смиренна, радостно-печальна, рассмотрительна! Как она постоянно страшится будущего праведного истязания! Как она боится отлагать со дня на день добродетельное жительство! Она источает из чувственных очей живую, целительную воду, а из мысленных очей – источник, точащий премудрейшие мысли, которые текут и скачут, веселя смысл. Эту, как сказал я, дщерь Адамову, *память*, говорю, *смерти*, я постоянно жаждал иметь сожительницей, с ней усыпать, с ней беседовать и исследовать, что будет со мною по разлучении с телом»[530].

«Всегдашняя и живая *память смерти* рождает плач, соединенный с радостью и сладостью, и трезвение ума»[531].

«Искупующий искусно жизнь свою, непрестанно пребывающий в памятовании смерти и размышлении о ней, этим премудро отвлекающий ум от страстей, яснее видит ежечасные пришествия бесовских прилогов, нежели тот, кто хочет проводить жизнь вне *смертной памяти*, очищая сердце ради единого разума и не соблюдая своей мысли всегда плачевной и печальной. Таковой, думая побеждать остроумием все губительные страсти, связан, не ведая того, худшею из них, и часто уклоняется далеко от Бога своим высокомудрием. Такому должно строго наблюдать за собой, чтобы не возгордиться, и по этой причине не сойти с ума. Обычно душам, говорит Павел, собирающим познания оттуда и отсюда, кичиться на меньших, каковыми эти кажутся: в них нет искры назидающей любви, как я думаю. Напротив того, имеющий *память смерти*, видя, яснее других, нашествия бесов, каждый вечер низлагает их и прогоняет»[532].

«Поистине заключает в себе многие добродетели живая *память смерти*: она – родительница плача, побуждение к воздержанию от всего, воспоминание геенны, мать молитвы и слез, бесстрастие брения при посредстве обнаружения его бренности. Источник остроумия, соединенного с благоразумием; их чада – сугубый страх Божий и очищение сердца от страстных помыслов, чем объемлются многие заповеди»[533].

Святой Исихий Иерусалимский помещает в числе образов трезвения непрестанное содержание в душе памятования о смерти. Он уподобляет *смертную память* вратарю, стоящему при дверях души и возбраняющему входить в них лукавым помыслам. «Будем, – говорит он, – если возможно, воспоминать смерть непрестанно. От такого памятования рождается в нас отложение попечений и всех сует, хранение ума и непрестанная молитва»[534].

Постоянное памятование смерти есть благодать дивная, удел святых Божиих, преимущественно предавшихся тщательному покаянию в нерушимом безмолвии. Только в безмолвии созревают и процветают возвышеннейшие добродетели, как в оранжереях редчайшие и драгие произрастения! Но и нам, немощным и страстным, необходимо принуждать себя к воспоминанию о смерти, усваивать сердцу навык размышления о ней, хотя такое размышление и крайне противно сердцу грехолюбивому и миролюбивому. Для такого обучения, согласно вышеприведенному наставлению святых отцов, полезно отделять ежедневно известный час, свободный от попечений, и посвящать его на спасительное воспоминание страшной, неминуемой смерти. Как ни верно это событие для каждого человека, но сначала с величайшим трудом можно принудить себя даже к холодному воспоминанию о смерти, что служит одним из бесчисленных доказательств падения нашей природы, помещенных в ней самой. Постоянное развлечение мыслей, нам усвоившееся, и мрачное забвение непрестанно похищают мысль о смерти у начинающих трудиться о частом воспоминании ее. Потом являются другие противодействия: неожиданно представляются нужнейшие дела и попечения именно в тот час, который мы отделили из дня для попечения о своей вечности, чтоб украдывать у нас этот час, а потом, чтоб вполне украсть и самое делание, даже самое воспоминание о существовании духовного, спасительнейшего делания – размышления о смерти. Когда же, познав козни властей воздушных, мы удержимся в подвиге, тогда увидим в себе новую против него брань – помыслы сомнения в действительности и пользе подвига, помыслы насмешки и хулы, именующие его странным, глупым и смешным, помыслы ложного смирения, советующие нам не отделяться от прочих человеков поведением нашим. Если, по великой милости Божией, победится и эта брань – самый страх мучительный, производимый живым воспоминанием и представлением смерти, как бы предощущением ее, сначала необыкновенно тяжел для нашего ветхого человека: он приводит в ужас ум и воображение; холодный трепет пробегает по телу, потрясает, расслабляет его; сердце томится невыносимой тоской, сопряженной с безнадежием. Не должно отвергать этого состояния, не должно опасаться от него пагубных последствий. «Всякому начинающему жить по Боге, – говорит святой Симеон Новый Богослов – полезен страх муки и рождаемая от него болезнь. Мечтающий положить начало без такой болезни и уз не только полагает основание на песке своих деяний, но и подобен покушающемуся построить храмину на воздухе, вовсе без основания, что невозможно. От этой болезни вскоре рождается всякая радость; этими узами растерзываются узы всех согрешений и страстей; этот мучитель бывает причиной не смерти, но жизни вечной. Кто не захочет избежать болезни, рождающейся от страха вечных мук, и не отскочит от нее, но произволением сердца предастся ей и возложит на себя ее узы, тот, сообразно этому, начнет скорее шествовать, и она представит его Царю царствующих. Когда же совершится это и подвижник отчасти воззрит к славе Божией, тогда немедленно разрешатся узы, отбежит мучительный страх, болезнь сердца преложится в радость, явится источник, точащий чувственно приснотекущие слезы рекой, мысленно же тишину, кротость, неизреченную сладость, мужество, устремляющееся свободно и невозбранно ко всякому послушанию заповедям Божиим»[535]. Очевидно: такое изменение совершается от благодатного явления в сердце надежды спасения. Тогда, при размышлении о смерти, печаль растворяется радостью, слезы горькие претворяются в сладостные слезы. Человек, начавший плакать при воспомина-

нии о смерти, как при воспоминании о казни, внезапно начинает плакать при этом воспоминании, как при воспоминании о возвращении в свое бесценное отечество. Таков плод памятования смерти. По важности плода должно быть мужественным в возделывании его и преодолевать все препятствия разумным трудом и постоянством; должно веровать, что плод будет приобретен нами в свое время, по милости и благодати Божией. Воспоминание о смерти, о сопровождающих ее и о последующих ей страхах, воспоминание, сопряженное с усердной молитвой и плачем о себе, может заменить все подвиги, объять всю жизнь человека, доставить ему чистоту сердца, привлечь к нему благодать Святого Духа, и тем даровать ему свободное вознесение на небо мимо воздушных властей.

Прежде нежели достигнем того молитвенного блаженного состояния, при котором ум непосредственно зрит предстоящую кончину и ужасается смерти, как должно твари ужасаться угрозы Творца, произнесенной вместе с заповедью, – полезно возбуждать в себе воспоминание о смерти посещением кладбища, посещением болящих, присутствием при кончине и погребении ближних, частым рассматриванием и обновлением в памяти различных современных смертей, слышанных и виденных нами. Сколько знакомых наших, любивших эту земную жизнь и пользовавшихся благоденствием в ней, надеявшихся долго жить и еще вовсе нестарых, пожато смертью внезапно! Никто из них не мог сказать пришедшей смерти: «Подожди! Удались, я еще не хочу умирать!» Иные из них не успели в час смертный сделать никакого распоряжения, никакого приготовления; иные восхищены были со среды веселого пира, из-за роскошной трапезы; иные скончались на дороге; иные убились сами или убиты; иные растерзаны зверями; иные легли на постель, чтоб успокоить тело малым временным сном, и уснули сном вечным. Осмотримся кругом себя: какое множество родственников, друзей и знакомых, взятых смертью, выбыло из нашего общества! Из них славные оставили славу, власть и почести, богатые оставили имение и деньги, накопленные с большим трудом, хранимые с большой скупостью. Смерть

разлучила родителей с многочисленным семейством, супруга с супругой, друга с другом; она поразила гения среди великих дел его; она отняла у общества человеческого самого нужного для него члена и в минуты величайшей нужды в нем. Никто не мог остановить ее и воспротивиться ей; никто не мог спросить у нее отчета в ее действиях, столько непримиряющихся с разумом человеческим. Что на земле не суетно? Что не превратно? Что имеет какое-нибудь постоянство? Поистине – одна жизнь во Христе, продолжающаяся за пределы гроба и развиваемая во всей красоте и светлости смертью тела. Прочее же все – слабее тени, обманчиво, как сновидения… Многолетние труды человека ради тления уничтожает смерть в один час, в одно мгновение[536].

Уразумев краткость нашей земной жизни и суетность всех земных приобретений и преимуществ, уразумев ужасную будущность, ожидающую тех, которые пренебрегши Искупителем и искуплением, принесли себя всецело в жертву греху и тлению, – отвратим мысленные очи наши от пристального зрения на обманчивую и обворожительную красоту мира, удобно уловляющую слабое сердце человеческое в любовь к себе и в служение себе; обратим их к страшному, но спасительному зрелищу, – к ожидающей нас смерти. Оплачем себя благовременно; омоем, очистим слезами и исповеданием грехи наши, записанные в книгах миродержца. Стяжем благодать Святого Духа – эту печать, это знамение избрания и спасения: оно необходимо для свободного шествия по воздушному пространству и для получения входа в небесные врата и обители. Имение неправедное[537] – так названо Евангелием всякое земное имение, как следствие нашего падения – употребим, по совету Евангелия, на приобретение небесных сокровищ обильным раздаянием милостыни. Употребим земную жизнь нашу, этот великий дар Божий, соответственно назначению, указанному ей Богом, на познание Бога, на познание самих себя, на устроение своей вечной участи. Не будем терять времени; воспользуемся им правильно: в другой раз оно не дается; потеря его невознаградима.

Изгнанники рая! Не для увеселений, не для торжества, не для играний мы находимся на земле, но для того, чтобы верою, покаянием и крестом убить убившую нас смерть и возвратить себе утраченный рай.

Милосердный Господь да дарует читателям этого слова и составившему его помнить смерть во время земной жизни; памятованием ее, умерщвлением себя ко всему суетному и жизнью для вечности отстранить от себя лютость смерти, когда настанет час ее, и перейти ей в блаженную, вечную, истинную жизнь. Аминь.

ПРИБАВЛЕНИЕ К «СЛОВУ О СМЕРТИ». ВЗГЛЯД НА МНЕНИЕ ЗАПАДНЫХ О ДУХАХ, АДЕ И РАЕ

«Слово о смерти» было написано единственно с аскетической целью. Требование от него большей отчетливости в богословском отношении вызвало те дополнения, которые вошли в него при настоящем издании. Сделаны были против некоторых предметов учения Православной Церкви, помещенных в «Слове», возражения. Возражения эти возникли из учения, прочитанного в западных писателях. По этой причине признается не лишним ознакомить чад Православной Церкви с мнением западных о духах, рае и аде, обличить неосновательность и неверность этого мнения. Сведения о вышеупомянутых предметах заимствуем у западного писателя Бержье[538].

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. О ДУХАХ

Выписка 1. «Дух – существо невещественное, отличное от тела». Такое определение дает западный писатель всякому вообще духу. Из этого определения не исключается и Бог, поставляемый таким образом в один разряд со всеми духами. Не высказано это здесь с ясностью, но ясно усматривается, как дальше будет видно, особенно из статьи, в которой западным писателем рассматриваются вообще духи[539].

Выписка 2. «Ангел – существо духовное, разумное, первостепенное по достоинству между тварями»[540].

Выписка 3. «Душа – существо духовное, мыслящее, начало жизни в человеке»[541].

Выписка 4. «Отцы Церкви различного мнения о естестве Ангелов. Одни, как Тертуллиан, Ориген, святой Климент Александрийский и другие, думали, что Ангелы всегда облечены тонким телом. Другие, как святой Василий, святой Афанасий, святой Кирилл[542], святой Григорий Нисский, святой Иоанн Златоуст и другие, признавали их существами чисто духовными. Таково мнение всей Церкви[543]; но священное Писание свидетельствует, что *Ангелы* часто являлись облеченными в тело: и так, мы не видим, почему бы мнение Тертуллиана было опасным»[544]. Дальше докажется, что ссылка западного писателя на восточных отцов – неверна.

Выписка 5. «Многие философы нашего века до того простерли пристрастное суждение, что решились утверждать, будто писатели Священного Писания и отцы Церкви не присваивали слову *дух* того смысла, который даем ему мы, что под этим словом они разумели только вещество весьма тонкое, существо огненного свойства или воздушное, недоступное для наших чувств, а отнюдь не существо решительно невещественное»[545]. Суждение, названное здесь *пристрастным*, есть суждение *верное*. Ни Священное Писание, ни святые отцы не давали слову *дух* того значения, которое начали давать ему западные очень недавно. Священное Писание и святые отцы признают, исповедуют, проповедуют совершенную невещественность и независимость от пространства и времени единого Духа-Бога. Употребляют они слово *дух* для обозначения нравственных свойств. Во всех же случаях, когда *духом* называется предмет одушевленный и неодушевленный, и Писание и отцы *именно* разумеют *вещество*, вещество тонкое, отличное от вещества грубого. Выражение, что сотворенные духи – существа *огненного или воздушного свойства*, принадлежит *именно* отцам, как докажется далее точнейшими выписками из отцов.

Выписка 6. «Мы сознаемся, что во всех известных изысках нет *слова*, собственно и исключительно употребляемого для обозначения *существа невещественного*. Как воображение оказалось недостаточным для изобретения такого выражения, то должно было прибегнуть к метафоре, и ей заменить его. Большая часть наименований, данных ему, означают дух, дыхание, служащее знаком жизни»[546].

Выписка 7. «Но все люди, не имея никакого понятия о философии, по естественному суждению различали *существо живое, действующее, начало движения, от существа мертвого, страдательного, неспособного к движению.* Первое они называли *духом*, второе *телом* или веществом. Это различие современно по древности своей миру, распространено повсюду, где находится человек. Все были столько уверены в безжизненности вещества, что предполагали присутствие *духа* повсюду, где усматривали *движение*»[547]. На этом основании, столько неверном, западный писатель зиждет свое учение о духах.

Выписка 8. «Сущность вопроса приводится к следующему: Когда писатели Священного Писания, отцы Церкви и древние философы говорят о *Боге*, о *Ангелах*, о *духах*, то понимают ли их существами мертвыми, страдательными, недвижущимися, или существами, которые чувствуют, мыслят и действуют?»[548] Очевидно: Бог, Творец духов, поставлен здесь в один разряд существ с сотворенными Им духами.

Выписка 9. «Писатели Священного Писания и святые отцы, признававшие *сотворение*, понимали, что Бог действовал единой волей Своей: *рече Бог: да будет свет и бысть свет*[549]. Существо вещественное может ли быть творцом?»[550] Западный писатель признает и сотворенных духов решительно невещественными: то, по сделанному им возражению, должно признать духов способными к творению из ничего, так как эта способность приписывается решительной невещественности. Здесь опять Бог поставлен в один разряд с сотворенными духами, и видно усилие, при помощи такого смешения, обстаивая совершенную невещественность и духовность Бога, обстоять мнение западной Церкви о совершенной невещественности сотворенных духов.

Выписка 10. «Мало нужды для нас знать, думали ли древние или нет, что всякий *дух* всегда *облечен* тонким *телом*: для

нас довольно того, что эти два существа никогда не были смешиваемы»[551]. Отцы не признавали духов *облеченными в тело,* но самое существо их признавали тонким телом.

Выписка 11. «Однако мы сознаемся, что словом *дух* в Священном Писании не обозначается всегда существо невещественное. Как отличительное свойство *духа* есть *действие*, то древние называли духом всякую причину действующую, каковы ветер, вихрь»[552]. Точное определение значения, которое давали Писание и отцы слову *дух*, будет видно далее из выписки, сделанной из творений святого Кирилла Иерусалимского.

Выписка 12. «Неверующие говорят, что до Декарта[553] философы и *богословы* приписывали *духам пространство*». Это показывает, с которого времени западная Церковь приняла свое нынешнее мнение о духах. Писатель ее не оспаривает этого. Он присовокупляет: «когда б это было и справедливо, то из этого еще ничего не следует, потому что, несмотря на Декарта, и теперь еще имеются философы, которые, допуская существенное различие между телами и духами, утверждают, что *последние не находятся в совершенной независимости от пространства*»[554]. Имеются, надо заметить, философы, но не богословы; богословы западные единодушно признали независимость от пространства сотворенных духов наравне с Богом. Новейшим философам, если они знакомы с положительными науками, объединяющими вещество, нет никакой возможности признать как независимость ограниченного существа от пространства, так и невещественность такого существа, наравне с невещественностью неограниченного существа, Бога. Декарт заимствовал свое мнение у древнего языческого философа, Платона. Декарт не видит никакой связи, никакого *сродства* – употребляем техническое выражение химии – между духом и веществом. Это справедливо в отношении к одному Богу: потому что для уничтожения сродства между предметами нужно бесконечное различие между ними. Так отличается от всего один Бог. Отвергая всякое отношение души и духов к пространству, Декарт, вместе с этим дает душе *место* в мозговой железе, чем, очевидно, противоречит сам себе. Таким образом, он ограничивает душу пространством и веществом, ставит в зависимость от пространства и вещества. Из этого вытекает, как необходимое последствие, понятие о *вещественности* души, находящейся в естественной и невольной связи с телом. И мнение Декарта, и мнение Платона, основаны единственно на произвольном предположении, а не на точном выводе из науки, как того требуют, при настоящем развитии своем, все науки, рассуждающие о веществе. По этой причине система Декарта и Платона не может и не должна иметь никакого значения в науке: место этой системе – в истории науки, подобно прочим отжившим знаниям, которые в свое время признавались или всеми или многими за истину. Эта система, противоречащая Священному Писанию, не должна иметь никакого места в Православном богословии: с принятием ее должно быть отвергнуто учение Писания о рае и аде, в которых сотворенные духи будут блаженствовать и мучиться в *определенном отношении* к пространству и веществу. Самое существование сотворенных духов должно быть отвергнуто! Если душа не ограничивается телом и не имеет сродства с ним, то она, ознаменовывая для нас свое пребывание в теле, есть уже не существо, а только явление, подобно звуку и прочим явлениям в природе. Церковные писатели второго века, святой мученик Иустин[555] и Тертуллиан[556], со всей удовлетворительностью опровергли учение Платона. Сам Бержье замечает, что «учение Платона о *Боге*, о *Ангелах* и о *душах*, будучи принято, подрывает, без сомнения, главнейшие основания христианства»[557].

Выписка 13. «Богослов должен знать, на каком основании обвиняются писатели Священного Писания и отцы Церкви в *незнании естества духовных существ*, в веровании, что Бог, Ангелы и души человеческие суть существа телесные»[558]. Не вернее ли этому богослову, сознав свое знание незнанием, обратиться к тщательному изучению Священного Писания и отцов Церкви, чтоб почерпнуть из них истинное знание? Заметим: Бог опять поставляется в один разряд духовных существ с сотворенными духами и с человеческой душой.

Выноска 14. «Первая истина, которой научает нас Священная история, состоит в том, что Бог есть Творец, что Он сотворил все Словом Своим или простым действием Своей воли: почему Он – чистый *Дух*. Эта же история научает нас, что Бог сотворил человека по Своему образу и по Своему подобию. Итак, человек есть не только тело: он разумен, действует, свободен в *своих волях*, как Бог»[559]. Не достало только западному писателю высказать с откровенностью мнение, что человек по душе такое же существо, как и Бог. Это, однако, как непременное последствие вытекает из такого умствования. Бог, не только по существу, но и по свойствам, совершенно отличается от сотворенных духов и души человеческой. Его свойства не ограниченны, и существо – не ограниченно. Свойства сотворенных духов ограниченны: по необходимости ограниченно и существо их. Напротив того, духовность Бога – беспредельная: она – совершенная и решительная духовность. Никак не требуется от образа, чтоб он был тождественного существа со своим подлинником. Это видим на изображениях человеческих. И портрет, и статуя могут иметь ближайшее сходство со своим подлинником: никак не следует, что самое вещество их было тождественно с существом подлинника.

Выписка 15. «Григорий Богослов (Назианзин) говорит, что *Ангел* – существо огненного свойства или *дух* (дыхание) разумный. По мнению Мефодия, *души* суть *тела разумные* (мысленные). Если верить Кассию, священнику Римскому, – *дух* человека имеет тот же *образ* (figure), как и тело, дух разлит во всех частях тела. Наконец, святой Августин признает, что *душа* в некотором смысле есть тело»[560]. Блаженного Августина особенно уважают западные. Они дают ему первое место между отцами Церкви, называют божественным. Мнение Августина поставило западного писателя в затруднительное положение.

Выписка 16. «Древние часто смешивали понятие о *теле* с понятием о *сущности*. Они называли телом всякое существо ограниченное, описываемое местом, всякое существо, подверженное случайным приключениям и изменениям. В этом смысле они сказали, что один Бог – бесплотен»[561]. Эти древние

суть отцы Церкви. Западный писатель, высказывая их мнение, не одобряет его. Очевидно, ему хотелось бы, чтобы отцы не выразились так, чтобы новейшее учение западных о совершенной духовности Ангелов, демонов и душ человеческих, духовности, одинаковой и равной с духовностью Бога, не встретило непреодолимой преграды в Предании Церкви, то есть, в писаниях отцов.

Выписка 17. «Отец Пето, приведши во 2-й главе места из отцов, которые кажутся предполагающими *Ангелов телесными*, приводит в 3 главе очень большое число этих святых учителей, утверждавших *совершенную духовность* небесных духов»[562]. Сколько можно положиться на это, мы увидим дальше. Наименовал же Бержье признающими ангелов чисто духовными святого Афанасия Великого, святого Василия Великого, святого Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского. О Григории Богослове он не упомянул, как о уличенном в противном мнении (**выписка 4 и 15**).

Выписка 18. «У отцов, в прениях их с еретиками, вырывались иногда выражения неправильные, заимствованные у древней философии. Это произошло от того, что язык человеческий всегда очень недостаточный для выражения предметов богословских, не мог быть приведен в короткое время к такой точности, в какой он находится ныне»[563]. Чтоб оправдать мнение, недавно принятое западной Церковью, писатель ее усиливается привести к мысли, что отцы Церкви заимствовали свои выражения о духах у древних философов.

Выписка 19. «Мозгейм говорит, что древние философы различали в человеке *две души*, именно *душу чувственную*, которую они также называли духом, и которую они представляли себе тонким телом, и *душу бестелесную*, неразрушимую, бессмертную. При смерти человека обе души отделялись от тела человеческого и пребывали всегда соединенными, но не смешиваясь, так что *одна душа* могла быть решительно отделима от *другой*. Этот критик (Мозгейм) полагает, что отцы Церкви сохранили в христианстве это мнение философов»[564]. Учение о том, что человек имеет душу и дух, находится и в Священном

Писании[565], и в святых отцах. По большей части оба эти слова употребляются для обозначения всей невидимой части существа человеческого. Тогда оба слова имеют значение тождественное[566]. Различается душа от духа, когда это требуется для объяснения невидимого, глубокого, таинственного аскетического подвига. *Духом* называется *словесная сила* души человеческой, в которой напечатлен образ Божий и которой душа человеческая отличается от души животных: животным Писание также приписывает души[567]. Преподобный Макарий Великий на вопрос: «Иное ли есть ум (дух), и иное ли душа?» – отвечает: «Якоже члены тела, многие суще, единым человеком именуются, так и члены души суть многие, ум, воля, совесть, помышления осуждающие и оправдывающие; однако вся сия в едину соединены *словесность*, и члены суть душевные; едина же есть душа – внутренний человек»[568]. В Православном богословии читаем: «Что касается до *духа*, который, на основании некоторых мест Писания[569], почитают третьей составной частью человека, то, по словам святого Иоанна Дамаскина, он не есть что-либо отличное от души и подобно ей самостоятельное, а есть высшая сторона той же души; что глаз в теле, то ум в душе»[570].

Выписка 20. «Предположим на минуту, что, может быть, некоторые отцы Церкви точно думали таким образом. Из этого уже следует, что эти отцы, так как и древние философы, имели очень ясное понятие о *совершенной духовности*[571], потому что они приписали ее *разумной душе*, которую они называли νοῦς, mens (ум, дух), насколько она отличалась от *души чувственной* (греч. ψυχή , anima, душа), которую представляли себе весьма тонким телом. Из этого также следует, что отцы, хотя и полагали ангелов всегда *облеченными в тонкое тело*, но не смешивали их по этой причине с телами; и признавали их собственно существами духовными»[572]. Не признавали отцы, как выше сказано, Ангелов облеченными в тонкое тело: *они признавали самую сущность их тонким телом.*

Выписка 21. «Правду сказать, отцы, вынужденные подчиниться общеупотребительному образу выражения, были

приведены в то же затруднение, в которое были приведены философы. Необходимость заставила их объяснять естество, свойства и действия души, при посредстве выражений, заимствованных от предметов вещественных: потому что ни один язык вселенной не может представить иных выражений. Таким образом, некоторые из отцов употребляли слово *тело* в подобном смысле тому, какое имеет слово *сущность*, потому что последнее слово не употреблялось у латинян в том значении, в каком оно употребляется у нас. Другие называли образ существования духов *формою* (образом, видом их), действия их *движением*. Иные обозначили присутствие души во всех частях тела *разлитием*, и так далее. *Это все – метафоры*: основывать на них выводы – смешно (безрассудно)»[573]. Очевидно: западный писатель думает, что духи не имеют не только вида, но и движения. Так и следует думать последователю Декарта. Невозможно иметь движения тому, кто не имеет никакого отношения к пространству. Для движения необходимо пространство. Имеющий движение непременно находится в известном отношении к пространству, т. е. занимает в пространстве известное место. Занимающий в пространстве определенное место непременно должен иметь свой вид, свою форму. Переменяющий места непременно должен иметь движение. Признание движения есть признание зависимости от пространства, есть признание вещественности. Отвержение движения и зависимости от пространства для сотворенных духов должно непременно соединяться с отвержением существования сотворенных духов, с отвержением всех поведаний Священного Писания о действиях этих духов. В Писании повсюду говорится о движении духов, о перемене ими места, о виде их.

Выписка 22. «Предположим, что отцы худо объясняли те места Священного Писания, в которых говорится о телесных действиях *демонов*, что они ошибочно приписали этим *духам* легкие *тела*, вкусы и наклонности человеческие. Это заблуждение чисто отвлеченное, по вопросу очень темному, не касается никакого догмата христианской веры. Из этого не следует, чтоб *демоны* были, по *естеству* их, *существа вещественные*,

или извлеченные из вещества, но что они имеют нужду *облекаться* в *тонкое тело*, когда Бог дозволяет им действовать на тела»[574]. Что это? – Туалет. Если духи имеют нужду каждый раз облекаться в тела, когда они являются человекам, то для таких тел, принимаемых только на время, принимаемых при каждом явлении, нужно обширное складочное место; или же каждому явлению духа должно предшествовать сотворение тела для него. Дело делается проще: духи являются собственным существом при отверзении очей у тех человеков, которые видят духов.

Западный писатель называет учение о духах вопросом очень *темным*, не относящимся ни к какому *догмату* христианской веры. С этим нельзя согласиться. Всякая наука темна для не изучившихся ей; остается она значительно темной для изучившихся недостаточно и поверхностно. Результаты, которых достигают некоторые науки, представляются невероятными для непосвященных в таинства науки. Измерения, производимые тригонометрическими инструментами, наш простой народ называл колдовством, и некто, в первый раз увидавший астролябию, сломал ее, признав в ней действие волхвования. Познание духов, познание по возможности точное и подробное, необходимо для христиан. Цель пришествия Христова на землю заключается в том, чтоб *разрушить дела диавола,* чтоб *упразднить диавола*[575]. Из этого следует: не зная, что – диавол, мы не можем знать, что именно сделал для нас Христос; самый *догмат* о том, что Христос пришел на землю, *чтоб разрушить дела диавола и упразднить его*, должен остаться необъясненным для тех, которые не заботятся получить надлежащее понятие о духах. – Бог положил вражду между *семенем жены – Евы* и *семенем*[576] змея-сатаны, то есть, между человеками, которые, – естественно, семя жены, и демонами, которые – семя и чада сатаны по заимствованному от него настроению; *диавол, яко лев рыкая, ходит, иский поглотити*[577] кого-либо из нас; мы должны вести непрестанную борьбу *к началом, и ко властем, к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[578]. Находясь в таком опасном положении, находясь постоянно в войне и

под сверкающим огненным[579] кинжалом нашего злейшего врага и убийцы, мы нуждаемся знать этого врага в возможной для нас подробности, чтоб противопоставить ему все должное сопротивление, чтобы охраниться от него во всех отношениях. Без такого знания можно очень легко остаться в общении с ним, не примечая того, тем более, что он всегда прикрывает себя личиною добра[580]. Этому подверглись весьма многие, нисколько не поняв своего бедственного состояния, – и в то время, как иудеи провозглашали себя сынами Бога[581], Бог, предстоявший им лицом к лицу, объявил им, что они – чада диавола[582]. Святые отцы признают крайне нужным отчетливейшее знание духов и стараются преподать его[583]. Недостаток в основательном познании о духах ведет или к прямому отрицанию существования духов или к косвенному. Косвенным отрицанием существования духов со всей справедливостью можно назвать отвлеченное понимание их западными, причем все участие духов в деятельности человечества, излагаемое в Писании и отцах, должно быть отвергнуто. Вместе с этим по необходимости должно быть отвергнуто значение вочеловечения Христова, а этим извращается правильное понимание и исповедание христианства. Откуда такое явление несчастное? Из жизни в духе и системе миродержцев, как Господь сказал иудеям[584]. Падшие духи принимают величайшее старание о том, чтобы действовать скрытно и пребывать незамеченными[585]. Тогда действия их получают наибольшее развитие. По этому признаку да ведают те, которые отрицают прямо или косвенно существование духов, что они вступили в решительное подчинение демонам и в единение с ними, отчуждившись от Бога.

Выписка 23. «Пророк Илия, желая воскресить некоторое дитя, сказал Богу: *Господи Боже мой, да возвратится убо душа отрочища сего вонь*[586]: Историк присовокупляет, что душа этого дитяти возвратилась в него, и он воскрес»[587]. Это свидетельство очень затрудняет западного писателя, выражая *движение* души, которое, как мы видели, он отвергал, называя подобные выражения относительно духов метафорами. Бержье,

упомянув, что в Писании много подобных мест, ничего не сказал ни о движении души, ни о зависимости ее от пространства, а только обратился с упреком к материалистам, отвергающим воскресение.

Из выписок, сделанных нами, приходим к следующему общему заключению: западные, принявшие в недавнее время много учений чуждых и противных Православной Церкви, недавно приняли чуждое и противное ей учение о совершенной невещественности сотворенных духов, приписали им духовность в той степени, в какой имеет ее Бог. Они поставили Бога, Творца всех и всего, в один разряд существ с сотворенными духами, признают их независимость от пространства, отрицают в них подобную телам способность к передвижению, словом сказать, приписывают существу их свойства, одинаковые с Богом, не преставая, впрочем, признавать их созданными и ограниченными. В этом учении заключается явное противоречие: это учение уничтожает само себя. Западный писатель думает основывать свое мнение на Священном Писании, на отцах Церкви и на науке. В этих трех отношениях мы обязаны представить удовлетворительное опровержение, которое должно быть вместе свидетельством правоты и святости учения, преподаваемого Православной Церковью.

Бог есть существо всесовершенное, не имеющее ничего общего с существами сотворенными. Он, один Он, есть собственно Существо. *Аз есмь Сый*, сказал Он о *Себе*[588]. *Аз есмь живот*[589], сказал Господь о Себе: *якоже бо Отец живот имать в Себе, тако даде и Сынови живот имети в Себе*[590]. Существование разумных тварей и жизнь их отличаются от Жизни-Бога подобно тому, как отличается свет, который издают от себя предметы, освещенные солнцем, от света, изливающегося собственно из солнца, из источника света. Бытие и жизнь тварей есть слабейшее отражение бытия и жизни, составляющих собственно Божие свойство. Святой Иоанн Дамаскин говорит: «Благий, всеблагий и преблагий Бог, будучи весь благость, по безмерному богатству Своей благости, не потерпел, чтобы благо, т. е. естество Его, пребывало одно, и никто не был

причастником Его. Для сего Он сотворил умные и небесные силы, потом видимый и чувственный мир, наконец, человека из умного и чувственного естества. И так все, сотворенное Им, по самому бытию, участвует в Его благости: потому что *Он для всех есть бытие*, все в Нем *существует*, не только потому, что *сила Его сохраняет и поддерживает* все, Им созданное. Особенно же участвуют в Его благости живые существа, как по бытию, так и по причине жизни; и еще более *существа разумные*, как по сказанным выше причинам, так и потому, что имеют разум. Ибо *последния* (т. е. существа разумные) *несколько ближе* к Нему, хотя Он *несравненно* выше всего»[591]. Подобно этому рассуждают и все святые отцы Православной Церкви. Святой Афанасий Великий: «Безрассудным было бы *разнородное* по естеству признавать равночестным. *Что общего, или какое сравнение между Творцом и сотворенными Им предметами?*»[592] Святой Василий Великий: «*В твари нет ничего сходственного с Творцом: напротив того она во всем не сходствует с Творцом*»[593]. Святитель Димитрий Ростовский приводит слова святого Силвестра, папы Римского: *несть той же образ и подобие Богу и Ангелом, «яко ниже естество и сила едино есть, но ино есть естество Божие, ино же ангельское*»[594]. Блаженный Феофилакт Болгарский: «*Все зданное естество, поелику к Богу, скотско есть*: по сему и *овча* зватися могут горния силы (Ангелы)»[595]. Преподобный Макарий Великий, определяя отношение души человеческой к Богу, к существу Божию, говорит: «Он – Бог, а она – не Бог; Он – Господь, а она – раба; Он – Творец, а она – тварь; Он – Создатель, а она – создание; *ничего нет общего в Его и ее естестве*, но только по бесконечной, неизреченной и недомыслимой любви Своей, и по благоутробию Своему, благоволил Он вселиться в сем создании, в этой разумной твари»[596].

«Сущность Бога, – говорит святой Иоанн Златоуст, – неизреченно (безмерно) превышает человеков, Ангелов, Архангелов и всякий, без исключения скажу, разум созданий, и не может быть постигнута ими[597]. – *Не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога, Сей виде Отца*[598]. Видением называет

здесь (Господь) познание и не сказал просто, никто не видел Отца, и потом умолчал, чтоб не подумал кто, что Он сказал это только о человеках, но желая показать, что ниже Ангелы, ниже Архангелы, ниже Высшие Силы могут видеть Его, сделал это ясным чрез дополнение ибо сказав *не яко Отца видел есть кто,* присовокупил: *токмо сый от Бога, Сей виде Отца*[599].– *Царь царствующих и Господь господствующих, Един имеяй безсмертие, и во свете живый неприступнем*[600]. Остановись здесь немного и спроси еретика, что значит – во свете живый неприступнем. Желаю, чтобы ты дал должный вес точности Павла (апостола): он не сказал *свет – неприступен, но во свете живый неприступнем*, чтоб ты научился, что если самый дом неприступен, тем более Бог, обитающий в этом доме. Впрочем, сказал он это не для того, чтоб ты подумал, что у Бога есть дом и место, но чтоб ты более и более изучил непостижимость Бога. Он не сказал *обитает в свете непостижимом*, но в *неприступнем*, что далеко выше непостижимого. Непостижимым называется то, что не может быть постигнутым при посредстве изыскания и изучения: неприступным же то, что, по свойству своему, ниже может быть подвергнуто изучению, к чему ничто не может приступить. Что скажешь на это? Конечно, скажешь, непостижим для человеков, но не для Ангелов и не для Высших Сил. Чтоб ты научился, что Он неприступен не только для человеков, но и для Высших Сил, услышь, что говорит Исаия (назвав Исаию, объявляю определение Святого Духа, потому что пророк говорит из действия в нем Святого Духа). *И бысть в лето, в неже умре Озия царь, видех Господа, седяща на престоле высоце и превознесенне, и исполнь дом славы Его. И Серафимы стояху окрест Его, шесть крил единому, и шесть крил другому: и двема убо покрываху лица своя, двема же покрываху ноги своя*[601]. Скажи, прошу, почему закрывают лица и закрывают ноги крыльями? Почему, говорю, как не потому, что не могут выносить сияния и лучей, исходящих от престола? Хотя они видели не самый свет, без умерения его, ниже самое чистое Существо, но все, что они видели, было приспособлено. В чем состоит это *приспособление*? В том, что Бог яв-

ляется не таким, каков Он есть, но умеряет Себя, соответственно способности того, кто должен увидеть Его, и приспособляет Себя к немощи видящего. А что совершалось совершавшееся по приспособлению, это явствует из самых слов Писания. Пророк говорит: *видех Господа, сидящаго на престоле высоце и превознесенне.* Бог не сидит на престоле, потому что такое положение относится к телу; Бог не может помещаться на престоле, потому что Божество не определяется местом. Но и столько умалившегося не могли выносить, стоя близ Его: *Серафимы стояху окрест Его.* Потому именно не могли видеть, что стояли близко. Близко, говорю, не местом: этим Святой Дух хотел объявить, что Силы ближе нас к этому Существу, но Самого Существа не могли видеть. Итак, хотя слышишь, что пророк говорит: *Видех Господа*, не подумай, чтоб он видел существо Божие. Он видел к себе *приспособленный образ*, и видел не так ясно, как видят Высшие Силы, он не мог видеть столько, сколько может видеть Херувим»[602]. – Святой Афанасий Великий на вопрос Антиоха, каким образом пророки часто представляются видевшими Бога, отвечал: «После всех пророков, после пришествия Христова, апостол, евангелист и Богослов Иоанн сказал: *Бога никтоже виде нигдеже*[603]. Чтоб доставить этим словам все вероятие, как весьма важным и существенным, он прибавил: *Единородный Сын, Сый в лоне Отчи, Той исповеда*[604]. Также и святой апостол Павел говорит: *Егоже никтоже виде от человек, ниже видети может*[605]. И так, никто из людей не мог видеть существа Божия таким, каково оно есть, но Бог, *приспособляя* Себя к немощи человеков, принимал соответствующий этой немощи образ и являлся пророкам. Известно, что Он, бесплотный, часто являлся им в образе человека, облеченного плотью. Из этого явствует, что они видели не существо Бога, но славу Его»[606]. Такое приспособление Бога, при явлении Его душам святых, с особенной ясностью описывает преподобный Макарий Великий: «Сущий (т. е. Бог), и как хочет и чем хочет, по несказанной благодати и по недомыслимой доброте, прелагает, умаляет, уподобляет Себя святым и достойным верным душам *плототворя Себя*, по мере их удобоприемлемости, чтоб

Невидимый для них был видим, и *Неосязаемый*, соразмерно свойству душевной тонкости, был осязаем, и чтоб души ощутили благость и сладость Его, и на самом опыте усладились светом неизреченного наслаждения. Когда хочет, бывает Он огнем, пожигая всякую негодную, прившедшую в нас страсть. Ибо сказано: Бог *наш огнь поядаяй есть*[607]. Когда хочет, – бывает неизреченным и неизъяснимым упокоением, чтоб душа упокоевалась покоем Божества. Когда хочет, – бывает радостью и миром, согревает и оберегает душу[608]. Таким образом, как Сам благоволил, являлся Он каждому из святых отцов: иначе – Аврааму, иначе – Исааку, иначе – Ною, Даниилу, Давиду, Соломону, Исаии и каждому из святых пророков, иначе – Илии, иначе – Моисею. Как Сам благоволил, являлся Он каждому из святых, чтоб успокоить, спасти и привести в познание Божие. Ибо все, что ни захочет, удобно для Него, и, умаляя Себя, как Ему угодно, *плототворит и образует Себя*, делаясь видимым для любящих Его, по великой и невыразимой любви, в неприступной славе света являясь достойным, соразмерно ссилами каждого»[609]. Такое приспособление Божие, для общения с разумными тварями, необходимо не только для душ человеческих, но и для Ангелов, по согласному учению святого Иоанна Златоустого и преподобного Макария Великого: потому что Бог, отличаясь от всех тварей бесконечным отличием и превосходя их бесконечным превосходством, не может быть по собственному существу ни видим, ни постижим, ниже приступен для них каким бы то ни было способом. Объясняя это, преподобный Макарий говорит: «Беспредельный, неприступный и несозданный Бог, по беспредельной и недомыслимой благости Своей, оплототворил Себя и, так сказать, как бы умалился в неприступной славе, чтоб можно Ему было войти в единение с видимыми Своими тварями, разумею же души святых и Ангелов, и возмогли они быть причастными жизни Божества. А всякая тварь, и Ангел и душа, и демон, по собственной природе своей, есть тело: потому что, хотя и утончены они, однако ж, в существе своем, по отличительным своим чертам и по образу, соответственно утонченности своего естества, суть тела тонкие,

тогда как это наше тело в существе своем дебело»[610]. Это изложение очень естественно. Если сотворенные духи ограниченны, то и существо их и свойства – ограниченны. Если существо их и свойства ограниченны: то и духовность их – ограничена. Если духовность их ограниченна, то они по необходимости должны иметь известную степень вещественности, свойственную их природе. Напротив того, если припишем им совершенную невещественность, то есть неограниченную духовность: то вместе с сим по необходимости должны приписать им неограниченность существа, потому что только одно неограниченное существо может иметь и должно иметь неограниченные свойства. Сотворение тварей в разнообразных формах, в различных степенях, снабжение их многоразличными свойствами, преподобный Макарий, со всей справедливостью, приписывает всемогуществу Творца и Его воле, для которой нет ничего ни затруднительного, ни невозможного. «Восхотел Бог, – говорит преподобный, – и без труда сотворил из ничего существа грубые и жесткие, например, горы, деревья (видишь, какова твердость их естества!), потом средственные – воды, и из вод повелел родиться птицам, и еще тончайшие: огонь и ветры, и даже те, которые по тонкости невидимы телесному глазу»[611]. Современная наука нисколько не противоречит этому учению; напротив того, она сошлась в чудное согласие с ним. Познания отжившие, признанные вполне ошибочными, противоречили ему.

Из приведенных нами извлечений из святых отцов, принадлежащих не только Восточной Церкви, но и всей Вселенской, видно, какое величайшее различие, какое бесконечное различие, отцы Церкви, основываясь на Священном Писании, признавали, исповедовали, проповедовали между существом Бога и существом Ангела, демона и души, хотя и Священное Писание, и святые отцы вообще называют и Бога Духом, и Ангелов и демонов и души человеческие духами. Этим выражается только то, что как Бог, так и Ангелы и демоны и души невидимы для телесных очей наших. Называются они бесплотными, невещественными по той причине, что не имеют нашей

плоти, нашей грубой вещественности, не подлежат нашим чувствам, чем отличаются от разряда вещественных предметов, подлежащих нашим чувствам. Называются разумными, мысленными, по главному отличительному их свойству, уму или духу – способности не только мыслить, но и ощущать духовно. По последней причине человек также называется существом разумным; он называется словесным, по свойству словества, по силе словесной или духу, который имеет его душа и которого не имеют земные животные, называемые бессловесными, но имеющие также жизнь, инстинкт и свои ощущения, что называется душой их даже в Священном Писании. Так понималось и было принято выражаться в обществе человеческом всегда; так понимается и принято выражаться и ныне. В общеупотребительном образе выражения, которого держатся и ученые вне своих кабинетов, подверженное нашим чувствам называется вещественным, а неподверженное – духовным, невещественным. Общий образ выражения употребляется наиболее Священным Писанием и святыми отцами, так как целью и Писания, и отцов было то, чтоб слово, возвещаемое ими, было удобопонятно для всех людей, а отнюдь не для того, чтоб составляло исключительную собственность ученых, недоступную для массы. Но и в Писании, и в отцах точность смысла и значения всегда сохранялась, и всегда может быть определена.

Образ понимания древними христианами естества *духов* и слова *дух* с удовлетворительнейшей точностью объясняет святой Кирилл Иерусалимский. Этот образ понимания основан всецело на Слове Божием. «Под общим названием *духа*, – говорит архиепископ святого града, – сказано в Священном Писании о многом и различном. Настоит опасность, чтоб кто-либо не смешал значение со значением, не зная, к какому духу отнести написанное: почему ныне оказалось существенно-нужным отметить верными признаками тот Дух, Который Писание называет Святым. Аарон именуется христом[612], Давид[613] и Саул[614] также именуются христами: но истинный Христос – один. Так и наименование *духа* отнесено к разным

предметам: почему необходимо видеть, кто именно называется Святым Духом. Многое носит имя *духа*. И Ангел называется *духом*; и душа называется *духом*; и этот дующий ветер называется *духом*; и великая сила называется *духом*; и нечистое деяние называется *духом*; и демон-противник называется *духом*. Остерегись же, и, услышав это слово, не прими, по сходству наименования, одного вместо другого. О душе нашей говорит Писание: *Изыдет дух его, и возвратится в землю свою*[615]. Опять говорит оно о душе: *созидаяй дух человека в нем*[616]. Об ангелах же говорит в псалмах: *Творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*[617]. О ветре говорит: *Духом бурным сокрушиши корабли Фарсийския*[618]. И: *Якоже в дубраве древо ветром* (духом, υποπνέυματος) *восколеблется*[619]. И: *Огнь, град, снег, голоть, дух бурен*[620]. О святом учении Сам Господь сказал: *Глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть*[621], т. е. глаголы эти – духовны».

«Наименованием *дух* обозначается также грех, как мы сказали выше, но в другом и противном знаменовании, например, когда говорится: *духом блужения прельстишася*[622]. Называется также *духом* нечистый дух, демон, но с этим дополнением – *нечистый*. К каждому слову *дух* присоединено слово, которым изображается качество духа. Если Писание говорит о человеческой душе *дух*, то с присовокуплением *человека*; если говорит о ветре, то выражается: *дух бури*; если знаменует грех – говорит *дух блужения*; если означает демона – называет его *духом нечистым*, чтоб мы знали, о каком именно предмете идет речь, и чтоб ты не подумал, что это говорится о Святом Духе. Да не будет! Это наименование дух есть среднее и общее, и *все, что бы то ни было, неимеющее густого и плотного тела*, по всеобщему употреблению, называется *духом*. И потому демоны, как неимеющие *таких тел*, называются *духами*»[623].

«Никакая тварь не равночестна Святому Духу. Все чины Ангелов, все небесное воинство, совокупленные воедино, не могут быть уподоблены и сравнены со Святым Духом»[624].

Сделав такое определение значению, в котором сотворенные духи называются духами Писанием и общим употребле-

нием между христианами, сказав, что нет ничего общего, нет никакого сравнения между сотворенными духами и Духом-Богом, Кирилл называет духов *бесплотными* и *бестелесными*, в общепринятом смысле. В слове на Сретение Господне он говорит: «Он – Бог Слово, приведший в бытие все из ничего единым словом. Он – Денница, сотворивший прежде денницы *бесплотные* силы небесных, *бестелесных*, невидимых воинств и чинов»[625]. О естестве диавола святой Кирилл говорит, что он создан добрым, по своему произволению соделался диаволом, получив себе имя от образа деятельности. Быв сначала Архангелом, он получил наименование *диавола* от *оклеветания*; быв благим служителем Бога, он соделался и назвался *сатаной*: потому что сатана значит *противник*»[626].

Подобным образом и преподобный Макарий Великий, упомянув только в 4-й беседе, что Ангел, демон и человеческая душа, несмотря на тонкость существа своего сравнительно с грубыми телами, имеют свойственную себе вещественность, в прочих беседах, подобно прочим отцам, называет духов существами *бесплотными*. Беседу 16-ю он начинает так: «Все разумные существа, Ангелы, говорю, и души, и демоны от Создателя сотворены простыми и не имеющими никакого примешения»[627]. Точно так выражаются все отцы, сказавшие о духах прямо, что они имеют легкие, газообразные тела, как то Василий Великий, Афанасий Великий и другие; они называют духов, по общему употреблению и пониманию Писания и человечества, существами простыми, бесплотными и невидимыми. Те же из святых отцов, которые не сказали прямо, что духи имеют свойственную им вещественность, как, например, святой Иоанн Златоуст, – описали духов таким образом, что из этого описания со всей очевидностью явствует газообразная вещественность духов. Эту-то вещественность и называют все древние простою, бесплотною, духом.

Ипотеза о совершенной невещественности сотворенных духов, не подчиняющейся ни времени, ни пространству, ипотеза, приписывающая сотворенным духам одинаковую сущность с Богом, явилась в *семнадцатом столетии*. Она заимствована

Декартом, как мы уже сказали, в значительной степени у древних языческих философов. Как отцы могли быть последователями той ипотезы, которая принята западными еретиками после их? Да если бы она появилась и в их время, как бы они могли согласиться с ней, когда она богохульно приписывает тождественную сущность сотворенным духам с Духом-Богом, когда все отцы проповедали бесконечное, неизмеримое различие между сущностью Бога и сущностью духов, когда они отвергли подобное учение платоников? Погрешность западных и заключается в том, что они усиливаются навязать отцам понимание Декарта о этой невещественности и бесплотности духов, а скрывают то понимание о этой невещественности и бесплотности, которое имели отцы, которое всецело находится в Писании и возвещается Писанием. Злохитро навязывая отцам ипотезу Декарта, западные стараются ввести отцов в столкновение между собою и противоречие друг другу. Ни столкновения, ни противоречия между отцами нет и не бывало. Все они проповедуют *бесплотность* духов в смысле Священного Писания, которое называет духов бесплотными – сравнительно с человеками. Некоторые из отцов, как мы уже сказали, называя духов бесплотными, упомянули, что они имеют свойственные им тонкие тела; некоторые же, называя их бесплотными, не упомянули, что они имеют тела, но описали их так, что из описания со всей очевидностью явствует вещественность духов, им свойственная. Этих-то вторых отцов западные стараются ввести в столкновение с первыми, оклеветывая вторых, якобы они держались неизвестной им ипотезы Декарта, или же отвергнутой отцами ипотезы Платона. Не могли бы отцы принять ипотезы Декартовой, если б и знали ее. Они предали бы ее анафеме, как учение богохульное, поставляющее Бога в один разряд с тварями, как ведущее к отвержению важнейших событий, о которых повествует Писание. Как мог бы Архангел Гавриил, явясь Захарии, встать *одесную алтаря кадильного*[628], если б он не имел никакого отношения к пространству? Как мог бы Архангел сперва *войти* к Божией Матери, потом возвестить Ей благовестие, наконец *уйти* от Нее, если б он не

имел движения, ни отношения ко времени и пространству? И как могли бы Ангелы сперва *явиться* пастырям Вифлеемским, потом *воспеть* славословие вочеловечившемуся Богу, наконец *отойти* на небо, как повествует Евангелие[629], если бы они не имели никакого отношения к пространству, времени, к вещественности? Ипотеза Декарта ведет к отвержению Писания, к неверию. Рационализм Декарта и совершил это: он обильно распространил безбожие, обманув множество легкомысленных наружным блеском своим. Теперь он пал, как чуждый смысла, в него может веровать одно невежество, одно отсталое знание, незнакомое с наукою в ее современном развитии, может веровать, лишь при отвержении и поведаний Писания, и Предания Православной Церкви.

Учение Декарта о совершенной невещественности духов, о их независимости от времени и пространства, будучи проверено наукой, является равновесным отрицанию существования духов. Выставляя их равным Богу по существу, оно делает невозможным их существование. Бесконечное существо может быть только одно. Если допустить даже два таких существа, а не множество: то и эти два существа *должны быть уже изображены числом*, как имеющие ограничение одно другим, и потерять свойство *бесконечного*. Неограниченное же по свойствам непременно должно быть неограниченным и по существу. Таков непреложный вывод положительной науки – математики, против которого нет возражения. Две величины не зависят от пространства: бесконечность (∞) и точка (.) Для независимости от пространства надо быть тем или другим. Что такое бесконечное и точка? Это – идеи.

Бесконечное есть идея, явившаяся в уме человеческом от постепенного увеличения чисел, идея о величине, превышающей числа. По этой причине бесконечное есть величина неопределенная, непостижимая для человека, как сама по себе, так и по свойствам. Но самый закон чисел доставил многие верные, достопримечательные понятия об этой величине. Мы не остались при одной бесплодной идее! Мы поняли, что *бесконечное*, чтоб пребыть бесконечным, не должно подвергаться

никакому изменению ни при приложении к нему каких бы то ни было чисел, ни при вычитании из него каких бы то ни было чисел. Разность между бесконечным и всеми числами — бесконечна. По этой причине все числа пред бесконечным равны между собой. Будучи сличаемы вне отношения к бесконечному, они имеют определенное различие между собой. Опять – что значит величина? Это – идея, явившаяся в уме нашем от сравнения предметов с нами. Понятие вполне относительное, а не существенное! По закону математики, – которая, не обретая в слове человеческом достаточных средств к изображению своих предметов и понятий выражениями, соответствующими требованию процесса науки, изображает их знаками, – Бог, со всей точностью изображается бесконечным. На основании законов математики Бог должен быть признан существом превысшим всякого определения, неимеющим ничего общего с существами, которые могут и должны быть изображены числами, каковы духи. Даже, по этому великолепному закону, если Бог – существо, то все без исключения твари, одаренные жизнью, уже не существа, а нечто иное. Если же они существа, то Бог есть нечто иное, бесконечно превысшее того, что тут называется существом[630]. Таково различие между Богом и разумной тварью! Таковы понятия, доставляемые наукой в настоящем ее развитии. Математика, действуя знаками, изображая знаками и предметы и свойства их, достигает самым верным путем познаний, недостижимых иным путем, часто невыразимых словом. Чтоб объяснить это примером, понятным для каждого, укажем на принятый в учебных заведениях обычай изображать цифрами способности учащихся, их прилежание и успех в науках. Почему так? Потому что цифрами выражаются эти отвлеченные понятия с такой точностью и определенностью, для каких слова решительно недостаточны.

В противоположность идее о бесконечном, идея о точке или нуле составилась от постепенного уменьшения чисел. Точка есть величина, не имеющая никакого пространства, ни в длину, ни в ширину, ни в высоту или глубину. Очевидно, что нет в природе ни точки, ни пути или следа точки – ли-

нии. В природе существуют одни тела, то есть, предметы, имеющие три измерения. Все, что ни есть в пространстве, что ни ограничивается пространством или местом, есть тело. Геометрическая точка и линия суть тела, приблизительно изображающие точку и линию. Они удовлетворяют механизму науки, но не выражают ее точного понимания. Это доказано со всей положительностью и решительностью. Отымите пространство у какого-либо предмета, – и вы, не имея возможности возвести ограниченное к бесконечному, по необходимости должны низвести его к точке или нулю, то есть отвергнуть существование предмета. Таким образом со всей ясностью доказывается совершенная нелепость вполне отвлеченного понятия о духах, которое составили себе многие – разумеется – не изучившие предмета с основательностью, доступной для одного христианина-аскета. Отвлеченное понятие о духах есть отвержение существования духов.

Декарт ученостью своею возбудил удивление во многих современниках своих. Точно: он сделал известный прогресс в науке; но этот прогресс ничтожен в сравнении с прогрессом, который совершился после недавнего появления другой науки – химии. Она произвела неимоверное превращение в понятиях человечества о веществе, и многие познания, пред которыми человечество благоговело в течение тысячелетий, сложены в архив для истории науки, как оказавшиеся вполне ложными. Современники Декарта повторяли с восторгом его изречение: *дайте мне движение, и я сделаюсь творцом!* Он мог произнести такую хвастню только при современном ему понятии о веществе, о четырех стихиях, о простом и сложном, и так далее. Творение чего-либо из ничего свойственно одному бесконечному: оно производит число, преобразив в него ноль бесконечным действием на ноль[631]. Но положим, что дано движение Декарту. Как он примется творить, когда начала вещества человеку неизвестны и не могут быть известными? Что тут делать с одним движением? Творить должно известное и из известного; творение неизвестного и из неизвестного невозможно. Возьмем в пример воду. Во времена

Декарта она признавалась веществом простым, несложным. В новейшие времена она разложена посредством гальванизма на два газа, кислород и водород; при разнообразном соединении с теплородом она бывает в виде плотного тела, тела жидкого и тела газообразного; при посредстве микроскопа усмотрено в воде множество движущихся животных, называемых инфузориями. Наука, достигшая этих открытий, справедливо называет свое познание степенью познания, а отнюдь не познанием полным. Это доказывается самыми добытыми познаниями. Так, разлагая воду на водород и кислород, мы не знаем, что делается с инфузориями, существование которых, однако, вполне известно. Следовательно, мы не имеем разложения воды удовлетворительного, а имеем возможное для нас, и удостоверяемся, что должно быть разложение более полное, которым бы вещество объяснялось бы со всей удовлетворительностью, причем объяснялось бы все, доселе остающееся необъяснимым. При скудости познания Декарт мог провозгласить глупость из глупостей, а современники вострубить об этой глупости, как о необыкновенном проявлении гениальных способностей. Очень полезно извлекать из науки доказательства для веры. Истина веры находится в единении с истиной науки. Но зачем принимать из науки бредню, которую она сама признала одной из неизбежных погрешностей на пути своем? Всякий математик и химик по необходимости должен отвергнуть нелепое учение о духах, которое принадлежит Декарту и западным, которое западные выставляют за учение веры, тем выставляют веру произносящей нелепости, незаслуживающей ни доверия, ни внимания. Засвитедельствовано это опытами. Большинство математиков и химиков усомнились в христианстве и сделались деистами: им нельзя быть атеистами, как открывшим множество чудесных законов в природе и уверенным в их бесчисленном множестве, свидетельствующем о беспредельном уме Творца и о беспредельности свойств Его. Впали эти личности в деизм единственно потому, что пред ними оклеветана и искажена вера.

При внимательном чтении святых отцов делается очевидным, что все отцы говорили о простоте, бесплотности и невещественности духов в том смысле, какой давался этим словам Писанием, общим употреблением и наукою их времени. Этого мало! Святые отцы употребляли слово *дух* именно в том значении, в каком употребляло его Священное Писание. Они не могли, они не должны были давать слову *дух* иного значения, – и не дали его. Иначе они отделились бы от Священного Писания и оказали бы предпочтение разумению человеческому пред разумением Писания, пред разумением, которое благоволил преподать людям Святой Дух. Всецело основываясь на Писании и на согласных с Писанием своих опытах, отцы, подобно Писанию, говорили о духах единственно с целью оградить человека от кознодейства лукавых духов, и усвоить его благим духам. Отцы ознакомляют нас с естеством духов настолько, насколько это нужно для нашего спасения. Они не усиливаются определить с точностью то, что может быть известным лишь отчасти. Не только духи, не только наше тело и тела животных, но и все предметы из царства растительного и ископаемого остаются для нас предметами, известными лишь отчасти. Приписывающий себе полное познание какого бы то ни было вещества выражает только свое невежество. Мы знаем нечто, никак не все. – Что такое листок на дереве? Что – травка, попираемая ногами? Что – цветок полевой? Почему растения, заимствуя соки из одной и той же земли, являются с различными свойствами? Как разлагается сок земли корнем растения или семенем его? Отчего при этом разложении появляются разнообразные запахи, цвета, вкусы и другие разнообразнейшие, многочисленнейшие свойства? Таких вопросов можно поставить бесконечный ряд: ответ на них для ограниченного человека невозможен. Тварь – произведение неограниченного Ума. Знает ее вполне и существенно один Творец ее. Человеку дано познание малейшей частицы законов в громадной системе мира. Это познание подобно отверстой двери к познанию и исповеданию необъятного величия Божия. Вводит в эту дверь Православное богословие; вводит в

эту дверь и современная наука, отделяющая Творца от тварей бесконечным различием.

Догматическое богословие Православной кафолической Восточной Церкви, – принятое, по определению Святейшего Синода, в учебное руководство во всех российских семинариях и переведенное с той же целью на греческий язык, по тщательном рассмотрении понятий о духах, доставляемых Священным Писанием и святыми отцами, – излагает учение об Ангелах и вообще о духах следующим образом: «Они *бестелесны*. Впрочем, святые отцы понимают бестелесность Ангелов в *смысле ограниченном*, именно, что они бестелесны только *по сравнению* с нами, облеченными грубою и тяжкою плотью. Святой Иоанн Дамаскин говорит: бестелесным и невещественным называется Ангел по сравнению с нами. Ибо все, в сравнении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество в строгом смысле невещественно. Они – *невидимы*. Впрочем и сие свойство принимается *ограниченно*: Ангел, душа, демон, говорит святой Дамаскин, хотя и не имеют грубости телесной, но также имеют *вид и ограниченность*, свойственные своей природе. Одно Божеское существо неописанно, совершенно безвидно, необразно и неограниченно. Необычайная скорость и быстрота, с которой Ангелы переносятся с места на место, доказывает, что они не стестены, подобно нам, формами, пространством и временем. Однако и сие свойство допускает ограничение. Святой Дамаскин говорит опять: Ангелы ограниченны: ибо, когда находятся на небе, не бывают на земле, и когда Богом посылаются на землю, не остаются на небе, и не могут в одно время быть и действовать здесь и там. Посему конечно для духов должен быть свой особый мир, занимающий *известное место* во вселенной, который именуется в Священном Писании третьим небом[632] и небом небес[633]. Ангелы одарены *бессмертием*. Впрочем, бессмертны Ангелы, по словам святого Дамаскина, не по естеству, а по благодати»[634]. По естеству бессмертен един Бог, как об этом засвидетельствовало с решительной определенностью Священное Писание[635]. «Бог, – говорит препо-

добный Макарий Великий, – неописан и непостижим, везде являяйся, на горах и на море и в самой бездне; однакоже сие бывает не пременением места, якоже Ангелы снисходят с небеси на землю: Он в одно время есть на небеси и на земли»[636]. Тоже самое утверждают и другие отцы в решительную противоположность новейшему учению западных.

Таково учение Православной Церкви о сотворенных духах. Видим и в богословии Православной Церкви и в святых отцах ее особенную заботливость, повторенные и учащенные предостережения, чтоб, по какому-либо недоразумению, сотворенные духи не были по существу своему поставлены в один разряд с Богом, чтоб им не были приписаны свойства, *принадлежащия* единому Богу. Какая тому причина? Причина заключается в том, что усвоение тварям свойств Творца есть в отношении к Творцу богохульство. Святые Ангелы не ищут от нас недолжного и неправильного почитания: несравненно более увеселяются они, когда мы воздаем должную честь и поклонение Богу, внушают нам это, способствуют этому. Аз, поведает святой Иоанн Богослов в откровении своем, *видех сия и слышах: и егда слышах и видех, падох поклонитися на ногу Ангела, показующаго ми сие. И глагола ми: виждь, ни: клеврет бо твой есмь и братии твоея пророков, и соблюдающих словеса книги сея, Богу поклонися*[637].

Догматическое Богословие, при изложении учения о Ангелах, ссылаясь вообще на святых отцов, наименовывает одного святого Иоанна Дамаскина и делает извлечение из одного сочинения его, известного под названием «Точное изложение Православной веры». Такой образ действия вполне основателен. Святой Иоанн Дамаскин, один из древних отцов, изложил учение о христианстве в систематическом порядке[638]. Живя в VIII веке, он изучил предшествовавших ему отцов Церкви и тщательнейшим чтением их сочинений, и сближением с ними в духе глубоко благочестивою жизнью. Учение этих отцов, рассеянное частями в различных их словах и посланиях, он совокупил воедино и составил из него, как выше сказано, систематическое учение о христианстве. Учение его

есть учение святых отцов, предшествовавших ему. «Точное изложение Православной веры» напечатано по *определению* Святейшего Синода. В предисловии к книге сказано: «Святой Иоанн Дамаскин есть один из великих учителей Церкви, которого труды и подвиги посвящены были пользе современников его, и душеспасительны были и будут последующим чадам Церкви Христовой. Книга святого Дамаскина о *Православной вере* по преимуществу дает право Дамаскину на имя учителя веры Христовой. В сем писании учитель Церкви изложил истины веры Христовой сколько ясно, столько же и точно, и притом в порядке последовательного размышления и в такой полноте, в какой не были оные собраны ни в одной книге прежде его. Истины слова Божия святой Дамаскин объясняет самым словом Божиим, вместе с сим призывает в пособие и здравое размышление, просвещенное светом Откровения, а в том и другом случае чаще всего *повторяет слова предшествовавших ему учителей Церкви*. Книга о *Православной вере* составляет *сокровищницу отеческих мыслей* о предметах веры. Святой Дамаскин соединил воедино все, бывшие до него, соборные и отеческие определения о предметах веры, и не только собрал изречения отеческие, но и, проникнув дальновидным зрением в самый дух учителей веры, открыл глубину духа разновременных глубоких учителей веры». Учение о Ангелах и вообще о духах и душе святой Иоанн Дамаскин основывает на творениях Афанасия Великого, Григория Богослова, Феодорита, Максима Исповедника и Немезия, как это видно в его книге из цитат.

Священное Писание не излагает отдельного, определенного учения о духах, как и о многих других предметах. Вместе с тем учение Священного Писания о духах – ясно, удовлетворительно. Оно преподано с той подробностью и полнотою, какие нужны для нашего спасения. Требования пустого любопытства и тщеславной любознательности постоянно презираются и порицаются Писанием[639].

Из поведаний Писания о духах вытекают следующие понятия о них. Сотворенные духи суть существа ограниченные,

газообразные, одаренные силой словесности. Духами названы они в Писании потому, что в нем всякое газовидное вещество называется духом[640]: этим названием обозначается тонкость естества духов, которой они отличаются от видимого нами грубого вещества[641]. Впрочем, такое отличие – лишь относительное: оно родилось из ограниченности познаний человека, принявшего за норму свое тело в состоянии падения его. Норма, подвергающаяся изменению, не может быть истинной нормой. Душа человека, подобно сотворенным духам, называется в Писании духом[642]; но она облечена в грубое тело: вот в чем единственное различие человека от сотворенных духов. Духи, как не имеющие человеческого тела и плоти, называются бестелесными, бесплотными: они называются невидимыми, потому что мы не видим их телесными глазами.

Бог создал всех духов и всех создал благими, изящными. Одни из них, по собственному произволению, остались благими, соединены с Богом причастием Его благодати; другие, также по собственному произволению, отчуждились от Бога, соделались началом зла. Благие духи называются Ангелами, разделяются на чиноначалия, жительствуют на небе, нисходят на землю и действуют на ней. Злые духи называются демонами, бесами, диаволами; но собственно диаволом и сатаной называется главный из них. Место жительства их – поднебесная или воздух[643], поверхность земли и внутренность земли или преисподняя. Во всех этих местностях они действуют по закону существ ограниченных, которому подчинены и Ангелы. Духи влияют на вещество, и вещество влияет на духов. Они могут осязать человеков, – человеки могут чувствовать осязание их. Когда Бог отверзает очи человеку, то он делается способным видеть духов в их собственном виде. Эту способность могут иметь и животные. Ангелы, являясь людям, *всегда* являлись в виде человеков, прославленных Божественною благодатью. Писание упоминает о их лице, персях, руках, ногах, одежде, – повествует, что они ходят, летают, сидят, говорят, слышат говоримое им. Писание приписывает им чувства, какие имеет человек: зрение, слух, обоняние, осязание. Святые человеки, по воскресении, в святых и духовных телах своих будут находиться вместе с Ангелами на небе; грешные люди вместе с демонами будут заключены в ад. И местопребывание, и блаженство, и мука будут общие для людей и духов: разделение между духами и человеком, производимое его телом, подверженным тлению, уничтожится, существо сблизится с существом до подобия и равности[644]. Естественное и необходимое последствие понятий, доставляемых Священным Писанием о духах, есть понятие о вещественности духов по новейшему пониманию вещественности. С понятием о вещественности и ограниченности неразрывно соединено понятие о зависимости от пространства и времени. Действие ограниченного существа в пространстве с переменой места есть движение. Ограниченное существо, действующее в пространстве и имеющее движение, непременно должно иметь вид: этому закону подчиняется всякое вещество.

Многие из святых отцов, при определении или описании естества духов, основываются на изречении Писания: Бог – *творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*[645]. Если принять это изречение буквально и объяснить его сообразно современному пониманию науки, то должно сказать, что Ангелы суть существа свойства газов в соединении с теплородом, так как Писание называет собственно духом движущиеся газы. Очень близко к этому выражались отцы. Если принять это изречение в высшем смысле, признавая одного Бога духом, что вполне правильно по современному пониманию слова дух: то Бог, осеняя Своей благодатью Ангелов, соделывает их духами и огнем, возводит в то высокое достоинство, которого они не имеют по естеству. В таком случае опять Ангелы – непременно вещественны, как причастники Божественной духовности по дару и в известной мере, и как неимеющие ее по естеству. Подобно Ангелам духовные человеки, по действию в них Божественной благодати, получают свойства и способности, которых человек чужд, когда пребывает единственно в естественном состоянии своем.

Исчисленные свойства духов можно усмотреть с особенною ясностью из следующих поведаний Писания:

Два *Ангела* пришли вечером в Содом[646] в виде *мужей*[647]. Лот пригласил их в дом свой, как путешественников, отнюдь не понимая, что мужи эти – Ангелы. *И внидоша в дом его*[648]. Содомляне, узнав, что у Лота странники, вознамерились обесчестить их, и, окружив дом Лота, требовали выдачи жертв. Лот вышел уговаривать неистовых. Они подвергли его тяжким оскорблениям. Тогда Ангелы, *простерше руки, вовлекоша Лота к себе в храмину, и двери храмины заключиша, мужи же, сущыя пред дверми, поразиша слепотою*[649]. По наступлении утра, когда Лот не спешил выйти из Содома, *взяша Ангели за руку его, и за руку жену его, и за руки двух дщерей его, и изведоша я вон*[650]. Здесь со всею ясностью видно существование отношения Ангелов ко времени, пространству и веществу; видно движение; видно как действие, общее с человеками, так и действие, превышающее способности человеческие. Последним было ослепление беззаконников. В повести видно и другое действие Ангелов, превышающее способности и понимание человеческие: участие их в сожжении городов Содома и Гоморры. *Господь одожди на Содом и Гоморру жупел и огнь от Господа с небесе*[651]; но Ангел сказал Лоту об этом событии: *потщися спастися тамо* (в Сигоре): *не возмогу бо сотворити дело, дондеже внидеши тамо*[652]. Деятелем был Бог, – орудием действия и деятелем в качестве орудия был Ангел. Страшное превращение при особенной операции в воздухе было произведено Ангелами. Чтоб подействовать на вещество существу ограниченному, необходимы средство вещественное и сила вещественная. Пророк Давид говорит, что казни, которыми был поражен Египет при исшествии из него израильтян, были совершены *Ангелы лютыми*[653]; *волхвы* египетские, говорит Писание, совершили некоторые чудеса наравне с Моисеем при посредстве *волхвования*[654], т. е. силою демонов. Демоны, подобно Ангелам, имеют способность, нам непостижимую, производить поразительнейшие превращения в видимой природе[655]; в законах ее они имеют гораздо большие сведения,

нежели какие имеют люди; в естестве своем имеют большее развитие сил; в действиях несравненно более свободы. По действию диавола огонь, представлявшийся для человеческих взоров спадшим с неба[656], пожег принадлежавшие Иову стада овец с пастухами их[657]; по действию диавола *внезапу ветр велик найде от пустыни, и коснуся четырем углом храмины, и паде храмина на дети Иова, и скончашася*[658]. Святой Иоанн Богослов изображая *змеем*[659] диавола, а зверем антихриста, говорит, что змей даст зверю *силу свою, и престол свой, и область великую*[660], *что этою силою антихрист сотворит чудеса великая, да и огнь сотворит сходити с небесе на землю пред человеки*[661].

Действие Ангела на вещество посредством вещества, нам неизвестного, равно как и многие другие свойства духов, живописно изображены в следующей повести Писания. Ангел явился Гедеону, впоследствии судии израильскому, и повелел ему избавить народ свой от порабощения мадианитам. При этом явлении Ангел *сел* сперва под дубом, потом предстал Гедеону, *воззрел* на него и объявил ему призвание Божие. Гедеон выразил недоверие к явившемуся, очевидно, признавая его обыкновенным человеком, и просил *знамения*. Ангел, у которого был *жезл* в *руке*, повелел приготовить жертвоприношение. Когда олтарь и жертва были приготовлены, *простре Ангел конец жезла, иже в руце его, и прикоснеся мясом и хлебом пресным: и возгореся огнь из камене, и пояде мяса и опресноки. И Ангел Господень отъиде от очей его.* Увидев чудо, Гедеон понял, что явившийся ему – не человек, а *Ангел Господень*. По отшествии Ангела, Гедеон сказал, что он *видел Ангела Господня лицем к лицу*[662]. У Ангела не только была рука, но было и лицо, как было лицо у Гедеона. Ангел по наружности своей имел полное сходство с наружным видом человека. Действие жезла было действием вещества, неизвестного нам. С открытием электричества и гальванизма мы ознакомились с утонченным, сильным и быстрым действием вещества, несхожим с его действиями, доселе известными, ознакомились с действием, *остававшимся* неизвестным человечеству в течение тысячелетий, с

действием изумительным, которым мы пользуемся и которого не понимаем. Заметим мимоходом: гальванический прибор действует оконечностями своими, – прикосновением.

Ангелы могут осязать людей, а люди – чувствовать осязание их. *Остася,* говорит Писание, *Иаков един, и боряшеся с ним человек* – человеком назван Ангел[663] по человеческому образу его – *даже до утра. И прикоснуся широте стегна его, и отерпе широта стегна Иаковля, егда боряшеся с ним… Он же хромаше стегном своим*[664] – Во время бегства Илии пророка от гнева царицы Иезавели, он утрудился в пустыне, сел под *смерчием*[665] и просил у Бога смерти себе. От труда и печали пророк погрузился в сон под тенью дерева. *И се Ангел Господень коснуся ему, и рече ему: возстани, яждь и пий.* Пробудился пророк, увидел близ себя хлеб и сосуд воды. Он вкусил этой пищи, но от утомления и скорби заснул снова. *И обратися Ангел Господень вторицею, и коснеся ему, и рече: возстани, яждь и пий, яко мног от тебе путь: И возста, и яде, и пи, и иде в крепости яди тоя четыредесять дней и четыредесять нощей до горы Божия Хорив*[666]. В деяниях Апостольских читаем, что Ирод, для доставления удовольствия иудеям, казнил апостола Иакова Зеведеева, и с этой целью сковал и заключил в темницу апостола Петра. В ночь, предшествовавшую тому дню, в который намеревался Ирод вывести Петра для публичной казни, апостол спал между двумя воинами, закованный в две железные цепи; стражи были у дверей темницы и стерегли узника. Строжайшие меры предосторожности были приняты, чтоб не сбежал из темницы уже освобождавшийся из нее действием десницы Божией. *И се Ангел Господень предста, и свет возсия во храмине. Толкнув же в ребра Петра, воздвиже его глаголя: возстани вскоре. И спадоша ему ужя железная с руку. Рече же Ангел к нему: препояшися, и вступи в плесницы твоя* (надень обувь). *Сотвори же тако. И глагола ему: облецыся в ризу твою, и последствуй мне. И исшед в след его идяше. И не ведяше, яко истина есть бывшее от Ангела: мняше же видение зрети. Прошедша же первую стражу и вторую, приидоста ко вратам железным, вводящим во град, яже о себе отверзошася*

има. И изшедше преидоша стогну едину, и абие отступи Ангел от него. И Петр быв в себе рече: ныне вем воистину, яко посла Бог Ангела Своего, и изъят мя из руки Иродовы и от всего чаяния людей Иудейских[667]. – И другое замечательное поведание о действии Ангела читаем в Деяниях. После того, как святой диакон Филипп крестил евнуха Ефиопской царицы в источнике на дороге, ведущей из Иерусалима в Газу, *Ангел Господень восхити Филиппа, и не виде его ктому каженик* (евнух). *Филипп же обретеся во Азоте*[668]. – Подобное этому событие описывается в книге пророка Даниила. Даниил, находясь в Вавилоне, был ввергнут в ров, в котором содержались львы. Львов в течение продолжительного времени мучили и раздражали голодом, чтоб они съели Даниила. Даниил пробыл во рву шесть дней, не вкушая ни хлеба, ни воды. В это время пророк Аввакум, живший в Иудее, приготовил пищу для жнецов, работавших на его поле и пошел на поле, неся приготовленное им. Внезапно явился ему Ангел Господень и сказал: *отнеси обед, егоже имаши, в Вавилон Даниилу, в ров левск. И рече Аввакум: Господи, Вавилона не видех, и рва не вем, где есть. И ят его Ангел Господень за верх его, и держа за власы главы его, и постави его в Вавилоне верху рва шумом духа своего… И возстав Даниил яде: Ангел же Божий постави Аввакума внезапу на месте его*[669]. Шум, произведенный движением Ангела, Писание приписывает естеству его, духа. Равным образом Ангел, сошедший в Вавилонскую печь к трем отрокам, *сотвори среднее пещи яко дух росы шумящ*[670]. Очевидно, что здесь словом дух означается тонкое вещество, потому что дух, в отвлеченном смысле этого слова, не может произвести никакого шума. Подобно этому шум, происшедший при сошествии Святого Духа, приписывается множеству небесных сил, устремившихся с неба для присутствия при великом деянии Божии. *Бысть внезапу с небесе шум, яко носиму дыханию бурну, и наполни весь дом, идеже бяху седяще*[671] апостолы. Для Святого Духа, *вездесущаго и вся исполняющаго*, нет нужды в движении, чтоб явить Свое действие в каком бы то ни было месте. «Святой Дух, – говорит Кирилл Иерусалимский, – живой, са-

мосущный, всегда Отцу и Сыну присущ, не исходит из уст и устен Отца или Сына, не производится посредством дыхания, не разливается на воздух, но состоит в Ипостаси»[672]. Что богословствует Святая Церковь о Боге-Слове: то, со всей точностью и верностью, можно возбогословить о Духе-Боге: «снисхождение Его (сошествие на землю) бысть Божественное, а не прехождение местное»[673]. Быстрое движение сотворенных духов произвело в воздушном пространстве шум, подобный сильному ветру. Естественно духам производить такой шум, не только духам святым, но и духам отверженным: естество тех и других – одно, естественные свойства – одни; различие в качествах происходит от святости одних, и от решительного повреждения злобой других.

Перемещение Ангела с места на место, занятие им определенного места, что дает понятие даже о естественной величине или росте духов, с особенной ясностью изображено в следующих местах Священного Писания. Архангел Гавриил, повествует евангелист Лука, явился *во храме*, во время всенародного Богослужения, пророку Захарии, и благовестил ему рождение Предтечи Господня; при этом явлении Архангел стоял *одесную олтаря кадильного*[674]. Тот же Архангел Гавриил был *послан* Богом в галилейский *город* Назарет, к Пресвятой Деве Марии, для возвещения Ей, что Она соделается Богоматерью. Он *вошел* в Ее *жилище*, и, исполнив повеленное Богом, *вышел* от Нее[675]. – По повествованию евангелиста Марка, жены-мироносицы, пришедши к гробовой *пещере*, в которой было положено тело Господа, увидели *в ней юношу, одетого* в *белую одежду, и сидевшаго на правой стороне*[676]; то был Ангел. Об этом Ангеле евангелист Матфей говорит, что он, *сошедши* с *неба, отвалил* камень от входа в гробовую пещеру, и *сидел* на *камне*. *Вид лица* его был как *молния*, и *одежды* его были *белы*, как *снег*[677]. Мария Магдалина, пришедши к гробовой пещере, наклонилась и посмотрела во внутренность пещеры; при этом она увидела двух Ангелов в белых ризах; Ангелы *сидели* в тесной *гробовой пещере*: один *сидел* у *головы*, другой у *ног*, в том *месте*, где лежало тело Господа Иисуса[678]. – Способность к передвижению с места на место и к странствованию по разным местам имеют и демоны. Господь сказал о странствовании демона, скучающего об изгнании своем из человека, следующее: «Когда нечистый дух *выйдет* из человека, то *проходит* по *безводным местам, ища* покоя, и не обретает его. Тогда говорит: *возвращусь* в дом мой, из которого я вышел; и, *пришедши*, находит его пустым, выметенным и убранным. Тогда *идет*, и *берет* с собой семь других *духов*, злейших его, и, *вшедши, живут там*»[679]. – Сатана, представ пред Господа в сонме Ангелов, на вопрос Господа, откуда он *пришел*, отвечал: *обшед землю, и прошед поднебесную, се есмь*[680]. – Искушая Господа, диавол *взял* Его во святой град, *поставил* на кровле храма, потом *взял* Его на очень высокую гору. Как Господь постился в пустыне, и там *приступил* к Нему диавол: то очевидно, что упоминаемые быстрые перемещения совершал дух подобно тому, как переместил Ангел диакона Филиппа с Газской дороги в Азот: диавол переносил Господа с места на место. После победы над падшим духом Господь сказал ему: «*отойди* от Меня, сатана». Диавол оставил Его, – Ангелы *пришли*, и *служили* Ему[681]. – В повести о лжепророке Валааме, действовавшем против израильтян, говорится, что Ангел был *послан* воспрепятствовать лжепророку в предприятии неблагонамеренном. Валаам ехал на осле, сопровождаемый двумя рабами. Событие имело свидетелей. Осел, говорит Писание, *увидел* Ангела Божия, противостояща ему на пути, *и меч извлечен в руце его*, совратился с пути, и пошел в поле. Валаам начал бить жезлом осла, и направлять его на дорогу. Между тем Ангел, переменив место, *встал* на браздах виноградных, там, где была ограда с обеих сторон. Осел, опять увидел Ангела, прижался к ограде, и придавил к ней ногу Валаама, который снова начал бить осла. Ангел Божий *перешел* и с этого места, встал в узком проходе, с которого не было возможным уклониться ни направо, ни налево. Осел, *увидев* Ангела, упал под Валаамом, и разгневанный лжепророк в третий раз начал бить осла. После этого Бог *отверз* очи Валааму, и *узре* Валаам *Ангела Божия, противостояща на пу-*

ти, и меч извлечен в руце его. Ангел сказал ему: *се аз приидох на препятие твое, яко неприятен путь твой предо мною. И виде мя ослица, совратися от мене, се третие: и аще не бы уклонилася от мене, ныне тя убо убил бых*[682]. Ангела увидела ослица, по воле Божией, точно также, как увидел его Валаам: чрез *отверзение очей* всемогуществом Божиим. Бессловесные животные могут видеть одно вещество, так как и человеки телесными глазами видят одно лишь вещественное.

В невидимом нами мире имеются средства, разумеется вещественные, действующие самым сильным образом на предметы видимого мира. Это нисколько не противно современной науке; напротив того гармонирует с ней. Нам известно отчасти вещество, принадлежащее земле: вещество в несравненно большем объеме, вне земли, за гранями ее атмосферы, остается для нас неизвестным. Мало этого: оно неприступно для нашего исследования. Но вещество это существует потому, что все в пространстве и все, ограничиваемое пространством, есть вещество[683]. Таков закон, открытый положительной наукой, против которого могут быть возгласы невежества, против которого нет возражений. Писание, в согласии с наукой, открывает невидимую для нас природу более, нежели сколько открывает ее наука, умозаключающая неоспоримо о существовании и вещественности невидимой природы. Писание поведает нам, сколько нужно для нас, о небе, о аде, о веществе неба и ада, о сотворенных разумных существах, для которых небо служит блаженной обителью, а ад – темницей. Само понятие о земле, в связи с этими понятиями, получает правильность, и ведет к верным результатам, устраняет от самообольщения, научает нас проводить время на земле, как в гостинице, а не приносить в жертву земле всех сил души и тела. В приведенной нами повести о лжепророке говорится, что в руке Ангела был меч, которым он намеревался убить лжепророка; в повести о Гедеоне говорится об Ангеле, что он имел жезл в руке, что от прикосновения этого жезла воспламенилась жертва. Эти события указывают на существование отношений между веществом, нами невидимым и нам неизвестным, с веществом,

нами видимым и нам известным. Церковное Предание научает нас, что вообще разлучение души человеческой с ее телом совершается при посредстве Ангелов; Священное Писание повествует, что Ангелы употреблены в орудие для поражения смертью некоторых беззаконников и для поражения мором множества людей. – Ирод за присвоение себе славы Божией был *поражен Ангелом*, впал в странную болезнь, и, съеденный червями, изверг душу[684]. Конечно приближенным царя Иудейского и врачам его осталась неизвестной начальная причина болезни: открывает ее Писание. Когда был послан Богом мор на Израильский народ за возложение человеками упования на свою силу, а не на силу Божию, – умерло в самое короткое время *семьдесят тысяч мужей* от Дана до Вирсавии. Уже простер Ангел руку на Иерусалим, чтоб поразить его. В это время Господь умилосердился, *и рече Ангелу, избивающему: довлеет ти, отъими руку твою. Ангел же Господень стояше на гумне Оры Иевусеанина. И воздвиже Давид очи свои, и виде Ангела Господня стояща между землею и небом, и меч его извлечен в руку его, простерт на Иерусалим.* Давид, увидев Ангела, *биюща люди*, принес покаяние, *и рече Господь к Ангелу: вложи меч во влагалище его*[685]. – В течение одной ночи Ангел Господень, нисшедший в стан войска Ассирийского, избил *сто восемьдесят шесть тысяч воинов*[686]. – К нанесению болезней и смерти человекам способны и демоны. Диавол поразил Иова гноем лютым от ног даже до главы. Он поразил бы ненавистного ему праведника и смертью, если б это не было воспрещено Богом[687]. – Сам Спаситель засвидетельствовал о скорченной женщине, что ее *связа сатана*[688]. Демон Асмодей убил семь мужей, за которых поочередно была выдаваема Сарра, дочь Рагуила[689].

Как духи имеют влияние на вещество: так, наоборот, и вещество имеет влияние на духов. Отверженные духи будут вечно мучиться в огне адском, в огне вещественном, а святые духи будут вечно блаженствовать в селениях небесных. Вместе с святыми духами примут участие в наслаждениях неба и рая воскресшие святые человеки в телах своих; подвергнутся вос-

кресшие грешные человеки в телах своих одним мукам с духами. Из этого явствует, что и духи имеют свою вещественность, вещественность, подобную духовным человеческим телам. И как горнему миру не иметь своей вещественности, когда глава его – Богочеловек – облечен в тело? Мы исповедуем, что тело Богочеловека несравненно превосходнее в духовном отношении ангельского естества, и воспеваем Богоматери: *Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим.* Это песнопение, которое произносится Пресвятой Деве и Ангелами[690], не имело бы места, если бы святые человеки на небе не были *подобны* и *равны* Ангелам, как то засвидетельствовал Сам Спаситель[691]. Что Ангелы способны к песнопению, что они при этом песнопении произносят слова – засвидетельствовано и Евангелием и пророками[692]. – С особенной подробностью и отчетливостью изображено влияние даже земного вещества на духов в книге Товита. Архангел Рафаил сопутствовал в образе человека сыну Товита, в путешествии его из Ассирии в Мидию. Во время этого путешествия Товия поймал рыбу в реке Тигре, и Архангел приказал ему сохранить *сердце и печень рыбы. На вопрос Товии, для чего бы нужны были сердце и печень этой рыбы, Архангел отвечал: сердце и печень, аще кого смущает демон или дух зол, сим подобает курити пред человеком, или пред женою, и ктому не будет смущатися.* Здесь сказано, что известное вещество имеет вообще влияние на злых духов, отгоняя их от мужчин и женщин, которых беспокоят духи. Архангел Рафаил с Товией прибыли в Рагу, город Мидии, к Рагуилу, родственнику Товии. Архангел выразил желание, чтоб Товия сочетался браком с Саррой, единственной дочерью Рагуила. Товия возразил на это: *слышах аз, яко отроковица дана бе седми мужем, и вси в невестнице погибоша: понеже демон любит ю.* Архангел сказал: *о демоне ни единыя мысли имей. Аще внидеши в невестник, возмеши жераток фимиамный, и возложиши от сердца и печени рыбныя и покуриши, и обоняет демон, и отбежит, и не возвратится в век века.* По заключении брака Товия исполнил повеленное Архангелом: *взя жераток фимиамный, и возложи сердце рыбы*

и печень, и покури. Егда же обоня демон воню, отбежа в высшая Египта, и связа его Ангел Рафаил[693].

Ангелы являясь человекам, всегда являлись в виде человеков. Ни одного явления Ангелов в каком-либо другом виде Писание не упоминает; поведая, что Ангелы являлись в виде человеков, Писание нигде не оговаривает своего поведания, что непременно было бы сделано, если бы Ангелы точно не имели никакого вида, или имели вид не человеческий. Мы не имеем никакого права иначе понимать Ангелов, как такими, какими изображает их Писание. – Ангелы, являвшиеся Лоту, названы в Писании сперва Ангелами, потом *мужами*. Эти Ангелы, прежде нежели пришли в Содом, явились Аврааму у дуба Мамврийского и также названы в Писании *мужами*[694]. – Иисусу Навину явился *Архистратиг силы Господни.* Повествуя об этом явлении, Священное Писание говорит: *Иисус бяше у Иерихона, и воззрев очима своима виде человека, стояща пред ним, и меч обнажен в руце его.* Навин сначала не понял, что то был Ангел, и спросил увидевшего: *наш ли еси, или от сопостат наших?*[695] – Ангел предстал жене израильтянина Маноя, матери сильного Сампсона, возвещая ей о зачатии и рождении знаменоносного сына. О явлении Ангела жена поведала мужу своему так: *Человек Божий прииде ко мне, и образ его, яко образ Ангела Божия, страшен зело.* Ангел явился жене вторично. Жена поспешила известить об этом Маноя; она сказала ему: *се явися мне муж, иже приходил в день он ко мне. И возстав иде Маное в след жены своея, и прииде к мужу, и рече ему: ты ли еси муж, глаголавый к жене моей? И рече Ангел: аз.* Маное, полагая, что беседует с человеком, предложил Ангелу трапезу; но Ангел, отказавшись от трапезы, предложил всесожжение Господу. Когда пламень всесожжения разлился очень высоко над алтарем, – Ангел вступил в этот пламень и вознесся на небо. Увидев это, Маное и жена его поняли, что являвшийся им был Ангел[696]. Евангелист Лука, описывая одно из посещений гроба Господня мироносицами, говорит, что им предстали *два мужа в ризах блещащихся*[697]. Когда Господь вознесся на небо в присутствии апостолов, и глаза их были

устремлены к небу: то внезапно предстали им *два мужа* в белых одеждах, и сказали апостолам: *мужие галилейстии! Что стоите зряще на небо: Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, им же образом видесте Его идуща на небо.* Очевидно: эти мужи были Ангелы[698]. – Ангел явился сотнику Корнилию. Он *виде Ангела Божия сшедша к нему*. Передавая об этом явлении апостолу Петру, Корнилий говорил: *От четвертаго дне даже до сего часа бех постяся, и в девятый час моляся в дому моем: и се, муж ста предо мною в одежди светле*[699]. – Когда Навуходоносор, царь Вавилонский, ввергнул в разжженную печь трех святых отроков, отказавшихся от идолопоклонства, тогда Ангел[700] сошел вместе с ними в печь, и отъял силу у огня. Отроки воспели в пространной печи песнь благодарения и славословия Богу, а Навуходоносор, услышав их поющих, пришел в удивление, и спросил вельмож своих: *не трех ли мужей ввергохом среди огня связанных?* Вельможи отвечали: *воистину, царю. Но царь сказал: се аз вижу мужи четыре разрешены и ходящы среди огня, и зрак* (вид, лицо) *четвертаго подобен Сыну Божию?… Благословен Бог, Иже посла Ангела Своего, и изъя отроки Своя, яко уповаша на Него*[701]. – Святой пророк Даниил называет Архангела Гавриила *мужем. Еще глаголющу ми в молитве моей, говорит он, и се муж Гавриил, егоже видех в начале, парящ* (летящ): *и прикоснеся мне*[702]. В другом видении явился пророку Ангел, которого пророк опять называет *мужем*. Этот муж *облечен* был в *льняную ризу*, и *чресла* его были *препоясаны* златом; *тело* его было подобно фарсису; *лице* его *сияло* как молния; *глаза* его – как возжженные свечи; *мышцы и голени* его были облечены в блистающую медь; *голос* его – как голос народа[703]. Спутники Даниила, находясь при нем, не видели явления; потому что им не были отверсты очи; только страх объял их, как это обыкновенно случается с теми, которые находятся при человеке, видящем духов и беседующих с духами. К концу видения Даниил увидел, что *муж*, облеченный в льняную одежду и стоявший над водами реки, воздел и *правую* и *левую руки свои* к небу, и клялся[704]. – Когда первомученик Стефан, обильно

помазанный благодатью Святого Духа, предстал богоубийственному собору иудейских архиереев и священников, *то воззревша нань вси седящии в сонмищи, видеша лице его яко лице Ангела*[705]. – Из приведенных нами мест Священного Писания видно, что Ангелы не только имеют вид человеческий, но и все члены человеческого тела. Писание исчисляет в них эти члены: лице, глаза, перси, руки, ноги. Этого мало! Писание указывает, что духи имеют те же чувства, какие имеет человек: зрение, слух, обоняние, осязание; оно приписывает им способность говорить, – падшим духам приписывает недостатки падшего человечества, *глухоту* и *немоту*. Сам Господь, не кто иной, назвал одного из демонов *глухим* и *немым. Душе немый и глухий*, сказал ему Господь, *Аз ти повелеваю*[706], и глухой дух, не слышавший голоса святых апостолов и не подчинявшийся их повелению, услышал голос Бога, и немедленно, страшно мучась и муча, исполнил повеление Божие. При другом исцелении человека, одержимого бесом, Евангелие говорит, что этот бес *был нем*[707]. Очень естественно духам иметь чувства: имеет их и душа человеческая, принадлежащая по естеству своему к сотворенным духам. Чувства человека принадлежат душе его, а не телу, хотя во время земной жизни человека и действуют чрез члены тела. Чрез члены тела действует вся душа, даже ее словесная сила. Чувства оставляют тело вместе с душою; правильнее: душа, выходя из тела, уносит с собою принадлежащие ей чувства. Если б чувства принадлежали телу, то оставались бы при нем и по исшествии души, или оставляли тело в другое время, а не в то именно, в которое оставляет его душа.

Демоны имеют по естеству такой же наружный вид, как и Ангелы, то есть, вид человека в его теле. По такому сходству с человеком, Господь называл диавола *человеком*[708]. Демоны исказили себя уничтожением в себе добра, рождением и развитием зла. По этой причине Писание называет *их зверями*, а главного из них *змеем*[709]. *Не предаждь зверем душу исповедующуюся Тебе*[710]. *Змий же бе мудрейший всех зверей, сущих на земли*[711], так как отверженные ангелы и глава их низвергнуты

с неба на землю[712]. Злоба и падение демонов отразились и на их наружном виде: сохранив естественный образ свой, они исказили его чертами зверства и ужасного неблаголепия. Видел Иов диавола страшным чудовищем, и изобразил его страшной живописью слова[713].

Духи имеют свое местопребывание, свои обители, соответственные естеству их и произвольно усвоенным качествам, по причине которых одни вступили в ближайшее общение с Богом, – другие отвергнуты Богом и заразились иступленной, безумной ненавистью к Нему. Местопребывание святых Ангелов – небо. Это открыл нам Господь. *Ангели на небесех*, сказал Он, *выну видят лице Отца Моего Небеснаго*[714]. *В воскресении ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть*[715]. И из многих других мест Писания видно, что небо есть обитель Ангелов. Находясь на небе, они посылаются Богом на землю для исполнения различных повелений Божиих, как мы видели из приведенных повествований Писания; посылаются они и для вспомоществования всем спасающимся, как сказал святой апостол Павел, *служебнии дуси в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение*[716]. При втором славном и страшном пришествии Своем Господь *послет Ангелы Своя с трубным гласом велиим, и соберут избранныя Его от четырех ветров, от конец небес до конец их*[717].

Доколе диавол был ангелом светлым и святым, дотоле обитал он на небе. На небе совершилось несчастное превращение, и многочисленное собрание ангелов отделилось от святого сонма небесных сил, соделалось собранием мрачных демонов, имея во главе падшего херувима. Увлечены в падение и погибель многие из высших ангелов, из господствий, начал и властей[718]. Вследствие этого превращения *бысть брань на небеси: Михаил*, Архистратиг небесной силы, *и Ангели его*, пребывшие верными Богу, *брань сотвориша со змием, и змий брася и ангели его. И не возмогоша, и места не обретеся им ктому на небеси. И поверженбысть змий великий, змий древний, нарицаемый диавол и сатана, льстяй вселенную всю, и поверженбысть на землю, и ангели его с ним низвержени быша*[719].

Местопребыванием падших ангелов соделались *поднебесное* пространство, которое все древние называли воздухом, *земная поверхность* и *бездна* или *ад*. Это явствует из Священного Писания. В книге Иова дважды диавол свидетельствует о себе, что он *обошел всю землю, и протек поднебесную*[720]. Пребывание падших ангелов в воздухе или пространстве поднебесном, по согласному мнению отцов, указывается следующими словами апостола Павла: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом, и ко властем, к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[721]. Собрание этих духов апостол называет *властию воздушною*, а главного из демонов, собственно диавола, называет *князем власти воздушныя, духом, действующим в сынах противления*[722]. Пребывание демонов на земле со всей ясностью видно из поведаний Евангелия, которое повествует о различных действиях демонов на земле, различных злодеяниях их. Демоны не только живут на земной поверхности, но входят иногда в тела человеков и скотов[723] всем газообразным существом своим. Они входят во внутренность тела человеческого подобно тому, как входит в нее воздух, привлекаемый механизмом дыхания, – подобно тому, как могут входить другие газы. Демон, войдя в человека, не смешивается с душой, но пребывает в теле, обладая насильственно душой и телом. Газы имеют в особенном развитии свойство *упругости*, то есть, свойство принимать различной меры объем: очевидно, что и демоны имеют это свойство, по которому множество их может помещаться в одном человеке, как говорит об этом Евангелие[724].

В настоящее время местопребыванием для диавола, главы падших ангелов, служит бездна, тартар, ад, преисподняя, внутренность земли. Предвозвестил это жилище падшему архангелу святой пророк Исаия: *Во ад снидеши*, сказал он ему, *и во основания земли*[725]. Совершилось предсказание над князем воздушной власти силою и властью Спасителя человеков, Богочеловека. Спаситель есть тот *великий Ангел* – Бог, *имеющий ключ бездны*, Который сшел с неба, и, вочеловечившись, употребил человеческую плоть Свою, это *великое уже* (веревку), распростерши

ее на Кресте, для *связания змея, змея древняго, иже есть диавол и сатана.* Связал Господь сатану на все пространство времени между двумя пришествиями Своими, и *в бездну затвори его, и заключи его, и запечатле над ним.* Будучи заключен и запечатлен в вещественной темнице, диавол по необходимости должен иметь вещественное естество: иначе никакая вещественная темница не могла бы удержать его. Пред вторым пришествием Господа, *разрешен будет сатана от темницы своея, и изыдет прельстити языки, сущия на четырех углех земли*[726].

Сотворенные духи называются *бесплотными*, как в писаниях святых отцов, так и в общем употреблении. Название это основано на Священном Писании. *Дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща*[727], сказал Спаситель ученикам Своим, явившись им по воскресении в прославленном теле, обличая и опровергая помышление их, что они видят дух. Сравнение *якоже Мене* есть сравнение с человеческою плотью Богочеловека. Святой Василий Великий видит такое же сравнение существа духов с человеческою плотью в словах апостола: *несть наша брань к плоти и крови, но к духовом злобы*[728]. Этот отец определеннее других отцов говорит о газоподобной вещественности духов; но, основываясь на вышеприведенных словах апостола, он утверждает, что «*естество* диавола – *безплотное*»[729], очевидно, не имеющее такой плоти, какую имеют человеки. В таком смысле душа человеческая, когда выйдет из тела, соделывается существом бесплотным. В таком смысле Тертуллиан, церковный писатель второго века, говорит, что «*душа не вещественна* и вместе с этим *тело*; отвержение ее *телесности* было бы вместе отвержением существования ея»[730].

О виде и сущности души человеческой Священное Писание упоминает лишь мимоходно и весьма мало. Но из этих поведаний Писания явствует со всей очевидностью, что душа человеческая имеет вид человека в его теле, подобна прочим сотворенным духам и по наружному виду, и по существу, и по свойствам. Апостол Иоанн Богослов повествует в Откровении своем, что он видел на небе *души избиенных за слово Божие.*

И даны быша коемуждо их ризы белы[731]. Видение повторилось Богослову. *Видех*, говорит он, *и се народ мног от всякаго языка и колена и людей и племен, стояще пред престолом и пред Агнцем, облечены в ризы белы, и финицы в руках их*[732]. Писание изображает души точно так, как изображает Ангелов. Богослов, сказав, что он видел души, составлявшие многочисленный народ, этим самым обнаруживает, что он видел души в образе человеческом: одно только собрание людей называется народом. Повествованием о *одежде* их и о том, что пальмовые ветви были в руках их, *утверждается понятие* о виде их и о вещественности их. – Когда волшебница Аендорская вызвала душу пророка Самуила из подземного жилища душ, и он явился ей, – она увидела *мужа стара, восходяща от земли, и сей облечен одеянием долгим*[733]. Душа явилась в образе человеческом, в одежде человеческой и с признаками пола. Душа изображена здесь так, как изобразил души святой Иоанн Богослов. – При преображении Господнем на горе Фаворской просветилось лицо Господа *яко солнце, ризы Его быша белы, яко снег*[734]. Господь показал, в какой славе был создан первый человек, и сколько тело его в этом состоянии отличалось от тела, извращенного падением. Предстали пред Господа Моисей и Илия, услышали от Него о страданиях и смерти крестной, которым Он намеревался добровольно подчиниться в Иерусалиме для исцеления человеческого рода. Илия предстоял в теле, измененном при восхищении в рай; Моисей предстоял душой, которая, очевидно, имела весь образ тела. Без этого как бы могли увидеть его апостолы: как мог бы сказать апостол Петр о приготовлении палатки для Моисея? Апостолы увидели Моисея, как увидели Илию при отверзении очей. Моисей присутствовал тут душой: отцы[735] поведают, что Господь, сошедши во ад, возвел из ада с прочими ветхозаветными святыми Моисея и воскресил его, чему не противоречит и Евангелие, возвещающее о воскресении многих святых вслед за Воскресением Господа[736]. В частности, Писание упоминает только о погребении Моисея и умалчивает собственно о его воскресении[737]. – Апостол Павел, по-

ведая о своем восхищении в рай и на небо, сказал, что он не знает, совершилось ли это восхищение в теле или без тела[738], одной душой. Если б душа отличалась своим видом от тела, то апостол мог бы удобно сказать, каким образом он был восхищен, в теле или без тела. Можно утвердительно сказать, что восхищена была душа Павлова. Так, впоследствии, была восхищена душа святого Андрея, и он, подобно Павлу, говорил о себе, что не ведает, как был восхищен, в теле или без тела, несмотря на то, что видел себя со всеми членами и со всеми органами чувств, какие имеет тело. К такому заключению приводят нас: учение отцов об этом предмете, подобные события из жизни их и даже некоторые современные опыты[739]. Святая мученица Мавра поведала о себе: «В то время, как она пригвождена была ко кресту, явился ей некоторый чудный муж, которого лице сияло, как солнце. Он взял Мавру за руку и возвел на небо. Там показано было мученице блаженство, уготованное ей и ее супругу, участнику ее подвига. После этого светоносный муж привел ее к телу, висевшему на кресте, и сказал ей: теперь *возвратись в твое тело*; завтра же, в час шестой, придут за душами вашими Ангелы Божии»[740].

Рассматривая приведенные нами места Священного Писания, естественно приводимся к убеждению, что сотворенные духи и человеческая душа имеют свойственную им вещественность, имеют наружный вид, подобный виду человека в его теле; подобно человекам духи зависят от пространства и времени, имеют движение. Вещество духов гораздо тоньше, нежели вещество тела человеческого: по этой причине духи в действиях своих гораздо свободнее, в способностях гораздо развитее, нежели человеки. Таково вообще свойство вещества. Оно, в утонченном состоянии своем, действует несравненно сильнее и обширнее, нежели как действовало в состоянии грубом; оно, в утонченном состоянии своем, получает новые свойства, каких вовсе не имело в состоянии грубом. Чтобы сделать это удобопонятным для всех, укажем на воду в трех ее состояниях, в твердом, в жидком и парах.

Священное Писание научает нас, что имеются *тела земныя*, и имеются *тела небесныя*, что имеются *тела душевныя*, и имеются *тела духовныя*, что свойство и достоинство этих тел – различное[741]. Священное Писание называет наши тела, в которых мы находимся в земной жизни, *душевными*; эти же тела оно называет *духовными*, когда они воскреснут с свойством бессмертия и с прочими свойствами, необходимыми для того, чтоб бессмертие было бессмертным. В духовных телах своих святые человеки будут вечно пребывать с святыми Ангелами, получив с ними одно блаженство и одинаковое развитие, одинаковое отношение к пространству и времени. Наука учением своим о веществе вступает в чудную гармонию с Писанием. Она признает повсюду вещество, где есть пространство. Понятие о вещественности с понятием о пространстве – неразлучны и неразделимы. Наука исследовала и доказала, что газы, принадлежащие земле и известные нам, ложатся слоями в атмосфере, соответственно своей удельной тяжести. В подобной пропорции должны следовать за газами нашей атмосферы другие газы, нам неизвестные, более легкие и тонкие. Эти газы, которые в общем употреблении называются эфиром, непременно должны существовать; потому что никакое пространство не может обойтись без свойственного ему вещества. Пространство, которое мы называем небом, непременно должно иметь свое вещество.

Что такое человек? Такой же сотворенный дух, как и Ангелы, но облеченный в тело. Прочие сотворенные духи отличаются от человека тем, что не имеют *его* тела, *его* плоти. По этой причине они называются *бестелесными*, *бесплотными*, *невещественными*. Называются они *невидимыми*, потому что мы, будучи извращены и страшно повреждены падением, не видим их в обыкновенном состоянии нашем. Наше тело совсем не таково, каким оно создано: оно соделалось для человека узами и темницей; оно лишено многих способностей; оно оковано многоразличными немощами. Воскреснет оно уже иным, и человек, не переставая быть человеком, вступит в разряд сотворенных духов, причислится к сонму их, будет находиться в

обществе их и в общении с ними. Отношения естества человеческого ко всей обстановке его будут те же, в каких находится и естество духов. Возвещено это Господом.

Священное Писание решительно противоречит учению Декарта, принятому вообще западными. Нет ни одного места в Писании, которое бы сколько-нибудь благоприятствовало учению западных. Наоборот: приняв учение западных и основываясь на нем, по необходимости должно отвергнуть все важнейшие поведания Писания о служении духов. Господь, возвещая о втором славном пришествии Своем, говорит: *Приити имать Сын Человеческий во славе Своей, со Ангелы Своими*[742]. *Приидет Сын Человеческий во славе Своей, и вси святии Ангели с Ним*[743]. Воскресшие человеки *узрят*[744] Сына Божия, невидимого по Божеству, видимого в Его Божественном человеческом теле, *узрят* и Ангелов в их собственном виде. Если б не было вида у Ангелов, то воскресшие человеки не могли бы увидеть их, и Сын Божий предстал бы в странном одиночестве. Если б не было движения у Ангелов, то они не могли бы придти с Господом, Который по Своему человечеству естественно имеет движение. Здесь Господь изобразил движение Ангелов подобным Своему движению; движение с движением совокуплено в одно действие. Впрочем, мы веруем, что движение тела Господня, по Божественности этого тела, несравнимо с движением, к которому способны Ангелы: столько превосходнее движение движения. Некоторым из святых был уже показан в священном видении тот образ, в каком совершится второе пришествие Господа. Святой Дионисий Ареопагит в письме к монаху Демофилу поведает о ученике святого апостола Павла, блаженном Карпе, муже великом в добродетелях, и, по причине чистоты ума его, очень способном к Боговидению. Карп был в таком духовном преупеянии, что никогда не начинал Божественной литургии прежде, нежели благодать Святого Духа явно не осенит его. Однажды он сподобился видеть небо отверстым, подобно первомученику Стефану, и Господа Иисуса стоящим посреди многочисленнейшего собрания Ангелов; при этом святой Карп увидел

Ангелов в образе человеков. Такими они явятся и на страшном суде Христовом.

Явления духов угодникам Божиим новозаветной Церкви имеют решительно тождественный характер с явлениями, о которых говорит Писание. Этими явлениями доказывается, что духи вещественны, имеют наружный вид человеков, все члены человека, способность говорить, плакать, смеяться, что в невидимом нами мире, в котором живут духи, имеется свое вещество, что духи находятся в отношении к веществу, зависят от пространства и времени, имеют движение. Для доказательства представим немногие опыты, предоставляя желающим получить познание более подробное, почерпнуть его в жизнеописаниях святых.

Святая великомученица Параскева, истерзанная и полумертвая, ввергнута была в темницу. Мучители думали, что она умрет в самом скором времени. В полночь вошел к ней Ангел; по плечам и груди он был препоясан золотым поясом, а в руках держал орудия Христовых страданий. Ангел повелел девице встать, объявив, что Христос Господь исцеляет ее. Мученица, лежавшая без чувств, встала, как бы пробудившись от сна. Ангел приступил к ней, отер губой все раны ее, отчего исцелилось тело ее, и лице процвело красотою более, нежели цвело пред вступлением в подвиг мученичества. После этого явившийся Ангел сделался невидим[745]. И образ врачевания, и средство врачевания, и быстрота врачевания непостижимы для нас; но, очевидно из повести, что средство было вещественное. – Преподобный Тит, иеромонах Печерского Киевского монастыря, был болен при смерти. Братия, видя наступавшую кончину Тита, привели к нему иеродиакона Евагрия, с которым он был во вражде, для примирения. Больной с одра своего сделал при усиленном напряжении поклон пришедшему, прося о прощении и примирении. Но Евагрий произнес следующие страшные слова: «Никогда не примирюсь с ним: ни в сей век, ни в будущий», – и, сказав это, внезапно упал мертвым, а Тит в ту же минуту встал здоровым, как бы никогда не был болен. Изумленной братии Тит поведал, что, пришедши в

крайнее изнеможение, он увидел близ одра своего Ангелов и демонов. Первые *плакали* о том, что Тит умирает во вражде с ближним, а вторые *радовались* о его погибели. Когда же Тит поклонился Евагрию, а Евагрий отказался от примирения: тогда один из Ангелов, державший *в руке пламенное копие*, ударил этим копьем непростившего, отчего Евагрий упал мертвым. Тот же Ангел простер другую *руку* к больному и восставил его, отчего Тит мгновенно выздоровел[746]. Для поражения Евагрия было употреблено средство вещественное, но невидимое для человеков и неизвестное. Причиняют смерть и демоны. Преподобный Ефимий Великий поведал, что некоторый инок был мучим и убит демоном, который для мучения и убийства употребил *трезубец*[747]. Плачут и демоны. Плакали о том, что преподобный Макарий Великий избег руки их и вступил в небесные врата[748]. – Святой Амфилохий, епископ Иконийский, друг Василия Великого, хиротонисан во епископа Ангелами. Он был иноком и подвизался в отшельничестве, прожив сорок лет в пустынной пещере. В это время скончался архипастырь Иконийский. Ангел Господень явился ночью Амфилохию и сказал ему: «Амфилохий! Поди в город и паси духовных овец». Амфилохий оставил повеление без исполнения, опасаясь быть обманутым мечтанием бесовским. На следующую ночь повторилось видение, и Амфилохий опять не вышел из пещеры. На третью ночь Ангел пришел к нему в то время, как он лежал на одре своем и сказал ему: Амфилохий! «Встань с одра твоего». Амфилохий встал, но сказал Ангелу: «Если ты Ангел, то прими участие в моей молитве», – и начал молиться. Ангел, исполнив это, взял Амфилохия за правую руку и привел в ближайшую церковь. Двери церкви сами отворились пред ними, как некогда врата города пред апостолом Петром. Они вошли в церковь, в которой сиял великий свет и было множество мужей в *белых одеждах*. Эти мужи взяли Амфилохия, привели к алтарю и вручили ему святое Евангелие, сказав: «Господь с тобою». Один из них, превосходивший других важностью вида и светлостью, сказал громогласно: «Молимся все». Потом начал говорить: «Святая благодать поставляет брата нашего Амфилохия епис-

копом граду Иконийскому; помолимся о нем, да будет на нем благодать Божия». По окончании молитвы они преподали ему мир Христов и соделались невидимы[749]. Преподобный Пимен Многострадальный, инок Киево-Печерского монастыря, пострижен в монашество Ангелами. Этот святой был болен с детства до смерти. Пришед в юношеский возраст, Пимен очень просил родителей, чтоб они дозволили ему вступить в монашество; но родители не соглашались. Однажды болезнь юноши усилилась до крайности. Родители, отчаявшись уже в его жизни, и против воли своей, принесли его в Киево-Печерский монастырь, прося преподобных иноков того времени, чтоб помолились о болящем. Преподобные отцы много потрудились, молясь о возвращении здравия Пимену, но не были услышаны: Бог устраивал иной путь избраннику Своему. Отец и мать болящего неотступно были при нем, опасаясь, чтоб он в отсутствие их не был пострижен, а преподобный умолял Бога, чтоб Бог сподобил его вступить в лик иноков. Однажды, ночью, когда родители и прислуга спали при нем, вошли к нему светлые Ангелы, одни в образе прекрасных юношей, другие в образе печерского игумена и монашествующей братии, нося *в руках* свечи, Евангелие, власяницу, мантию, куколь, все, нужное для пострижения. Они спросили больного: «Хочешь ли, чтоб мы постригли тебя?» В радости блаженный отвечал: «Истинно – хочу; Господь послал вас, чтоб вы исполнили желание сердца моего…» Они немедленно начали делать вопросы и совершать все, что положено Уставом при пострижении. Постригши больного в схиму, они назвали его Пименом, – имя святого, данное ему по рождении, неизвестно, – и дали ему в руки возжженную свечу. При этом они сказали, что свеча будет гореть в течение сорока дней и сорока ночей, а он будет страдать в болезни во всю жизнь свою, внезапное же выздоровление послужит признаком приблизившейся смерти. Совершив с точностью весь образ пострижения, они приветствовали Пимена по иноческому обычаю и ушли, взяв его волосы в полотно, которое положили на гробе преподобного Феодосия. Соседи монахи, услышав голоса поющих, и пола-

гая, что игумен с некоторыми сослужащими постригает больного, или что он уже скончался, пришли к нему в келью. Там все были погружены в глубокий сон, келья была преисполнена благоухания. Пришедшие увидели больного веселящимся и облеченным в иноческое одеяние. Братия спросили его: кем он пострижен? «Какое пение слышали мы у тебя, которого твои родители и прочие, бывшие при тебе, не слышали?» Пимен отвечал: «Полагаю, что игумен с братией постригли меня, причем совершали песнопение, слышанное вами. Они дали мне эту свечу, которую вы видите, и сказали, что она будет гореть сорок дней и ночей, а волосы мои, завернув в полотно, отнесли в церковь». Братия пошли к церкви, но она была заперта. Призвав пономарей и экклисиарха, у которого хранились ключи от дверей церковных, которые засвидетельствовали, что после повечерия церковь была заперта, и никто не входил в нее. О чудном событии дали знать игумену. Отворили церковь: волосы найдены на гробе преподобного Феодосия. После тщательного розыскания, поняли, что пострижение совершено Ангелами. В этом удостоверились тем более, что свеча, которой надо бы сгореть в несколько часов, горела сорок суток. Преподобный Пимен провел в тяжкой болезни, не сходя с одра, всю жизнь; пред самой смертью выздоровел и, явив знамения живущей в нем благодати Божией, скончался блаженной кончиною[750]. Продолжительное горение свечи – опять непонятное для нас явление в веществе, нам неизвестном.

В той же Киево-Печерской обители было следующее явление Ангела преподобному Алипию. Алипий был иконописцем. Некоторый христолюбец заказал ему местную икону Успения Божией Матери к этому празднику. Алипий обещал кончить икону к сроку, но когда приготовил доску и все принадлежности к работе, – разболелся к смерти, слег в постель. Заказавший икону не раз приходил осведомляться об иконе, и очень скорбел, видя, что икона даже не начата; но преподобный советовал ему положиться на Промысел Божий. Пришел наконец христолюбец накануне самого праздника, после вечерни, и очень попеняв святому за то, что лишил возможности пере-

дать работу другому иконописцу, вышел в великой скорби. По отшествии его, вошел к Алипию неизвестный светлый юноша и начал писать икону. Алипий думал сначала, что это – человек, иконописец, присланный владельцем иконы; но необыкновенная быстрота и красота работы показали, что то был Ангел. В три часа написалась икона. По окончании работы и чудный иконописец и икона соделались невидимы. Между тем хозяин иконы от великой скорби не спал всю ночь; рано утром пошел он в церковь, в которую была заказана икона, чтоб там излить свою печаль пред Богом; вошед в церковь, увидел, что икона чудной красоты стоит уже на своем месте. Он поспешил к игумену Печерского монастыря и рассказал ему о совершившемся чуде. Вместе с игуменом они пошли к Алипию, – застали его уже при последнем издыхании. Однако игумен спросил его: «Как написалась икона?» Алипий поведал свое видение и присовокупил: «Ангел написал эту икону, и вот, он предстоит, чтоб взять меня». Сказав это, преподобный скончался[751].

Был особенно способен к чувственному видению духов святой Андрей юродивый, во плоти принадлежавший к бесплотным по причине умерщвления плоти сверхестественным подвигом. Однажды по той улице, на которой случалось быть святому, несли мертвеца. То был человек очень богатый. Множество народа сопутствовало гробу; значительное собрание священнослужителей предшествовало гробу с песнопением; большое количество родственников и знакомых последовало за гробом, оглашая воздух рыданиями и плачем. Святой начал чувствовать в себе изменение и отверзлись его очи и прочие чувства. Он увидел множество черных эфиопов, которые *шли* впереди священнослужителей, и голоса их заглушали своими голосами. Одни из эфиопов держали *в руках* пепел, которым осыпали людей, окружавших тело; другие из них плясали; иные хохотали бесстыдно; иные издавали звероподобные и скотоподобные вопли; иные окропляли мертвеца смрадною водою; иные *летали* по воздуху около гроба; иные *шли* сзади, хлопая руками, производя *топот ногами, издеваясь* над поющими и *проклиная* христиан. Потом святой Андрей увидел *бе-*

совского князя с огненными глазами; этот демон, принадлежавший к падшим ангелам высшего чиноначалия, держал *в руке* серу и смолу, и *приближался* к гробу с намерением сжечь труп. Когда тело было предано земле, святой увидел *идущего прекрасного юношу*, который был погружен в глубокую печаль и горько плакал. Когда юноша подошел к святому, то святой, полагая, что это – один из родственников умершего, сказал юноше: «Ради Бога скажи, какая причина твоего плача; спрашиваю об этом потому, что никогда и никого не видал, кто бы так плакал о мертвеце». Юноша отвечал: «Причиной плача моего то, что я был хранителем этого умершего, а его похитил себе диавол». Святой сказал: «Теперь я понял, кто ты». После этого Ангел поведал Андрею образ жизни почившего, и что он умер без покаяния. «Душу его, говорил Ангел, взяли демоны, а поругание, которому подвергнуто его тело, ты видел сам». Шедшие по улице люди, видя, что святой Андрей стоит один и как бы разговаривает с кем-то, говорили между собой: «Посмотрите на сумасшедшего! Он вступил в разговор со стеной». Этим прохожим подобны те, которые, будучи погружены в суетные занятия и плотское мудрование, отвергают существование духов, или, что равновесно, дают духам отвлеченное значение, признавая их чуждыми веществу. – Находим нужным поместить здесь и другое видение святого Андрея, служащее к выражению отношения между духами и веществом. В начале своего подвига, Андрей, окованный цепями, был помещен в церковь святой мученицы Анастасии, в Константинополе, и провел значительное время в этой церкви неисходно. Однажды ночью, наяву пришел к нему один из начальных демонов в сопровождении многих других темных духов. Диавол *имел в руке* топор, и все демоны вооружены были разным оружием. Они кинулись на святого, чтоб убить его, а святой возопил к Богу о помощи. Раздался гром и явилось многочисленное собрание *людей*, одеянных в белые одежды, а за ними пришел *благообразный старец*. Лицо его было светлее солнца, и множество слуг последовало ему. Он сказал им: «Затворите двери, чтоб никто не убежал, и переловите эфиопов». Повеление было

тотчас исполнено. При этом Андрей услышал, что один из демонов шепотом говорил другому: «Горе нам! Мы обманулись. Иоанн – грозен, будет мучить нас жестоко». Иоанн повелел *белоризцам*, пришедшим с ним, и они, сняв железную цепь с шеи Андрея, подали ее Иоанну. Иоанн взял цепь в руки, сложил ее втрое; потом он встал в дверях церкви и приказал приводить к себе демонов по одному. *Привели* первого демона, *растянули* его на земле, и Иоанн *дал* ему цепью *сто ударов*. Демон вопиял подобно человеку: «Помилуй меня». Такому наказанию подверглись все демоны, один за другим. После этого Иоанн сказал им: «Подите, покажитесь отцу вашему, сатане: как покажется ему сделанное вам!» Демоны исчезли; белоризцы также удалились. Благолепный старец подошел к Андрею, возложил цепь на его шею. – Объявив, что он – апостол Иоанн Богослов, и что ему поручено попечение об Андрее, молнией отошел он от очей его[752]. – Из жизнеописаний святых явствует, согласно поведанию Апокалипсиса, что глава падших ангелов – сатана – пребывает во аде, а на земной поверхности действуют демоны под управлением князей своих, то есть, падших ангелов из высших чиноначалий. Демоны нисходят во ад для получения приказаний и наставлений от сатаны, доносят ему о своих действиях и о всем, совершающемся на поверхности земной. Однажды демон очевидно явился святому Андрею и произнес предсказание о духовном и нравственном расстройстве христиан, долженствующем растлить христианство во времена последние. «В те времена, говорил демон, человеки будут злее меня, и малые дети превзойдут стариков лукавством. Тогда я начну почивать! Тогда не буду учить человеков ничему! Они, сами собой, буду исполнять волю мою!» Святой Андрей сказал демону: «Как ты знаешь это?» Ведь демон ничего не знает по предведению. Демон отвечал: «Умнейший отец наш, сатана, *пребывая во аде*, гадательствует о всем посредством волхвования и передает нам; а сами мы не знаем ничего»[753]. – Великий угодник Божий Нифонт, о котором сказано, что он беседовал с Ангелами, как с друзьями, и видел демонов открыто, поведал, что однажды князь бесовский, Алазион, послал с несколько-

ми демонами во ад, к отцу своему сатане, монету, которую дал христианин скомороху[754].

Церковное предание поведает, что святые апостолы, рассеянные по вселенной для проповеди, были восхищены Ангелами и принесены в Иерусалим ко дню Успения Божией Матери. Это событие воспевается в церковных всенародных песнопениях[755]. – Преподобный Никон Сухий, инок Киево-Печерского монастыря, взят был в плен половцами при нападении их на Киев. Уведши Никона в страну свою, половцы подвергали его различным мукам, томили голодом и всеми образами лишений. В таких страданиях Никон провел более трех лет. Ему было Божественное откровение, что он скоро избавится от плена. Он сказал об этом мучителям. Половцы, услышав это, и полагая, что Никон принял меры к бегству, подрезали ему ножные жилы, заковали его в цепи и стерегли с особенной тщательностью. Через три дня после предсказания о скором избавлении, пред наступлением полуденного часа, когда половцы, вооруженные, сидели вокруг Никона, он внезапно сделался невидим, а сторожившие его услышали в воздухе голоса, которые пели: *хвалите Господа с небес*. Никон был поставлен в церкви Печерского монастыря в то время, как на Божественной литургии начали петь причастный стих. Братия стеклись к нему и спрашивали, каким образом он возвратился. Никон хотел скрыть совершившееся с ним, но это было невозможно; тяжкие цепи, которыми он был окован, тело, покрытое загнившимися ранами, кровь, которая еще капала из подрезанных ножных жил, свидетельствовали о событии, выходящем из порядка событий обыкновенных. Никон объявил во славу Божию случившееся. Между тем заключен был мир с половцами. Тогда половчанин, у которого находился в плену преподобный Никон, прибыл в Киев и зашел в Печерский монастырь. Там, к величайшему удивлению, он увидел прежнего пленника своего, рассказал подробно игумену и братии, каким образом Никон подвизался в плену и избавился из плена. Половчанин принял христианскую веру и монашество в Киево-Печерском монастыре; его примеру последовали мно-

гие половцы. Великое чудо имело многих свидетелей и благодетельнейшие последствия[756].

Способность быстро протекать пространства, которые человеками признаются весьма значительными, имеют не только Ангелы, но и демоны. Имеют демоны возможность переносить с место на место как грубое земное вещество[757], так и человеков. Святой Иоанн, архиепископ Новгородский, стоял однажды ночью на келейной молитве по обычаю своему. В полночный час пришел демон с намерением чем-нибудь необычайным устрашить святого и отвлечь его от молитвы. Для этого демон вошел в умывальницу, тут стоявшую, и начал полоскаться в воде. Святой связал демона и крестным знамением заключил в умывальнице. Демон начал вопить человеческим голосом и умолять святого о разрешении от связания и заключения в сосуде. Божественный Иоанн отвечал демону: «В возмездие за твою дерзость повелеваю тебе, чтоб ты этой же ночью принес меня в Иерусалим ко храму гроба Господня, и этой же ночью принес обратно сюда в Новгород, к моей келье». Демон обещал исполнить требование. Тогда святой именем Господа освободил демона из заключения в сосуде и повелел ему: «Будь в подобии коня готов пред дверями моей кельи». Демон вышел из сосуда в виде темного воздуха или дыма, то есть газа, а в виде коня встал у входа в келью святого. Святой воссел на него и принесен был в Иерусалим. Двери храма Господня сами собою отворились пред ним, сами собою возжглись свечи и лампады у гроба Господня, Иоанн принес Богу благодарственное славословие и усерднейшую молитву, воздал поклонение всем святым местам и иконам храма. Когда он вышел, двери храма затворились сами собою, а демон в виде коня стоял, ожидая всадника. Святой воссел на демона и прежде рассвета принесен был в Новгород[758]. – Это событие дает некоторое понятие о быстроте движения духов; хотя по всему видно, что перенесение Аввакума из Иудеи в Вавилон и обратно из Вавилона в Иудею совершилось быстро, но Писание не упоминает ничего о времени, а здесь назначается приблизительно и время: все события совершились во вторую поло-

вину ночи, следовательно на путешествие употреблено около двух-трех часов.

Некоторый иерей, по имени Адам, жил с малолетним сыном своим, отроком Михаилом, в скиту преподобного Нила Сорского. Однажды отец, при встретившейся церковной нужде, послал сына к пономарю. Когда дитя вышло из кельи, внезапно встретил его некоторый дикий человек и, схватив его, понес как бы вихрем и занес в непроходимые места и болота. Там была какая-то хоромина. Дикий человек внес дитя в эту хоромину и поставил посредине ее. Тут был как бы старшина, в виде человека. Этот старшина сказал находившейся тут же женщине: покорми дитя. Принесено было много овощей, и дитя было принуждаемо к вкушению их; но Михаил не исполнил требования, стоял неподвижно на одном месте и горько плакал. Отец, видя, что сын долго не возвращается, начал искать его и, не нашедши, созвал всю братию, пошел с ними в часовню, находившуюся в недальнем расстоянии от монастыря. В часовне стояла икона Божией Матери; пред этой иконой братия начали совершать молебствие, проливая слезы и призывая на помощь преподобного Нила. В это самое время дитя увидело, что пришел преподобный Нил и, встав пред окном хоромины, ударил в окно жезлом, отчего потряслась хоромина, а находившиеся в ней нечистые духи попадали лицами на землю. Михаил стоял и плакал, смотря на преподобного Нила. Преподобный сказал: «О, окаянные! Как дерзнули вы напасть на мой скит и похитить это дитя! Тотчас отнесите его туда, откуда взяли». И немедленно дикий человек подхватил дитя и, понесши его опять как бы вихрем, донес до монастырской мельницы и поставил на стог сена, тут бывший. Михаил начал кричать со стога. В это время иерей с братией выходили из часовни и услышали крик дитяти. На голос его они пришли к стогу и, увидев на вершине его дитя, прославили Бога и угодника Его, Нила. Сняв Михаила со стога, они спрашивали его, каким образом он попал туда? Михаил рассказал случившееся с ним. С того времени Михаил сделался особенно тих; но осталось на умственной способности его, как это всегда бывает,

впечатление от действия на него демонов. Иерей, напуганный происшествием, оставил с сыном скит[759].

В Божественных откровениях, бывших святым новозаветной Церкви, *души* почивших человеков являлись точно в таком виде, какой изображается Священным Писанием. Первейшие вельможи римского императора Максимиана Геркулия, Сергий и Вакх, вступили в подвиг мученичества за веру во Христа и за исповедание Его пред царем нечестивым. Вакха забили палками до смерти. Сергий в это время был в тюрьме. Узнав о мученической кончине своего друга, он начал плакать о том, что не умер с ним вместе, и молил Бога о даровании себе венца мученического. Настала полночь; бдел и плакал в молитве своей Сергий. Внезапно предстал ему окруженный небесным светом Вакх. *Лице* Вакха было как *лице* Ангела; на Вакхе была блистающая воинская *одежда*. Он утешил и укрепил друга, возвестив ему о скором совершении им мученического поприща и о великом небесном достоинстве, уготованном от Господа Иисуса Христа[760]. – Особенного внимания заслуживает освобождение из темницы преподобного Петра Афонского святыми Симеоном Богоприимцем и Николаем Чудотворцем. Событие это имеет большое сходство с освобождением Ангелом апостола Петра из темницы и живописно изображает души святых в их загробном состоянии. Преподобный Петр Афонский был в мирском быту воеводой. Несколько раз помышлял он о вступлении в монашество, но, отвлекаемый житейской суетой, отлагал и отлагал исполнение намерения и обета. В то время сыны Измаила, приняв магометанство, уже громили Греческую Империю; между греками и измаильтянами кипела война, почти не прерывавшаяся. Однажды войско греческое было послано в Сирию. В войске находился и воевода Петр. Измаильтяне поразили греков, взяли множество пленных: в числе пленных был воевода. Окованный тяжкими цепями, он отведен в город Самару на реке Евфрате, там ввергнут в мрачную темницу. Томясь в темнице, Петр вспомнил о неисполненном обете, и поняв, что неисполнение этого обета было причиной постигшего бедс-

твия, начал умолять святителя Николая о избавлении, возобновляя обет свой и усиливая действие молитвы строгим постом. Святитель Николай дважды явился Петру во сне, а в третий раз наяву, и уже не один, а вместе с святым Симеоном Богоприимцем. Великий Симеон был дивен видением, благолепен образом, сиял небесным светом. Он был *облечен* в ефуд (льняную одежду) ветхозаветного священства, и златой *жезл* был в *руке* его. Петр, увидев представших ему святых, объят был страхом. Симеон сказал Петру: «Ты просишь брата Николая о освобождении тебя из уз и темницы?» Петр едва мог отворить уста, – таким объят был страхом. «Я», – отвечал он. Святой Симеон сказал: «Исполнишь ли обет твой вступить в монашество и провести земную жизнь добродетельно?» Петр отвечал: «Исполню, владыко мой, при помощи Божией». Симеон: «Если обещаешься поступить так, то выдь отсюда беспрепятственно и иди, куда хочешь». Петр показал ему свои ноги, окованные цепями. Святой Симеон прикоснулся к цепям златым жезлом, бывшим в руке его, и цепи растаяли, как тает воск от огня[761]. Петр встал и увидел, что тюрьма отворена. Он вышел из нее, последуя со святителем Николаем за святым Симеоном, и внезапно очутился за городом. Когда совершалось это, – пришла Петру мысль: то, что делается с ним, не есть ли только видение? Немедленно святой Симеон обратился к нему и сказал: «Зачем совершающуюся над тобой милость Божию ты полагаешь только видением? Разве ты не видишь с достоверностью, где ты, и кому последуешь?» – После этого святой Симеон, поручив Петра святителю, соделался невидим. Петр шел вслед святого Николая. Рассвело. Святитель спросил Петра, взял ли он с собой пищи на путь. Петр отвечал: «Владыко! Мне нечего было взять, потому что я не имел ничего». Святитель повелел Петру зайти в случившийся тут поблизости сад. «Там встретишь, сказал он ему, человека, который даст тебе овощей, сколько тебе надо; взяв их, последуй мне». Петр, исполнив приказанное ему, шел за святителем Николаем и в короткое время достиг пределов Греческой Империи. Тогда святитель сказал Петру: «Брат! Ты уже в своем отечестве

и имеешь всю свободу исполнить обет твой. Исполни его немедленно, чтобы снова не попасть в Самару и в оковы». Сказав это, святой Николай соделался невидим[762].

Современные явления духов в недре Православной Церкви вполне сходствуют по характеру своему с явлениями, о которых повествуют Священное Писание и святые отцы. Особенного внимания заслуживает видение валаамского схимонаха Кириака, мужа святой жизни. Он сподобился этого видения еще в мирском быту, по обращении своем из раскола, стоя в алтаре церкви праведного Лазаря, что в Невской Лавре, за ранней литургией. Сперва Кириак ощутил необыкновенное благоухание. Потом, когда иеромонах стал призывать Святого Духа на предложенные дары, – Херувимы окружили святой престол и иеромонаха; равным образом и весь алтарь наполнился Херувимами. Служащий иеромонах был весь объят огнем. Когда он положил земной поклон пред святым престолом, то белый голубь, но меньшего размера в сравнении с обыкновенным голубем, слетел сверху и стал парить над святым дискосом, потом взлетел на верх святой чаши и, сжав крылья, опустился в нее, а силы небесные в это время, падши ниц, поклонились святому престолу. Когда иеромонах возгласил *Изрядно о Пресвятей*, – силы небесные опять поклонились до земли. Когда пропели *Достойно есть*, – они в третий раз поклонились, потом окружили иеромонаха, осенили его главу некой чудной плащаницей и соделались невидимы. – Кириак, находясь в расколе, проводил жизнь строго подвижническую, был наставником раскольников и подвергался тяжким истязаниям по обычаю того времени. Присоединившись к Православной Церкви в 1783 г., он скончался кончиной праведника в 1798 г.[763]. – Подобного видения небесных сил при совершении Таинства Евхаристии сподоблялись и древние святые отцы. Сподобился такого видения святой Нифонт, один из величайших угодников Божиих. Однажды он присутствовал при служении архиерея в одной из Константинопольских церквей. Отверзлись душевные очи Нифонта, сказано в его жизнеописании, и он увидел,

что огнь сошел с неба, покрыл алтарь и архиерея. Во время Трисвятого явились четыре Ангела и начали петь с певцами. При чтении Апостольского послания, явился святой апостол Павел, встал за чтецом, наблюдая за чтением. Когда началось чтение Евангелия, тогда слова возлетали на небо в подобии светильников. Когда наступило время принесения даров, отверзся свод церковный, отверзлось небо, разлилось великое благоухание, низошли Ангелы, воспевая: *слава Христу Богу!* Они несли необыкновенной красоты Младенца и, возложив Его на дискос, сами окружили престол, и два Серафима и два Херувима, паря над главой Младенца, покрывали ее крыльями своими. При освящении даров и совершении страшного таинства, один из светлейших Ангелов приступил и, взяв нож, заколол Младенца, – кровь источил в святую чашу, а Младенца положил на дискос, потом благоговейно встал в чине своем. По окончании Божественной литургии Нифонт увидел Младенца целым на руках ангельских и вознесшимся на небо[764]. – Подобное видение было некоторому Сирскому монаху, – описано преподобным Ефремом[765]; подобное видение было иноку египетского Скита[766].

И ныне святые Ангелы являются в виде крылатых прекрасных юношей; и ныне души святых человеков являются в образе человека в его теле, в небесной славе; и ныне демоны являются в безобразном, отвратительном и ужасном виде чудовищ, но чудовищ, имеющих образ человека. Такими являются они, когда являются в своем виде; они принимают на себя, как принимали и прежде, образ зверей и гадов, в особенности любимый ими образ змея[767]. Мы помещаем здесь поведание о недавнем событии, которое сообщено нам лицом, заслуживающим полное доверие.

В ямщицком селении Тосне, по дороге из С.-Петербурга в Москву, жил ямщик Федор Казакин, женатый, бездетный, пожилых лет, неграмотный, простодушный, кроткий и вообще хорошего поведения. Он занимался кузнечным мастерством и сам для этой работы выжигал уголья в лесу, версты за три от селения, вниз по течению реки Тосны, на правом берегу ее,

у Дубка. Так называется участок земли по растущему на нем мелкому дубу. Однажды Казакин работал один у угольной ямы. Внезапно, среди дня, он увидел множество бесов *в образе человеков обоего пола*, в необыкновенных разнообразных одеждах, в колпаках. Бесы сидели на бывших тут высоких деревьях и играли на разных музыкальных инструментах, припевая: «Наши годы! Наша воля!» Они делали и другие припевы, которых Казакин не расслушал. Ни крестное знамение, которым Казакин ограждал себя, ни молитва, которой он вооружился, не произвели никакого действия на бесов. Объятый страхом, он покинул работу и побежал домой. Путь к дому лежал по берегу реки, которая от места его работы находилась не более, как во ста саженях; по берегу росли большие развесистые березы. Казакин выбежал к реке и видит на березах бесов, которые играли на инструментах, торжествовали и бесчинно припевали: «Наши годы! Наша воля!» Казакин бежал без оглядки. В расстоянии с версту от места его работы он увидал в третий раз бесов на деревьях; они ликовали, играя на инструментах и припевая: «Наши годы! Наша воля!» Бесы не делали Казакину никаких вопросов и не препятствовали бежать. В сильнейшем расстройстве прибежав к селению, от которого отделяла его река, и видя, что нет на том берегу ни плота, ни лодки, Казакин присел отдохнуть. Между тем стали подавать ему плот с другой стороны. В это время явился у ног его огромный змей, который намеревался уязвить его; но Казакин отскочил от змея. Скоро разнеслось известие о событии по селению. Причетник села Иоанн Андреев[768] слышал лично от Казакина о приключении и признает рассказ его вполне достоверным, так как Казакин по простодушию своему неспособен ни к каким выдумкам. – Ликование бесов имело соответствующие себе последствия. Вскоре после этого (1817 г., 16 окт.) был сильный пожар в селении Тосне: сгорела церковь, три дома священнослужителей и 118 домов обывательских. Затем явился раскольничий учитель Петр Антропов, сильный в слове, большой начетчик; под влиянием его до половины жителей многолюдного села Тосны совратились в раскол.

Западный писатель утверждает, что святые Василий, Афанасий, Иоанн Златоуст, Кирилл, Григорий Нисский и другие восточные отцы признавали сотворенных духов существами *чисто духовными* (**Выписка 4**), то есть, духовными по пониманию Декарта, без вида, без движения, без отношения к пространству. Справедливо ли это?

Святой Василий Великий в книге о Святом Духе говорит: «По отношению к небесным силам, признавай, что по существу они – *духи*, свойства *воздуха или огня невещественного*[769], как свидетельствует Писание: *творяй Ангели Своя духи, и слуги Своя пламень огненный*[770]. По сей причине они и зависят от места, и бывают видимы, являясь достойным этого в собственном *виде, в телесах своих*. Но освящение, которое не принадлежит их естеству, доставляется им чрез приобщение Святому Духу. Сохраняют они свое достоинство пребыванием в добре, имея впрочем свободное произволение избирать добро или зло, но никогда не испадая из общения с истинным добром. Если б отъято было от них действие Духа, то погибли бы лики Ангелов, ниспали бы чиноначалия Архангелов, и все (множество духов) пришло бы в беспорядок: жизнь их уже не подчинялась бы никакому закону, никакому порядку, никакому правилу. Каким образом говорят Ангелы: *слава в вышних Богу*? Не иначе, как получив власть от Святого Духа: потому что *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым, и никтоже Духом Божиим глаголяй речет анафема Иисуса*[771], что конечно сказали лукавые и враждебные духи, которых падение доказывает сказанное нами, что невидимые силы имеют свое произволение, равно способное обращаться к добродетели и порокам»[772]. – «Веруем, что небесные силы, каждое существо, определяются местом. Ангел, который предстоял Корнилию, не предстоял в то же время Филиппу[773]; тот, кто говорил с Захарией близ алтаря[774], не находился в то же время на том стоянии, которое он занимал на небе. Но о Духе Святом мы веруем, что Он действовал в одно время, действовал и в Аввакуме, находившемся в Иудеи, и в Данииле, находившемся в Вавилоне, осенял и Иеремию в

подземной темнице Иерусалима, и Иезекииля на реке Ховар в Халдее: *яко Дух Господень исполни вселенную*[775]*, и камо пойду от Духа и от лица Твоего камо бежу*[776]? И пророк: *Аз с вами есмь, Господь Вседержитель, и Дух Мой настоит посреде вас*[777]. Какое естество должно признавать в Том, Который находится повсюду, и есть едино с Богом? Такое ли, которое все объемлет, или которое определяется известными местами, каково естество Ангелов, как явствует из сказанного?»[778] – В беседе на псалом 33-й святой говорит: «Я объясню тебе страх спасительный, страх, которым доставляется святость, страх, который является в душе от научения, а не от впечатлений извне. Когда увидишь, что ты влечешься к какому-либо греху: «тогда, умоляю тебя, помысли о страшном и невыносимом Судилище Христовом, при котором Судия восседает на высоком и превознесенном Престоле, и вся тварь предстоит Ему в трепете, производимом славой Его явления. Каждый из нас – это непременно последует – будет приведен пред Него, и деятельность жизни каждого из нас подвергнется рассмотрению. После этого к тем, которые совершили во время жизни много зла, приступят некие страшные, угрюмые ангелы, *испущающие огнь из очей своих, огнем дышащие, лицом подобные ночи, по выражению им* жестокости и ненависти к человекам. После этого вообрази себе глубокую пропасть, непроницаемую тьму, огнь, лишенный сияния, имеющий силу жечь во мраке; далее: особенную породу червей ядовитых и плотоядных, едящих ненасытно и никогда не наедающихся досыта, производящих угрызениями нестерпимые болезни; наконец, наказание, тягчайшее всех, проклятие и отвержение вечные. Этого страшись! Научаемый этим страхом, удерживай как бы уздой твою душу от нечистых вожделений»[779]. – О естестве диавола Василий говорит, что «оно – *бесплотное*, по словам апостола: *несть наша брань к плоти и крови, но к духовом злобы*[780]… Место начальства его (диавола) – воздух, как тот же апостол сказал: *по князю власти воздушныя*»[781]. Далее в этом же слове святой Василий говорит, что *полчища демонов*, подчиненных князю их, пребывают *в воздухе*, что под словом *воздух* надо разуметь все про-

странство между небом и землею[782]. – «Демоны, как преданные сластолюбию и страстям, в значительной степени наслаждаются и питаются жертвами. В то время, как сожигаются жертвы, кровь превращается чрез горение в испарения, и, разложившись таким образом на тонкие части, переходит в состояние, соответственное естеству демонов. Всеконечно они питаются испарениями, не так, чтоб они их ели, или наполняли чрево, но подобно некоторым животным, устрицам и прочим этого рода, которые принимают пищу всем существом своим. По этой причине демоны с жадностью пожирают газы, происходящие от горения жертв, и втягивают в себя дым курящегося ладана, как вещества, приспособленного им в пищу. Может быть, в животных находится некоторое естественное сродство с *телами демонов*[783]. – *Возрыдайте изваянная во Иерусалиме и в Самарии: якоже бо сотворих Самарии и рукотворенным ея, тако сотворю и Иерусалиму и кумиром его*[784]. Каким образом восплачут изваяния, сделанные из дерева, камня или другого какого-либо вещества и получившие от художника образ и вид человеков или бессловесных животных, четвероногих, или птиц, или пресмыкающихся, каковы были статуи и изваяния египтян? Рыдание есть голос печали, которая звуком этого рода выражает болезнь сердца. Каким же образом возрыдают *изваянныя*? Совершается это так: обрубкам древа, которым руками человеческими дан образ и вид, или камням, или также золоту и серебру, или слоновой кости и вообще всем идолам, сделаны ли они из драгоценного или дешевого вещества, всем идолам, которым язычники воздают поклонение, невидимо сожительствуют и соприсутствуют некоторые демоны, находящие наслаждение в нечистых жертвах. Близ мясных лавок, там, куда выбрасываются испортившаяся и запекшаяся кровь, пребывают псы (собаки), лакомые до этого рода пищи: подобно этому и демоны, порабощенные объядению, жадно ищущие наслаждения запахом и разложением крови жертвоприношений, летают вокруг жертвенников статуй, им посвященных. Может быть, даже питаются этим их тела, состоящие из воздуха или огня, или из смешения обеих этих стихий. Ясно вына-

руживается власть демонов над статуями, им посвященными, повестью, которую читаем в книге Царств. *Взяша иноплеменницы кивот Господень, и внесоша его в храм Дагонов, и поставиша его близ Дагона. И обутреневаша Азотяне наутрие, и се, Дагон паде на землю на лице свое*[785]. Изваяние, видимое для всех, был Дагон; упавший же на лице свое был демон, ниспровергнутый славою, окружавшей кивот Божий: он-то (демон) и пал на лице свое, а с собой ниспроверг и опрокинул видимую вещь. По этой причине употребляющие в пищу идоложертвенное признаются причастниками трапезы демонов[786]. Когда приносится жертва идолу, то некоторая часть ее назначается присутствующему тут демону, так как демоны усваивают себе некоторую часть и от крови, обращающейся в воздух (в газ), и от курящегося тука, и из прочих жертвоприношений. И потому тот, кто пьет из чаши возлияния, употребляемого при жертвоприношении, пьет из чаши *бесовстей*[787]. По этой причине возрыдают изваяния, то есть демоны, которые обозначаются одним именем с изваяниями. Когда предвозвещается, что *Господь приидет во Египет, и потрясутся рукотворенные (идолы) Египта от лица Его, и сердца их разслабеют в них*[788], то это изречение имеет тот же смысл, какой имеют вышеприведенные изречения: потому что демоны, жительствовавшие в этой стране, были изгнаны и сокрушились, и, когда пришел Господь, посланы были в принадлежащее им место, в бездну. По этой причине *проклят человек, иже сотворит изваяние и слияние, дело рук художника, и положит е в сокровении*[789]; стяжав изваяние, человек стяжавает себе злое сокровище, то есть демона, соприсутствующего изваянию, а посредством демона навлекает на себя проклятие, и домашнее и общественное»[790].

Нелишним будет заметить, что Василий Великий изображает отношение демонов к газам, происходящим от разложения жертв, вполне сходственно с описанием этого отношения в Божественном Писании[791]. Также согласно с Божественным Писанием он видит сходство в свойствах демонов с плотскими свойствами бессловесных животных. Туда ниспали эти ду-

хи! Утратив безвозвратно все стремления, для которых созданы Богом разумные существа, они стяжали неестественные им стремления скотские и зверские. Сохранив разум, демоны, при посредстве его, развили в себе необычайно эти стремления, – и называет Писание диавола *мудрейшим всех зверей, сущих на земли*[792].

Некоторых латинских ученых, рассматривающих отеческие Писания из своего самомнения, из учености по букве, из учености односторонней и недостаточной, из слепоты своей, чуждых духа отцов и истинного разумения их, возмутило мнение святого Василия Великого о духах, встречающееся в разных местах его сочинений. Они покусились утверждать, что эти места не принадлежат Василию, приписали их, с дикой улыбкой невежественной иронии, воображению поэта-язычника. Но другие из них же доказали, что это легкомысленная попытка не имеет никакого основания, что заподозренные места принадлежат именно Василию, что места тождественного значения встречаются и у святого Григория Богослова[793].

Святой Григорий Богослов в слове на Святую Пасху говорит: «Благость Божия не удовлетворилась созерцанием Самой Себя: долженствовало ей излить и распространить благо, чтоб многие соделались причастниками благости, а это свойственно величайшей благости. Она, во-первых, измыслила Ангелов и небесных духов. Мысль была делом, которое производилось Словом, совершалось Духом. Таким образом сотворены вторые светы, служебные первому Свету. Надлежит признавать их духом (движущимся воздухом, ветром), одаренным умственной способностью (силой словесности), или огнем невещественным и бестелесным, или какою другою природою, ближе подходящей к сказанному»[794]. Мы называем духом ум, мысль и чувства души, происходящие от ума; но святой Григорий под словом дух и огонь, как ясно видно, понимает, по общему пониманию древних, вещество в состоянии газов, а не в грубом состоянии, которое одно называлось телесным и вещественным. Такое мнение Богослова о духах объясняется и другими местами его сочинений. Употребляя для определения

естества духов те же выражения, которые употреблены другом его Василием Великим, Григорий основывает свое определение на том же изречении Писания, на котором основывается и Василий. «Бог, как предает нам Священное Писание, – говорит Богослов, – сотворил *Ангелы Своя духи и слуги Своя пламень огненный*[795]. Ангел называется и духом и огнем… Несомненно, по отношению к нам они бесплотны, или близки к тому… Непрестающим ликом песнопевцев они окружают первоначальную Причину или приносят нечто большее, по способности к тому, нежели песенное славословие, осияваясь чистейшим светом, разнообразно озаряясь им соответственно или естеству своему или чиноначалию… Будучи служителями[796] воли Божией, не только по естественной способности, но и по обилию благодати, они переносятся на все места и всем соприсутствуют повсюду, как по быстрому исполнению служения, так и по *легости естества*»[797]. Здесь изображено определение духов, заимствованное из Священного Писания, которое называет, в этом случае, духом газообразное вещество; здесь изображается отношение духов не только к месту, но и ко времени, так как на перемещение с место на место требуется время; наконец, здесь быстрота движения Ангелов приписывается их естественной легкости, а *легость как степень тяжести есть свойство существа.* В слове на Богоявление Богослов повторяет то же учение о Ангелах. Он называет их *разумными* духами или огнем невещественным и бесплотным, или же какого другого естества, близко подходящего к этому[798]. Очевидно, что здесь указывается на газообразное вещество, которое древним было неизвестно. Почему Ангелы названы духами, одаренными разумом? Потому что древние, не зная о существовании теплорода, называли огнем видимое пламя; очень недавно поняли, что пламя есть только *явление* при соединении вещества с теплородом. Почему Богослов говорит, что естество Ангелов, если не дух и не огонь, то близко подходит к этому? Потому что существование газов не было известно, и более точное выражение не было возможным. Что, как не газы, близко подходит к движущемуся воздуху и к огню невидимому? И мы мо-

жем сказать немного более! Нам, в обыкновенном состоянии нашем, неизвестно ни одно животное газообразное. Зная газы, принадлежащие земле, и умозаключая о существовании эфира или собрания газов, не принадлежащих земле, мы можем только сказать, что Ангелы принадлежат к природе эфирной или газовой. И газы, и эфир мы признаем, по современному состоянию науки, веществом; древние признавали их духами, как и теперь по общему употреблению газы, имеющие запах, называются духами. На иностранных языках словом дух (Spiritus, спирт) обозначаются некоторые жидкие тела. – Чтоб выяснить по возможности удовлетворительно понимание духов Григорием Богословом, присовокупляем еще следующую выписку о том, каким образом римский император Иулиан богоотступник вступил в открытое общение с демонами: «Нисходил он (Иулиан) в некоторую пещеру, всем неприступную и страшную (о когда бы низшел он в преисподнюю прежде, нежели низвергся в толикие злодеяния!), имея спутником того, который достоин был многих темниц, то есть, человека искусного в этих делах и опытного, правильнее же – лжефилософа и обманщика. У них есть между прочим род волхвования, в котором они совещаются о будущем с подземными демонами в мрачных пещерах, или потому, что им приятнее темнота, или потому, что сами – тьма и делатели дел темных, или же потому, что убегают общества и присутствия благочестивых человеков, отчего ослабляется сила их. Когда великий муж[799] углублялся в пещеру, то начали встречать его ужасные привидения и постепенно становиться многочисленнее и сильнее; говорят, что он услышал необычные звуки, отвратительный запах, увидел огненные страшилища, и не знаю еще какую пустошь и сумасбродство. Он, встревоженный новостью обстановки, как новый в этом деле, прибегнул к древнему врачеству, к кресту, ознаменовал себя им в ограждение от ужасов, приняв себе в защитника Того, Кого он преследовал. Следующее – еще ужаснее. Знамение креста оказало свою силу: пали демоны, прогнаны страшилища. Что за этим? Отдохнул нечестивец, – снова ободряется, снова пытается проникнуть

далее в пещеру, снова являются страшилища, снова прибегает к крестному знамению, снова обуздываются демоны. Ищет совета у своего руководителя недоумевающий ученик: предстоятель этих тайн, шедший возле него, злохитро перетолковывает истину. Мы были мерзостны для них, а не страшны, сказал он: преодолело худшее. Такие слова произнес он, и такими словами убедил; убежденного ученика он повел в глубину вертепа. Этому не должно удивляться. Нечестивый скорее и удобнее последует злу, нежели преклоняется к добру. Что он говорил или делал после этого, или какими обманами был обольщен, прежде нежели вышел из пещеры, то знают те, которые частью вводят других в эти таинства, частью сами вводятся. Он вышел исступленным, достаточно выражая ярым взором и всем существом своим, кому он воздал божеское поклонение. Но он, не с того самого дня, в который впустил в душу свою толикое нечестие, был преисполнен демонами. Правда – тогда это открылось явно. Не напрасно сходил он в пещеру: там вступил он в общение с демонами. Это состояние они называют энтузиазмом, прикрываясь честными и великолепными наименованиями»[800]. – В похвале святому Киприану Богослов говорит: «Что удивительного, если он (диавол) при посредстве Киприана напал на святую душу и на тело непорочное?[801] Сам Киприан действовал на нее и употребил посредником (деятелем) не какую-либо старую женщину, способную для таких дел, но некоторого демона, любителя тел и плотских похотений. Мятежные и враждебные власти охотно и поспешно исполняют таковые служения, ища умножить число участников своей погибели. Такого сводничества наградой были жертвы и возлияния, приведенные в утонченный вид и в испарениях от крови и жертвоприношений приспособленные к демону»[802].

Чтоб правильно понимать и объяснять отцов, писавших при содействии Божественной благодати и при пособии аскетических опытов, нужно содействие и этих опытов, и благодати. Просвещенные благодатью, отцы уклонились от многих понятий, особливо в отношении существенного, которые представляла им современная младенчествовавшая

наука о веществе. Они произнесли мнения, которые наука, при новейшем необычайном развитии своем, находит самыми верными, как то видно на всем пространстве Шестоднева Василия Великого. Святой Каллист Катафигиот, просвещенный подвигом умной молитвы, даже не остановился сказать, что один Бог есть существо собственно простое[803]. Принимающиеся судить о веществе, не имея о нем основательных познаний, приводятся посредством неправильного суждения к неправильным заключениям. Такие господа с величайшей уверенностью провозглашают о мире видимом и невидимом, полагая, что такое понятие есть неопровержимая аксиома, никак не понимая, что это разделение – вполне относительно, что, в сущности, нет его. Что значит мир видимый? Это тот, который мы видим. Что – мир невидимый? Это тот, который мы не видим. Христианство, изучаемое по завещанию Спасителя, путем всежизненного аскетизма, приводит к познанию, что чувства наши извращены падением, подвержены переменчивости, и потому никак не могут служить нормой для упомянутого разделения; оно никак не может быть правильным. Наука приходит к подтверждению этого понятия, распространяя различными механическими средствами область нашего зрения, и соделывая посредством увеличительных стекол, телескопов и микроскопов многое невидимое видимым. При таком понятии о мирах видимом и невидимом, непременно должно измениться понятие о веществе. Оно и изменилось при современных успехах химии: многое, казавшееся невещественным, оказалось вещественным. Очевидно, что вещество простирается за пределы наших чувств на неизмеримый объем в бесчисленных, неизвестных нам формах, под управлением законов, недоступных для постижения нашего. Наука приводит к этой великолепной идее, к этой величественной истине, при которой открывается для ума обширнейшее, священное созерцание, при которой созерцается с особенной ясностью и правильностью в таинственной картине видимого мира наше ничтожество и величие Творца – Бога.

Святой Афанасий Великий следует тому же учению о духах, какое изображено Василием Великим. Подобно Василию Великому он говорит, что духи имеют *тонкие и легкие тела*, что, имея такие *тела*, быстро переносятся с место на место, что место жительства демонов есть воздушное пространство, что вид у демонов страшный, как у разбойников, а у святых Ангелов – самый приятный. Святой Афанасий составил жизнеописание преподобного Антония Великого, с которым он был знаком лично и находился в дружеском общении о Господе. В этом жизнеописании преподобного святитель Александрийский передает очень пространное поучение преподобного о духах и разные искушения, которые он претерпел от них[804]. Мысли принадлежат Антонию – изложение принадлежит Афанасию. Но мысли преподобного святитель усвоил себе, и повторяет многие из них на всем пространстве своих сочинений уже от лица своего. Святой Афанасий называет Ангелов бесплотными по сравнению с человеками[805]. Благ, говорит он, Сам по Себе един Бог; Ангелы – благи по причастию Божественной благодати[806]. Они – существа живые, разумные, бесплотные, способные к песнопению, бессмертные[807]. Естество демонов нисколько не отличается от естества Ангелов; они различаются усвоенным произволением подобно тому, как у праведного человека – одно направление духа, а у грешника – другое[808]. Говоря о книге Товита и причисляя ее к каноническим книгам Священного Писания, святой Афанасий упоминает о демоне Асмодее, который любил Сарру, дочь Рагуила, и убивал мужей ее; приводит слова Архангела Рафаила, сопутствовавшего Товии в образе человека, что печень и сердце рыбы, будучи возжжены, прогонят демона. Прогнанный этим курением, демон был связан Ангелом в верхних частях Египта[809].

Диавол, враг нашего рода, ниспавши с неба, блуждает в пространстве этого нижнего воздуха, где, начальствуя над другими демонами, как над сделавшимися непокорством и гордостью подобными ему, при содействии их, обольщает человеков привидениями, и старается воспрепятствовать тем, которые

стремятся горе, о чем апостол говорит: *по князю власти воздушныя, духа, иже действует ныне в сынех противления*[810]. Господь низшел с неба, чтоб низложить диавола, очистить воздух и открыть нам путь к небу *завесою, сиречь плотию Своею*[811]. Если это долженствовало совершиться при посредстве смерти, то какой иной смертью, скажи мне, могло это привестись в исполнение, как не той, которую понес Господь на Кресте в воздухе? Умирает в воздухе только тот, кто полагает душу на кресте. По этой причине Господь понес такую смерть согласно требованию нужды. Таким образом вознесенный вверх, Он очистил воздух от козней диавола и всех демонов, что и засвидетельствовал Он следующими словами: *Видех сатану, яко молнию с небесе спадша*[812].

«Когда оракулы Греции и всего мира прекратились и умолкли, как не по пришествии Спасителя на землю? Когда начали понимать, что боги и герои поэтов – человеки, и по этой причине презирать их, как не после победы Господа над смертью, причем Он принятое Им тело воскресил из мертвых и сохранил нетленным? Когда оказалось удобопрезренными лукавство и ярость демонов, как не по явлении на земле Слова, Божией Силы, Господа всего и их, умилосердившегося над немощью человеков? Когда искусство и училища волхвов попраны, как не после пришествия к человекам Божественного Слова? Наконец – когда мудрость язычников соделалась глупостью? – После того, как истинная Божия Премудрость открыла Сама Себя на земле… Прежде вселенная была преисполнена обманами оракулов и ложными понятиями человеков. Предметом удивления для всех были оракулы Дельф, Додоны, Виотии, Ликии, Египта и Кавир, равно как и Пифии; но ныне, когда повсюду проповедуется Христос, совершенно прекратилось их неистовство, и нигде между ними уже не обретается пророка. Прежде демоны вводили в заблуждение умы человеков различными привидениями, пребывая в источниках и реках, в древах или камнях[813], и невежественных смертных устрашали призраками. Эти кознодейства увяли по пришествии Божественного Слова»[814].

«Супостат наш диавол[815], завидуя великим благам, которые мы должны получить, ходит вокруг нас и тщательно наблюдает, чтоб похитить семена Слова, находящиеся в нас. По этой причине Господь, предостережением, запечатлевая в нас Свои заповеди, как собственное сокровище, говорит: *Блюдите, да не прельщени будете: мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще, яко Аз есмь, и время приближися. Не изыдите убо во след их*[816]. Без сомнения нечто великое предоставлено нам Словом: нам предоставлено избегать обмана, который мог бы быть произведен *наружным видом* представляющихся предметов, и мы действием благодати Духа можем правильно судить об этих предметах, несмотря на то, что они прикрыты и замаскированы. Если бы великий демон, диавол, изобретатель злобы, достойный сам по себе всякой ненависти, тотчас открывал себя: то каждый отгонял бы его, как змея, как дракона, как льва, ищущего похитить и пожрать кого только можно. По этой причине он прячется и прикрывает себя, лукаво присваивает себе имя, вожделенное для всех человеков, чтоб обмануть человеков ложной наружностью и уже обманутыми заковать в свои цепи. Как кто-либо, желающий увлечь чужих детей в рабство себе, принимает, в отсутствие родителей их, подобие этих родителей, при посредстве этой хитрости обманув горящих любовью к родителям сынов, уводит их далеко, и погубляет несчастных: так и нечестивый демон, извивистый и лукавый диавол, не дерзает показываться кому-либо таким, каким он есть; зная же, сколько человеки любят истину, принимает на себя личину правды, и этим средством изливает яд свой в последователей своих».

«Так обманул он некогда Еву, говоря ей не свои слова, но притворяясь повторять слова Бога и извращая их смысл[817]. Так обольстил он супругу Иова, научил ее излишеству любви к мужу, а отсюда хуле на Бога[818]. Так обольстил и обманул он всех людей, извращая наружный вид предметов, и всех похитил и увлек в пропасть зла, собственно принадлежащего ему. После того, как он обольстил первого человека и посредством этого пришел к сознанию, что содержит в своей власти в сво-

ем подданстве весь род человеческий, – произнес жестокое и надменное наругание над ними в следующих словах: *вселенную всю обыму рукою моею яко гнездо, и яко оставленная яица возму, и несть, иже убежит мене, или противу мне речет*[819]. Когда же пришел Господь, когда враг узнал из опыта Его домостроительство, и не мог обмануть плоть, в которую облекся Христос, тогда гордец, хвалившийся, что обхватит вселенную, соделался, при посредстве Христа, игралищем даже для детей, наподобие воробья. Ныне *отроча младо на ложе исчадий аспидских руку возложит*[820], насмехается тому, кто обманул Еву, и все, право верующие в Господа, попирают того, который сказал: *Взыду выше облак, буду подобен Вышнему*[821]. Не без стыда выносит он это; но по могущественной дерзости своей он покушается изменять вид свой. Несмотря на это, не может он, несчастный, укрыться от тех, которые знаменуются крестным знамением на челе своем: тем жесточе отгоняется он ими, с великим бесчестием и срамом для себя. Хотя он ныне, подобно пресмыкающемуся змею, облекается притворно в образ светлого ангела, но такое притворство не может принести ему никакой пользы: мы научены, что хотя бы Ангел с неба благовестил нам более преданного, то и он подлежит анафеме».

«Опять если он захочет прикрыть свойственную ему лживость и притворяется устами произносить правду, то мы не знаем его цели в этом действии и по справедливости отвергаем его словами, заимствованными у Святого Духа: *Грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя?*[822] *Не красна похвала во устех грешника*[823]. Лукавый, если б и правду говорил, не заслуживает вероятия, как научает этому Писание, поведая о коварстве, которое он употребил против Евы. Дерзость его обуздал Господь; во-первых, в горе, где обличил многообразную злохитрость его, показал, что он – состаревшийся в лукавстве, назвав его не кем-либо из святых, но сатаной. *Иди за Мною, сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послужиши*[824]. Во-вторых, он повелел демонам молчать, когда они вопияли из одержимых ими. Воплем своим они провозглашали правду;

они не лгали, когда говорили: *Иисусе, Сыне Божий и Святый Божий*[825]. Господь не благоволил, чтоб истина проповедовалась нечистыми устами, особливо же устами демонов, чтоб они, воспользовавшись этим случаем, не примешали, по злому произволению, чего-либо своего и не насеяли его *спящим человеком*[826]. По этой причине Он не потерпел, чтоб они говорили, и нам не дозволил попускать им это, сделав Сам наставление в следующих словах: *Внемлите от лживых пророк, иже приходят к вам в одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы*[827]; а чрез святых апостолов: *не всякому духу веруйте*»[828]. Очевидно, что изложенные здесь мысли тождественны с мыслями, которые читаем в поучении Антония Великого. Находящееся в этом поучении мнение, что сотворенные духи имеют легкие тела, без сомнения принадлежит не только Антонию, но и Афанасию: в противном случае святитель не преминул бы оговорить его. Вещественность сотворенных духов явствует из описания тех искушений, которые понес от них Антоний Великий. Как эти искушения помещены в житии Антония Великого в Четьих-Минеях[829], то мы здесь и не выписываем их. Подобные искушения претерпели многие отшельники и пустынножители.

Святой Епифаний Кипрский, скончавшийся на корабле, плывя из Константинополя в Кипр, так говорил ученикам своим в предсмертной прощальной беседе: «Чада мои! Если вы любите меня, то сохраните мои заповеди, и любовь Божия пребудет с вами. Вы знаете, чрез какие скорби я прошел в жизни моей! Скорби эти я не вменял в скорби, но, подвергаясь им, всегда пребывал радостным по причине упования на Бога, и Бог никогда не оставлял меня, но Сам охранял от всяких козней лукавого. *Любящим Бога вся споспешествуют во благое*[830]. Однажды, возлюбленные чада мои, когда я находился в пустынном месте и приносил молитвы Христу, чтоб Он избавил меня от всех козней сопротивника, – напало на меня множество демонов. Они ударили меня о землю и, схватив за ноги, влачили по земле. Некоторые из них били меня. Так поступали они со мной в течение десяти дней. После этого я уже не видел

демонов *в собственном их виде* во все дни жизни моей; но они чрез людей изливали на меня свою злобу»[831].

Древние отцы, как мы видели из цитаты святого Кирилла Иерусалимского, согласно с Священным Писанием и по общему употреблению называли духом воздух, ветер – словом все, что не имеет дебелого тела. Для доставления возлюбленным братьям самого удовлетворительного понятия о мнении древних отцов о духах, предлагаем здесь учение святого Афанасия Великого о теле и душе человеческих. «Известно, – говорит святитель, – что тело заимствует состав свой от стихий; равным образом от них зависит и разрушение его. По этой причине тела, как человеков, так и прочих животных, удобно умирают, будучи составлены из четырех стихий, именно из земли, солнца, воды и воздуха. Стихии эти и сами не свободны от обветшания и порчи: таким же образом не свободны от них и тела, так как все тела сделаны из земли. Напротив того, вещества простые, несложные, удобно сохраняются и пребывают до окончания неразрушенными. Таковы солнце, человеческая душа, свет, светила, воздух, вода, огонь, дух, словом – все простое». О душе же говорит следующее: «В ней находится пять страстей, называемых душевными. Они суть гнев, печаль, страх, попечительность, зависть. Кто стяжал трезвение ума, тот может властвовать над этими страстями. Собственно душа, по существу своему, есть *как бы огонь горящий*. Как огонь сваривает то, что будет положено в кастрюлю, таким образом и огненная душа переваривает и истребляет пищу, вложенную в чрево. Хотя она и называется ψυχή» (душа), но называется так не потому, чтоб была, ψυχρά, то есть *холодная*, как думают некоторые из простейших. Явствуют в ней сила и действие солнца из того, что она иссушает сырое силой теплоты своей. Солнце, будучи огненным и жарким, иссушает болотные места, и что бы то ни было наполненное сырости разрешает испарениями. Что душа по естеству своему тепла, в этом несомненно и опытно уверят тебя мертвые, потому что в тот час, когда отделится душа от тела, все члены объемлются холодом, нисколько не менее, как от действия мороза. Доколе душа принимает пищу в изобилии, дотоле тело находится в силе и бодро; когда же лишится питания, тогда самое тело служит вместо пищи теплоте души. Как медный сосуд или кастрюля в затопленной печке, не наполненные водой, не могут выносить силы огня, потому что они сожигаются и совершенно разрушаются: таким же образом и сосуд телесный, если подвергнется недостатку в питании, непременно разрушится, будучи приведен в совершенное расслабление огненной душой. Если желаешь научиться от кого, каким образом душа пребывает в теле; то вопроси его так: скажи мне, во всем ли теле обитает душа человека, или в какой-нибудь части тела? Если он скажет тебе: во всем теле, отвечай ему: отчего же, когда отсекут руку или ногу человека, не рассекается душа, но человек продолжает жить, не умирает? Если же скажет: в одном месте, то отвечай ему: каким же образом существуют все прочие члены? Потому что все, что лишено души, – мертво, и я не знаю, что ты хочешь сказать. Но я объявлю тебе, в каком месте, по какой причине и где пребывает душа. Положительно присутствует она в трех местах тела. Как луч солнца вступает и входит в дом всегда в одном месте и освещает весь дом, так и душа, обитая в трех частях тела, освещает весь дом тела. Именно обитает она в сердце, в высшей части головы и в царских жилах. В этих трех частях живет душа. По этой причине в тот час, как поразится голова, или сердце, или когда вытечет кровь в большом количестве из царственной жилы, немедленно отлучается душа от тела, и тело соделывается мертвым. Душа, подлинно обитая в этих трех частях, разливает во все тело действие своей силы»[832].

Мнение, изложенное святым Афанасием Великим, мужем просвещеннейшим своего времени, достойно особенного внимания. Достойно внимания оно по преимуществу в наше время, когда рационализм Декарта пал, или исповедуется одними отсталыми личностями, незнакомыми с настоящим развитием наук, объясняющих вещество. Из изложения, сделанного Афанасием о значении тела и души, явствует со всей очевидностью, что древние называли простым. Они называли простым то, что не было разложено на составные части, к раз-

ложению чего не имелось в виду никаких средств. Понятие и изображение словом понятия – очень естественные! Вода, воздух, дух, душа назывались простыми в одном и том же отношении. Появилась химия и извратила понятия о веществе, определив сложность в том, что признавалось простым, доказав вещественность в том, что признавалось невещественным, достигнув самым точным, математическим процессом познания, что все, кроме бесконечного, вещественно. Этим познанием наука сошлась в одно мнение с мнением Священного Писания и святых отцов, которые отделяют существо Бога бесконечным расстоянием от всех сотворенных существ, как по естеству, так и по свойствам. Все замысловатые предположения, весь великолепный бред философов, незнакомых с положительными науками, отвергается и низлагается в прах положительными науками[833]. Присутствие теплорода в душе, указываемое святым Афанасием, хотя не может быть принято в том виде, в котором оно находится в сочинении, будучи основано на современном состоянии познаний о веществе, но и не может быть признано странностью и нелепостью, как должны признать его декартисты. Все газы, нам известные, эти невидимые и тонкие тела, содержат в себе теплород. Афанасий признает, на основании известных ему опытов, присутствие души в трех главных отделах тела; во всех членах он признает действие души, отвергая присутствие ее. Новейшие опыты единогласно свидетельствуют, что душа присутствует во всех членах тела; но жизнь присутствует там, где указал святой Афанасий. Все человеки, без всякого исключения, лишившиеся рук или ног, чувствуют явственно присутствие этих членов, чувствуют способность действовать ими. Некоторые полагают, что это – игра нервов. Несправедливо! Нервы действуют только в теле; действовать вне тела они не имеют никакой возможности: это – ясно ощущаемые члены души, с способностью действия, которая остается без употребления, по причине соединения главных частей души с телом.

Святой Иоанн Златоуст: «Ты желаешь видеть Ангелов и вместе мучеников? Открой очи веры и смотри на это зрелище.

Ибо если весь воздух наполнен Ангелами, услышь, что говорит апостол, увещевая жен, чтоб они покрывали головы. *Сего ради*, говорит он, *должна есть жена власть имети на главе Ангел ради*[834]. Опять Иаков: *Ангел, иже избавляет мя от всех зол*[835]. И те, которые были в доме с апостолами, говорили отроковице Роди: *Ангел его есть*[836]. И опять Иаков *виде полк Божий воополчившийся: и сретоша его Ангели Божии*[837]. Но для чего полк и множество Ангелов на земле? Как царь повелевает размещать своих воинов по всем городам, чтоб где-либо не наступила война, и они не подверглись неожиданному нападению: так и Бог противопоставляет полки Ангелов жестоким и свирепым демонам, врагам мира, которые непременно возбуждают брани в этом воздухе, чтоб Ангелы останавливали демонов, только что они покажутся, а для нас сохраняли постоянный мир. А чтоб ты научился, что Ангелы суть Ангелы мира, услышь, что диакон постоянно говорит в молитве: *Ангела мирна просим*»[838]. Святой Иоанн Златоуст, отвергая мнение тех, которые утверждали, что Ангелы совокуплялись с дщерями человеческими, называет Ангелов *бесплотными*, не имеющими способности к деторождению, основывает последнее мнение свое на словах Господа: в *воскресении бо ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть*[839]. Златоустый говорит, что каждый человек имеет своего Ангела; он доказывает свое мнение словами иерусалимских христиан: *Ангел его есть*[840]. В беседе 53 на евангелиста Матфея Златоустый говорит: «Заключенный тогда предается наибольшей скорби, когда выводят его пред судилище; тогда наиболее трепещет, когда приближается к месту истязания, когда он должен дать ответы. Подобно этому многие поведают о страшных видениях, представляющихся в это время (при смерти), которых зрелища умирающие не будучи в состоянии выносить, потрясают с великим усилием самый одр, на котором лежат, смотрят на предстоящих извращенными от страха глазами, когда душа мятется сама в себе, не хочет выдти из тела, не выносит *взора* приближающихся *Ангелов*. Если мы трепещем, когда смотрим на страшных людей, то какому подвергнемся страху, когда

увидим сошедшихся *Ангелов и свирепыя силы*, когда душа будет отторгаться от тела, напрасно и много рыдать?» В слове о непостижимом Златоустый говорит: «И что говорю я об оном блаженном существе (Божества), когда человек *не может свободно* видеть даже *существа ангельского*. Чтоб вы поняли, что это так, приведу в пример друга Божия, который был наделен за его мудрость и праведность великим мужеством, о котором повествуется, что он сделал много славных дел, именно святого Даниила, чтоб никто не полагал, когда покажу, что он после явления ему Ангела впал в расслабление, лишился сил и изнемогал, что он подвергся этому по причине грехов и лукавой совести. После того, как доказана крепость его духа, тем яснее доказывается немощь самого естества. Итак, этот Даниил постился в течение трех недель, не вкушал вожделенного хлеба; вино, мясо и сикера не входили в уста его, ниже употреблял он помазания: и тогда был сподоблен видения, когда *душа* его соделалась к такому созерцанию способнее, при посредстве поста легче и духовнее. И так что он говорит? *Возведох очи мои и видех, и се муж един облечен в ризу льняну,* то есть, в священную одежду, *и чресла его препоясана златом светлым. Тело его аки Фарсис, лице же его аки зрение молнии, очи же его аки свещы огненны, и мышцы его и голени аки зрак меди блещащияся, глас же словес его аки глас народа. И видех аз Даниил един явление, а мужи, иже со мною, не видеша явления, но ужас велий нападе на них, и отбегнуша в страсе. И не оста во мне крепость, и слава моя обратися в разсыпание*[841]. Что значит это: *слава моя обратися в разсыпание?* Прекрасен собой был юноша (Даниил): поелику же страх от присутствующего Ангела произвел то, что, по образу умирающих, изменился его наружный вид и увял естественный цвет лица, то он сказал: *слава моя обратися в разсыпание*. Что же Ангел? Поднял его, и сказал: *Данииле, мужу желаний, разумей в словесех сих, яже аз глаголю к тебе, и стани на стоянии Твоем, яко ныне послан есмь к тебе*[842]. Он встал, объятый трепетом. И когда Ангел опять начал говорить с ним, и сказал: *от первого дне, воньже подал еси сердце твое, еже разумети и трудитися пред Господем Богом*

твоим, услышана быша словеса твоя, аз же приидох в словесех твоих[843], – Даниил снова упал на землю по подобию умирающих. Да услышат это те, которые по любопытству доискиваются видения Ангелов! Даниил, пред которым почтительны были взоры львов, Даниил, который мог в теле человеческом делать то, что превышает человека, не перенес присутствия сослужителя, но лежал без чувств. *Обратися утроба моя, в видении моем, и не имех силы и дыхание не оста во мне*»[844]. В толковании на 41 псалом Златоуст говорит: «Сколько *демонов* носится в этом *воздухе*? Сколько противных властей? Если б только позволил им Бог показать нам их *страшный и отвратительный образ*: то не подверглись ли бы мы умопомешательству? Не погибли бы?»[845] В беседе 34 на евангелиста Матфея Златоуст говорит, что «демоны скитаются по гробам». Отношение демонов к приносимым им жертвам Златоуст изображает в слове о святом Вавиле, против Иулиана и язычников. Поведав обстоятельства, давшие им повод к построению капища Аполлону в Дафне, предместии Антиохийском, Златоуст говорит, что диавол, воспользовавшись баснословным преданием, поместил в капище демона, для обольщения и погубления людей. Демон, присутствуя при идоле, давал провещания, которыми поддерживались заблуждения язычников. В Дафне были перенесены мощи священномученика Вавилы, и демон сперва умолк, а потом, когда прекратились жертвоприношения ему, и вовсе удалился из капища. «Таков обычай у демонов», – присовокупляет Златоуст: «Когда воздают им человеки божеское поклонение *вонею и дымом крови*, тогда они, подобно кровожадным и ненасытным псам, пребывают в тех местах *для питания и наслаждения* (этими вонею и дымом). Когда же никто не приносит им таких жертв: тогда они пропадают, как бы *от голода. Доколе приносятся жертвоприношения*, доколе совершаются скверные тайнодействия… *дотоле демоны присутствуют и увеселяются*»[846].

Подобного мнения о духах святой Кирилл Александрийский, как это видно из слова его на исход души, приведенного в «Слове о смерти». Святой Кирилл называет демонов

страшными, дикими, жестокими, немилостивыми, бесстыдными, *гнилыми, подобными мрачным муринам*. Он говорит, что душа умирающего видит их, что душу, исшедшую из тела, держат святые Ангелы, что она с ними проходит чрез воздух от земли к небу, что злые духи препятствуют этому восходу, обличая душу в содеянных ей грехах, что святые Ангелы стоят против демонов и препираются с ними о душе, что она, находясь посреди Ангелов и демонов, в трепете ожидает, чем кончится истязание ее и состязание о ней духов между собой. Святой говорит, что благочестивые души восходят к Богу, а душу отверженную, по причине ее греховности, воздушные демоны получают во власть свою, начинают бить ее без милосердия, низводят с воздушного пути на землю, разверзают землю, низводят душу во внутренность земли и заключают там в темницы адские для вечного мучения.

Святой Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской, говорит: «Никакого нет сомнения, что бесов – многое множество: все святые утверждают, что воздух наполнен ими»[847]. – «Змей этот (диавол) цвета чермного (красного), чем изображается его убийственное и кровожадное свойство, или его ангельское огненное естество, хотя он и отчуждился от Ангелов»[848] произвольно усвоенными качествами.

Святой Григорий Двоеслов говорит много о загробной жизни и о духах. Мы избираем немногое из многого, особенно замечательное, особенно служащее к доставлению определенного, по возможности, понятия о духах. В беседе на евангельскую притчу о десяти девах Двоеслов рассказывает следующее событие: «Приближаясь к кончине, Хрисерий, в тот самый час, в который долженствовал выйти из тела, открытыми глазами увидел мерзких и *чернейших духов*, стоящих пред ним, страшно угрожающих взять его в заклепы ада. Он начал трепетать, бледнеть, потеть, ужасным воплем просить об отсрочке, и чрезвычайным, неистовым криком призывал сына своего Максима, называя его по имени, которого я сам, бывши уже монахом, видел монахом, говоря: «Максим! Скорее! Я не сделал тебе никакого зла: прими меня в веру твою». Испуганный

Максим прибежал тотчас; сошлось плачущее и трепещущее семейство. Они не могли видеть тех духов, от нападения которых он мучился страшно, но догадывались о присутствии их по смятению, бледности и трепету того, который был влеком. Устрашась безобразного вида их, он метался на постели туда и сюда, ложился на левый бок, не мог выносить вида их, оборачивался к стене, – там были они. Когда же, стесненный до чрезвычайности, он уже отчаялся в возможности послабления себе, начал громко кричать, говоря: «Отсрочки! Хотя до утра! Отсрочки! Хотя до утра!» Но когда он кричал, – с этими самыми воплями был исторгнут из жилища своей плоти. О нем известно именно потому, что он видел это не для себя, а для нас, чтобы видение было полезно нам, которых еще ожидает Божественное долготерпение. Собственно для него какая была польза в том, что он пред смертью увидел мерзких духов и просил отсрочки, тогда как не получил этой отсрочки?»[849]

«Когда день смерти понуждал Стефана выйти из тела, тогда собрались многие для того, чтоб отходящей от сего мира столь святой душе представить во внимание и свои души. И когда около одра его стояли все, которые собрались, тогда *одни телесными очами* видели входящих Ангелов, но никак не могли проговорить что-либо; другие решительно не видали ничего. Но всех присутствовавших объял такой сильнейший страх, что при исходе этой святой души никто не мог оставаться там»[850].

«*Приидут дние на тя, и обложат врази твои острог о тебе*[851]. Какие враги для души человеческой столь опасны, как *злые духи*, которые *окружают ее* при *разлучении с телом*, тогда как содействуют ей в плотской любви обманчивыми наслаждениями? Они облагают ее окопами: потому что, представив пред глаза ее содеянные ей беззакония, они стесняют ее, влача к сообществу своего осуждения, так, что она, застигнутая уже на самом конце жизни, и сама видит, какими окружена врагами, и однако же не может отыскать выхода из их обложения, потому что не может уже творить добрых дел та, которая презирала их, когда могла творить. Приноровительно к ним может быть разумеваемо и то, что далее следует: *и обыдут*

тя, и обымут тя отвсюду[852]. Злые духи отовсюду стесняют душу, когда представляют ей на вид беззакония, не только совершенные на деле, но и в слове, и даже в помышлении: она, развлекавшаяся многим в преступлении, стесняется донельзя всем в воздаянии. Далее следует: *и разбиют тя, и чада твоя в тебе*[853]. Душа разбивается сознанием своей виновности тогда, когда плоть, которую она считала своей жизнью, принуждена бывает возвратиться в персть. Чада ее побиваются тогда, когда непозволительные помыслы, происшедшие от нее, рассыпаются на последнем отмщении жизни, как написано: *в той день погибнут вся помышления их*[854]. Эти же грубые помыслы можно разуметь и под значением камней, ибо далее следует: *и не оставят камень на камени в тебе*[855]. Развратная душа, присоединяя к преступному помыслу еще преступнейший, что другое делает, как не полагает камень на камень? Но в разрушенном городе не оставляется камень на камне: потому что, когда душа приводится к отмщению своему, тогда рассыпается все строение помыслов ее».

«А за что она претерпевает, далее присовокупляется: *понеже не разумех еси времени посещения твоего*[856]. Всемогущий Бог обыкновенно посещает развратную душу многими способами… Но поелику она не разумеет времени своего посещения, то на конце жизни предается тем врагам, с которыми вступает в общение, на вечном суде непрестаемого осуждения; как написано: *егда грядеши с соперником твоим ко князю, на пути даждь делание* (потщися) *избыти от него: да не како привлечет тебе к Судии, и Судия предаст тя слузе* (истязателю), *а слуга всадит тя в темницу*[857]. Соперник наш на пути есть слово Божие, противное нашим плотским пожеланиям в настоящей жизни. От этого соперника освобождается тот, кто смиренно подчиняется заповедям его. Иначе, соперник передает Судии, а Судия – истязателю. Это значит: грешник, виновный в презрении слова Господня, будет задержан на испытании Судии. Судия предает его истязанию, дозволяя злому духу восхитить его к отмщению и понудительно извлечь из тела душу, которая добровольно согласовалась с этим злым духом на пре-

ступления. Истязатель отсылает в темницу. Это значит: грешник чрез посредство злого духа *низвергается в преисподнюю,* доколе наступит день суда, с которого уже и сам (злой дух) будет вместе мучиться в *огнях преисподней*».

«Надобно основательно размышлять о том, сколько страшен будет для нас час смертный, какой тогда ужас души, какое воспоминание всех зол, какое забвение протекшего счастья, какой страх и какое опасение Судии. Тогда злые духи в отходящей душе отыскивают дела ее; тогда они представляют на вид те грехи, к которым расположили ее, чтоб свою сообщницу увлечь на мучения. Но для чего мы говорим только о грешной душе, когда они приходят даже к избранным умирающим, и в них отыскивают свое, если в чем успели? Среди людей был только Один, Кто прежде страдания Своего безбоязненно говорит: *Ктому не много глаголю с вами. Грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже*[858]. Князь мира видел в Господе смертного человека: то подумал, что может найти в Нем что-либо свое. Но вышел без всякого греха из растления мира Тот, Кто пришел в мир без греха. Этого не осмелился сказать об отношении к князю мира сего Петр, который удостоился слышать: *еже аще свяжеши на земли, будет связано на небесех; и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех*[859]. Этого не смел говорить Павел, который прежде смерти своей был восхищен до таинств третьего неба[860]. Этого не смел сказать о себе даже Иоанн, который по особенной любви возлежал во время вечери на персях своего Искупителя[861]. Пророк говорит: *се бо в беззакониих зачат есмь и во гресех роди мя мати моя*[862]: из этого следует, что без виновности не может быть тот, кто пришел в мир с виновностью. По сей-то причине тот же пророк говорит: *не оправдится пред Тобою всяк живый*[863]. По сей то причине и Соломон говорит: *несть человек праведен на земли, иже сотворит благое и не согрешит*[864]. По этой причине и Иоанн говорит: *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас*[865]. Поэтому и Иаков говорит: *много согрешаем вси*[866]. Как все – это известно всем – зачаты от услаждения плоти, то без всякого сомнения, князь мира сего

имел нечто свое во всех, или в их делах, или в словах, или в помышлениях. Но он не мог ни похитить их после, ни держать их прежде, потому что освободил их от долгов их Тот, Кто без долга заплатил за нас долг смерти, чтоб наши долги врагу нашему не задерживали нас, потому что за нас, посредник Бога и человеков, Человек Христос Иисус, даром отдал ему то, чем не был должен. Нас освободил от должной душевной смерти Тот, Кто заплатил за нас смертью телесной, которой не был должен. По этой причине Он говорит: *грядет сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже.* – Должно нам заботиться, и с обильными ежедневными слезами помышлять о том, сколь свирепый, сколь страшный князь мира сего придет в день кончины нашей, отыскивая в нас дела свои, если он приходил даже к Господу, умирающему плотью, и отыскивал чего-либо в Том, в Ком не мог найти ничего».

«Итак! Что будем говорить, что делать мы, несчастные, которые впали в бесчисленные грехи? Что скажем врагу, отыскивающему и находящему много своего в нас, если не то только, что у нас есть известное прибежище и твердая надежда, потому что мы одно совершили вместе с Тем, в Ком князь мира сего и отыскивал что-либо свое, и не мог найти чего-либо своего? Потому что Он только свободен среди умерших[867], потому что мы разрешаемся от рабства греховного к истинной свободе, соединяясь с Тем, Кто свободен один. Известно, – и мы не можем отвергать, но искренно признаемся, – что князь мира сего имеет в нас многое; но, несмотря на то, он уже не имеет силы похищать нас во время смерти нашей, потому что мы соделались членами Того, в Ком тот не имеет ничего»[868].

«Некоторая монахиня, по имени Редемпта, имела двух учениц, из которых одна называлась Ромулой. Ромула была поражена параличем, и, в совершенном расслаблении, лежала на постели в продолжение многих лет, перенося болезнь с терпением и занимаясь тщательно молитвой. В одну ночь Ромула внезапно призвала к себе Редемпту словами: «Мать моя! Подойди ко мне, мать моя! Подойди ко мне». Немедленно по-

дошла Редемпта к одру болящей, пригласив с собой и другую ученицу. Когда они, среди ночи, стояли у постели, на которой лежала Ромула, – свет с неба наполнил все пространство кельи и засиял блеск толикой славы, что сердца предстоящих проник неизреченным ужасом. Они услышали звуки как бы от какого входящего множества; дверь кельи потряслась, как бы от напора толпы, спешившей войти. Ощущая множество входящих, от чрезвычайного страха и света не могли видеть ничего: сжимал глаза их и страх, и ослепляла яркость непомерного света. За явлением света немедленно последовала воня дивного благоухания, и душу их, устрашенную явившимся светом, успокоила приятность запаха. Но когда они не могли выносить, тогда Ромула начала ласковым голосом утешать трепещущую Редемпту, свою наставницу, говоря: «Мать моя! Не бойся: я еще не умираю». Когда она повторяла это, явившийся свет исчезал мало-помалу, – последовавшее за ним благоухание осталось. Таким образом прошел второй и третий день; воня распространившегося благоухания оставалась. На четвертую ночь Ромула опять пригласила к себе свою наставницу. По приближении ее, она попросила напутствия и получила его. Редемпта и другая ученица еще не успели отойти от постели болящей, как внезапно на улице, пред ее дверями, услышались два хора Ангелов, причем, как удостоверяли монахини, было явно различие полов по голосам. Мужи начинали пение псалмов; жены вторили им. Когда пред дверьми кельи совершилось это небесное погребальное песнопение, тогда святая душа разлучилась от тела. Когда она была возносима на небо, то чем выше возвышались хоры поющих, тем песнопение становилось менее слышным. Когда на высоте окончились звуки песнопения: тогда прекратилось и благоухание. Святой Григорий знал этих монахинь лично»[869].

«Ангельский дух описуем; но самый верховный Дух, Который есть Бог, неописуем»[870].

Представленные извлечения из святых отцов, указанных западным писателем, решительно определяют учение этих отцов о духах. Извлечения свидетельствуют: 1) что учение от-

цов о духах тождественно с учением Священного Писания; 2) что учение о духах, изложенное в Православном богословии, тождественно с учением Священного Писания и святых отцов; 3) что приписываемое западным писателем отцам учение о совершенной духовности и невещественности сотворенных духов наравне с совершенной невещественностью и духовностью Бога, приписано несправедливо.

Западный писатель говорит, что на отцов Церкви имела влияние языческая философия и вообще современная ученость. Справедливо, но только по отношению к некоторым отцам и к некоторым, весьма немногим предметам. Это было замечено и дана православным читателям должная предосторожность[871]. В настоящее время всякий, изучающий должным образом отцов, имевших ученость мира сего, может видеть, в чем они платили неизбежную дань, как современным понятиям общества человеческого, так и понятиям, почерпнутым из науки в том состоянии, в каком она преподавалась в их время. Этого нельзя сказать о писателях Священного Писания. Эти лица просвещены были единственно Святым Духом. Также преподобный Антоний Великий был неграмотный; очистив себя благочестивым подвигом, он соделался обителью Бога и возвестил учение о духах сообразно тому, как духи были открыты ему Богом. Муж ученый, патриарх, святой Афанасий Великий, хотя был также мужем благодатным, однако признал более основательным преподать Церкви учение о духах так, как оно сообщено было ему Антонием, имевшим опытное знание, нежели написать о них сочинение, заимствованное из чтения, своих умствований, и, может быть, опытов немногих и недостаточных, каковыми эти опыты должны быть по занятиям святителя[872]. Поведание о духах святого Антония Великого просто, естественно, ясно! Между тем оно сообщает познание столько подробное и определенное, какого никак не могли бы сообщить все ученые на основании своей учености. Познания о веществе должны быть подтверждены опытом. Одним суждением невозможно доходить до познаний точных, верных. Часто суждение, представляющееся по наружности безоши-

бочным, будучи проверено опытом, оказывается ошибочным. Суждения, не подтвержденные опытом, как бы ни казались правдоподобными, как бы ни были изложены великолепно, суть только положения и предположения, а не истина. Таков приговор науки. Он основан на истории наук, объясняющих вещество; он основан на бесчисленных опытах: нет для него отмены, нет против него голоса. Голос, подаваемый невежеством или произвольной игрой воображения, не имеет никакого значения пред судом науки. Какое значение в науке имеет учение Декарта о духах? – Учение это не есть положительный, доказанный вывод, полученный путем науки. Учение это – ипотеза или предположение. Ипотеза допускается в естественных науках не как учение достоверное, но как учение, усиливающееся дать о предмете определенное понятие, которого наука не может еще выработать законным путем своим. По этой причине наука, доколе не получит точного знания о предмете, придерживается ипотезы, как объясняющей предмет, отнюдь не вверяясь ей. Она отвергает ипотезу, только что факты начнут доказывать неправильность ипотезы. Так знаменитый Франклин придумал ипотезу для объяснения электричества. Когда наука выработала факты, противоречащие Франклиновой ипотезе: тогда ипотеза была отвергнута наукой, соделалась принадлежностью истории науки. Что же такое была ипотеза Франклина? Игра ума даровитого, обогащенного многими познаниями о естественных науках, – игра ума, и только. На основании новых фактов Симмер придумал свою ипотезу, так как наука не выработала точного знания об электричестве. Но при дальнейшем труде науки и Симмерова ипотеза получила одно достоинство с Франклиновой. При всем этом составление ипотез никак не отвергается наукой, как труд, способствующий к развитию науки. Удачно придуманная ипотеза может перейти в учение, когда будет положительно доказана. Такой должна быть по всем признакам, по крайней мере в значительной степени, новейшая ипотеза о свете.

Что такое ипотеза Декарта о духах? Это сочиненное им учение, игра его ума, опиравшегося на современные ему познания.

Ипотеза Декарта совершенно опровергается наукой в настоящем ее развитии. Опровергают ее и факты, как доставленные Православной Церковью, так и враждебными Церкви средствами, магией, магнетизмом, спиритизмом. Декарт видит между грубым веществом и сотворенными духами решительную *противоположность*. Наука видит не противоположность, а *постепенность* и *сродство*. То, что ограниченный предмет не подлежит нашим телесным чувствам и нашему постижению, никак не дает ему права на свойства, принадлежащие предмету неограниченному. Всякий ограниченный предмет может быть изображен числом. Хотя бы это число, по громадности своей, было чуждо подчинения всякому действию человека; однако, оно пребывает числом, имеет все свойства прочих чисел и отличается от бесконечного бесконечным различием.

Учение о духах, представленное здесь, исключительно сообщается откровенным Богопознанием, верою христианскою. Других средств к приобретению его нет; все другие средства ведут к ошибочным заключениям[873]. Учение это не имеет характера систематических учений, составляемых учеными мира сего и по стихиям мира. Оно изложено в Священном Писании, подобно тому, как изложены в нем многие другие учения. Таким же образом изложено оно и в святых отцах. Но при внимательном чтении и изучении Писания и отцов делается ясным точное мнение Писания и отцов о духах. Для такого изучения нужна не только благочестивая жизнь, но и жизнь подвижническая, сосредоточенная, жизнь в уединении. Церковь воспевает своему мудрецу: *деяние обрел еси, богодухновенне, в видения восход*[874]. Только отрекшиеся от мира и предавшие себя всецело в служение Богу могут достичь до опытного познания падших духов в приносимых ими помыслах, мечтаниях и ощущениях, как говорит преподобный Макарий Великий[875]; только при содействии внутренних опытов делаются доступными для понимания те места Писания и отцов, которые говорят о этой невидимой борьбе. При умножении опытов познание делается полнее и полнее, а учение Писания и отцов яснее и яснее. Святой Исаак Сирский, упомянув о святых Василии Великом и Григории Богослове, что они сперва образовали себя в обществе человеческом соответствующими такому жительству добродетелями, потом удалились в пустыню и пребыли с своим внутренним человеком, – говорит далее, что пустыня полезна для сильных потому, что они достигают в ней до борьбы с духами злобы[876]. Преподобный Кассиан Римлянин, описав благочестивую жизнь древних иноков в общежитиях, говорит, что эта святая жизнь произвела из себя еще возвышеннейшее жительство – отшельничество, к которому и в первые века христианства оказывались способными весьма немногие. Этих избранников Кассиан называет цветом монашества. Они, «не довольствуясь получаемой среди общества человеческого победой, которую попрали невидимые козни диавола, пожелали вступить в открытую борьбу и явное сражение с демонами, и для этого не устрашились удалиться в уединенные места обширной пустыни»[877]. В таких избранниках Божиих внутренняя невидимая борьба непомерно усиливалась, возводила их в необыкновенный подвиг, переходила в видимую. Это совершалось по особенному смотрению Божию[878]. Отцы, возведенные в такой подвиг, сподоблялись особенных даров Святого Духа, приходили в высокое духовное преуспеяние и просвещение, получали вход в невидимый чувственными очами мир. Дверь в него отверзалась для них рукой Бога. Таковы были преподобные Антоний и Макарий, египетские пустынножители, которых Церковь признает духоносцами и именует великими. Имея обильное опытное и благодатное знание духов, они сказали о них гораздо яснее, нежели другие отцы, которых благодать Божия также освятила, которым даны были другие духовные дары, соответственные их роду жизни и деятельности. К числу немногих отцов, написавших о духах с особенной определенностью, принадлежит преподобный Кассиан Римлянин. Он излагает в сочинении своем учение, преданное ему лично иноком египетского Скита, аввой Сереном, достигшим великого духовного преуспеяния. Серен имел ведение и видение духов опытное и благодатное: почему и учение о них изложено им с особенной ясностью и

простотою[879]. Это учение тождественно тому, которое мы видели в приведенных нами отцах и в Православном богословии. Когда в V веке появились на Западе Собеседования преподобного Кассиана, – некоторые из западных энергически восстали против его *тринадцатого собеседования*; но против *седьмого и восьмого*, в которых изложено учение о духах[880], не сделано ни малейшего возражения. Уже по принятии мыслей Декарта о совершенной невещественности сотворенных духов, о независимости их от времени и пространства, о тождественности естества их с естеством Бога, явились на Западе возгласы против учения о духах, излагаемого Кассианом. Опровержения не сделано: оно невозможно; опровержение заменено порицаниями. – На седьмом Вселенском Соборе прочитана была выписка из сочинений святого Иоанна, епископа Солунского, в которой сказано, что Ангелы имеют свойственную им вещественность и вид, – в этом, собственном виде их, являлись многим святым мужам. Собор на основании этой цитаты из святого отца единодушно оправдал и определил изображение Ангелов на иконах. Отцы Собора не только не выразили никакого сомнения относительно учения, произнесенного святым Иоанном, не только не сделали никакого замечания, но на основании этого учения сделали *постановление* изображать Ангелов на иконах живописью[881]. Седьмой Вселенский Собор одинаково принят и на Востоке и на Западе.

Изложенное здесь учение о духах никак не дает права представлять в воображении как образы духов, так и образы прочих предметов невидимого мира, о которых говорится в Священном Писании и в писаниях святых отцов. Образы, сочиняемые воображением, никак не могут быть правильными; не будучи снимками с истины, они по необходимости должны быть ложными и поставляют мечтателя на стези самообольщения. Правильное понятие о видении духов, как чувственном, так и духовном, не может быть приобретено иначе, как опытом. Видение, действуя на чувства душевные или телесные, или на те и другие вместе, объясняется чрез ощущение его и не может быть объяснено словами. Так для слепорожденных и ослепших в младенчестве остается необъяснимым, при всем усилии объяснить словами, общение человека с видимым миром посредством зрения; так вкус плодов, которых мы никогда не вкушали, остается необъяснимым, сколько бы ни объясняли его словами, доколе не объяснится вкушением. Словом, все понятия, приобретаемые посредством чувств души и тела, пребывают очень темными, доколе они объясняются одними словами. Основательно говорят отцы[882], что здоровые глаза не нуждаются в обучении зрению, потому что зрение естественно человеку: точно так очищенные покаянием очи ума и сердца начинают прозирать в тайны Божии и в духовный мир, потому что это естественно человеческой природе, обновленной Искупителем.

При темноте понятия о духах, полученного единственно из поведания, хотя и святого, тем опаснее давать волю воображению и истолковывать соответственно своей мечте то, что и при опытном познании не может быть объяснено с удовлетворительностью в стране вещества[883]. Способность воображения находится в особенном развитии у людей страстных. Она действует в них соответственно своему настроению, и все священное изменяет в страстное. В этом могут убедить картины, на которых изображены священные лица и события знаменитыми, но страстными художниками. Эти художники усиливались вообразить и изобразить святость и добродетель во всех видах ее; но, преисполненные и пропитанные грехом, они изобразили грех, один грех. Утонченное сладострастие дышит из образа, в котором гениальный живописец хотел изобразить неизвестные ему целомудрие и божественную любовь. Пророкам и апостолам при желании выразить их состояние вдохновения дан вид языческих беснующихся жрецов или актеров кровавой трагедии[884]. Произведениями таких художников восхищаются страстные зрители; но в людях, помазанных духом Евангелия, эти гениальные произведения, как запечатленные богохульством и скверной греха, рождают грусть и отвращение. Воображение у людей страстных, у людей порочных и развратных, не имеющих никакого понятия об истине, никакого сочувствия к святости, способно только к сочинению

изображений ложных. Оно не может не обманывать этих людей. Оно и обманывает, и обольщает, скрывая обман, ясный для одних чистых по уму, сердцу и телу. К действию воображения в человеке плотском и грехолюбивом удобно присоединяется действие падших духов, которым сделалось свойственным вращаться и пресмыкаться во грехе, находить во грехе единственное наслаждение и питание. А как все, вступающие в благочестивый подвиг, несмотря на благое намерение свое, находятся во власти страстей, ощущают сильнейшее сочувствие ко греху, состоят в союзе и единении с ним, то святые отцы строго воспрещают употребление способности воображения, повелевают содержать ум вполне безвидным, незапечатленным никакой печатью вещественного. Не должно представлять себе в воображении ни рая, ни неба, ни престола Божия, ни сияния славы Божией, ни Ангела, ни мученика, ни святителя, ни преподобного, ни Божией Матери, ни Самого Христа. Падшие духи стараются возбудить в нас действие воображения, иногда же и сами являются в разных ложных и обольстительных призраках: по этой причине воспрещена нам не только мечтательность, как бы она ни была благовидна, но и доверенность к какому бы то ни было явлению из невидимого мира. Образы светлых Ангелов, святых отшедших человеков и Самого Христа принимают на себя демоны для обольщения и погубления не только новоначальных, но и преуспевших в подвиге. Дозволяется живое представление адского пламени, тьмы вечной, подземной страшной темницы и прочих ужасов предмертных и посмертных единственно при возникновении плотских ощущений, помышлений и мечтаний; дозволяется это употребление воображения только в час нужды, по миновании которой оружие тотчас отлагается. Будучи употребляемо без нужды, оно может нанести вред уму, соделав его удобопреклонным к мечтательности и к самообольщению.

В первые века христианства имелась особенная нужда отвлечь новообращенных из идолопоклонства от представления Ангелов и даже Бога в грубом чувственном виде. Идолы были вместе изображением и демонов и греховных страстей.

Сделавшие навык к идолопоклонению, запечатленные долговременным устремлением всех чувств души и тела к идолам, наполнившие разум понятиями, а воображение – образами, заимствованными из идолопоклонства, поневоле находились под влиянием этих впечатлений[885]. Нужду в предостережении современников от грубого понимания видел ученик апостола Павла, святой Дионисий Ареопагит. Изложил он это предостережение в глубоком и духовном сочинении своем о Небесной Иерархии. «Нужно, – говорит он, – чтоб мы *не представляли* грубо небесных и *богоподобных* сил[886] имеющими много ног и лиц, носящими *скотский образ* волов и *звериный* вид львов, с изогнутым клювом орлов или с птичьими крыльями; равно не воображали и того, будто на небе находятся огневидные колесницы, вещественные троны, нужные для восседания на них Божества, многоцветные кони, военачальники, вооруженные копьями, и многое тому подобное, показанное нам Священным Писанием под *многоразличными таинственными символами*. Богословие употребило священные пиитические изображения для описания умных сил, не имеющих *образа*»[887]. Далее святой Дионисий говорит: «Быть может, иной в самом деле подумает, что небо наполнено множеством львов и коней, что там славословия состоят в *мычании*, что там стада птиц и других животных, что там находятся низкие вещи, что ведет к *неверному, неприличному и страстному*»[888].

Выразившись так о небесных силах, святой Дионисий говорит о Боге следующее: «Таинственное учение, преданное нам в Священном Писании, различным образом описывает досточтимое высочайшее Божество. Иногда оно именует Бога *словом, умом, существом*[889], показывая тем разумение и премудрость, свойственную одному Богу, и выражая, что Он-то и существует истинно, и есть причина всякого бытия, уподобляет Его свету и называет жизнью. Конечно, эти священные изображения представляются некоторым образом приличнее и возвышеннее *чувственных образов*[890], но и они далеки от того, чтоб быть точным отражением высочайшего Божества. Божество превыше всякого существа и жизни; никакой свет не может быть

выражением Его; всякий ум и слово *бесконечно* далеки от того, чтоб быть *подобными* Ему. Иногда то же Священное Писание величественно изображает Бога чертами, несходными с Ним. Так оно именует Его *невидимым, беспредельным и непостижимым*[891], и этим означает не то, что Он есть, но то, что Он не есть. Последнее, по моему мнению, даже свойственнее Богу потому что, хотя мы и не знаем невместимого, непостижимого, неизреченного, беспредельного бытия Божия, однако ж на основании таинственного Священного Предания истинно утверждаем, что *Бог ни с чем из существующего не имеет сходства*»[892]. – Божество, по Своему пресущественному величеству, несравненно превосходит всякую видимую и невидимую силу, и так превознесено над всем, что и *самые первые существа нимало не подобны Ему*. Божество есть *начало* всего, есть *причина*, осуществляющая все, есть неизменное основание постоянного бытия существ, от Которого зависит бытие и блаженство самых высших сил»[893]. Ареопагит утверждает, что Божественные явления святым совершались *приспособительно* к человеческому естеству[894]. Он говорит, что «сокровенного Божия[895] никто не видал, не увидит; но Бог являлся святым в известных видениях, достойных Его и сообразных с свойством тех, которым были эти святые видения. Видение, которое проявляло в себе, как в образе, подобие ничем неизобразимого Божества, справедливо называется в Божием слове Богоявлением: потому что оно возводило видящих к Богу, просвещая их Божественных озарением, и свыше открывая им нечто Божественное. Сии Божественные видения славным отцам нашим были открываемы посредством небесных сил. Так: не говорит ли Священное Предание, что и святое законоположение дано Самим Богом Моисею? Этим оно научает нас той истине, что оно есть отпечаток Божественного и священного закона. Но то же Слово Божие ясно научает и тому, что этот закон преподан нам чрез Ангелов»[896].

Святой Дионисий в сочинении своем о Небесной Иерархии объясняет только таинственные видения пророков и духовное отношение небесных сил между собою и к святым человекам; но он ничего не упоминает ни о падших ангелах, ни о чувственном явлении Ангелов людям простейшим, какова была Агарь, раба Авраама[897], ни о способности животных к видению духов, ни о местопребывании святых Ангелов на небе, ни о низвержении падших ангелов с неба, ни о мучении их в пламени и темнице ада, между тем как о всем этом поведает Писание. Даже о Господе Иисусе Христе Дионисий говорит единственно как «о истинном Свете Отца, просвещающем *всякого человека, грядущего в мир*»[898], умалчивая о Его вочеловечении, о Его человеческой плоти, в которой Он явился на землю, в которой восседает на небе одесную Отца, в которой явится судить живых и мертвых. «Этот Свет, – богословствует Дионисий, – никогда не теряет Своего внутреннего единства, хотя по Своему благодетельному свойству и раздробляется для того, чтоб срастворяться с смертными страстворением, возвышающим их горе и соединяющим их с Богом. Он и Сам в Себе остается и постоянно пребывает в неподвижном и одинаковом тождестве, и тех, которые надлежащим образом устремляют на Него свой взор, по мере их сил, возводит горе и единотворит их по примеру того, как Он Сам в Себе прост и един»[899]. Из книги о Небесной Иерархии уже видно, что Ареопагит был в состоянии того духовного видения, которое здесь изображено им; в других сочинениях своих он говорит открыто об этом состоянии своем[900]. Это состояние есть состояние христианского совершенства, и называется отцами *Божественным осиянием*[901]. Преподобный Симеон Новый Богослов, ссылаясь на святого Григория Богослова, говорит: «Начало премудрости есть страх Божий. Где страх Божий, там и хранение заповедей. Где хранение заповедей, там очищение плоти, которая, будучи неким густым облаком пред душой, не попущает ей видеть ясно Божественное сияние. Где очищение плоти, там сияние Божественное. Где сияние Божественное, там совершение Божественного желания. И потому осияние Божественного Света и просвещение Святого Духа есть нескончаемый конец всякой добродетели: достигший этого конца забывает все чувственное и начинает приходить в позна-

ние духовных дарований»[902]. Даже понятие о таком состоянии вполне чуждо для людей, непосвященных в тайны христианского подвижничества! По этой причине Ареопагит назначил книгу свою о Небесной Иерархии отнюдь не для общего употребления христиан, а только для находящихся в значительном духовном преуспеянии. Он завещал пресвитеру Тимофею, для которого написано сочинение, тщательно скрывать его от людей плотских и душевных, хотя бы они были благочестивы. «Ты, сын мой, – пишет Дионисий Тимофею, – сообразно с святым установлением, преданным нам от наших Иерархов, благоговейно внимай священным словам, *осеняемый вдохновением от вдохновенного учения*, и, скрыв святые истины во глубине души, как единообразные, тщательно храни их от людей непосвященных: по учению Писания не должно бросать пред свиньями чистого, светлого и драгоценного украшения умных маргаритов»[903]. Всякий, знакомый с сочинением о Небесной Иерархии, оправдает мудрое предостережение сочинителя и сознается, что сочинение малопонятно и даже во многих местах странно для людей, незнакомых с духовным состоянием.

Книга Священного Писания, которой наиболее удобно объяснить сочинение Ареопагита, есть несомненно откровение святого апостола, евангелиста Иоанна Богослова: Богослов, во многих местах, описав видение, немедленно говорит или объясняет, что это видение есть символ, что оно – таинственное. Таковы видения: видение семи звезд и семи светильников[904]; видение жены, названной Вавилоном и сидевшей на водах многих[905]; видение жены, облеченной в солнце, с луной под ногами с венцом из двенадцати звезд на главе[906]; видение змея, отторгшего хоботом третью часть звезд небесных[907]; видение зверя, выходящего из моря, и зверя, выходящего из земли[908]. Напротив того, видение первомученика Стефана не заключает в себе ничего символического, иносказательного: Архидиакон, объятый Святым Духом, увидел небеса отверзшимися, и Сына Божия, в Его человеческой плоти, стоящим одесную Бога[909]. Подобное видение имел великий угодник Божий Карп: видение это описано свя-

тым Дионисием Ареопагитом без всякого иносказательного объяснения. Преподобный Макарий Великий сделал таинственное истолкование, по отношению к душе человеческой, видению, которое имел пророк Иезекииль[910], на которое указывает и святой Дионисий; несмотря на это, преподобный не остановился сказать, что совершеннейшие христиане сподобляются видеть самое существо души человеческой, и что души, Ангелы и демоны имеют вид человека в его теле. Так и Ареопагит, объяснив, что символические видения пророков имеют таинственный смысл, не остановился сказать, что святой Карп, достигший христианского совершенства, видел Ангелов в образе человеков. – Беседы преподобного Макария Великого, подобно книге святого Дионисия, имеют наиболее таинственное значение и могут быть весьма полезным чтением для преуспевших подвижников: в них подробно излагается злосчастное общение, в которое человек вступил с демонами при посредстве греха, о чем святой Дионисий вовсе умалчивает. Беседы преподобного малопонятны для людей, не знакомых с духовным подвигом, хотя некоторым из них и представляются понятными по необыкновенной простоте и ясности слога.

Западный писатель говорит (**выписка 7**), что «все человеки всегда различали существо живое, действующее, начало движения, от существа мертвого, страдательного, неспособного к движению. *Первое* они называли *духом*, второе – телом или веществом. Это различие современно по древности своей миру, распространено повсюду, где находится человек. Все были столько уверены в безжизненности вещества, что предполагали присутствие *духа* повсюду, где усматривали движение». Такую сентенцию, выведенную якобы из науки, должно проверить наукою[911]. Наука, да и вообще человечество,признают только *жизнь*, а не присутствие *духа* там, где видят *движение* тела, независимо от действия на это тело другого тела. Жизнь, иначе *органическая сила*, недоступна для постижения человеческого: эту истину признала наука. Живут растения, насекомые, животные, человек. И растения имеют свое движение.

Их рост, постепенное облачение в листья, цветы, плоды, – что, как не движение? Соки в деревьях весною идут от корня к вершине дерева: что это, как не движение? Листья и цветы некоторых трав делают сами собою движение, то свертываясь, то раскрываясь, как, например, клевер свертывает свои листья на ночь, развертывает их при наступлении утра. Признаком жизни тела служит для нас, кроме движения, *чувство*. Одно движение, без чувства, может принадлежать веществу безжизненному и принадлежит оно планетам. Что такое жизнь? Жизнь есть идея человека, родившаяся в нем от впечатления, произведенного на него телами, имеющими движение и чувство. У наук нет ответа положительного: по необходимости она должна была прибегнуть к определению страдательному. Она должна была сказать о впечатлении, которое произведено явлением, – (*жизнь*) в видимых тварях на человека, и определением этого впечатления заменить определение процесса, происходящего в самых тварях. Скажут: неужели растения имеют чувство? Отвечаем: они не имеют средств поведать нам этого ясно; но мы видим, что растения, отделенные от корней своих, вянут; это явление в нежных растениях совершается быстро и возбуждает в нас сочувствие. Не имея основания к принятию решительного мнения, что растения одарены свойственным им чувством, мы не имеем права и отвергать это решительно. Движение вещества и присутствие в нем чувства свидетельствуют только о жизни его, а отнюдь не о присутствии в нем *духа*. Никто и никогда не признавал в насекомых, рыбах, птицах, вообще во всех животных присутствия духа: в них признавали жизнь, часто называя жизнь душой. И потому вопрос *о духе*, на тех основаниях, которые положил западный писатель, остается нетронутым.

Понятие *о духе* явилось в человеке по другим поводам. Оно явилось в нем, во-первых, от рассматривания самого себя. Человек ощущает в себе присутствие существа, совершенно отличающегося от тела. Он видит гораздо большее развитие жизни в этом существе, нежели в своем теле. Тело имеет свои ощущения; существо, пребывающее в теле, имеет свои

отдельные ощущения, и, кроме ощущений, имеет разум, который в собственном смысле есть чувства[912]. Существо, пребывающее внутри человека, называется обыкновенно душою. Несмотря на разнообразие свойств души и тела, между ними находится неразрывная связь. Так от мыслей являются в душе соответствующие мыслям ощущения; ощущения души отражаются в ощущениях тела. И наоборот: ощущения тела действуют на душу, рождают в ней соответственные ощущения; от этих ощущений являются соответственные им мысли. Такая связь души с телом доказывает, что, несмотря на значительное различие между телом и душою, тело и душа имеют и нечто общее, имеют – употребим выражение химии – сродство. Если б не было сродства, не могло бы быть никакой связи. Если ж есть сродство, то душа необходимо должна иметь некоторую свойственную себе вещественность.

Когда человек живет, процесс жизни совершается при непрерывном дыхании. Дыхание есть существенный очевидный признак жизни. Когда человек умирает, – окончательный процесс умирания совершается при сильном дыхании, или при нескольких повторенных вздохах. При таком усиленном дыхании душа оставляет тело. Оставление душою тела совершается при усиленном дыхании: после оставления душою тела дыхание прекращается; до оставления душою тела дыхание служит признаком присутствия души в теле; душа после исшествия ее из тела невидима: на основании этих данных весьма было естественно назвать существо, живущее внутри тела *духом* и *душою*. Столько же было естественно признать душу или дух существом невидимым, бесплотным, невещественным, как отличным от всего, что видим в веществе, подверженном нашим чувствам. Опять столько же естественно было признать в душе свойственную ей вещественность, обозначаемую особенной полнотой дыхания, при котором она выходит. Признание существования души после разлучения ее с телом и смерти тела естественно проистекает из ощущения и сознания себя бессмертным, которые нахо-

дятся в каждом человеке. Несмотря на достовернейшее познание того, что каждый человек умирает по телу, – каждый человек чувствует, внутренно осознает себя бессмертным, живет и действует как бессмертный: это – ощущение и сознание души.

Все человечество, которое не входит в глубокое рассматривание естества души, довольствуясь познанием поверхностным, общепринятым, безразлично называет невидимую часть существа нашего, живущую в теле и составляющую его сущность, и *душою* и *духом*. Как признаком жизни животных служит также дыхание, то они обществом человеческим называются от *жизни* животными, и от *души* одушевленными (animales). Прочее вещество называется безжизненным, неодушевленным, или бездушным. Человек, в отличие от прочих животных, называется словесным, а они, в отличие от него, бессловесными. Масса человечества, всецело занятая попечениями о земном и временном, на все иное смотрящая поверхностно, видела разность между человеком и животными в даре слова. Но мужи разумные поняли, что человек отличается от животных внутренним свойством, особенною способностью души человеческой. Эту способность они назвали *силой словесности*, собственно *духом*. Сюда отнесены не только способность мыслить, но и способность к ощущениям духовным, каковы ощущение высокого, ощущение изящного, ощущение добродетели. В этом отношении значение слов *душа* и *дух* весьма различно, хотя в обществе человеческом оба слова употребляются безразлично, одно вместо другого.

Предание сохранило во всех народах понятие о существовании невидимого мира, то есть о загробной жизни душ человеческих, о существовании духов – существ, подобных душе человеческой, о существовании места, в котором добродетельные души наслаждаются блаженством, а злые – страдают. Предание это, сохранившись в разных формах, но у всех народов, служит свидетельством о себе самом; свидетельством, что оно принадлежит всему человечеству. Общение с

падшими духами, в которое вступило падшее человечество, поддержало, распространило, уяснило односторонним образом понятие о духах. Древняя философия часто соединена была с магией[913], как видим на мудрецах фараона, противодействовавших Моисею, на Иулиане Богоотступнике[914], на Киприане – впоследствии епископе Антиохийском и мученике. «Поверьте мне, – поведал Киприан по обращении своем, – я видал самого диавола. Я умолил его жертвами, и целовал, и говорил с ним, и с теми, которые у него старейшинами. Он полюбил меня, похвалил мой разум и пред всеми сказал: вот новый Амврий[915], скорый на послушание нам, достойный общения с нами. И обещал поставить меня князем по исшествии моем из тела, а во время жизни моей на земле во всем помогать мне, и полк бесов дал мне в услужение. Когда я уходил от него, он воскликнул ко мне: будь мужествен, доблестный Киприан! И, встав, проводил меня, что удивило всех бесовских старейшин. По этой причине князья его оказывали мне повиновение, видя честь, которую он мне воздал. Лицо его было подобно цвету полевому; глава его была увенчана венцом, который украшался золотом и пресветлыми камнями, одежда его была пречудная. Когда он обращался в какую сторону, – потрясалось все место; многие злобные духи стояли в великом повиновении у престола его: тогда и я отдал ему всего себя»[916]. Сведения, полученные посредством магии, свидетельствовали, что духи бесплотны подобно душе, имеют силу словесности, имеют и свойственную своей природе вещественность, имеют влияние на вещество, сами подвергаются влиянию на них вещества в известных случаях. Существование общения между отверженными человеками и отверженными духами явствует из Священного Писания[917]. Оно продолжается и ныне, между прочим, при посредстве магнетизма и спиритизма.

Науки, рассматривающие вещество, достигли в новейшее время величайшего развития. Между многими услугами, оказанными человеку науками в настоящем развитии их, не последнее место должно дать познанию чрезвычайной ограни-

ченности наших познаний. Когда наука была скуднее, человек считал себя ученее. Когда человек полагал, что небо есть свод над землею, что небо и земля сходятся окраинами своими и соприкасаются, – он был в глазах своих больше, нежели каким представляется себе теперь, когда открыто, что над нами необъятное пространство, что земля в отношении к этому пространству – едва приметная кроха. Говорит современная наука: мы не знаем, что значит наше тело, несмотря на то, что по привычке к нему и по тому, что оно подвержено нашим чувствам, думаем удовлетворительно знать его. Жизнь тела недоступна для постижения нашего. Анатомия рассматривает трупы, а не тела. Жизни тела она не видит: не видит также собственно тела. Тело пребывает телом до той минуты, до которой не оставила его жизнь. Оставлением его жизнью начинается разложение его. Более: этим оставлением разложение совершается; дальнейшее разложение есть только последствие главного, существенного разложения. Разложение вещества, по законам химии, не иначе может совершиться, как отделением от него одной или многих составных частей его. Здесь – указание науки на вещественность души: отделение чего-либо невещественного, отвлеченного, не произвело бы на вещество никакого влияния. Но душа невидима. Что до того? Невидим и теплород. Он – невзвешиваемое начало; но отделяется он химически от воды отделением, незаметным и непостижимым для чувств, и вода обращается в другое вещество, в лед. Едва жизнь оставила тело, оно – уже не тело: оно труп. Чувствования и свойства тела могут быть описаны, а не определены. Никак не могут заменить определений предположения, как бы они ни были замысловаты. Злоупотребление наукой может блестящими предположениями удовлетворять любопытству невежества и заграждать ему уста. Вводить человеков в обман именем науки – недобросовестно. Наука, доставлением познаний истинных и точных, обязана поставлять человека в самые правильные отношения ко всему.

Химия положительно указала, что все ограниченное имеет свою степень вещественности. Математика столько же по-

ложительно доказала, что все ограниченное подчинено пространству. На этом основании совершенно невещественным, независящим ни от пространства, ни от времени, бесконечным во всех отношениях, неподверженным никакому изменению, никакому постороннему влиянию, неограниченным и по существу Своему и по свойствам Своим, бесконечно различествующим от всех тварей и по существу и по свойствам, исповедуется Бог. На этом же основании сотворенные духи, будучи тварями, суть существа ограниченные; они по необходимости должны иметь свою степень вещественности, должны быть подчинены пространству. Ограниченное по существу должно иметь и ограниченные свойства. Приписание неограниченного свойства или неограниченных свойств существу ограниченному – чуждо смысла (нонсенс).

Химия отвергает младенческое определение вещества на основании наших чувств. Вещество должно быть определяемо своими свойствами. Оно может простираться и простирается далеко за пределы наших чувств, круг действия которых очень ограничен. Существование чего-либо вещественного, не имеющего действия на наши чувства, или имеющего действие, которого не понимаем и не замечаем, не только не противно ее учению, – явствует из ее учения. Существование духов в таком виде, в каком оно преподается Православным богословием, нисколько не противно учению химии и математики: оно вполне совпадает и согласуется с положительно доказанной теорией этих наук. Заметим: эти науки, отделив Бога от тварей бесконечной разницей, как бы отворяют дверь вере, объясняя необходимость откровенного Богопознания. Отвергнуть его они не могут по причине признанного ими всемогущества Божия и независимости действий Его от суждения человеческого.

Вот – источники понятия о духах в обществе человеческом. Из них человечество не могло составить и не может составить правильного познания по неясности одних понятий, по лживости других, и по причине собственного падения:

падший человек находится в общении только с падшими душами; он чужд общения с духами святыми. Отличительные черты падших духов – безумная и исступленная ненависть к Богу, гордость и лживость[918]. По гордости и по вражде к Богу падшие духи стремились к тому, чтобы падший человек воздавал им поклонение, подобающее Богу; по лживости они употребляли к достижению этой цели все средства обольщения и обмана. Демоны не только склонили утративших познание истинного Бога к поклонению себе, как бы богам: поныне они стараются обольстить тех, которым являются, даже святых подвижников, склонить их к тому же. «Являясь, – поведает великий Антоний, – они стараются усугубить страх (в том, кому явились), чтоб ввергнуть в глубокий ров нечестия, исторгнув у человеков поклонение себе»[919]. По этой причине христианин, желающий стяжать непогрешительное понятие о духах, должен оставить без внимания все понятия, доставляемые преданием человеческим: ученостью, магией, магнетизмом, спиритизмом и другими подобными средствами, как могущими доставлять одни неправильные и ошибочные понятия, в которых человек, не обновленный Божественной благодатью, никак не отделит истины от обильной примеси лжи.

Для получения точного познания о духах – единственное средство: христианство, изучаемое в Священном Писании, в святых отцах Православной Церкви и благочестивою, подвижническою жизнью по нравственному преданию Православной Церкви. Для первоначального теоретического познания духов вполне достаточно того учения, которое преподается в Православном богословии. Невидимая борьба с духами в помыслах и мечтаниях и ощущениях составляет принадлежность подвижников, иноков, занимающихся правильным подвигом в иноческих общежитиях. Они стяжавают соответственное своему жительству нравственное, так выразимся для ясности, понятие о падших духах. Это понятие аскетическими писателями называется духовным видением; потому что при нем подвижник видит умом и ощущает

сердцем невидимые козни невидимых врагов[920]. Свое нравственное понятие о падших духах святой Игнатий Богоносец изобразил так: «Лживый дух себя проповедует, своя глаголет, самоугоден бо есть, себе прославляет, гордыни бо есть полн, лжесловесен, прелестен, ласкосерд, ласкателен, хитр, стихосошиватель, блядив, несогласен, велеречив, ползок, боязлив: от его *действа* да избавит вас Иисус Христос»[921]. Также: «О, всех злых духов лукавнейший душе от своего злоумия! Чрева ради побежден и тщеславием обесчестен еси, сребролюбием и любоначалием в нечестие привлекаеши. Ты велиар, дракон, отступник, змий стропотный, ты от Бога отступивый, от Христа отлучивыйся, от Духа Святого отчужден и от лика ангельского низриновен еси, законов Божиих ругатель, и враг законных»[922]. Такое познание духов, такое видение их – познание и видение, существенно нужные! Оно в полноте своей доставляется внимательной иноческой жизнью. Оно – дар Божий, которым увенчивается собственный, посильный подвиг подвижника, усиливающегося усмотреть невещественные лица демонов, как в зеркале, в Священном Писании, в писаниях святых отцов и в собственной деятельности. Оно – *рассуждение духовом*[923], дар Святого Духа. С этим даром сопряжена победа над греховными помыслами, мечтаниями и ощущениями; побеждаемому ими доказывается этим, что он не стяжал еще дара, но обольщается, обманывается, пленяется невидимым врагом. Посредством духовного видения духов, они видятся в их *действиях*: видеть самое *существо* духов даруется или попускается очень немногим, по особенному Промыслу Божию. Самопроизвольно отъемлющие завесу и покров, установленные Самим Богом, вторгающиеся насильно и дерзостно в мир духов, подвергаются величайшим бедствиям[924].

В заключение скажем: Божественное Откровение объяснило нам сотворенных духов, нашу душу, наше тело, в той степени, в какой это познание нужно для нашего спасения. Как создание Божие, духи, душа, самое тело наше, все предметы видимой природы, остаются в сущности тайной для нас, бу-

дучи постижимы только отчасти. При благочестивом созерцании творений Божиих и по причине такого созерцания, вступим в ряды созданий, как несомненно принадлежащие к ним, прославим Создателя нашего, и в недоумении пред Его всемогуществом и премудростью принесем смиренное и истинное исповедание вместе с Давидом: *Чудна*, Господи, *дела Твоя! Страшно удивился еси! Удивися разум Твой от мене, утвердися: не возмогу к нему*[925]. «*Бог наш, на небеси и на земли, вся, елика восхоте, сотвори*»[926].

СТАТЬЯ ВТОРАЯ. О РАЕ И АДЕ

О рае[927]

Бержье признает существование *земного рая*, приводит о месте его мнение позднейших западных ученых и церковных писателей, находит, что страна, орошаемая реками Тигром и Евфратом, не соответствует описанию Моисея, который при описании рая упоминает о этих реках, что святые отцы, жившие на этих местах, имевшие страну пред глазами *ничего не говорят* о земном рае. Бержье приходит к заключению, что земной рай разрушен всемирным потопом.

Бержье признает и существование *небесного рая*. О местонахождении его он отказывается сказать что-либо *определенное*. Впрочем упоминает о Енохе, благоугодившем Богу и взятом в рай, о душе разбойника, введенной Спасителем в рай, о восхищении в рай святого апостола Павла.

«Правду сказать, – говорит Бержье, – Иисус Христос сказал нам, что награда наша будет *на небе*»[928]. Далее западный писатель говорит: «Вера научает нас, что после общего воскресения души блаженных соединятся с телами их; но святой апостол Павел научает нас, что воскресшие и прославленные *тела* причастны *естеству духов*: следовательно они будут в таком состоянии, о котором мы не можем составить себе никакого понятия».

О аде[929]

О аде Бержье говорит пространнее и определеннее, нежели о рае. Сделаем из статьи его несколько извлечений.

Выписка 1. «*Ад* – место мучений, в котором грешники, после этой жизни, подвергнутся казни за свои преступления. Итак, *ад* противоположен *небу* или *раю*, где праведники получают награду за их добродетели».

Выписка 2. «Еврейское *шеол*, греческое *тартарос* и *адис*, латинское *инфернус* и *оркус*, ад, выражают, в собственном смысле, место низкое и глубокое, а по аналогии (по подобию) гроб, местопребывание мертвых. Иудеи употребляли еще слово *геенна* или *гегинон*, – так называлась долина близ Иерусалима, в которой находилась печь, именуемая *тофель*; в этой печи исступленные идолопоклонники содержали огонь, чтоб приносить в жертву или посвящать детей своих Молоху (идолу). По этому поводу в Новом Завете ад часто называется «*геенною огненною*, долиною огня».

Выписка 3. «Моисей во Второзаконии говорит от лица Божия: *огнь возгорится от ярости Моея, разжется до ада преисподняго* (шеол): *снесть землю и жита ея, попалит основания гор*[930]. Если разуметь здесь под именем ада гроб, яму глубиною в три или четыре локтя: то это было бы объяснением самым холоным»[931].

Выписка 4. «Иов говорит, что *ад* (шеол) открыт взорам Бога, и что место пагубы не закрыто от Него[932]. Иов изображает жилище мертвых землею, покрытой мраком и тьмой, *землею*, в которой царствует томление и горе вечные»[933].

Выписка 5. «Давид говорит Богу: *плоть моя вселится на уповании, яко не оставиши душу мою во аде* (шеол), *ниже даси преподобному Твоему видети истления* (не попустишь служителю Твоему истлеть во гробе)[934]. Вот два различные местопребывания, одно для души, другое для тела».

Выписка 6. «Пророк Исаия говорит: *Узрят трупы человеков, преступивших Мне: червь бо их не скончается, и огнь их не угаснет, и будут в позор всякой плоти*[935]. Иисус Христос,

во Евангелии, говоря о отверженных, относит к ним эти слова Исаии: *червь их не умрет, и огонь не угаснет*»[936].

Выписка 7. «Господь объявил в определенных выражениях, что *злые* пойдут *в огнь вечный*, который был приготовлен для диавола и его ангелов[937]».

Выписка 8. «По этой причине богословы (западные) признают в осужденных два рода вечных казней, различных между собою: казнь *проклятия* или скорбь о потере вечного блаженства, и казнь *чувственную* или мучение, производимое огнем, который не угаснет никогда. Эти два рода мучения ясно обозначены в вышеприведенных словах Спасителя. *Неумирающим червем* обозначается *казнь проклятия, а неугасающим огнем – казнь чувственная*». С этим мнением нельзя согласиться вполне. Православная Церковь признает в вечности *двоякое* мучение, как и *двоякое* блаженство: 1) *внутреннее*, производимое ощущениями и помышлениями, рождающимися от положения, и 2) *внешнее*, производимое обстановкой извне. Но объяснение, якобы *червь неусыпающий* знаменовал собой внутреннее мучение, принадлежит собственно западной Церкви. Православная Церковь признает *червь червем*, не пытаясь объяснить то, о чем сказано просто, без объяснения, немогущего быть удовлетворительно понятым в том состоянии, в котором мы находимся. Мы видели как святой Василий Великий понимал *адского червя*. Он признает его существующим действительно, а не иносказательно, не мечтательно и отвлеченно. Святой Иоанн Златоуст также помещает *червя* в числе чувственных мук ада: «От гроба и червя, – говорит он, – перенеси мысль твою к *червю неусыпающему*, к огню неугасающему, к скрежету зубами, к тьме кромешной, к скорби и тесноте»[938]. Здесь, как и у Василия Великого, казнь внутренняя ясно отделена от казней внешних; в числе последних оба святителя указали на *неусыпающего червя*, как на казнь внешнюю и чувственную. Подробное исчисление адских мук внутренних и внешних можно видеть в поучениях святого Димитрия Ростовского[939]. Это исчисление помещено в

«Слове о смерти». Слова Писания о райском наслаждении и о адской муке должно принимать просто и прямо, наставляет святой Тихон Воронежский[940]. «В мире случающееся неблагополучие, говорит этот святитель в одном из своих писем, есть тень некая и образ будущего и вечного неблагополучия. Тяжко здесь вмененным быти между злодеями, и злым людям и бесчестным причислитися; но далеко тяжчае будет причтенным быть диаволу и злым ангелам его, и с ними за едино вменятися вечно. Тяжко зде у мучителя некоего под властью быть, и от него наругание, посмеяние и всякое насилие и озлобление терпеть; но далеко тяжчае будет у сатаны, противника Божия, во власти, и от *него* ругание, посмеяние и озлобление терпеть вечно. Тяжко зде биение, страдание, болезнь, огневицу, лихорадку, зубную болезнь и расслабление тела терпеть; но далеко тяжчае будет терпеть вечно жжение *огня* геенского, болезнь лютую и несносную, *скрежет зубов, червь* неусыпающий и *душою* и *телом* в том страдать. Тяжко зде в темнице сидеть, лишатися света и никакого не чувствовать утешения; но далеко тяжчае сидеть в *адской темнице* и никогда света не видеть, и всего лишитися утешения вечно. Тяжко зде *жажду* терпеть и желать, но не иметь прохлаждения; но тяжчае будет вечно. Словом, тяжко есть всякое страдание временное, или на душе или на теле бываемое, всяк то знает; но несравненно тяжчайшее вечное, и ради величества, и ради продолжения, яко бесконечное, которое и *душою* и *телом* будут терпеть осужденные. Тень есть временное страдание вечного страдания. Тень есть ничто в сравнении с истиною: и временное страдание – ничто в сравнении с вечным. Познавай убо вечное страдание от временного, и берегись, да не впадеши в тое. Ныне *сходи* умом во ад да не потом *душою* и *телом снидеши*. Како стерпишь *огнь* жгущий, но несожигающий, *червь* грызущий, но непоядающий, скрежет зубов, тму кромешную, *скаредный вид демонов*, и *плач*, и *стенание*, и *рыдание* и прочая злая како стерпиши? Помышляй сия, сравнивай временное страдание с вечным, и проженется сим размышлением, как бичем, суета от сердца твоего»[941].

Выписка 9. «О вопросе, в каком *месте* вселенной помещается *ад*, должно сказать, что этот вопрос по крайней мере *бесполезен*. Откровение не разрешает нам его; предположения философов и предположения богословов (западных) по этому предмету одинаково ничтожны. Некоторые сочли основательным поместить ад в центре (во внутренности) земли, без сомнения по причине огня, которым наполнена внутренность земли».

Выписка 10. «Святой Августин сказал в творении своем на книгу Бытия, что *ад не находится под землей*; но в своих Retractiones[942] он признает, что ему следовало бы сказать противное».

Выписка 11. «Относительно естества, свойственного адскому огню, нет никакой причины думать, чтоб этот *огонь* не был *вещественным*, и что в приведенных нами местах Писания должно принимать огонь в смысле *метафорическом*, за казнь духовную, очень сильную, невыносимую… Слова Писания должно принимать буквально: *огонь*, которым мучатся осужденные *души и демоны, – вещественен*». Здесь западный писатель говорит правильно, и говорит в противоречие своему объяснению о адском черве.

Выписка 12. «Напрасно будут спрашивать, каким образом *душа существо духовное*, каким образом *дух*, каков *демон*, могут быть мучимы *огнем вещественным*. Конечно для Бога не затруднительнее подвергнуть мучению душу, отделенную от тела, как и душу, соединенную с телом… Для нас также неудобно понять, каким образом удостоившиеся вечного блаженства, в *теле* и в *душе*, будут *видеть* Бога, Который – чистый дух, как и то, каким образом *дух* без тела может ощущать наказание *огнем*». Очевидно: здесь Бог поставляется в один разряд с сотворенными духами! Православная Церковь исповедует, что Бог, по естеству Своему, невидим ни для человеков, ни для Ангелов. По воскресении все человеки увидят вочеловечившегося Сына Божия и славу Божию, как сказал Господь: *узрят Сына Человеческаго, грядущаго на облацех небесных с силою и славою многою*[943], подобно тому, как первомученик Стефан, при отверзении ему небес Божественным действием, *виде славу Божию и Иисуса, стояща одесную Бога*[944]. Слава эта, будучи проявлением Бога, именуется также *лицем* Божиим, которое Ангелы *выну видят*[945], потому что собственно Бога *никтоже виде нигдеже*[946]. Это объяснено выше, в особенности извлечениями из творений святого Иоанна Златоустого и преподобного Макария Египетского.

Выписка 13. «Что касается до времени, в течение которого будут продолжаться адские муки, то Вселенская Церковь исповедует, что эти муки – вечны, не кончатся никогда. Это – догмат веры, в котором христианин не может сомневаться». Согласно с учением восточной Церкви.

Выписка 14. «Богословы (западные) не согласны относительно смысла, заключающегося в члене символа апостолов, в котором сказано, что Господь наш был распят, что Он умер, что Он был *погребен* и что низошел во ад (ἁδης). некоторые понимают в этом только то, что Он *низошел* во *гроб*; но символ ясно различает *погребение* от нисшествия во *ад*».

Выписка 15. «По общему мнению православных богословов (западных) и отцов Церкви, в то время, как тело Иисуса Христа покоилось во гробе, Его душа нисходила в места, где были заключены души древних праведников, и возвестила им избавление их».

Из сделанных нами извлечений, которыми обрисовывается с отчетливостью мнение западного писателя о рае и аде, видно, что учение у западных об этих предметах – очень неопределенное. Несмотря на это, Бержье приводится, как бы насильственно, ясными словами Господа, к мысли, что *рай* находится на *небе*. Также он приводится к мысли, хотя и не принимает ее, что *ад* находится во внутренности земли (**Выписка 9 и 10**). Обратим теперь внимание на учение Православной, восточной Церкви, сличим учение с учением… О! С какой ясностью она указывает место *рая на небе* и *место ада во внутренности земли*, показывая этим величие человека, в которое он возведен Богом, и ужас казни, назначенной за пренебрежение благодеяний Божиих. Оглашается

это учение во всеуслышание человечества торжественным песнопением при богослужении церковном; проповедуется и возвещается это учение святыми отцами Православной Церкви. Многочисленные цитаты приведены в «Слове о смерти» из богослужебных книг и из творений отцов Православной Церкви: они со всей удовлетворительностью решают вопрос относительно того, где помещаются *рай* и *ад*. Впрочем цитаты могут быть приведены в несравненно большем количестве.

Очень затрудняют западного писателя определение отношения рая и ада к духам, тем более, что в том и другом месте будут помещены вместе с бесплотными духами воскресшие человеки в их телах. Очевидно, что затруднение происходит от принятого на Западе учения о совершенной духовности сотворенных духов. В статье о рае он старается выйти из затруднения ссылкой на святого апостола Павла, научающего, что *воскресшие и православные тела* будут причастны естеству *духов*. В статье о аде он старается объяснить всемогуществом Божиим *мучение* невещественных духов вещественным *огнем* (**выписка 12**), и усиливается прикрыть западное неправильное признание сотворенных духов совершенно невещественными совершенной невещественностью Бога, признаваемой и исповедуемой единственно Вселенской Церковью (**выписка 12**).

Если возвратимся к статье о духах, соединим высказываемое западным писателем о духах в статьях его о рае и аде с высказываемым в статьях о духах, душе, Ангелах и демонах, то пред нами откроется следующее зрелище. Западный писатель подвергается постоянному колебанию, и постоянно противоречит сам себе: он ссылается на святых отцов восточной Церкви с неверностью (**выписка** о духах **4**), приводит других отцов, которые оказываются противного ему мнения (**выписка** о духах **15**); он то оправдывает отцов (**выписка** о духах **16, 18, 20**), то признает их ошибавшимися (**выписка** о духах **22**); отвергая эфирную, газообразную вещественность духов, свойственную их природе, признает и проповедует,

что они имеют нужду *облекаться в тонкое тело* при действии их на тела (**выписка** о духах **22**); он старается прикрыть учение о совершенной невещественности души и сотворенных духов, принятое Западной Церковью в позднейшие времена, учением о совершенной невещественности Бога (**выписка** о духах **8, 9, 12, 13, 14**), ставит бесконечного, неограниченного Бога в один разряд существ с Его тварями, существами ограниченными, несравненными с Богом ни по существу, ни по свойствам, в чем – явное богохульство. Таким образом учение Запада о духах, будучи тщательно рассмотрено и поверено, само свидетельствует о своей неосновательности. Возблагодарим, прославим Бога, даровавшего нам великую милость: рождение в бытие и рождение в пакибытие на лоне Православной Церкви. Аминь.

БЛАГОВЕСТ

ПИСЬМО ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ К НЕКОТОРОМУ ДУХОВНОМУ ЛИЦУ, СПРАШИВАВШЕМУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ЕГО УБЕЖДЕНИЙ О СУЩЕСТВЕ СОТВОРЕННЫХ ДУХОВ И ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ, И ПОЧЕМУ ОН НАЗВАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДУШУ – ЭФИРНОЙ

«Приношу Вам искреннейшую благодарность за откровенное письмо Ваше от 29-го мая. Отвечаю на него с такой же откровенностью.

По вступлении моем в жизнь аскетическую и потом в монастырь, хотя и случались со мною разные опыты, свойственные этому пути, но о душе и духах я имел понятие неопределенное, признавая и называя их по общему поверхностному пониманию бесплотными и невещественными; нужды входить в дальнейшее рассматривание не представлялось. Вступил я в монастырь в 1827 году, а начал заниматься Писанием и отцами гораздо раньше, – можно сказать с детства. С 1843 года, **независимо от меня**, необходимость заставила вникать подробнее и точнее в значение души и сотворенных духов. Справедливо сказал Антоний Великий, что это познание крайне нужно для подвижников. Особенно нуждаются в нем те подвижники, которые в подвиге своем введены перстом Божиим в брань с духами. Да и для всех оно имеет существенную пользу: луч-

ше ознакомиться с миром духов прежде смерти, нежели при наступлении смерти, как ознакомились многие к величайшему удивлению и ужасу своему, в противность понятиям заимствованным у западных мечтателей. Опыт доказывает верность учения отцов со всей решительностью. Темное и загадочное делается очень ясным и простым. Что ж касается до слова эфир, то химия называет этим словом материю, совершенно отличную от газов, принадлежащих земле, несравненно тончайшую, но неопределенную, вовсе неизвестную человекам. Существование же ее признается по той необходимой причине, что пространство за земною атмосферою, как и вообще всякое пространство, не может быть чуждым материи. В собственном смысле – невещественен один, необъемлемый пространством – Бог. Духи сотворенные бесплотны по отношению к нам. Но естество их, как и естество души пребывает неопределенным для нас по невозможности определить его. Наука признает невозможным определение нашего тела, равно как и всех тел, имеющих органическую силу – жизнь. Мечта Декарта о независимости духов от пространства и времени – решительная нелепость. Все ограниченное, по необходимости, зависит от пространства.

Еп. Игнатий.
7-го июня 1865 г.,
Николо-Бабаевский монастырь

БЛАГОВЕСТ

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В СВЯТЕЙШЕМ СИНОДЕ НАСТОЯТЕЛЕМ СЕРГИЕВОЙ ПУСТЫНИ, АРХИМАНДРИТОМ ИГНАТИЕМ, ПРИ НАРЕЧЕНИИ ЕГО ВО ЕПИСКОПА КАВКАЗСКОГО И ЧЕРНОМОРСКОГО, 25 ОКТЯБРЯ 1857 г.

Ваше Святейшество!

В настоящие священные и вместе страшные для меня минуты невольно вспоминаются мне слова, сказанные Господом ученику Его: *Егда был еси юн, поясался еси сам, и ходил еси, аможе хотел еси, егда же состареешися, воздежеши руце твои, и ин тя пояшет, и ведет, аможе не хощеши*[947].

Во дни юности моей я стремился в глубокие пустыни. *Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни: чаях Бога спасающаго мя от малодушия*, которым обличается в человеке недостаток благодатного развития *и от бури* страстей, воздвигаемой обманчивыми и скорогибнущими прелестями мира[948]. Монашество нравилось и нравится мне само по себе! Но я вовсе не мыслил о служении Церкви в каком бы то ни было сане священства. Быть епископом[949] своего сердца, и приносить в жертву Христу помышления и чувствования, освященные Духом: вот высота, к которой привлекались мои взоры.

Недолго пользовался я свободою юности: вскоре был опоясан и окован непостижимым Божественным промыслом. Всемогущая десница Его, в противоположность предположению моему, внезапно восхитила меня из глуши лесов и пустынь, – поставила в обитель преподобного Сергия, на берег

моря, на берег моря житейского, великого и пространного[950]. Трудно испытывать пути Божии! Только Дух Божий испытует глубины Божии[951]. Просвещенные Духом, святые наставники монашества утверждают, что для новоначальных иноков опасно глубокое уединение, в котором они могут удобно впасть в мечтательность и самомнение, что им необходимо, как училище и врачебница, общество человеческое. При многоразличных столкновениях с ближними обнаруживаются для инока его страсти, таящиеся от него самого в сокровенностях сердца, и врачуются всесильным врачевством: учением Христовым[952].

Всматриваясь в недуги души моей, признавал я такое положение существенно нужным для меня. Но как объясню себе то призвание, которым вы, священнейшие отцы, ныне призываете меня? Что обрели вы во мне, и что я могу представить вам, кроме множества недостатков моих? Страшен для меня сан епископа при мысли о немощи моей. Страшусь, чтоб вместо назидания не принести мне соблазна братиям моим и не уготовать себе большего осуждения на суде Христовом. Счел бы я более верным для спасения моего и более сообразным с силами моими провести остаток дней моих, как и начало их, в безмолвии пустынь, в созерцании греха моего.

И опять я страшусь!.. Страшусь воли моей, чтоб последуя ей не последовать вместо Бога самому себе и тем не навлечь на себя непредвидимого бедствия[953]. *Тесно ми отвсюду!*[954] В недоумении моем отрицаюсь себя, предаю и временную и вечную участь мою в руце Бога моего. Связанный избранием вашим и повелением Августейшего помазанника Божия, с покорностью и трепетом преклоняю главу под бремя, могущее сокрушить недостойного.

Не преставайте укреплять меня назиданиями вашими! Не отриньте, когда по завещанию Святого Духа, приду к вам за словом разума, за словом душеспасительным. Дух Святой заповедал: *вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твоя, и рекут тебе*[955]. Простирая на меня руки, чтоб облачить меня великим саном архиерейства, прострите их и молитвенно о мне к Богу, являющему силу Свою в слабости человеческой.

Что ж касается до меня, то я, в сей грозный для меня час, ищу успокоения совести моей, и нахожу его в безусловной преданности воле Божией, в сознании и исповедании пред вами обилия моих немощей.

СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1995 г.

Автор данного труда – епископ Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867), известный русский подвижник и духовный писатель XIX века. Его сочинения, изданные еще при жизни святителя и переизданные в пяти томах в 1886 г., привлекают внимание глубоким знанием Священного Писания и творений святых отцов Православной Церкви, творчески переработанных и осмысленных применительно к духовным запросам современности. Написанные к тому же с незаурядным литературным мастерством, произведения святителя представляют собой ценное пособие для всех желающих проходить узкий и тернистый путь опытного Богопознания. Данное сочинение — «Слово о человеке» – не вошло в пятитомное издание и вообще до сего времени оставалось неизвестным. Оно принадлежит к числу немногих творений святителя, имеющих философско-догматический характер и излагающих вероучительные истины в систематическом порядке. Этот труд епископа Игнатия можно назвать очерком по христианской антропологии.

Епископ Игнатий излагает учение о человеке на основании Предания Православной Церкви – Священного Писания и творений святых отцов. Все неправославные и тем более нерелигиозные концепции человека им просто не рассматриваются – они отнесены им к «измышлениям падшего человеческого разума». Впрочем, находясь в русле святоотеческой традиции, его антропология имеет свои особенности: святителя интересуют в первую очередь пути исцеления души человеческой от греха, вопросы пастырской практики и

аскетики. Вот почему из святых отцов по данной теме ему наиболее близки святой Иоанн Златоуст, преподобные Макарий Великий и Исаак Сирин. Основополагающая идея учения о человеке епископом Игнатием взята у святого апостола Павла. Человек – это храм. Его назначение – освящение, наполненность Святым Духом. Иначе этот «словесный» храм становится жилищем сил зла – демонов. Третьего не дано. Столь же резко святитель разграничивает две линии развития мировой истории. Первую определяют те, кто стремится к Небу и земную жизнь считает временем покаяния, а самую землю – лишь временным пристанищем, страной изгнания из рая. Вторую линию составляют те, кто, забыв о покаянии и возвращении к Небу, нацелен на устроение земной жизни, на упрочение состояния грехопадения, приводящее в конце концов к полному подчинению «князю века сего» – диаволу.

Содержание «Слова о человеке» строится по обычному плану. В начале – введение, затем – о творении мира и человека, о пребывании в раю, грехопадении и последующей земной жизни человечества. Далее начинается 2-я часть – о пришествии в мир Христа, и здесь рукопись обрывается. Из этого можно предположить, что свой труд святитель писал незадолго до смерти (30 апреля 1867 г.).

Многие идеи «Слова о человеке» – об аде и рае, о познании добра и зла, об относительной бестелесности человеческой души – встречаются и в других произведениях епископа Игнатия, в таких, как «Слово о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу», «Об образе и подобии Божием в человеке» («Аскетические опыты», т. 2), «Слово о смерти» («Аскетические опыты», т. 3). Более того, в самом «Слове о человеке» автор ссылается на эти свои произведения, что также позволяет отнести его к последним годам жизни святителя.

Очень жаль, что труд епископа Игнатия остался незавершенным и не рассмотрены, в частности, вопросы учения о человеке, связанные с христологией и сотериологией. Тем не менее и в таком виде «Слово о человеке» представляет несом-

ненный интерес и вполне может послужить к назиданию и духовной пользе всех, стремящихся «спастися и в разум истины приити» (1 Тим. 2, 4).

Текст данного творения сохранился в семейном архиве Флоренских. Вероятно, он предполагался для публикации в «Богословском вестнике», редактором которого был священник Павел Флоренский в 1912–1917 гг. Текст предоставлен игуменом Андроником (Трубачевым); подготовлен к печати архимандритом Исаией (Беловым).

Архимандрит Исаия, Троице-Сергиева Лавра

ВВЕДЕНИЕ

Аще быхом себе разсуждали,
не быхом осуждены были (1 Кор. 11, 31)

Из монастырского уединения смотрю на видимое нами великолепное и обширное мироздание – поражаюсь недоумением и удивлением. Повсюду вижу непостижимое! Повсюду вижу проявление Ума, столько превышающего мой ум, что я, созерцая бесчисленные произведения Его в необъятной картине мира, вместе не могу понять окончательно ни одного произведения Его, ни одного действия Его. Мне дана возможность созерцать только ту часть творения, которая доступна моим чувствам; мне дана возможность осязательно убедиться в существовании вещества, доступного для чувств моих по его свойствам, недоступного для меня по ограниченности моей[956]; мне дана возможность заключать со всею достоверностью по веществу, подверженному моим чувствам и исследованию, о существовании вещества, недоступного для меня по тонкости его; мне дано узнать, что природа управляется обширнейшим, премудрым законодательством, что законодательство это одинаково объемлет и громаднейшие, и самомалейшие творения. Ничто из существующего не изъято из подчинения

законам. Мне дано узнать, узнать лишь отчасти и поверхностно, малейшую часть законов природы, чтоб из этого познания, составляющего плод тысячелетних усилий и славу ума человеческого, я заключил положительно о существовании Ума неограниченного, всемогущего (Рим. 1, 20). Возвещает Его, громко проповедует природа. Во мне естественно существует понятие о Боге: понятие это не может быть не запечатлено неомрачимым сознанием, которое почерпает душа из рассматривания природы чистым оком. Непостижима она для меня! Тем непостижимее делается она, чем я более ввожусь в постижение ее! Должна быть она непостижимою, будучи произведением непостижимого Бога! Непостижимо для меня раскинут широкий свод небес, утверждены на своих местах и в своих путях огромные светила небесные: столько же непостижимо произрастает из земли травинка, небрежно попираемая ногами. Она тянет из земли нужные для себя соки, разлагает их, образует из них свойственные себе качество, вкус, запах, цвет, плод; возле нее другой стебелек, из той же земли, из таких же соков, вырабатывает принадлежности совсем иные, последуя отдельным, своим законам, и часто возле вкуснейшей ягоды или благовоннейшего цветка произрастает злак, напитанный смертоносным ядом.

Среди предметов необъятного мироздания вижу и себя – человека. Кто я? Откуда и для чего являюсь на земле? Какая вообще цель моего существования? Какая причина и цель моей земной жизни, этого странствования, краткого в сравнении с вечностью, продолжительного и утомительного в отношении к самому себе? Являюсь в бытие бессознательно, без всякого со стороны моей согласия; увожусь из этой жизни против моей воли, в час неопределенный, непредугаданный. Являюсь и увожусь, как невольник. Более! Являюсь и увожусь, как творение. Живу на земле, не зная будущего. Мне неизвестно, что сделается со мною чрез день, чрез несколько минут. Постоянно встречаюсь с неожиданным. Постоянно нахожусь под влиянием обстоятельств и обстановки, которые порабощают меня себе. Одна привычка, одна проводимая безрассудно жизнь

мирит с таким странным положением. Не может оно укрыться от наблюдателя. Что делается со мною, когда я, пробыв на земле срочное время, исчезаю с лица ее, исчезаю в неизвестность, подобно всем прочим человекам? Способ отшествия моего из земной жизни страшен: он именуется смертью. С понятием о смерти соединено понятие о прекращении существования, но во мне живет убеждение невольное, естественное, что я – бессмертен. Чувствую себя бессмертным: постоянно действую из этого чувства. Умирающие при сохранении сознания говорят и действуют, как отходящие и переселяющиеся, отнюдь не как уничтожающиеся. Человек – тайна для самого себя.

Неужели эта тайна запечатлена окончательно и нет никакого средства раскрыть ее? Да! Запечатлел ее для человека грех, запечатлело ее для него падение его. Человек лишен истинного самовоззрения и самопознания. Доколе я пребываю в падении моем, дотоле тайна – человек – пребывает для меня неразъяснимою: извращенный, пораженный слепотою и ложью разум мой недостаточен для раскрытия ее. Не понимаю души моей, не понимаю тела моего; понятия, которые думаю иметь о них, оказываются, при рассмотрении неповерхностном и нелегкомысленном, очень недостаточными, по большей части ошибочными. Блуждают во мраке самообольщения и заблуждения мудрецы мира, возмечтавшие и произнесшие о человеке учение произвольное и суетное, заменяя истину предположениями; в ту же пропасть самообольщения и заблуждения влекутся слепцы, руководимые слепцами. Тайна – человек – отверзается в степени, доступной и нужной для нас, вочеловечившимся Богом, Господом нашим Иисусом Христом, *в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2, 3). Приобретаемое при посредстве Божественного откровения познание о человеке все еще остается относительным: относительным к ограниченности постижения нашего, относительным к существенной нужде нашей в познании. Бог дарует нам самовоззрение и самопознание, необходимые для покаяния, для спасения, или, что то же, для вечного блаженства нашего; но основная причина создания человека, сущест-

венное условие бытия его, самое существо его ведомы единому Богу. Действия неограниченного Творца не могут быть объяснены со всею точностью тварям, хотя и разумным, ни постигнуты ими. Полное и совершенное познание всех тварей имеет один Творец их, Бог.

Это познание отличается от познания, свойственного и возможного нам, различием бесконечным. Озаряемые светом слова Божия, светящего нам из Священного Писания и из писаний святых отцов, мы предлагаем здесь учение Святого Духа о человеке, предлагаем сообразно скудости способностей наших, особливо же сообразно скудости духовного преуспеяния нашего. Все, что изрек о сем предмете лжеименный разум падшего человека и бесовский, горделиво и исключительно признающий себя и здравым, и просвещенным, мы оставляем без всякого внимания. Поступая так, мы последуем завещанию Духа, завещавшего христианству чрез посредство апостола: *Блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе*[957].

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Что такое – человек? На этот вопрос отвечает человекам апостол: *вы есте церкви Бога Жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие* (2 Кор. 6, 16). Священное Писание называет всякого вообще человека домом, обителью, сосудом. Тот человек, который не захочет быть домом Божиим, сосудом Божественной благодати, соделывается домом и сосудом греха и сатаны. *Егда нечистый дух*, – сказал Спаситель, – *изыдет от человека, преходит сквозе безводная места, ища покоя, и не обретает. Тогда речет: возвращуся в дом мой, отнюдуже изыдох: и пришед обрящет празден, пометен и украшен. Тогда идет и поймет с собою седмь иных духов лютейших себе, и вшедше живут ту: и будут последняя человеку тому горша первых*[958]. Человек не может не быть тем, чем он создан: он не может не быть домом,

не быть жилищем, не быть сосудом. Не дано ему пребывать единственно с самим собою, вне общения: это ему неестественно. Он может быть с самим собою только при посредстве Божественной благодати, в присутствии ее, при действии ее: без нее он делается чуждым самому себе и подчиняется невольно преобладанию падших духов за произвольное устранение из себя благодати, за попрание цели Творца. Апостол, благоговейно созерцая свободу, которую Бог предоставил человекам преуспевать как в добре, так и во зле во время всей земной жизни, говорит: *Яко камение живо зиждитеся в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богови Иисус Христом. В велицем дому* мира *не точию сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни; и ови убо в честь, ови же не в честь. Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце* (1 Пет. 2, 5; 2 Тим. 2, 20–21). Дана свобода, но воля Божия пребывает неизменною: *Сия есть воля Божия – святость ваша, хранити себе самех от блуда, и ведети комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы, не ведящии Бога. Не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отметаяй, не человека отметает, но Бога, давшаго Духа Своего Святаго в нас* (1 Сол. 4, 3–8). Соделывается человек сосудом и жилищем Божиим посредством христианства; устраивается и украшается жилище действием Святого Духа: *вы созидаетеся*, – говорит апостол, – *в жилище Божие Духом* (Еф. 2, 22). Вожделенно для человека удовлетворение Божественной цели! Вожделенно для человека достижение достоинства, предоставленного ему Богом! Достоинство это при сотворении человека было даром Божиим; потерянное падением, оно по искуплении опять соделалось даром Божиим. *Преклоняю колена моя*, – пишет святой Павел к Ефесеям, – *ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу верою в сердца ваша* (Еф. 3, 14, 16–17). Достоинство даровано и законоположено Богом: отвержение достоинства влечет за собою

вечную погибель. *Будите во Мне и Аз в вас*, – сказал Спаситель всем ученикам Своим – христианам. – *Якоже розга не может плода сотворити о себе* (сама собой), *аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете. Аз есмь лоза, вы же рождие, и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет, и собирают ю, и во огнь влагают, и сгорает* (Ин. 15, 4–6). *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Соделались храмами Божества все избранники Божии, как говорит о себе святой апостол Павел: *Живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Не удовлетворивших Божественному назначению он называет не тем, чем они должны быть. *Или не знаете себе*, – говорит он, – *яко Иисус Христос в вас есть? Разве точию чим неискусни есте, то есть* (по русскому переводу) «разве только вы не то, чем должны быть» (2 Кор. 13, 5). За неудовлетворение человеком назначению своему апостол возвещает ему вечное бедствие. *Не весте ли,* – говорит он, – *яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлита, растлит сего Бог* отступлением от него, преданием собственному состоянию падения, общению с падшими духами и последствию их – погребению на веки во адской огненной бездне. *Храм Божий свят есть, иже есте вы*, – то есть «храм Божий свят, а этот храм – вы» (1 Кор. 3, 16–17). Не только души, но и *телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть, Егоже имате от Бога*, получив в себя при Таинстве Крещения, и *несте свои: куплени бо есте ценою* Крови Богочеловека. *Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия* (1 Кор. 6, 19–20). Основываясь на этих свидетельствах Святого Духа, определяем человека так: «Человек есть Богозданный храм Божества по душе и телу».

Предлагаем возлюбленным братиям, инокам и всем вообще подвижникам христианства, желающим подвизаться правильно, законно, соответственно воле Божией, предлагаем обратить должное внимание на сделанное нами определение человека! Указание и объяснение правильного подвига составляет цель нашего убогого слова. Плод правильного, предначертанного Святым Духом подвига – обновление подвижника Божественною благодатию и водворение Христа с Его Отцом и Духом в Его храме – человеке. «Тех, которые не ощущают вселения Христова, – сказал некоторый великий отец, – Священное Писание именует неискусными, то есть не знающими опытно христианства»[959]. К правильному подвигу, как к существенно необходимому, приглашает апостол служителя Христова: *Злопостражди*, – говорит он, – *яко добр воин Иисус Христов. Аще и подвизается кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися*» (2 Тим. 2, 3, 5).

Естественно, что учение Священного Писания о человеке возвещается и проповедуется единогласно отцами Православной Церкви. «Мы дом Божий по слову пророческому, евангельскому и апостольскому», – сказал преподобный Марк Подвижник[960]. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Благодать Святого Духа соделывает нас самих, если мы проводим благочестивую жизнь, храмами Божиими, и мы получаем способность молиться на всяком месте. Не таково у нас богослужение, каковым было оно некогда у иудеев, сопряженное с значительною наружною обстановкою, нуждавшееся в многих обрядах. Там намеревавшемуся принести молитву долженствовало прийти ко храму, купить горлицу, иметь в руках дрова и огонь, пригласив жреца, приступить к алтарю, сверх того исполнить много других постановлений – здесь ничего нет такого, где бы ты ни был, приуготовлен тебе и алтарь, и жрец, и жертва. Ты сам и алтарь, и священник, и приношение»[961]. *Вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. 6, 16). – Этот дом укрась, извергни всякое греховное помышление, чтоб соделаться драгоценным членом Христа, чтоб соделаться храмом Духа»[962]. *Основания иного никтоже может положити паче лежащего, еже есть Иисус Христос* (1 Кор. 3, 11), *о Немже всяко создание составляемо* (т. е. зиждется всякое здание) (Еф. 2, 21). Самое дело, будучи рассмотрено со вниманием и точностью, показывает, что основание иначе положено быть не

может, как трезвенным и правильным жительством. *Здание растет*, – говорит апостол, – *в церковь святую о Господе,* – часто повторяет он это, – в святой храм, *в жилище Божие Духом* (Еф. 2, 21–22). Что это за здание? Храм, предназначаемый в обитель для Бога. «Каждый из вас есть храм, и все вообще составляете храм, в котором жительствует Бог, как в Теле Христовом, как в духовном храме»[963]. Учение святого Иоанна Златоустого читаем и в возвышенных словах святого Исаака Сирского. Епископ Ниневии и отшельник в пустынях Месопотамии, а потом Египта (Исаак) уясняет это учение из опытов святого подвижничества. «Дерзаю утверждать, – говорит Исаак, последуя святому Павлу, – что мы – храм Божий. Очистим храм Его, потому что Он чист, чтоб Он возжелал вселиться в него. Освятим его, потому что и Он свят. Украсим его всеми делами благими и благолепными. Покадим его кадилом – упокоением Бога, исполнением воли Его, чистою и сердечною молитвою, которой невозможно стяжать при частом общении с миром участием в действиях его[964]. Тогда осенит душу облак славы Божией, и свет величия Его воссияет внутри сердца[965]. Небо – внутри тебя, если будешь чист: в самом себе увидишь Ангелов со светом их, и Владыку их с ними и внутри их. Сокровище смиренномудрого внутри него: оно – Господь[966]. Храм благодати тот, кто растворен с Богом и пребывает в попечении о суде Его. Что значит пребывать в попечении о суде Его? Не что иное, как непрестанно изыскивать все средства к упокоению Его[967], непрестанно скорбеть и печалиться по причине немощи естества нашего, не попускающей нам достигнуть совершенства, непрестанно заботиться о том, чтоб постоянно содержать в душе своей не прерывающуюся память Божию[968], как сказал блаженный Василий. Сосредоточенная молитва, чуждая развлечения, соделывает в душе волю Божию явственною. В этом заключается вселение Бога в человека, когда Бог, постоянным памятованном Его, напечатлеется (водрузится) в человеке»[969]. Святому Исааку был предложен вопрос: «В чем заключается совокупность всех частных подвигов жительства, то есть безмолвия, чтоб по ней подвижник мог ура-

зуметь, что он достиг совершенства в жительстве?» Великий отец дал вопросу следующее решение, которое можно было дать только из глубокой подвижнической опытности: «Когда безмолвник достигнет постоянного пребывания в молитве. Достигший этого достиг высшей грани всех добродетелей и отселе соделался жилищем Святого Духа. Если кто с достоверностью[970] не приял в себе благодати Утешителя, тот не может свободно пребывать таким образом в молитве. Дух, говорит Писание (Рим. 8, 26), когда вселится в кого из человеков, не престает от молитвы, потому что Сам Дух непрестанно молится. Тогда молитва не пресекается в душе ни во время сна, ни во время бодрствования; но ест ли человек или пьет, или что другое делает, даже во время глубокого сна благоухания и пары молитвы этой без труда источаются из его сердца. Тогда молитва не отлучается от подвижника, но постоянно пребывает в нем и с ним: если она и умолкает по наружности на краткое время, то тайно она же служит в нем»[971].

Преподобный Макарий Великий очень часто в глубоких беседах своих к совершенным христианам обращается к объяснению назначения, данного человеку Творцом. Он постоянно выражается о человеке, как об обители, храме, сосуде, Престоле Божества. «Благоизволил Небесный Отец обитать во всяком, верующем в Него и просящем у Него (Ин. 14, 21, 23). Так восхотело беспредельное милосердие Отца! Так угодно непостижимой любви Христовой! Таково благоволение неизглаголанной Божией благости[972]. Внутренний человек есть некое живое существо, имеющее свой образ и вид: внутренний человек есть подобие внешнего человека. Это – превосходнейший и драгоценнейший сосуд, потому что Бог благоволил о нем более, нежели о всех тварях[973]. Престол Божества есть ум наш, и, наоборот, престол ума есть Божество и Дух. Подобно этому, по преступлении заповеди Адамом, на его сердце, ум и тело, как на свой престол, воссели сатана, начала и силы тьмы. Для разрушения их царства пришел Господь, приняв плоть от Девы, и низложил духов злобы, восседающих в теле, с престолов их: с разума и помышлений, в которых они обитали. Господь очис-

тил совесть, соделал Своим престолом разум, помышление и тело[974]. Естество наше может быть в общении с демонами и лукавыми духами, равно как и в общении с Ангелами и Святым Духом, бывает храмом сатаны и храмом Святого Духа. Итак, рассматривайте, братия, совесть вашу: с кем вы находитесь в общении, с Ангелами ли или с демонами? Чей вы храм и жилище, Божие ли или диавольское? Каким сокровищем наполнено сердце ваше, благодатным ли или сатанинским? Как дом, осквернённый зловонием и нечистотами, должно, во-первых, окончательно очистить, потом украсить и наполнить всяким благовонием и сокровищами, так должно нам очистить и сердце, чтоб вместо сатаны пришел Дух Святой и почил в душах христианских[975]. Души, ищущие естеству своему Странника, то есть освящение Святого Духа, прилепляются всею любовию своею ко Господу, в Нем живут, в Нем молятся, к Нему устремляют все помышления свои, презирая все прочие блага мира. За это они удостаиваются приять елей Божией благодати. После этого они могут проводить жизнь свою беспреткновенно, во всем вполне благоугождая духовному Жениху. Но души, пребывающие в одном собственном естестве, пресмыкающиеся помышлениями своими по земле, занятые попечениями единственно о земном, – разум их живет в стране дольней. Сверх того – что хуже всего – обольщенные самомнением и упорные в нем, они признают себя, будучи украшены плотскими правдами[976], истинными невестами Небесного Жениха. По самой же вещи их невозможно признать рожденными свыше, как не приявших елея радости[977]. Дом, в котором не живет господин его, находится в темноте, нечистоте и запустении, наполняется сором и смрадом, так и душа, в которой не обитает Господь с Ангелами, наполняется греховным мраком, скверными и унизительными страстями. Горе пути, по которому никто не ходит, на котором не слышится человеческого голоса! Такой путь соделывается притоном зверей. Горе душе, в которой не ходит Господь и не прогоняет из нее Своим гласом зверей – духов злобы! Горе дому, когда не обитает в нем владелец его! Горе земле, когда нет земледельца, который бы

возделывал ее! Горе кораблю, не имеющему кормчего! Он сокрушится и погибнет от морских волн и бури! Горе душе, не имеющей в себе истинного кормчего Христа! Находясь в горестном и мрачном море, обуреваемая волнами страстей и духами злобы, бедствуя как бы от тяжкой непогоды, наконец, она подвергается погибели! Горе душе, если она не имеет в себе рачительно возделывающего ее Христа, чтоб она могла приносить благие плоды Духа! Будучи оставлена, она порастает терниями и волчцами и, наконец, подвергается потреблению огнем. Горе душе, если она не имеет обитающим в себе Господа своего Христа! Будучи оставлена, она наполняется смрадом страстей и соделывается жилищем пороков»[978].

МИРОЗДАНИЕ

Сообразно определению, данному нами человеку, мы намереваемся изобразить по силам нашим чудное зодчество этого словесного храма Божия; мы намереваемся начертать духовную и нравственную историю его от создания до кончины мира: и человек сам собою, и история его представят фактическое убеждение, что единственно то назначение, которое указывается человеку словом Божиим, а не иное, свойственно ему.

Человек сотворен Богом. Сотворением человека Творец заключил мироздание, то есть сотворение миров, видимого и невидимого. Он, прежде нежели приступил к созиданию окончательной твари, в которой восхотел сочетать миры видимый с невидимым, приуготовил для этой твари жилище – землю. Извлекал Он все из ничтожества единым словом; творил Он из преждесотворенных тварей твари новые единым словом. Для совершенного в премудрости Зиждителя труд размышления или обдумывания был излишен; для всемогущего Зиждителя труд созидания был излишен: все являлось по Его мысли, по Его слову. Его мысль есть Его слово, и Его слово есть мысль Его. *Той рече, и быша*: *Той повеле, и создашася* (Пс. 148, 5). На глас Божий явились небо, земля, светила небесные, отделились от земли воды в свои хранилища, потом земля покрылась про-

израстаниями, населилась различными животными. Земля, созданная, украшенная, благословенная Богом, не имела никаких недостатков. Она была преисполнена изящества. *Виде Бог*, по совершении всего мироздания, *вся, елика сотвори: и се добра зело* (Быт. 1, 31). Ныне взорам нашим представляется земля совсем в ином виде. Мы не знаем ее состояния в святой девственности; мы знаем ее в состоянии растления и проклятия, знаем ее, уже обреченную на сожжение [979]; создана была она для вечности. Боговдохновенный бытописатель говорит, что земля в первоначальном состоянии своем не нуждалась в возделывании (Быт. 2, 5): сама производила преизобильно и превосходного достоинства хлебные и другие питательные травы, овощи и плоды. Никаких вредных произрастаний не было на ней; растения не были подвержены ни тлению, ни болезням; и тление, и болезни, и самые плевелы явились после изменения земли вслед за падением человека, как должно заключать из слов Бога изгоняемому из рая Адаму: *Терния и волчцы возрастит тебе земля* (Быт. 3, 18). По сотворении на ней было одно прекрасное, одно благотворное, было одно приспособленное к бессмертной и блаженной жизни ее жителей. Перемены погоды не существовало: постоянно была она одинаковою – самой ясной и благорастворенной. Дождей не было: источник исходил из земли, и напаявал лицо ее (Быт. 2, 5, 6). Звери и прочие животные пребывали в совершенном согласии между собою, питаясь произрастаниями (Быт. 1, 30). Гнев Творца изменил землю. *Проклята земля в делех твоих* (Быт. 3, 17), – сказал Он человеку, поправшему заповедь Его: и отъятие благословения у земли выразилось немедленно разнообразным всеобщим расстройством ее, предвозвещающим сожжение ее, соделывающим это сожжение как бы естественною необходимостью. Пало на землю проклятие, и засвистели ветры, забушевали бури, засверкала молния, возгремел гром, явились дожди, снега, грады, наводнения, землетрясение. Животные утратили повиновение и любовь к человеку, утратившему повиновение и любовь к Богу. Они вступили в враждебные отношения к нему. Одних он покоряет себе насильно и содержит в повиновении

насильно; с другими он — в вражде и войне непримиримой и убийственной. Весьма-весьма немногие породы остались с приверженностию к нему, как бы грустный памятник и образец прежней всеобщей любви; большинство удалилось и укрылось от него в дремучие леса, в обширные степи, в ущелия гор и темные пещеры. Дикие и неприязненные взоры кидают они на прежнего обладателя своего, когда неожиданно встретятся с ним. Они как бы видят в нем преступника, врага Божия: одни быстро бегут от него, другие с остервенением кидаются на него, чтоб растерзать его. В неприязненные отношения вступили животные и между собою: оставив пищу, сначала для них предназначенную, ощутив изменение в самом естестве своем, которое приобщилось проклятию, поразившему землю, они восстали друг на друга, начали пожирать друг друга. Смерть, которой обречены были наши праотцы за грех свои, смерть, которую они ощутили и в душе, и в теле по отступлении Божественной благодати, но которой явного последствия еще не ведали, они увидели и уведали на животных. Первые убийства совершены были без сомнения зверями, потом человек начал закалать животных для жертвоприношения (Быт. 4, 4); наконец явилась смерть между человеками от убийства, совершенного братом-злодеем над братом-праведником (Быт. 4, 8). До греха не было в мире смерти. Смерть вошла в мир грехом (Рим. 5, 12), быстро объяла, заразила, неисцельно повредила мир. Разрушение мира соделалось необходимостью: разрушение его есть естественное последствие его смертного недуга. Сгорит земля в последний день этого ветхого, изветшавшего мира; попадают светила небесные с мест своих, как бы с смоковницы плоды ее, сшибаемые ветром; самое небо свиется, как одежда, и исчезнет (2 Пет. 3, 10; Апок. 6, 14). Малые черты первоначального состояния земли, сохраненные для нас книгою Бытия, показывают, какое огромное, какое горестное, непостижимое для нас изменение совершилось над землею по падении человека.

Мы упомянули выше о мирах видимом и невидимом[980]. Это понятие — **относительное**. Оно образовалось в нас из состо-

яния падения, в котором мы находимся, в котором очень естественно называть видимую нами часть создания Божия миром видимым, а невидимую – миром невидимым. В сущности, этого разграничения нет[981]. К невидимому миру мы причисляем Ангелов и ту часть вселенной, которая служит жительством для них. Бытописатель ничего не говорит о сотворении Ангелов, но из Священного Писания видно, что они сотворены прежде видимого мира. Описание мироздания заключается единственно в описании сотворения видимого мира, который мы также называем миром вещественным. Это название – опять относительно; в описании мироздания говорится о предметах вещественного мира, находящихся вне земли, только по отношению их к земле и человеку. Дух Святой поведает нам о мироздании столько, сколько требует того существенная наша нужда, а не столько, сколько желало бы любопытство кичащегося разума, злоупотребляющего познаниями. Так, поведается о светилах небесных, что они сотворены с целью *освещати землю, и да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета, и да будут в просвещение на тверди небесней, яко светити по земли* (Быт. 1, 14–15). Слово Божие доставляет познания, необходимые для жительства богоугодного – жительство богоугодное соделывает человека обителью Святого Духа, Который и научает своеобразно, не по стихиям мира, словесный сосуд Свой высокому учению Божественной истины, невыносимому и несвойственному для разума плотского и душевного (Ин. 16, 12–13; 1 Кор. 2, 13–14). Мироздание совершилось в шесть дней; завершилось оно сотворением человека.

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Бог сотворил человека по *образу* и *подобию* Своему. Под словом *образ* должно разуметь, что самое существо человека есть снимок (портрет) с Существа Божия; а *подобием* выражается сходство в самых оттенках образа или его качествах. Очевидно, что образ и подобие, сопряженные вместе,

составляют полноту сходства; напротив того, утратою или искажением подобия нарушается все достоинство образа. Бог сотворил человека по образу и подобию Своему: следовательно, сотворил его совершенным образом Своим. Человек был отпечатком Божества не только по существу своему, но и по нравственным качествам – по премудрости, по благости, по святой чистоте, по постоянству в добре. Зло или недостаток не могли иметь никакого места в человеке: несмотря на свою ограниченность, он был совершен; несмотря на свою ограниченность, он имел полноту сходства с Богом. Полнота сходства необходима была для того, чтоб человек удовлетворял своему назначению – назначению быть храмом Всесовершенного Бога. Ум человека долженствовал быть Умом Божиим (1 Кор. 2, 16), слово его долженствовало быть Словом Божиим (1 Кор. 7, 12; 2 Кор. 13, 3), дух его должен быть соединен с Духом Божиим (1 Кор. 6, 17), его качества должны быть богоподобными (Мф. 5, 48). Вселение Бога в человека есть вместе и теснейшее соединение Бога с человеком; человек-тварь соделывается причастником Божественного естества (2 Пет. 1, 4)! Человек, достигший такого состояния, называется богом по благодати! К такому состоянию призваны все мы Творцом при сотворении, в прародителях наших, как возвестил Сам Творец: *Аз рех: бози есте* (Пс. 81, 6). В таком состоянии находился наш праотец немедленно по сотворении его, так что слова, сказанные им о жене, Спаситель мира прямо назвал словами Божиими (Быт. 2, 24; Мф. 19, 4, 5).

Священное Писание представляет Бога совещавающимся с Самим Собою пред сотворением человека. *Сотворим человека*, – произнесло непостижимым образом непостижимое Божество, – *по образу Нашему и по подобию; и да обладает рыбами морскими и птицами небесными, и зверьми и скотами, и всею землею, и всеми гады, пресмыкающимися по земли* (Быт. 1, 26). В этих словах, предшествовавших сотворению дивного образа Божия, открывается и свойство Самого Первообраза – Бога, открывается Троичность Лиц Его.

Совещание божественное, предшествовавшее созданию человека-мужа, предшествовало и созданию человека-жены. *И рече*, – говорит Писание, – *Господь Бог: не добро быти человеку единому: сотворим ему помощника по нему* (Быт. 2, 18). Жена, подобно мужу, создана по образу и подобию Божиим; создание ее, как и создание мужа, почтено совещанием, в котором проявляются Три Лица Единаго Божества и произносят величественное *сотворим*, изображающее едину волю и одинаковое достоинство Лиц Всесвятой Троицы, действующих нераздельно и неслитно. Троичность Лиц Божества при единстве Божественного Существа отпечаталась и на образе Божием – человеке – с поразительной ясностью. Представителем человечества, его деятелем поставлен муж: по этой причине Священное Писание упоминает о нем одном при взятии человека в рай и при изгнании человека из рая (Быт. 2, 15; 3, 22–24), хотя ясно видно из того же Писания, что в том и другом обстоятельстве участвовала и жена. Она вполне участвует в достоинстве человека и в достоинстве образа Божия: *Сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их* (Быт. 1, 27).

ТЕЛО И ДУША

Действие Творца при сотворении человека-мужа Священное Писание изображает так: *Созда Бог человека, персть взем от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни: и бысть человек, в душу живу* (Быт. 2, 7). Этот образ сотворения человека показывает в нем превосходнейшее и ближайшее к Богу творение. Человек производится не единократным действием, как произведены были прочие твари, но образуется и созидается постепенно. Творец мира для сотворения земли, неба, громадных светил, бесчисленных растений и животных употреблял единое свое слово; Творец человека представляется сперва глаголющим в Самом Себе, потом действующим; сперва образующим тело, потом вдыхающим в лицо человека дыхание жизни. По самому сотворению достоинство тела человеческого несравненно выше всех прочих тел, а душа несравненно выше всех душ животных, душ, которые произвела из себя земля по повелению Творца (Быт. 1, 24). Но первое начало человека – персть. Мысль об этом начале должна служить для нас неисчерпаемым источником смирения! Душа от первого видимого действия, свидетельствующего о присутствии ее в человеке, названа *дыханием жизни*; самое вдохновение ее отнесено к лицу человека, как к той части тела, которая одна по преимуществу служит зеркалом души, выражая на себе характер ее движений и ощущений. Весь человек наименован *живою душею*, потому что, по соединении души с телом, он сделался единым существом, состоящим из души и тела, но существом, в котором полное преобладание имеет душа[982]. Тело – дом души, ее одеяние, ее орудие. Так именуют его и Священное Писание, и святые отцы. Два верховные апостола назвали его своею хижиною (2 Пет. 1, 13–14 ; 2 Кор. 5, 1–4 по русскому переводу). Тело есть одежда и вместе орудие души. «Душа окружается и одевается членами тела», – сказал преподобный Макарий Великий[983]. «Душа, – говорит святой Иоанн Дамаскин, – действует посредством органического тела, сообщает ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения». «Она употребляет тело орудием»[984]. Такое понятие об отношениях души к телу есть естественное: оно истекает из постоянных опытов жизни, из самого ощущения нашего.

Язычники полагали, что человеческая душа составляет частицу Божества. Мысль ложная и очень опасная, как заключающая в себе богохульство! Мы сочли нужным остановиться на ней, чтоб охранить от нее наших братий, потому что многие члены современного общества, узнав из книги Бытия, что *Бог вдунул в лице человека дыхание жизни*, опрометчиво заключают из этого о Божественности души человеческой по самому ее сотворению, следовательно, по ее естеству. Священное Писание прямо свидетельствует, что человек – вполне создание Божие (Быт. 1, 27; Мф. 19, 4). *Руце Твои сотвористе мя, и создасте мя* (Пс. 118, 73), – молитвенно вопиет это разумное создание Творцу своему, по внушению Святого Духа, Единого

могущего открыть человеку его начало и образ этого начала. Конечно, этот молитвенный вопль – вопль души, ходатайствующей о себе и о теле своем, – отнюдь не вопль одного тела. Православная восточная Церковь постоянно признавала человека существом, созданным по душе и телу, но способным и по душе, и по телу быть причастником Божественного Естества, быть богом по благодати. Преподобный Макарий Великий говорит: «О неизреченнаго благоутробия Божия, яко туне Самаго Себя дает верующим, дабы они в малое время Бога получили себе в наследие и Бог вселился бы в тело человека и его соделал Себе благим жилищем! Якоже бо Бог небо и землю создал, для обитания на них человеку, тако тело и душу человеческую создал в жилище Себе, дабы жити и упокоеватися в теле, яко в Своем доме, с прекрасной невестой, сиречь, с возлюбленной душой, по образу Его созданной. *Обручих бо вас* (2 Кор. 11, 2), – глаголет апостол, – *Единому Мужу деву чисту представити Христови.* И паки: *Егоже дом есмы* (Евр. 3, 6). Якоже бо муж в дому своем со всяким тщанием вся благая сокровиществует: тако и Господь в дом Свой, сиречь, в душу и тело, собирает и влагает небесное духовное богатство. Ниже премудрии премудростью своей, ниже разумнии разумом своим возмогли поняти тонкость души, или сказати, каким образом она существует, кроме тех, которым через Духа Святаго открыто постижение и точное души познание. Но ты здесь размысли, разсуди и внемли, и слыши, что она есть. Той есть Бог, а она не Бог; Той Господь, а она раба; Он Творец, а сия тварь; Той Создатель, а она создание: нет никакого подобия между естеством Того и сея. Но Бог по беспредельной, неизреченной, непостижимой любви и благоутробию Своему благоволил сие самое создание умное в драгое и изрядное избрати Себе в жилище, якоже *Писание глаголет: Во еже быти нам в начаток некий созданием Его* (Иак. 1, 18), в премудрость сиречь, и сообщение Его, в собственное Его жилище, и в чистую невесту»[985]. Святой Иоанн Дамаскин, писатель VIII века, в книге своей «Точное изложение Православной веры» собрал мнения предшествовавших ему знаменитейших святых от-

цов о предметах христианского богословия, почему, приводя здесь его учение о душе, приводим вместе и учение святого Григория Богослова, Афанасия Великого, Василия Великого, Максима Исповедника и других величайших учителей Церкви. «Бог, – говорит святой Иоанн, – сотворил природу, созерцаемую умом, то есть Ангелов и все небесные чины, которых естество, без сомнения, разумно и бесплотно, то есть бесплотно в сравнении с грубым веществом. Ибо одно только Божество в собственном смысле невещественно и бестелесно. Еще Бог сотворил и чувственную природу, то есть небо, землю и все, что между ними. И первую природу сотворил Он близкою к Себе, – ибо разумная и одним умом постигаемая природа близка к Богу; а другую, как подлежащую чувствам, сотворил по всем отношениям весьма далекою от Себя. Но надлежало явиться существу, смешанному из сих двух природ, которое показывало бы большую премудрость и щедроту Творца к той и другой, и, как говорит богоглаголивый Григорий, было как бы некоторым союзом природы видимой с невидимою. Здесь под словом *надлежало* я разумею волю Зиждителя, ибо она для Бога есть устав и закон самый приличный... Так из видимого и невидимого естества Бог Своими руками сотворил человека по образу Своему и подобию; из земли Он образовал тело, а душу, разумом и умом одаренную, сообщил человеку Своим вдуновением... Тело и душа созданы вместе... Бог сотворил человека непорочным, правым, любящим добро, чуждым печали и забот, сияющим всеми совершенствами, преизобилующим всеми благами, как бы некий второй мир – в великом малый, как другого Ангела, покланяющегося Богу; сотворил смешанным из двух природ, созерцателем твари видимой, таинником твари, умом постигаемой, царем всего, что на земле, подчиненным верховному Царю, земным и небесным, временным и бессмертным, видимым и постижимым для одного ума, как нечто среднее между великим и низким; – сотворил духом и вместе плотию, духом для принятия благодати, плотию в предупреждение гордости, – духом для того, чтоб он твердо стоял и прославлял своего Благодетеля, – плотью для того, чтоб

подвергался страданиям и, страдая, не забывал себя и вразумлялся, если бы вздумал превозноситься своим величием; сотворил животным, поставленным здесь, то есть в настоящей жизни, и переселяемым в другое место, то есть в будущую вечную жизнь, и – что составляет верх тайны – существом, обожаемым за свое прилепление к Богу, и обожаемым по причастию Божественного озарения, а непретворяемым в Божию Сущность»[986].

Повторением дуновения вочеловечившимся Богом при воссоздании человека объясняется дуновение Божие при сотворении души человеческой. Господь наш Иисус Христос, совершив наше искупление и предуготовляя[987] человечество к принятию Святого Духа, стал посреди учеников Своих по Воскресении Своем, *дунул* и сказал им: *Приимите Дух Свят* (Ин. 20, 22), Который вскоре и низошел на них при шуме с неба, как бы от несущегося сильного дыхания ветра (Деян. 2, 2). Этим вторым дуновением объясняется и указуется, что и при первом дуновении было сошествие Святого Духа. На душу первозданного при самом сотворении ее обильно излилась Божественная благодать; душа первозданного по преимуществу была живою, как движимая, просвещаемая и управляемая Святым Духом. Это доказывают с убедительностью самые события, последовавшие за созданием первого человека. Святой Макарий Великий говорит: «Как в пророках действовал Дух и научал их и был внутрь их, и вне их являлся: так и в разсуждении Адама[988], егда хотел, с ним был и научал его... Вся ему было Слово, и доколе пребывал храняй заповедь, друг был Богу»[989].

Для сотворения жены Бог навел исступление на Адама. Он уснул. Во время этого необыкновенного сна Господь взял одно из ребр его и, сотворив жену из ребра, привел ее к Адаму. Несмотря на то, что взятие ребра совершилось во время странного сна и исступления, Адам немедленно узнал, по внушению обитавшего в нем Святого Духа, происхождение жены своей. *Се ныне*, – сказал он, – *кость от костей моих, и плоть от плоти моея: сия наречется жена, яко от мужа своего взята бысть сия. Сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину* (Быт. 2, 21–24). В этих словах Адама произнесен закон от лица Божия для супружеской жизни человеков, как засвидетельствовал Сам Богочеловек. Во взятии жены от мужа видим образец бесстрастного размножения рода человеческого до его падения. Взята жена из ребра Адамова: в это время Адам не подвергся никакому ощущению, нарушающему непорочность; напротив того, он находился в исступлении, которое наведено было на него Богом. В такое состояние приходят только благодатные человеки. Мы не видим образца, по которому могли бы объяснить размножение рода человеческого до его падения от мужа и жены, размножения, назначенного прежде падения, но наверно утверждаем, что это размножение должно было совершаться во всей полноте непорочности и бесстрастия. Вместо наслаждения плотского, скотоподобного, долженствовало быть наслаждение святое, духовное. Самого же образа, как не открытого Богом, и не испытываем, веруя, что для Бога как легко было попустить известный способ, так легко было установить и другой способ. Здесь употреблено о настоящем способе размножения слово: попустить. Да! Этот способ есть попущение Божие, есть горестное следствие нашего падения, есть знак отвращения Божия от нас. Мы уже рождаемся убитые грехом: *в беззакониих зачат есмь и во гресех роди мя мати моя* (Пс. 50, 7). Зачатия в беззакониях и рождения во грехах не может быть установителем Бог.

Господь привел пред Адама всех зверей и скотов земных, всех птиц небесных: человек, проникая по действию Святого Духа в свойства каждого животного, нарек им имена (Быт. 2, 19). Святой Макарий Великий говорит: «Доколе Слово Божие было с ним (Адамом) и (он) хранил заповедь, все имел. Самое бо Слово было ему наследием, было одеждою и славою, его покрывающею, и было ему наставлением. Дана бо ему была власть нарекати вся; сие нарек он небом, другое солнцем; сие луною, другое землею; сие птицею, другое зверем и иное древом. Как он был сам научаем, тако и имена налагал тварям...

(Дух) научал его и повелевал: тако нареки, тако назови»[990]. Трудно в нашем состоянии падения получить ясное понятие о состоянии совершенства, в котором были созданы наши праотцы, по душе и телу. О святом теле и святой душе их невозможно нам заключать по нашим душе и телу, пораженным и убитым греховною смертью. Они начали существовать непорочными и святыми; мы начинаем существовать осквернеными и грешными. Они были бессмертны по душе и телу; мы рождаемся умерщвленные душою, с семенем смерти в теле, долженствующим раньше или позже, но непременно принести плод свой – видимую нами смерть тела. Они находились в непрестанном мире сами с собою, со всем, что их окружало, в непрестанном духовном наслаждении, в созерцании изяществ мироздания, в богомыслии, в боговидении; мы волнуемся и раздираемся различными греховными страстями, потрясающими и терзающими и душу, и тело, непрестанно боремся сами с собою и со всем, что нас окружает, страдаем и мучимся или находим наслаждение в наслаждениях скотов и зверей; все вокруг нас находится в ужаснейшем смущении, в неумолкающем и по большей части в суетном труде, в плинфоделании и рабстве фараоновом. Одним словом, мы падшие и погибшие от самого рождения нашего, они были святы и блаженны с самого сотворения своего. Все условия нашего существования и первоначальнаго существования наших праотцев – далеко, далеко различны.

СИЛЫ ДУШИ

Тело первого человека было в совершенном согласии с душою, а душа находилась в совершенном согласии с духом, то есть с силою словества – этим высшим достоинством души человеческой. Борьба между составными частями человека – это обнаружение внутри живущей смерти – борьба, ныне не прерывающаяся и не дающая покоя человеку ни днем, ни ночью, тогда не имела места. Дух пребывал постоянно горе, при Боге; увлекал туда с собою душу; она влекла туда с со-

бою тело. Нетрудно и естественно было телу, не способному не только к наслаждениям греховным, но и плотским, напротив того – способному единственно к наслаждениям духовным, силою врожденного ему желания и стремления пребывать при Боге, Им питаться и наслаждаться, Им жить. Очень ошибаются, ошибаются в погибель свою те, которые признают плотские пожелания неотъемлемыми свойствами тела человеческого, а удовлетворение их естественною необходимостью. Нет! Человеческое тело низошло к телам скотов и зверей по причине грехопадения. Естественны плотские пожелания естеству падшему, как свойства недуга – недугу; они противоестественны естеству человеческому в том состоянии, в котором оно было создано[991]. Иначе: зачем бы и воскресать телам человеческим для блаженной вечности, в которой имеют место одни наслаждения духовные? Плоть человека сотворена способною *радоватися о Бозе Живе* (Пс. 83, 3). Так возвышенны были непорочность и бесстрастие первозданных, что они не нуждались в одежде; *и беста оба нага*, – говорит Писание, – *Адам и жена его, и не стыдястася* (Быт. 2, 25). Они вышли из рук Создателя в состоянии зрелости и вместе неувядающей юности, красоты и силы, не подверженные никаким недостаткам, никаким изменениям ни в возрасте, ни в здравии. Тело Адама не сгорало от огня, не тонуло в воде, не опалялось солнцем, не подвергалось влиянию стихий, которые сами находились в совершенном благоустройстве и мире. «Сначала, – говорит Макарий Великий, – князем века сего и господином всех видимых человек был поставлен от Бога: ниже бо огнь силы своея над ним явити мог, ни вода потопити, ни вредити зверь, ни ядовитое что-либо действовати»[992]. Тело Адама, легкое, тонкое, бесстрастное, бессмертное, вечно юное, отнюдь не было узами и темницею для души: оно было для нее чудною одеждою. Наконец – это изящное тело было способно, по совершенству своему, для жительства в раю, где в настоящее время обитают отшедшие отсюда праведники только душами своими. Они соделаются способными взойти туда телами по всеобщем Воскресении, когда самые тела соделаются духовны-

ми. По падении и при изгнании из рая даны человеку *кожаныя ризы* (Быт. 3, 21); тогда, говорит святой Иоанн Дамаскин, «он облекся в смертность, или в смертную и грубую плоть, что означают кожаные ризы»[993].

В основание изложения нашего о душе человека мы полагаем то определение, которое делает ей вышеприведенный учитель Церкви. «Душа, – говорит он, – есть существо живое, простое[994], бестелесное, телесными очами по своей природе невидимое, бессмертное, разумом и умом одаренное, безвидное, действующее посредством органического тела и сообщающее ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения, имеющее ум, не как что-либо отличное от нее, но как чистейшую часть самой себя. Душа есть существо свободное, одаренное способностью хотеть и действовать, изменяемое, и именно изменяемое в воле, как существо сотворенное»[995]. Для полноты этого определения или описания должно сказать, следуя указанию другого святого отца, что душа есть существо доброе по естеству[996]. Хотя в ней после падения добро смешалось со злом, следовательно сделалось поврежденным, но то же можно и должно сказать о ее разуме и о ее свободе: повреждение чего-либо не есть уже его уничтожение. Очевидно, что святой Иоанн Дамаскин дал такое определение душе относительно: относительно нашего состояния и степени способностей к познанию. Далее он объясняет это. «Бестелесное, – говорит он, – одно таково в самом естестве, а другое в сравнении с грубым веществом. По естеству бестелесен только Бог; Ангелы же, демоны и души – бестелесны по благодати и в сравнении с грубым веществом»[997]. Еще далее святой Иоанн называет «телом то, что имеет три протяжения, т. е. в длину, ширину и глубину»[998]. Из такого определения тела, определения, и доселе признаваемого вполне правильным и удерживаемого наукою, вытекает, как необходимейшее и точнейшее последствие, что всякое ограниченное существо неизбежно есть тело. Всякое ограниченное существо заключается в большем или меньшем пространстве; вне всяких изменений, вне всякого пространства, как превысший всякого пространства и всякой меры – Бог. Бог

вполне бестелесен, то есть Существо Божие совершенно другое, нежели существа тварей, как бы эти твари ни были тонки, и отличается от существа тварей неизмеримым отличием. Поставлять в один разряд духовных существ Бога и сотворенных духов есть дерзостнейшее богохульство. Как Священное Писание, так и все святые отцы восточной Церкви, хотя и называют Ангелов, демонов и человеческие души духами, но именно в том смысле, как объясняет святой Иоанн Дамаскин. Постоянно называет их духами Макарий Великий во всех своих сочинениях, но в этих его сочинениях мы имеем его суждение о сотворенных духах, еще более определительное, нежели суждение Дамаскина. Заимствовал его угодник Божий из своего превосходнейшего совершенства. «Высокое некое, – говорит он, – и глубокое слово, по силе ума моего предложити хощу. Неизследимый и безплотный Господь за безмерную Свою благость плоть на Себе приемлет, и умален быти является велий Сый и преестественный, да возможет с разумными Его тварьми сочислитися, душами, глаголю, святыми и Ангелами, яко да и те бессмертныя Божества Его жизни причастники будут. Зане каждое из сих по естеству своему тело есть, аще Ангел, аще душа, аще демон. Хотя бо тончайшие суть, однако в ипостасях, характере (начертании) и образе по тонкости естества своего тело суть, якоже в ипостасе своей сие наше тело дебело есть. Сим образом и душа тело сущи тончайшее, окружается и одевается членами тела сего. Надевает око, имже и смотрит; надевает ухо, имже и слышит; руки, ноздри, и просто рещи все члены тела приемлет и сраствоpяется со всеми душа, посредством которых и вся, елика к житию человеческому потребна суть, исправляет»[999]. На вопрос: «Имеет ли душа какой-либо вид?» – преподобный Макарий отвечал: «Имеет образ и вид, подобный Ангелу. Якоже бо Ангелы имеют образ и вид, и якоже внешний человек имеет вид: так и внутренний человек образ имеет, подобный Ангелу, и вид внешнему человеку»[1000]. Преподобный Кассиан Римлянин, беседовавший с величайшими угодниками Божиими древнего христианского Египта, учениками великих Антония, Макария, Пахомия,

передает учение их о сем предмете таким образом: «Хотя мы называем некоторые существа духовными, каковы Ангелы, Архангелы и прочие силы, также самая душа наша, или, конечно, этот тонкий воздух; однако никак не должно признавать их бестелесными. Ибо они имеют свойственное себе тело, в котором содержатся (пребывают), хотя много тончайшее, нежели мы. Они суть тела, по изречению апостола, который говорит так: *и телеса небесная, и телеса земная* (1 Кор. 15, 40); и опять: *Сеется тело душевное, возстает тело духовное* (1 Кор. 15, 44). Из сих (слов апостола) вытекает ясное заключение, что ничего нет бестелесного, кроме единого Бога, и что, следовательно, только Он может проникать во все духовные и разумные существа, потому что един Он весь всюду и во всех находится, так что Он видит и провидит помышления и внутренние движения человеков, все тайны духа (ума). О Нем едином провозгласил апостол: *Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным. И несть тварь неявлена пред Ним, но вся нага и объявлена пред очима Его* (Евр. 4, 12–13)[1001]. Руководствуясь этими свидетельствами святых отцов и многочисленными другими, которые оставляем для избежания обременительного многословия[1002], мы утверждаем о душе нижеследующее. Она дух – подобно Ангелам, имеет ум, духовное чувство, свободную волю, но, как тварь, ограниченна и по существу своему, и по свойствам своим; по причине этой ограниченности имеет и свою степень тонкости; имея известную степень тонкости, может содержаться, и содержится, в нашем грубом теле, может быть заключена в адской темнице, может быть подвержена адским мукам, огню неугасающему, червю неусыпающему, страшной и вечной тьме, может скрежетать зубами от невыносимого адского страдания, может, если будет допущена, переменять места, может быть помещена в раю, может вкушать сладость и покой рая, как места сладости и покоя; она способна к высшему наслаждению, наслаждению внутреннему, являющемуся в сердце и

распространяющемуся по всему человеку, сообщающемуся даже его телу, состоящему в общении с Богом, когда Бог соделает достойную душу, по ее назначению, Своею обителью; она, наконец, имеет свой вид, который подобен виду человека в его теле, т. е. душа имеет и главу, и перси, и руки, и ноги, и очи, и уши – словом, все члены, как и тело; душа облечена в тело, как в одежду, а члены ее облечены в соответствующие члены тела[1003]. По исшествии из тела души праведных облекаются в светлые одежды, как о том повествует святой Иоанн Богослов в своем Апокалипсисе (Апок. 6, 11; 7, 9), как свидетельствует преподобный Макарий Великий: «(Души праведных), – говорит он, – при отшествии из сего мира, имея с собою Господа, идут с великою радостью к небесным жителям; обитающие же с Господом приемлют и отводят их в приготовленные им заблаговременно обители и вертограды и возлагают на них драгоценные и знаменитые одеяния»[1004]. Подтверждают это многие места Священного Писания; это очевидно из писаний святых отцов и житий их[1005]. При противоположном мнении, то есть что душа есть дух, столько же тонкий, как и дух Божий, непременно потребуются следующие заключения: потребуется признать, что душа не может быть содержима и удержана никаким местом, никаким веществом, ни нашим телом, ни раем, ни адом, не может ощущать адских мук, должна быть превыше наслаждений рая. Мы уклоняемся от такового мнения, как бы явной нелепости, от пагубного для спасения нашего богохульства, и последуем с покорностью и убеждением вышеизложенному учению Святой Православной Церкви. Называя и признавая душу, вместе с святыми отцами, духом по отношению к грубому веществу видимого мира, мы, вместе с отцами, признаем ее, по отношению к Богу и точной истине, телом, которое *плоти и кости не имать* (Лк. 24, 39), но имеет свое вещество, по отношению к нам тонкое, невидимое, подобно воздуху, как выражается преподобный Кассиан, и прочим газам[1006].

ОБРАЗ И ПОДОБИЕ БОЖИИ

Святые отцы научают нас, что душа имеет три силы: силу словесности, силу желания, или воли, и силу мужества, называя сию последнюю силою ярости; она в общем употреблении у нас называется характером, энергией, силою духа, мужеством, твердостью[1007]. В силе словесности преимущественно напечатлен образ Триипостаснаго Божества. «Что же такое образ Божий, если не ум?» – говорит св. Иоанн Дамаскин (Точное изложение Православной веры, кн. 3, гл. 18). Ум человеческий непрестанно рождает в себе и из себя мысль, или внутреннее слово, неслитен и неразделен с мыслью, не может быть без нее и составляет отдельное от нее проявление словесной силы, как бы отдельное лицо ее, так как и мысль опять составляет отдельное проявление этой же силы, другое лицо ее, будучи вместе с тем неотлучна от ума. Ум невидим и непостижим сам по себе; является и открывается в мысли своей; мысль, чтоб открыться в стране вещества, должна воплощаться, так сказать, в звуки и знаки. Третье проявление, или лицо той же силы, видим в духе нашем, который есть словесное или умное чувство сердца, исходящее и зависящее от ума, содействующее и сообразующееся мысли. В этом словесном чувстве положено Творцом сознание добра и зла, именуемое совестью. Управление человеком принадлежит словесной силе, которая в непорочном состоянии действовала согласно с силой воли и силой мужества или твердости. Воля стремилась к Богу; сила твердости содержала человека постоянно в его правильном стремлении; силою словесною человек пребывал в непрерывном соединении с Богом. Мысль плавала, как выразился некоторый знаменитый подвижник[1008], в Слове Божием, во Всесвятой Истине, и Дух Божий, как Дух Слова Божия и Дух Истины, почивал на духе человеческом; ум человека был умом Божиим, как и апостол Павел сказал: *Мы ум Христов имамы* (1 Кор. 2, 16). Весь человек находился в чудном согласии с самим собою; силы его не были разрознены в своем действии; разрознились они по падении нашем. По падении они начали бороться и препираться между собою. Самый дух наш соделался обличителем своего начала – ума, подвергшегося омрачению, борется с мыслями, приводит их к разноречию и сбивчивости и сам увлекается обольщенными мыслями. Молясь и сетуя о множестве недостатков наших, мы молимся об избавлении от совести лукавыя[1009].

РАЙ

Изобразив сотворение видимого нами мира, Богодвохновенный бытописатель говорит: *И насади Господь Бог рай* (paradeison – вертоград, сад) *во Едеме на востоцех, и введе тамо человека, егоже созда* (Быт. 2, 8). Согласно этому повествованию бытописателя и Сам Господь возвестил, что Царство, или страна вечного блаженства, *уготовано* для человеков *от сложения мира* (Мф. 25, 34). Рай находится на востоке; таково положение его по отношению к земле. Это указание, по-видимому, довольно неопределенно и недостаточно, но оно недостаточно только для тех, которые желают измерять и объяснять все единственно по отношению к себе, к кругу действия своих чувств и к видимому миру. В громадном мироздании не только мы, но и обитаемая нами земля – величины, весьма малозначительные. Пространства, доступные нашему измерению и кажущиеся нам огромными, не определяют для нас размеров мира, только объясняют неизмеримость их: за этими, известными нам, пространствами, лежат другие пространства – разумеется, большие первых[1010], а за теми пространствами – пространства новые, еще большие. Измерение и исследование их для нас невозможно, как измерение и исследование непостижимо и невыразимо великого, соединенного с идеею о бесконечном. Указание Писанием места для рая на востоке вполне достаточно для нашей ограниченности. Престанем опираться на слабый разум наш – этот хрупкий жезл; приступим с верою к учению Божественного Откровения: вера усваивает человеку познания, вполне превысшие его силы постижения.

Рай находится на востоке и по указанию Священного Писания, и по указанию Святого Церковного Предания. Святой Иоанн Дамаскин говорит: *Царства земная, пойте Богу, воспойте Господеви, восшедшему на небо небесе на востоки*

(Пс. 67, 33–34); еще же в Писании сказано: *насади Бог рай во Едеме на востоцех, и введе тамо человека, егоже созда* (Быт. 2, 8), а когда человек преступил заповедь, изгна его, и всели прямо рая сладости (Быт. 3, 23–24), т. е. на западе. Посему, желая возвратиться в прежнее отечество и устремляя к нему взоры, мы покланяемся Богу на восток... Восходя на небо, Господь возносился к востоку, и на восток апостолы поклонились Ему; и придет Он с востока точно так же, как они видели Его восходящим на небо (Деян. 1, 11), о чем Сам Господь сказал: *Якоже бо молния исходит от восток, и является до запад, тако будет и пришествие Сына Человеческаго* (Мф. 24, 27). Итак, ожидая Его пришествия, мы кланяемся на восток. Это предание апостолов неписаное: ибо «они многое предали нам и без Писания»[1011]. Святой Иоанн Дамаскин говорит, что по той же причине, т. е. потому, что рай находится на востоке, скиния Моисеева имела завесу и очистилище к востоку, что колено Иудово, из среды которого долженствовал произойти по плоти Господь наш и которое имело поэтому предпочтение пред другими коленами, располагалось станом на восток во время путешествия израильтян по пустыне в землю обетованную; в знаменитом храме Соломоновом врата Господни находились на востоке; распятый Господь взирал к западу от востока, и мы, устремляя к Нему взоры, кланяемся на восток[1012]. Новозаветные православные храмы строятся алтарем к востоку; при совершении молитвословий вне храмов, всегда обращаемся к востоку; усопших наших погребаем, обращая их лицом к востоку – *прямо рая сладости*, в надежде Воскресения, в надежде возвращения в рай. Преподобный Симеон Дивногорец и некоторые другие угодники Божии, удостоившиеся восхищения в рай, обрели его на востоке[1013].

Святой бытописатель изображает рай обширнейшим садом, преисполненным всякого рода плодовитыми и прекрасными для вида древами, взятыми с земли, между которыми, как особенно примечательные, именуются древо жизни посреди рая и древо различения добра от зла. Из Едема выходит река, напаяющая рай, и оттуда разделяется на четыре начала. Такое описание рая, имена протоков райской реки, исчисление стран, по кото-

рым идут эти протоки, подали повод некоторым заключить, что рай находится на земле. Но протоки реки райской, нося название известных земных рек, имеют одно общее начало, прежде составляют одну реку, потом разделяются на четыре протока; этих условий не выполняют тождеименные им земные реки, отстоя одна от другой истоками своими весьма далеко. Не на земле находится рай, хотя и имеет с землею ближайшее отношение и сходство. Самое устроение рая названо не сотворением, а насаждением, заимствованным с земли (Быт. 2, 8–9), так как с земли взяты были и жители для него. Причиною мысли, что рай находится на земле, было, без сомнения, прежде господствовавшее понятие о веществе, когда веществом называлось одно грубое, осязательное вещество и когда еще не могли догадаться, что вещество может иметь степень тонкости, превысшую постижения человеческого; прежде утонченное вещество смешивали с духами и называли его духом, или же во всем невидимом, неподверженном и весьма мало подверженном нашим чувствам искали уже бесконечной тонкости, что одинаково погрешительно. Не на земле рай[1014]: рай на небе. Апостол Павел, восхищенный на небо, восходивший *до третьяго неба*, поведал о себе, что он был восхищен в *рай, и слышал там неизреченны глаголы* (2 Кор. 12, 2, 4). *Аминь глаголю тебе*, – сказал распятый Спаситель сораспятому с Ним разбойнику, исповедавшему Его Господом, – *днесь со Мною будеши в раи* (Лк. 23, 43). Очевидно, что разбойник душою помещен в рай; тело его, по пребитии голеней, снято со креста и предано земле. Помещение души разбойника в рай объясняет как свойство души (что она тонкое тело), так и свойство райской природы, состоящей из тонкого вещества, соответствующего жителям своим – сотворенным духам. Сверх того этим объясняется состояние тела Адама до его падения: в святом теле своем Адам был способен обитать в одном жилище с сотворенными духами, как будут обитать с ними на небе святые человеки в телах своих по Воскресении. «Небо, – говорит святой Иоанн Дамаскин, – есть объем тварей видимых и невидимых. В нем заключаются и им ограничиваются умные силы Ангелов и все чувственное. Одно только Божество бес-

предельно»[1015]. Святой Андрей был восхищен подобно святому апостолу Павлу до третьего неба; на первом небе от земли, по видению сего святого, помещен рай[1016]. Согласно с этим поведают и другие святые, заимствуя поведание свое из Божественных откровений и видений, которых они сподоблялись[1017].

Научаемые Священным Писанием и святыми отцами, мы признаем рай – это место непорочного наслаждения, в которое помещен был Адам, в котором ныне помещаются многие души праведных человеков, в котором будут помещены многие угодники Божии с телами своими по воскресении, – соответствующим и сообразным по природе своей своим жителям. Рай вещественен, но вещество его тонко, как тонки души, как было тонко тело Адама до облечения его в кожаные ризы, как будут тонки воскресшие тела праведников по образу прославленного тела Господа нашего Иисуса Христа. «Рай, – говорит блаженный Феофилакт Болгарский, – есть село духовного покоя». Рай, по сказанию сего учителя Церкви, был чувственный; Адам видел его, плоды дерев райских употреблял в пищу; веселился там духовно. В этот рай, древнее достояние и отечество человека, возведен разбойник, исповедавший на кресте Господа[1018]. Святой Макарий Великий говорит: «Премирный и горний Иерусалим, идеже рай» (Беседа 25, гл. 7).

Земля служит некоторым подобием рая. Священное Писание сравнило плодороднейшую долину Содомскую, до ее запустения, орошенную водами Иордана, с Божиим раем (Быт. 13, 10). Если, до времени проклятия своего, земля была совсем иной, нежели какою теперь видим ее в ее состоянии нестроения и обречения на сожжение, то как превосходен должен быть рай, далеко превосходивший землю обилием красот своих и обилием благодати своей. Таким видел рай святой Андрей! Он поведал о реке райской, о райских плодах и цветах, о райских птицах и чудном пении их, о райских виноградниках и древах; о сих последних присовокупил он, что их нельзя сравнить ни с каким земным древом, потому что, говорил он, Божия рука, а не человеческая, насадила их. Это должно разуметь и о всех предметах, составляющих утонченную и изящную природу рая. Угодник

Божий передавал о себе, что он ходил по раю, с удивлением созерцая красоты его, и от созерцания красот его, от обильного влияния благодати, которою преисполнен рай, приходил в несказанный восторг, в сладостнейшее исступление. Очень понятное состояние! Красоты земли приводят в восторг созерцателя, когда он чистым оком ума начинает усматривать в них необъятную силу и премудрость Творца, – тем более чудные красоты рая должны привлекать человека всецело к созерцанию, к видению Бога в делах Его, и от такого видения исполнять видящего духовным нетленным наслаждением.

Все поведания святых о рае согласны между собою. Преподобный Григорий Синайский говорит, что рай есть низшее небо, что он состоит из садов, насажденных Богом, что древа этих садов постоянно покрыты цветами и плодами, что посреди рая течет река, напояющая его и разделяющаяся на четыре начала[1019]. Преподобный Иоасаф, царь, потом апостол, наконец инок Индии, сподобился видеть рай. Однажды, после продолжительной молитвы, сопровождаемой многими слезами, он погрузился в тонкий сон. Во сне он увидел, что некоторые грозные мужи восхитили его и, проведши по странам, которых он никогда не видал, привели на обширнейшее поле, усеянное прекраснейшими цветами и чрезвычайно приятное. Там были всех родов произрастания, изобиловавшие какими-то необыкновенными и удивительными плодами, и особенно красивыми для вида, и особенно приятными для вкуса. Листья деревьев, движимые нежнейшим ветром, издавали шум, и, колеблясь, испускали неизъяснимое благоухание. Там были седалища, устроенные из золота и драгоценнейших камней, блиставшие обильным светом. Там были светлые одры, украшенные чудными покрывалами и пышностью, превышающею всякое слово. Там протекали чистейшие воды, увеселявшие самый взор. После сего преподобный Иоасаф введен был в небесный град, горний Иерусалим, и видел красоту и славу его. Упоенный небесным утешением, преподобный не хотел возвратиться на землю, но руководившие его мужи сказали, что пребывание в этих светлых местах доставляется многими трудами и потами. Они выве-

ли его оттуда и показали ему страшные места вечных мук; после сего он тотчас пришел в себя[1020].

Особенного замечания достойны две повести – о монахе Павле и о монахе Евфросине, сохраненные нам Церковным Преданием. Этих иноков видели в раю, первого многие из благоговейнейших братий его монастыря, а второго – игумен его Власий, пришедши в священное исступление или тонкий сон, правильнее в самозабвение – состояние, в котором обыкновенно находятся видящие видения, что явствует и из Деяний Апостольских (Деян. 12, 7–11). В том и другом случае рай описывается обширным вертоградом, исполненным неизреченной красоты и благоухания. Преподобный Павел наделил своих братий, сообразно желанию каждого, цветами и другими произрастаниями святого рая; братия по окончании видения, пришедши в себя, имели в руках своих каждый то, что взял из рая[1021]. Преподобный Евфросин дал игумену Власию три благовонных яблока. Игумен разделил яблоки братии: вкусившие их исполнились духовного веселия, а вкусившие их больные исцелились от недугов своих[1022].

Не в одних вышеупомянутых двух событиях тонкое вещество рая, по мановению Божию, сгущалось и соделывалось осязательным для наших телесных чувств. Когда святую мученицу Дорофею повели из претора на место казни, чтоб по повелению мучителя игемона отсечь ей голову за исповедание Господа нашего Иисуса Христа, некоторый ученый, именем Феофил, советник игемона, воскликнул к ней в насмешку: «Слушай, невеста Христова! Пошли мне яблоков и розанов из рая, от Жениха твоего». Святая Дорофея сказала: «Поистине исполню это». Пришедши на место посечения, она упросила палача, чтоб дозволил ей немного помолиться Богу своему. Когда она окончила молитву, предстал ей Ангел Господень в виде отрока необыкновенной красоты; он принес ей в чистом платке три прекрасных яблока и три красные розы. Святая сказала Ангелу: «Прошу тебя: отнеси их к Феофилу и скажи ему: «Вот тебе то, чего ты просил». Сказав это, она преклонила под меч главу и была усечена. Между тем Феофил, насмехаясь над обещанием святой,

рассказывал о нем друзьям и сверстникам своим. «Теперь, – говорил он, – когда повели на казнь Дорофею, называвшую себя Христовою невестою и хваставшею, что она взойдет в Его рай, я просил ее, чтоб она послала мне оттуда яблоков и розанов. И она обещалась мне непременно исполнить это!» Передавая это друзьям своим, Феофил безмерно смеялся, как внезапно предстал ему Ангел с тремя яблоками и тремя цветками, говоря ему: «Это посылает тебе святая дева Дорофея, как обещала, из рая Жениха своего». Феофил, увидев яблоки и цветы и взяв их в руки, воскликнул громким голосом: «Истинный Бог – Христос, и нет в Нем никакой неправды». Друзья его сказали ему: «Феофил! Ты или сошел с ума, или смеешься». Феофил отвечал им: «Я не сошел с ума и не смеюсь, но здравый разум требует от меня, чтоб я веровал, что Иисус Христос есть истинный Бог». Они спросили его: «Отчего ты так внезапно переменился?» Феофил отвечал: «Скажите мне, какой ныне месяц?» Они сказали: «Февраль». Феофил: «Теперь – зима. Вся Каппадокия покрыта снегом и льдом, и нет ни одного дерева или растения, которое бы украшалось своими листьями; откуда же, думаете вы, эти цветы и яблоки с своими сучками и листьями?» Говоря это, он показывал им яблоки и розаны. Видя их, осязая, поражаясь особенным благовонием их, они в удивлении говорили: «Мы не видали таких плодов и цветов и в обыкновенное время их». Феофил из гонителя превратился в проповедника веры христианской. Немедленно дано было знать о нем игемону, который подверг Феофила сперва обольщениям и увещаниям, а потом мукам, и Феофил запечатлел своею кровью свое исповедание Христа[1023].

Образец сгущения райского вещества совершился при Успении Божией Матери. За несколько дней до сего Святого Успения предстал Пресвятой Деве Архангел Гавриил с сияющей финиковой ветвью из рая[1024] и возвестил Ей блаженное преселение в горние обители. При погребении Девы райская ветвь несена была святым апостолом Иоанном пред гробом Богоматери[1025]. Таковы понятия, таковы, так сказать, намеки, доставляемые Божественным Откровением человечеству, странс-

твующему и страждущему на земле, о стране упокоения и вечного блаженства, уготованной ему от сложения мира[1026]. По причине греховности нашей, по причине омрачения нашего, по причине падения нашего мы знаем и созерцаем только самую малую частицу чудес Божиих: горячайшими молитвами от сердца сокрушенного и смиренного и жизнью по евангельским заповедям умолим Господа нашего, чтоб Он явил нам славу Свою, которую узрят и всегда будут видеть избранные Его, которой никогда не узрит ни один служитель греха.

ВВЕДЕНИЕ В РАЙ И СОВЕРШЕНСТВО ПЕРВОЗДАННЫХ

Создав тело человека на земле и из земли, вдунув в него живую душу, душу, оживленную Святым Духом, Всемогущий Создатель вземлет человека превыше земли, в рай; *взя Господь Бог человека, егоже созда*, – говорит Писание (Быт. 2, 15). Какая цепь великих благодеяний, из которых всегда последующее превыше предваряющего! Но и в раю еще предоставлено было Адаму преуспеяние: ему предоставлено было возделывать рай и хранить его (Быт. 2, 15). Трудно в нашем состоянии падения понять с отчетливостью, в чем состояло возделывание и хранение рая, но никак не должно понимать этих слов в плотском смысле, как бы о возделывании и хранении сада для его украшения и очищения от недостатков. Рай насажден рукою Божиею; недостатков нет в нем: в нем преизобилует присутствие и благоухание благодати Божией; он приводит обитателей своих в непрестанное духовное наслаждение, приводит к созерцанию величия и благости Создателя, изображающейся в великолепии рая, как в обширном и чистейшем зеркале. Обильно и красноречиво вещает о Боге и проповедует Бога рай сладости. Во внимании этой проповеди, в изучении Бога, состояло главное делание рая; изучение изящества созданий было деланием второстепенным. Как ни был совершен Адам, но он был совершен относительно – относительно к ограниченной природе человека: изучение всесовершенного и бесконечного Бога составляло для него, по естественной необходимости, делание, достойное всего его внимания. Это делание представляло собою поприще бесконечного преуспеяния! Это делание сопряжено с высшим духовным наслаждением! Это делание – бесценный дар, достойный бесконечно совершенного и бесконечно благого Бога! Чистый ум человека, распростершись по необъятному Божеству, истощает всю свою естественную силу движения и стоит в священном исступлении пред непостижимым Божеством, вне и превыше всякого размышления, как Серафим, утоляя обильным славословием обилие наслаждения и ненасытно насыщаясь видением Невидимого, закрывая благоговейно и премудро очи пред предметом, превысшим видения[1027]. Заповедь о хранении рая соделывается понятною для нас, когда сообразим, что падшему ангелу, еще не исполнившему меры грехов своих[1028], возможен был вход в рай, что человек был способен к открытой беседе с духами, что он не был утвержден в состоянии святыни, как утверждены в нем Ангелы Света. Хотя он не знал греха, но мог получить это знание, для него невыносимое и гибельное.

ПАДЕНИЕ ПЕРВОЗДАННЫХ

Посреди рая находилось древо жизни; вкушением плода его поддерживалось бессмертие тела человеческого. Находилось посреди рая и другое древо, древо познания добра и зла. Господь, введши первозданных в рай, заповедал Адаму: *От всякого древа, еже в раи, снедию снеси. От древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него: а воньже аще день снесте от него, смертию умрете* (Быт. 2, 16–17). Эта заповедь объясняет многое. Очевидно, что плоды дерев райских, как мы и выше видели, гораздо тоньше и сильнее, нежели плоды земные, действуют не только на тело, но на ум и душу. Одно древо было древом жизни, а другое древо – древом познания добра и зла. Познание это хранилось, отлагалось, может быть, для усовершившихся деланием и хранением рая, – для ново-

созданных оно было преждевременно и смертоносно. Такое суждение заимствуем из опытного учения великих иноков. Они завещавают новоначальным подвижникам немедленно отвергать всякую злую мысль, только что она явится уму, потому что ум новоначального еще слаб и неопытен, еще не разрушил дружбы со грехом и, вступив в беседу с ним, непременно увлекается и низлагается им. Напротив того, отцы завещавают преуспевшим подвижникам не тотчас отвергать злую мысль, но сперва рассмотреть, истязать, обличить и тогда уже отринуть ее: таким образом действия доставляется особенная опытность в невидимой борьбе с духами злобы, изучаются их лукавство, их козни, [приобретается] сила веры, смирения и молитвы[1029]. Есть смертоносное познание зла, которое человек может развить сам в себе: оно смертоносно, потому что тогда естественная доброта человека отравляется принятою злобою, как прекрасная пища ядом, и сама превращается в злобу. Есть и душеполезнейшее познание зла, даруемое Святым Духом избранным сосудам Его, при котором чистый и сильный ум исследует все, и самые тончайшие извития греха, обличает их, не смешиваясь со грехом, и хранит от зла себя и ближних. Так, водимый Святым Духом, святой апостол Петр сказал Симону волхву: *В желчи горести и союзе неправды зрю тя суща* (Деян. 8, 23).

В то время, как наши праотцы наслаждались в раю, падший князь небесных сил с многочисленным сонмищем темных ангелов, уже низвергнутый с неба, скитался в поднебесной. По неисповедимым судьбам Божиим ему допущен был вход в рай, как еще не вполне отчаянному злодею. Эту благость Божию, привлекавшую заблудшего к сознанию греха и к раскаянию в нем, сатана употребил для совершения нового преступления, для неисцелимого запечатления себя во вражде к Богу. Диавол, вступив в рай, огласил рай богохульством, переплетенным ложью, и ознаменовал свое присутствие в раю погублением первозданных человеков, как прежде ознаменовал свое присутствие на небе погублением бесчисленного множества ангелов. Он приступил к жене, как к существу более слабому,

и, притворяясь не знающим заповеди, данной Богом, предложил лукавый вопрос: *Что яко рече Бог: да не ясте от всякаго древа райскаго?* (Быт. 3, 1) Всеблагого Бога он представляет недостаточно благим, а святую и благотворную заповедь Божию жестокою и тяжкою! Увидев, что жена вступила с ним в разговор с некоторою доверчивостью и в опровержение ему высказала точные слова заповеди: *От плода древа, еже есть посреде рая, рече Бог, да не ясте от него, ниже прикоснетеся ему, да не умрете* (Быт. 3, 3) – злодей начинает прямо оспаривать и отвергать справедливость заповеди Божией. Страшно повторять дерзкие и богохульные слова его! Не смертию умрете, – сказал он. – *Ведяше бо Бог, яко воньже аще день снесте от него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое* (Быт. 3, 4–5). Несмотря на явный яд слов змея – так называет Писание падшего ангела – жена остановилась на них; забыв и заповедь, и угрозу Божии, она начала рассматривать древо под водительством собственного разума, склонившегося под влияние диавольской лжи и обольщения. Плод древа показался ей добрым в снедь, а познание добра и зла показалось познанием любопытным. Она вкусила от древа и склонила к вкушению мужа. Удивительно, с какою легкостью совершилось падение праотцев! Не было ли оно предуготовлено их внутренним расположением? Не оставили ли они в раю созерцание Творца, не предались ли созерцанию твари и своего собственного изящества? Прекрасно созерцание себя и твари, но в Боге и из Бога; с устранением Бога оно гибельно, ведет к превозношению и самомнению. К такому рассуждению приводит Писание, когда оно повествует, что жена, выслушав речи диавола, *виде, яко добро древо в снедь и яко угодно очима видети и красно есть, еже разумети; и вземши от плода его яде, и даде мужеви своему, и ядоста* (Быт. 3, 6).

Очевидно, что праотцы, оказав преслушание Богу и склонившись в послушание диаволу, сами себя сделали чуждыми Бога, сами себя сделали рабами диавола. Обещанная им смерть за преступление заповеди тотчас объяла их: Дух Святой, обитавший в них, отступил от них. Они были предоставлены

собственному естеству, зараженному греховным ядом. Этот яд сообщил человеческому естеству диавол из своего растленного естества, преисполненного греха и смерти. Первое греховное ощущение праотцев было ощущение стыда, в котором – невольное и горестное сознание внутри живущего греха, заменившего в них прежнего жителя Святого Духа. Они поняли, что они наги, и немедленно сделали себе опоясания из смоковничных листьев, чтоб прикрыть неблагообразные уды тела, в которых они до падения не видели никакого безобразия, как и ныне не видят его младенцы, чуждые греховного похотения. «Умертвилась душа Адама, – говорит святой Григорий Палама, – преслушанием разлучившись от Бога: ибо телом он прожил после того (после падения своего) до девятисот тридцати лет. Но смерть, постигшая, по причине преслушания, душу, не только соделывает непотребною душу и наводит проклятие на человека, но и самое тело, подвергнув его многим немощам, многим недугам и тлению, наконец предает смерти»[1030]. «Адам, – говорит блаженный Феофилакт Болгарский, – будучи живым, был и мертвым: он умер с того часа, в который вкусил (от запрещенного древа)»[1031].

Вездесущие естественно Богу. Он присутствовал и в раю во время согрешения праотцев, но присутствие это обнаружил хождением в раю пополудни, когда уже праотцы совершили преступление. Вероятно, около полудня вкусили они плод воспрещенный: потому что в этот час Богочеловек распростер руки Свои на древе Крестном, искупая пригвождением рук к древу дерзновенное простертие рук праотцами к плоду древа воспрещенного. Праотцы почтены были свободою; при свободе в руководителя дан им Дух Божественной премудрости: справедливость требовала, чтоб свободе предоставлено было выразиться по произволу ее. Выразилась она самоубийством. Едва праотцы нанесли себе язву, как милосердный Господь является им для уврачевания язвы: Адам и Ева услышали *глас Господа Бога, ходяща в раи по полудни* (Быт. 3, 8). Укрывшись друг от друга листьями смоковницы, праотцы покусились укрыться и от Бога в чаще дерев райских: так они омрачились

внезапно! Господь призвал Адама словами: *Адаме, где еси?* (Быт. 3, 9) По объяснению святых отцов[1032], эти слова суть слова величайшего милосердия и соболезнования. Они значат: «В какое ты впал бедствие! Какое тебя постигло глубокое и несчастное падение; *Адаме, где еси?* – Не понимает омраченный грешник гласа, призывающего его к сознанию греха и к раскаянию в нем. Он старается оправдать себя, и оправданием оговаривает: *Глас слышах*, – говорит он, – *Тебе ходяща в раи, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся* (Быт. 3, 10). Уличенный, он снова не сознается, не кается, с дерзостью говорит Богу: *Жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох* (Быт. 3, 12). Эти слова, по замечанию некоторого святого отца, имеют такое значение: «Беда, постигшая меня, наведена мне Тобою: жена, юже дал еси со мною!»[1033] От ожесточенного Адама Господь переходит к жене, с милосердием говорит ей: *Что сие сотворила еси?* (Быт. 3, 13) Но и жена не приносит покаяния, не просит помилования, старается оправдать себя обвинением змея. Глубоко поврежденные познанием зла, проникшего молнией в ум, в сердце, в душу, в тело, не сознающиеся во грехе своем, гордо и дерзко оправдывающие себя праотцы подверглись суду и наказанию Божию. Суд Божий пал, во-первых, на змея, как на зачинщика и главу преступления; потом он карает жену, как первую преступницу заповеди и виновницу погибели мужа; наконец, он поражает мужа, как отвергшего послушание Богу для послушания жене. Змей-диавол окончательно отвергнут[1034]: он вполне предоставлен своей злобе; благодать Божия отреклась от прикосновения к нему какой бы то ни было благой мыслью, достойной неба. *На персех твоих и чреве ходити будеши*, – возвестил ему Бог, – *и землю снеси вся дни живота твоего* (Быт. 3, 14). Установлена вражда между диаволом и женой, между семенем диавола и семенем жены, т. е., с одной стороны, между диаволом и семенем его – увлеченными им в погибель ангелами, между диаволом и семенем его – грехом; с другой стороны, между женой и семенем жены, т. е. Богочеловеком, Который по человечеству есть исключительно Семя жены, и верующими в Него человеками, облеченными

во всеоружие Божие. При установлении этой вражды и брани возвещено, что семя жены – Богочеловек – сотрет главу змея; при установлении этой вражды и брани заповедано последователям Богочеловека блюсти главу змия, т. е. познавать и отвергать все начинания диавола в самом первоначальном их помысле[1035]; диаволу попущено, как приобретшему право добровольным покорением ему человеков, наветовать семя жены во время его земного странствования, блюсти его пяту. И блюдет диавол эту пяту всякого праведника о Христе, от Авеля праведного до праведника самых последних времен; не остановился он, омраченный необузданною злобою и дерзостью, наветовать и Богочеловека. На жену возложены многие болезни, и преимущественно болезни чадорождения; она порабощена мужу; на Адама возложены труды в снискании пропитания – земля проклята ради него. Поприщем для этих страданий назначена вся земная жизнь, а окончанием их – телесная смерть. По изречении приговора Адам и Ева были изгнаны и низринуты из рая на землю (Быт. 3, 22–23).

СМЕРТЬ ДУШИ

Но существенная казнь падшего человека состояла в душевной смерти, поразившей его немедленно по преступлении заповеди. Тогда человек лишился обитавшего в нем Святого Духа, Который составлял как бы душу всего существа человеческого[1036], и был предоставлен собственному естеству, зараженному грехом и вступившему в общение с естеством демонов. От подчинения смерти и греху составные части человека разобщились, стали действовать одна против другой: тело противится душе; душа находится в борьбе сама с собой; ее силы препираются; человек находится в полноте расстройства. Сила желания болезненно превратилась в ощущение ненасытных похотений; сила мужества и энергии превратилась в различные виды гнева, от исступленной ярости до утонченного памятозлобия; сила словесности, отчуждившись от Бога, потеряла возможность управлять силой воли и силой энергии

и правильно направлять их. Этого мало: душа сама поработилась греху, приносит ему непрестанные жертвы лукавством, лицемерием, ложью, самомнением; она борется и препирается сама в себе, сама с собою, волнуя все существо человека разными неправильными и необузданными мыслями, возбуждающими мучительнейшие ощущения, тщетно обличаемыми сознанием духа или совестью, лишенною и силы, и истины. Образ и подобие Божии в человеке, по падении его, изменились. Подобие, состоявшее в совершенном отчуждении зла из качеств человека, познанием зла и сообщением его этим качествам, уничтожилось; при уничтожении подобия образ исказился, соделался непотребным, но не уничтожился совершенно. «Да вемы убо, – говорит святой Димитрий Ростовский, – яко образ Божий есть и в неверная человека душе, подобие же токмо в христианине добродетельном: и егда согрешает смертне христианин, тогда подобия токмо лишается Божия, а не образа: и аще и в муку вечную осудится, образ Божий тойжде в нем во веки, подобие же уже быти не может». И Церковь воспевает: «Образ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу согрешений, но еже к подобию возведи древнею добротою возобразитися».

ПОДЧИНЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ДИАВОЛУ

Страшным плодом падения было порабощение человека диаволу и ничем не отвратимое смешение с ним. Об этом горестном порабощении так беседует святой Макарий Великий: «Царство тьмы, то есть оный злый князь, плениви человека искони, так обложил и облек душу властию тьмы, аки какого человека, по оному: яко да сотворят его царем и облекут в царския одежды, и да носит от главы даже до ног царския одеяния. Тако душу и все ея существо облек грехом злый оный начальник, всю ее осквернил и всю пленил в царство свое, что ни помышлений, ни разума, ни плоти, и наконец, ни единаго ея состава не оставил от своея власти свободным; но всю ее одеял в хламиду тьмы... Всего человека, душу и тело, злый

оный враг осквернил и обезобразил; и облек человека в ветхаго человека, осквернена, нечиста, богопротивна, не повинующаяся закону Божию, т. е. в самый грех облек его, да не ктому видит человек, якоже хощет, но зле видит, зле слышит, ноги имеет стремительны к злодеянию, руки, творящие беззаконие, и сердце, помышляющее злая... Грех и душа смесилися между собою, имея однакоже оба из них собственное при себе естество... Как во время мрачной и темной ночи, когда дышет бурный ветр, колеблются, мятутся и приходят в великое движение все растения: так и человек, подвергшись темной власти ночи – диавола, и в этой ночи и мраке проводя жизнь свою, колеблется, мятется и волнуется лютым ветром греха, который все его естество, душу, разум и помышления пронзает, причем и все телесные члены его также движутся, и нет ни одного ни душевнаго, ни телеснаго члена, свободного от греха, обитающего внутри нас»[1037]. По падении и до самого искупления нашего Господом нашим Иисусом Христом «с насилием и мучительски владел враг человеком, – говорит преподобный авва Дорофей, – так что и не хотевшие грешить невольно согрешали, как говорит апостол от лица нашего: *не еже хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сие содеваю* (Рим. 7, 19)[1038]. Действует на нас диавол, влагая свои помыслы, обольщая мечтаниями[1039], возбуждая помыслами и мечтаниями греховные ощущения, волнуя и разгорячая кровь, поглощая этими волнами и попаляя этим пламенем весь здравый смысл человека и всю силу его воли. Действия всех страстей соединены с движением разнообразным крови; где движение крови, там непременное действие страсти, там непременно действие бесов. Такое действие непостижимо для омраченного падением человека, пребывающего в падении своем: лукавые помыслы и мечтания так тонко и хитро действуют в душе, что ей представляются они как бы рождающимися в ней самой, а отнюдь не действием чуждого ей злого духа, вместе и действующего, и желающего оставаться непримеченным[1040].

В чем существенно состоял грех первозданных? По наружности он состоял во вкушении от запрещенного древа. Он

получает и большую тяжесть и большее значение, когда мы определим его нарушением заповеди Творца тварью, противодействием твари воле Творца. Еще большее значение получает он, когда мы признаем в нем попытку человека соделаться равным Богу. А на эту именно попытку и указывает Бог словами, исполненными неизреченного сострадания, произнесенными Им при изгнании праотцев из рая: *Се Адам бысть яко един от Нас, еже разумети доброе и лукавое* (Быт. 3, 22). «Солгася (обманулся) древле Адам, – возвещает Святая Церковь, – и Бог возжелев быти, не быстьн»[1041]. Диавол сообщил свой грех обольщенному человеку. Но грех диавола был собственным его созданием; он задумал сам в себе соделаться равным Богу (Ис. 14, 14), обрабатывал эту мысль, стремился привести ее в исполнение, сообщил ее многочисленному сонмищу других духов, склонил их в единомыслие с собою, наконец явно восстал против Бога; грех человека был нечаянно постигшим его увлечением. Грех человека был приготовлен не замыслом, но неправильным и недостаточным деланием и хранением рая. Не менее того грехом своим человек соделался сообщником диавола и пленником его. Как падшему по увлечению, человеку вместе с изречением казни обетовано искупление и Искупитель.

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Господь, изгнав человека на землю из рая, вселил его на ней *прямо рая сладости* (Быт. 3, 24), чтоб он, непрестанно обращая взоры к раю и вместе питаясь надеждою возвращения в рай, пребывал в непрестанном плаче покаяния. Вселение прямо рая сладости показывает, что Адаму дано было живое воспоминание о рае, и сама земля красотами своими, сохранившимися в некоторой степени и после ее проклятия, напоминала рай. Земля назначена в место покаяния для праотцев и для всего имевшего произойти от них рода человеческого. Земная жизнь каждого человека есть время, данное ему на покаяние. Все человечество на земле должно быть погружено в

покаяние, в неутешное рыдание. Оно должно странствовать на ней, не прилепляясь сердцем ни к каким предметам, которыми обставлена эта гостиница, но непрестанно помышляя о горнем своем отечестве и всеусильно стремясь возвратиться в него. Труд и злострадание – непременные спутники покаяния и родители смирения, рождающего покаяние, должны господствовать на земле, по самому определению Божию. Человек должен постоянно помнить, что Господь назначил ему в поте лица снедать не только вещественный, но и духовный хлеб свой; человек должен непрестанно помнить, что он на земле во временном изгнании, что он – земля, что он должен возвратиться в землю, из которой он создан. Об этом все на земле непрестанно напоминает ему. Он находится в непрестанном разнообразном страдании, в борьбе с собственной злобой, в борьбе с злобой ближних своих, в борьбе со стихиями, в борьбе с землей, ради его проклятой и повинующейся ему только при пролитии кровавого пота. Об этом непрестанно напоминают ему братия его, похищаемые один вслед за другим неумолимой смертью. От земли дозволено ему пользоваться одним самонужнейшим, необходимым для земного странствования нашего, отнюдь не излишним, отторгающим мысль от вечности. Все праведники ветхозаветной Церкви, странствовавшие на земле, начиная от Адама, проводили земную жизнь сообразно назначению, данному ей Богом. Они жили на земле, как в стране изгнания, как в стране плача и покаяния, питаясь надеждою обетованного избавления, соглядая оком веры вечность. *Проидоша*, – говорит о них апостол, – *в милотех, и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин весь мир, в пустынех скитающеся и в горах и в вертепах и в пропастех земных. И сии вси послушествовани бывше верою* (Евр. 11, 37–39). *По вере умроша сии вси, не приемше обетований, но издалеча видевше я, и целовавше, и исповедавше, яко страннии и пришельцы суть на земли* (Евр. 11, 13).

МИР

К немногим из человеков могут быть приложены эти слова апостола; немногие из них проводили земную жизнь согласно с назначением, данным ей Богом. Падение человека так глубоко повредило его, что он, отвергши жизнь плача на земле, избрал на ней жизнь наслаждений и вещественного преуспеяния, как бы торжествуя и празднуя самое падение свое. К этой жизни плотского наслаждения и преуспеяния, убивающей жизнь для Бога, уже начали склоняться некоторые из детей Адама, мало внимая повести о рае и о духовном состоянии человека, находя в стране изгнания полную пищу и удовлетворение в скотских и зверских страстях своих. Внуки Адама еще более устремились к развитию вещественной жизни на земле с забвением о вечности. Сюда, наконец, устремилось все его потомство, за исключением немногих избранных мужей, считая сказание о рае баснею, изобретением суеверного воображения. Тщетно смерть пожинала людей с лица земли: они продолжали жить и действовать как бы вечные на ней. Поддержание телесных сил вкушением необходимого количества простой пищи перешло в лакомство и пресыщение изысканными яствами. Утоление жажды перешло к наслаждению различными напитками и к пьянству. Прикрытие наготы кожаными ризами преобразилось в украшение себя богатыми одеждами и утварями. Скромные жилища для убежища и ограждения от стихий и зверей, восставших на человека, стали заменяться огромными и великолепными палатами. Явилась роскошь с ее бесчисленными требованиями, которые обращались в неумолимый закон среди общества падших человеков. Законное совокупление полов для размножения рода человеческого изменилось в ненасытное любодеяние, противодействующее размножению человеков. Этого мало: люди, распаленные необузданным пожеланием, вполне лишившимся правильного стремления, изобрели грехи противоестественные. Сила энергии душевной стала пособствовать ненасытным пожеланиям и требованиям грехолюбивого человека: явились ссоры, обиды, убийства, разбой, грабеж, война, завоевание. Словесная сила человека

всецело употреблена для доставления ему выгод и преимуществ земных, употреблена в содействие греху: явились ложь, обманы, лукавство, лицемерие. Таким образом, немедленно по падении человеков начал образовываться на земле, а с течением времен получать большее и большее развитие по самому началу своему, враждебный Богу мир.

Мир есть жизнь человеков на земле единственно для земли, единственно с целью удовлетворения своим греховным пожеланиям, с целью плотского наслаждения, с целью вещественного преуспеяния, с целью, вполне противоположной той высокой и всеблагой цели, с которою человек помещен Богом на земле. «Мир есть общее наименование всех страстей. Мир – плотская жизнь и плотское мудрование. Где прекратилось движение и действие страстей, там умер мир». Так любомудрствует великий наставник монашества святой Исаак Сирский[1042]. К этому миру ненависть, от этого мира отречение заповедует Дух Святой ученикам Своим, когда говорит: *Не любите мира, ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем. Яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очима и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию пребывает во веки* (1 Ин. 2, 15–17). *Мир весь во зле лежит* (1 Ин. 5, 19). *Любы мира сего вражда Богу есть: иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает* (Иак. 4, 4). Когда же Священное Писание говорит, что *тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16): тогда надо разуметь под словом мир всех человеков, не исключая и грешников, как и апостол Иоанн Богослов говорит: *О сем явися любы Божия в нас, яко Сына Своего Единороднаго посла Бог в мир, да живи будем Им* (1 Ин. 4, 9).

Опять: и все общество человеческое, в соединении с их греховною жизнью, в соединении с их плотскими наслаждениями, с их вещественным преуспеянием, с их столпотворением, называется «миром». Этот мир враждебен Богу и служителям Его. *Аще мир вас ненавидит*, – говорил Богочеловек ученикам Своим, – *ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще*

от мира бысте были: мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир (Ин. 15, 18–19). Этот мир пребыл и пребывает чуждым и Богу-Создателю и Богу-Искупителю; гонение и убийство служителей Божиих он признает служением правде (Ин. 16, 2).

Глава и начальник этого мира, враждебного Богу, есть падший ангел; содействуют ему и служат в этой безумной и дерзостной брани прочие падшие ангелы и увлеченные им человеки. Самая земля и ее твари, прежде подчиненные Адаму, по падении Адама, вместе с ним подчинились сатане. Сам сатана так засвидетельствовал о власти своей над миром: дерзнув приступить к Сыну Божию для искушения, он возвел Его на высокую гору и, показав все царства вселенной и славу их, сказал: *Тебе дам власть сию всю и славу их: яко мне предана есть, и емуже аще хощу, дам ю* (Лк. 4, 6). Сатана называет власть над миром не собственно своею, но преданною себе. Точно: она предана ему. «Враг, прельстивший Адама, – говорит святой Макарий Великий, – и таким образом восприявший над ним владычество, лишил его всей власти и объявлен князем века сего. Сначала же князем века сего и господином всего видимого Бог поставил человека... Когда же он предался вражеской лести, то вместе с сим предал и начальство свое обольстителю. Сея ради вины волхвы и чародеи по действу противныя силы, попущением Божиим, чудная некая являются творити, ядовитыми обладающе зверьми, и во огнь и в воду без вреда входяще»[1043]. Священное Писание по этой причине называет падшего ангела миродержцем, князем века сего (Ин. 12, 31; Еф. 2, 2; 6, 11–12).

ИДОЛОПОКЛОНСТВО

Сатана не удовлетворился тем, что он покорил человека с землею под власть свою, что держал его в плену, возбуждая в нем различные страсти и ими оковывая его, что служением греху привел его в служение себе. Мысль, обуявшая ангела на небе, не оставляла его и в поднебесной, куда, как в преддве-

рие ада, он низвергнут с неба: мысль соделаться равным Богу. Он привел ее в исполнение введением на земле идолопоклонства. Род человеческий, постепенно размножаясь на земле, вместе с тем более и более переходил от удовлетворения нуждам к удовлетворению прихотей и греховных пожеланий. Несовместно с такою жизнью истинное Богопознание и самопознание! Человеки, потонув в земных попечениях и наслаждениях, соделавшись исключительно плотию, потеряли самое понятие об истинном Боге. Но чувство Богопочитания есть чувство неотъемлемое от сердца человеческого, как врожденное и естественное ему: оно не уничтожено падением – лишено правильности. Водимые этим бессознательным чувством, человеки воздали божеское поклонение изобретателю и родителю греха – падшему ангелу и сонмищу его демонов. Человек обоготворил убивший его грех во всех его видах, обоготворил представителей греха – демонов. Он признал божественными наслаждениями удовлетворение всем страстям. И блудодеянию, и пьянству, и воровству, и убийству воздана почесть. Каждая страсть изображалась своим истуканом или идолом. Идол был символом демона, вполне чуждого жизни, вполне мертвого для ощущений духовных. Пред такими идолами совершалось и общественное, и частное или домашнее поклонение; пред идолами закалались и приносились жертвы из животных, а нередко и из людей. Но наружное служение идолам было в сущности служением бесам, как научает нас божественный апостол Павел (1 Кор. 10, 20). Идольские храмы и самые идолы были любимым жилищем демонов. Из этих жилищ своих они издавали гласы и прорицания для обольщения злосчастного человечества. И сам человек, престав быть храмом Бога живого, соделался храмом и обиталищем сатаны (Лк. 11, 24–26).

Идолопоклонство объяло всех человеков и всю землю. Немногие избранные человеки сохранили истинное Богопознание и Богослужение. Впоследствии Бог избрал и отделил в служение Себе народ израильский, даровав ему письменный закон. Но недуг идолопоклонства так сильно дейс-

твовал в падшем человечестве, что и избранный народ, часто оставляя поклонение Единому истинному Богу, стремился к поклонению кумирам.

Человек, лишившись падением своим Божественного Света – Святого Духа, должен был довольствоваться своим собственным, скудным светом – разумом. Но этот естественный свет привел весьма немногих человеков к познанию истинного Бога: он устремился наиболее к доставлению всевозможных удобств для земной жизни, изобрел различные науки и искусства, которые точно способствовали и способствуют к умножению и развитию этих вещественных удобств, но вместе способствуют и к сильнейшему развитию греховной жизни, к запечатлению и утверждению падения украшением падения многоразличными призраками благосостояния и торжества. Науки человеческие, будучи плодом падения, удовлетворяя человека, представляя ему Божию благодать и Самого Бога ненужными, хуля, отвергая, уничижая Святого Духа, соделались сильнейшим орудием и средством греха и диавола для поддержания и укрепления падения. Свет человеков соединился со светом демонов и образовал человеческую ученость (премудрость), враждебную Богу, растлевающую человека диаволоподобною гордынею (1 Кор. 3, 17–18). Объятый недугом учености, мудрец мира сего подчиняет все своему разуму и служит сам для себя кумиром, осуществляя собою предложение сатаны: *будете яко бози, ведяще доброе и лукавое*. Ученость, предоставленная самой себе, есть самообольщение, есть бесовский обман, есть знание, преисполненное лжи и поставляющее в ложное отношение ученого и к себе, и ко всему. Ученость есть мерзость и безумие пред Богом; она – беснование. Слепоту свою она провозглашает удовлетворительнейшим ведением и видением, и таким образом соделывает слепоту неисцельною, а хранимое ею падение неотъемлемым достоянием злосчастного книжника и фарисея (Ин. 9, 41). *Мудрование плотское – вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может. Мудрование плотское – смерть* (Рим. 8, 7, 6). Святой Дух заповедует отвержение мудрости земной для

того, кто хочет приступить к Богу и соделаться причастником духовной мудрости (1 Кор. 3, 18). Апостол Павел замечает, что немногие из ученых приняли веру христианскую (1 Кор. 1, 26); напротив того, для этих мнимых и напыщенных мудрецов показалась безумием духовная мудрость, всеобильно и всесовершенно заключающаяся во Христе (1 Кор. 1, 23). Философы и художники были величайшими поборниками идолопоклонства и врагами истинного богопознания. По водворении веры христианской в мире ученость родила бесчисленные ереси и ими старалась ниспровергнуть святую веру. Величайшее злодеяние – убийство Богочеловека – совершено учеными во имя мудрости их и во имя закона их (Ин. 11, 49–50). В наше время ученость возвращает язычников, принявших христианство, к язычеству и, отвергая христианство, вводит снова идолопоклонство и служение сатане, изменив формы для удобнейшего обольщения человечества. Редкий, весьма редкий книжник научается Царствию Небесному и износит новое учение Духа пред общество собратий своих, облекая это учение в ветхие рубища учености человеческой для того, чтоб оно было удобнее принято любящими более ветхое, нежели новое (Мф. 13, 52; Лк. 5, 39).

СМЕРТЬ И АД

По падении первого человека и отвержении его Богом, а в нем и всего рода человеческого, все человеки, окончив смертию тела свое земное странствование, нисходили душами в преисподние темницы ада. Ад находится в недрах земли[1044]. Там пылает *огнь вечный, уготованный диаволу и аггелам его* (Мф. 25, 41), которые, следовательно, падением своим предварили сотворение вещественного мира. Там тьма кромешная, там тартар, там скрежет зубов, там червь неусыпающий, там плач без утешения, непрерывающийся и напрасный. Там разнообразные муки по разнообразию грехов; там различные степени мук соответственно различной степени греховности.

Смерть душевная, смерть существенная, поразившая человеческий род в его родоначальниках, выражающая власть свою и над телом земного странника во время его земного странствования недугами и другими бесчисленными страданиями, при окончании земного странствования выражает эту власть самым страшным явлением: разлучением души от тела. По разлучении души от тела власть смерти над человеком получает полное развитие (здесь говорится о временах, предшествовавших Искупителю): тело разрушающееся и смердящее погребается в недрах земных, а душа каждого человека, и нечестивца, и ветхозаветного праведника, нисходит во ад. Души нечестивцев низвергались в вечный огнь, как окончательно принадлежащие вечной смерти; души праведников нисходили во ад, в темницы его менее глубокие и страшные, где они пребывали, томясь жизнию во аде и вместе утешаясь надеждою искупления. Все обстоятельства земной жизни доказывают человеку, что он на земле изгнанник за ужасное преступление, но всего более доказывает это смерть. Она не оказывает ни уважения, ни сожаления ни к чему высокому и важному человеческому. Она поражает и юность, и красоту, и гения, и могущество, и богатство. Ничем человек не может отвратить неумолимой смерти, служащей для рода человеческого опытным доказательством его падения, его согрешения пред Богом, его казни. Она свидетельствует пред человеками, что человек – создание и раб, возмутившийся против своего Творца и Господа, что знаменитейшие и важнейшие дела человеков для земли ничего не значат для вечности, что высокое человеческое – *мерзость есть пред Богом* (Лк. 16, 15). Смерть – казнь. Поражая каждого человека, она доказывает, что каждый человек – преступник; поражая всех человеков без исключения, она доказывает, что карается человечество за преступление, общее всему человечеству. Пред одним благочестием благоговеет смерть, и молитва праведника может иногда остановить секиру смерти, и отодвинуть час ее (Ис. 38, 5)[1045].

ПРЕУСПЕЯНИЕ ЗЛА НА ЗЕМЛЕ

Когда род человеческий провел многие тысячелетия в жестоком порабощении у падшего ангела, тогда явился на земле обещанный Богом Искупитель. Прежде нежели приступим к описанию этого величайшего и чудеснейшего события, взглянем еще на состояние злосчастного мира в то время, как Господь низшел на землю и вочеловечился для обновления и спасения человечества. Мир был погружен на всем пространстве его в идолопоклонство. Люди, возненавидев друг друга, завидуя другу другу, полили всю поверхность земли своею кровию в ожесточенных бранях, в которых истребились и исчезли многочисленные народы, пожатые мечом и лишенные народности невольничеством и продажею на рынках вселенной подобно скоту или бездушному товару. Бедствия и гибель человечества признаны величайшею славою для человечества, и обагренные кровию собратий завоеватели объявлялись еще при жизни их богами. Другим злодеям, отличавшимся гнусными пороками, воздана божеская честь по смерти их. Удовлетворение постыднейшим страстям считалось высшим наслаждением. Некоторые из отверженнейших человеков вступили в явное сношение с сатаною, облекшись в силу его, содействовали укреплению его господства над землею и человечеством[1046]. Это господство достигло полного развития. Под это господство склонился и избранный народ израильский. Крайне умалившись числом и упав в гражданском отношении, народ этот подпал под власть народов идолопоклоннических. Внутренняя, существенная сила его, заключавшаяся в общении с Богом посредством познания и исполнения Его воли, истощилась. Жизнь по заповедям Божиим, образующая в человеке чистоту ума и сердца, которую осеняет Божественная благодать, просвещая человека истинным духовным разумом и богословием, заменилась в большинстве школьным изучением Закона, соединенным с небрежением о богоугодном жительстве, которое книжники и фарисеи – так назывались иудейские ученые того времени – старались заменить притворством и лицемерием. Эти омраченные сатанинскою гордостью ученые, исполненные презрения и ненависти ко всем прочим сословиям народа, рабы страстей, не способные к вере по своей неограниченной и исступленной привязанности к земной славе и земным преимуществам, способные по этой привязанности ко всевозможным преступлениям, совершители этих преступлений, захватили во власть свою вероучение, отвергли из него заповеди Божии, ввели в него свои нелепые предания, сами стремясь в слепоте своей к погибели, влекли к ней и руководимый ими народ[1047]. Немногие, весьма немногие, человеки остались верными Богу самою жизнию своею и от такой жизни зависящим и воссиявающим истинным Богопознанием. Святые имена их – в Святом Евангелии[1048].

Теперь переходим к отраднейшему зрелищу. Приготовим, предочистим себя слезами покаяния и, отвлекши ум и сердце от всех земных попечений, присоединимся к сонмам Святых Ангелов, чтоб предаться вместе с ними священному созерцанию вочеловечения Бога-Слова, чтоб вместе с ними в священном удивлении и радости воспеть: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение* (Лк. 2, 14)...

Благовест

ПРИМЕЧАНИЯ

К СЛОВУ О ЧУВСТВЕННОМ И ДУХОВНОМ ВИДЕНИИ ДУХОВ

[1] Случалось слышать и отвержение существования души! Так умствующие утверждают, что в нас находится непостижимая жизненная сила, еще неразгаданная наукой, подобно как и во всех животных, действующая только во время жизни тела и умирающая вместе с ним, – что ты нисколько не выше прочих животных; что признаем себя высшими их только по гордости нашей. Суждение это принадлежит тем, которые, по пословице, не слышат в себе души! Конечно, по причине преобладающего плотского состояния, причем весь человек делается плотью (Быт. 6, 3).

[2] Ин. 3, 8; Евр. 2, 14.

[3] Мф. 28, 19, 20.

[4] Мф. 7, 21–23.

[5] Ин. 14, 21–24.

[6] Преподобный Марк Подвижник. О законе духовном, гл. 32. Доброт., ч. 1.

[7] Мф. 13, 52.

[8] «Отрекшиеся от мира, хотя и алфавита (азбуки) не знают, но мудрейшими бывают, Божиим просвещаемы светом, паче тех, которые все Писание знают, но ищут в мире сем прославиться. Писание бо Святое дано нам от Бога ради спасения нашего и прославления имени Божия: ради того должно его читать, и поучаться, и внимать. А когда ради прославления нашего читаем и тщимся знать, то оно не только не в пользу, а во вред будет нам». Святой Тихон Воронежский, том 15, письмо 32.

[9] Мф. 22, 30; 25, 41.

[10] Иез. 28, 8, 12.

[11] Алфавитный Патерик и достопамятные сказания об Исааке

Великом, пресвитере Келий. Келиями называлась отдельная пустыня, соседняя к горе Нитрийской.

[12] Пс. 11, 1–3.

[13] 2 Тит. 3, 13.

[14] Алфавитный Патерик, изречения пр. Пимена Великого.

[15] Еф. 6, 12.

[16] Преподобный Макарий Великий. Слово 7, гл. 31.

[17] Его же Слово 4.

[18] Быт., гл. 2 и 3.

[19] Слово 6, гл. 13.

[20] Слово 74.

[21] Этот образ обольщения в настоящее время находится в особенной моде у бесов, по особенному расположению современных человеков доверять ему.

[22] 2 Кор. 11, 14–15.

[23] Деян. 16, 17.

[24] Мк. 1, 24; Лк. 5, 34.

[25] Vita sanct. Pachomii, cap. XLIX, Patrologiae Tom. LXXIII.

[26] Иов. 1.

[27] 3 Цар. 22, 19–23.

[28] Четьи-Минеи, 7 сентября.

[29] Чис. 22.

[30] Св. Исаак Сирский. Слово 1.

[31] Быт. 3, 21.

[32] Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной Веры, кн. 3, гл. 1

[33] Быт. 8, 21.

[34] Прп. Кассиан. Собеседование 8, гл. 12.

[35] Евр. 5, 14.

[36] Чис. 22, 31.

[37] 4 Цар. 6, 17–20.

[38] Лк. 24, 16–31.

[39] Пр. Исаак Сирский. Слово 36.

[40] Африкой называлась в Римской Империи Карфагенская область. См. Четьи-Минеи, житие св. мученика Артемия, 20 октября.

[41] Четьи-Минеи, 22 сентября.

[42] Пс. 54, 23

[43] Четьи-Минеи, 24 октября.

[44] Преподобный Исаак Сирский. Слово 65.

[45] Флп. 3, 12–14.

[46] Мф. 5, 4. Четьи-Минеи, 29 декабря.

[47] Беседа 8, гл. 6

[48] Лествица. Слово 3, о сониях.

[49] Святой апостол Павел определил так значение волхва; исполненный всякого коварства и всякого злодеяния, сын диавола, враг всякой правды (Деян. 13, 10). При чтении Четьих-Миней можно получить достаточное понятие о волхвах.

[50] Четьи-Минеи, смотри житие Василия Великого 1 января: Повесть о Феофиле, падшем и покаявшемся, 23 июня.

[51] Быт. 31, 24.

[52] Быт. 31, 30.

[53] Числ 22, 23, 24, 31.

[54] 1 Цар. 15, 22, 23.

[55] 1 Цар. 28. – Смотри о сем различные мнения в Четьих-Минеях, 11 марта, в житии священномученика Пиония, пресвитера Смирнского, и в примечаниях к сему житию. Мог явиться Саулу демон в виде пророка, и наугад произнести пророчество, основанное на прежних истинных пророчениях и на ходе дела; мог явиться, по пущению Божию, и сам Самуил, ибо ветхозаветные праведники до пришествия Христова содержались во аде и находились под властью диавола, хотя и не в такой степени, в какой грешники и нечестивцы.

[56] Цар. 7, 6.

[57] См. житие прп. Макария Желтоводского, 15 июня, Четьи-Минеи.

[58] Чис. 22, 23.

[59] Слово 41.

[60] Быт 14, 18.

[61] Пролог, 23 февраля.

[62] Св. Исаак Сирский. Слово 2.

[63] Иов. 1, 7.

[64] Быт 3, 14.

[65] Прп. Макарий Великий. Слово 4, гл. 6 и 7.

[66] Флп. 3, 20.

[67] Маронитский месяцеслов, Sancti Antonii magni opera, Patrologiae Craecae, Tom XL, pag. 960.

[68] Четьи-Минеи, житие преподобного Антония Великого, повесть о Зерефере. «Великий в совершенных отцех, преподобный Антоний, прозорлив сый, прешед бесовские искушения, ктому ни во что же коварство их вменяше: и многажды зряше чувственными очесы и Ангелы и бесы».

[69] Historia Lavsaica cap. XXVIII. Patrologiae Craecae Tom. XXXIV.

[70] Patrologiae Graecae Tom. XXVI. Vita s. Antonii pag. 873, 874–907, 908.

[71] Притч. 4, 23

[72] По иному чтению: «искусных в обольщении». Patrologiae, Tom. 73. pag. 137.

[73] Еф. 6, 12.

[74] По иному чтению: «Необычайное множество их летает в этом воздухе; недалеко от нас протекает полчище врагов». Pag. 137.

[75] По иному чтению: «Бог не сотворил ничего такого, что само по себе было бы злым. Не по Его установлению демоны получили свое начало; причиною их превращения было не естество, а воля. Бог создал их благими; но они по произволению собственного духа низверглись с неба на землю, где, пресмыкаясь в смрадной тине, учредили нечестивые верования язычества. Ныне, терзаясь завистью к нам, они непрестанно устрояют нам всевозможные напасти, чтоб мы не наследовали престолов, которые прежде принадлежали им. Многоразлична и многообразна злоба их. Некоторые из них ниспали в самую глубину испорченности; другие, по сравнению с самыми злыми, представляются не столько лютыми; но все они по возможности сил устрояют различные брани против каждой добродетели, против каждого подвижника. По этой причине необходимо просить у Бога *дар рассуждения духов* (1 Кор. 12, 10), чтоб мы, провидя козни и ухищрения их, могли против разнообразных нападений их воздымать одно и то же знамя – Крест Христов». Pag. 137.

[76] 2 Кор. 2, 11.

[77] По иному чтению: «Люта ненависть падших духов ко всем христианам, в особенности к монахам и к посвятившим свое девство Христу. На пути их духи расстилают сети, умы их стараются совратить противозаконными и скверными помышлениями. Но это не должно поражать вас страхом: козни демонов тотчас сокрушаются молитвами верных (христиан) к Богу и их постами. Однако если демоны прекратят брань на короткое время, то не подумайте, чтоб это было знаком совершенной победы над ними. Им обычно восставать, когда они будут уязвлены, с большей жестокостью, и возобновлять нападение, изменив образ борьбы. Когда они ничего не успеют, действуя помыслами, тогда стараются поколебать страхованиями – принимают вид то женщин, то зверей, то змей, то необыкновенной величины исполинов, то являются как бы полки воинов. Все такие привидения исчезают при первом крестном знамении. Когда эти средства обмана будут познаны и останутся тщетными, тогда они начинают пророчествовать, покушаются предсказывать события наступающих дней. Когда же и в этом будут попраны, тогда призывается ими на помощь для борьбы с подвижниками сам начальник нечестивого их сонмища, глава и полнота всякого зла». Pag. 138.

[78] Иов. 41, 9–13.

[79] Иов 41, 18, 22–23.

[80] Исх. 15, 9.

[81] Ис. 10, 14.

[82] Здесь указывается на велехваление демона, изображенное в приведенных выше местах Священного Писания.

[83] Великий египетский отшельник описывает велеречие, необыкновенные обещания, провозглашенные демонами с целью обольстить и обмануть человеков, также чудовищные привидения, представляемые демонами, их неимоверные и тщетные угрозы. Разнообразными средствами демоны усиливаются увлечь человеков в повиновение себе, являясь им чувственно. Внимательный делатель заповедей Христовых может усмотреть точно такое действие бесов, когда они невидимо приближаются к душе, стараются подействовать на нее помыслами и мечтаниями. Желая склонить человека к

сладострастию, они представляют ему в воображении живописные соблазнительные образы и многочисленные средства к удовлетворению плотского вожделения. Желая обольстить тщеславием, – представляют в обольстительной картине земное преуспеяние. Желая оковать сребролюбием, – представляют продолжительную и тягостную старость, также предлоги, на которых зиждется этот порок. Словом сказать: они и обольщают, и угрожают, – всеми средствами стараются окрасть веру в Бога, отвлечь от последования заповедям Евангелия, привлечь под свое водительство. С тем, кто покорится бесам, они поступают жестоко, поступают как злейшие враги, предлагавшие все с одним намерением, с намерением нанести всевозможный вред. Склонившегося на искании славы иногда поражают бессилием сряду после сказанного повиновения лести, – иногда как будто удовлетворяют в течение продолжительного времени с тем, чтоб ввести в затруднительное положение, в погибельную пропасть. Когда оставит человека десница Божия на его постоянное и намеренное порабощение страсти, тогда демоны повергают его во все виды уничижения. Так поступают они и со сребролюбцем, и со сластолюбцем. Они обольщают греховным наслаждением, чтоб излить в повинующегося им свою смертную горечь; они обольщают обилием благ, чтоб тем вернее ввергнуть в пропасть бедствий; они угрожают бедствиями, чтоб человек, отрекшись от упования на Бога, хранящего человеков от нашествия бедствий и в нашествии бедствий, уклонился к мерам сохранения себя, предлагаемым демонами, и впал в бедствия, самые запутанные, неисходные.

[84] По иному чтению: «Обычно демонам иногда петь псалмы в стройном согласии, причем – о нечестие! – они произносят нечистыми устами святые изречения Писания». Pag. 139.

[85] По иному чтению: «Когда спим – они побуждают нас на молитву, чтоб отнять сон всей ночи. Многие из них, принимая вид почтенных монахов, склоняют братию к подробному рассматриванию преждесодеянных грехов, известных бесам, чтоб возобновить ощущение услаждения этими грехами или чтоб привести в отчаяние. Должно презирать обличение в грехах, приносимое бесами, должно презирать их коварные советы, когда они склоняют к посту, или возбуждают к всенощному бдению. Они принимают вид, нам знако-

мый и близкий, именно с той целью, чтоб удобнее вредить под личиной добродетели, чтоб удобнее впустить свой яд, чтоб обмануть простосердечие благовидной наружностью. Впоследствии же, когда сблизятся с теми, которым являются, внушают им, чтомонашеский подвиг невыносим и невозможен; представив начатое монашеское жительство бременем тяжким, приводят в безнадежие, безнадежием в уныние, унынием в совершенное расслабление». Pag. 139. Таково же коварство и такова же цель у демонов, когда они действуют помыслами или через человеков, преданных чувственности и миру. Демоны оклеветывают монашеское жительство, называя его противоестественным и невозможным; внушением этих ложных понятий, они стараются охладить ревность подвижника, ввергнуть его в небрежение о спасении, потопить в плотской жизни и в угождении страстям.

[86] Авв. 2, 15.

[87] Лк. 4, 41.

[88] Пс. 49, 16.

[89] Пс. 38, 2.

[90] Пс. 37, 14.

[91] Благоразумное и осторожное поведение, предписываемое по отношению к демонам при чувственном явлении их, должно быть строго наблюдаемо и тогда, когда они действуют одними помыслами. Действуя помыслами, они стараются, как и при чувственном явлении, осквернить и извратить всякую добродетель своей примесью, чтоб поколебать и ниспровергнуть жительство подвижника, чтоб поколебать и ниспровергнуть в нем нравственные понятия, понятия, на которых зиждется истинно благочестивое жительство. Демоны внушают иноку возложить на себя неумеренный пост, неумеренное бдение, обременительное молитвенное правило, излишнюю скудость в одежде, излишнюю ревность к телесным трудам, чтоб ввести в высокоумие, или, истощив силы и здоровье, сделать неспособным к благочестивому подвигу. Богоугодную печаль плачущего о грехах они стараются усилить и превратить в печаль погибельную, примесив к раскаянию о грехах безнадежие в получении прощения; от безнадежия приводят к отчаянию. Выставляя любовь к ближнему в благовидный предлог, они научают часто выходить из

кельи для посещения братий, и в свою келью непрестанно принимать и приглашать посетителей. Этим отторгают от плача и прочих душеполезнейших занятий, возможных не иначе, как на лоне уединения и безмолвия; этим вовлекают в рассеянность, от которой помрачается ум, и побеждение соблазнами делается очень удобным. В исповедание истинной веры, в это основание спасения человеков, демоны стараются ввернуть свою примесь и святую веру превратить в зловерие или ересь, – этим уничтожить все значение веры. Что такое – ересь? Ересь есть примесь к откровенному Богопознанию учения, заимствованного из плотского мудрования, общего отступникам духам и отступникам человекам. Откровенное Богопознание преподано Самим Богом; оно не терпит никакой примеси, оно вполне отвергается как прямым отрицанием, так и примесью. Такая примесь – отрицание прикрытое.

[92] Ин. 8, 44.

[93] 4 Цар. 19, 35.

[94] Иов 1, 15–22, 2, 1–17.

[95] Мф. 8, 8, 31.

[96] Под благочестием во Христе разумеется строгое Православие, соединенное со строгим жительством по заповедям Евангелия.

[97] Лк. 10, 19.

[98] Patrologiae Graecae. T. 26. S. Athanasii Tom. 11. Vita S. Antonii, pag. 889–890. – Et Ceptot rotj cr menot pomati mallon twu anqr pwn пр.

[99] По иному чтению: «Если бы они (демоны), представляя себя имеющими предвидение, возвестили о пришествии братий, и случилось, что придут те, о которых они предвозвещали, то и тогда не должно дозволять себе доверенности к их лжам. Они для того лишь предвозвещают о приходящих, чтоб возвещением этим насадить доверенность к себе, и после, по причине доверенности, иметь свободный доступ со своими обманами. В таких предсказаниях христианин не должен видеть никакого чуда. Не только они, по тонкости (места) естества свободно странствующие повсюду, могут предупредить идущих пешком, но и человеки, севши на быстрых коней, предвозвещают о приходящих пешеходах. Они возвещают не то, что еще не начало совершаться – один Бог знает будущее – но, увидев что-нибудь, начавшееся совершаться, возвещают о нем, и этим способом

насевают, подобно ворам, доверенность к себе в неимеющих духовного разума. Таким образом мог бы юноша, одаренный быстротою бега, возвестить находящимся в дальнем расстоянии о нынешнем собрании нашем и о том, о чем мы беседуем, прежде, нежели кто-нибудь из нас пришел в то место. Сказанное может быть объяснено фактами. Если кто из Фиваиды или из города какой-либо другой страны отправится в путь, то демоны, увидев его идущим, могут, по причине вышеупомянутой быстроты своей, предсказать о пришествии его. Таким же образом предсказывают они о наводнении Нила, когда увидят, что в Эфиопии пошли большие дожди, от которых река наполняясь, обыкновенно выступает из русла, перебегают в Египет и возвещают о наступлении наводнения. Это могли бы легко возвещать и человеки, если бы они были одарены от природы такой быстротою». Pag. 141.

[100] 2 Цар. 18, 24.

[101] По иному чтению: «Демоны, осматривая все с величайшим тщанием, передают друг другу вести, быстро перебегая. Если случится, что начатое, по мановению Божию, не будет приведено к концу, то есть, если путешественник воротится с половины дороги, или разнесены будут ветром дождливые облака, тогда открывается обман вместе и обманывавших и тех, кто верил им». Pag. 141–142.

[102] Состоянием естественным отцы называют то состояние, в котором человеки сотворены. Состояние падения они называют нижеестественным.

[103] 4 Цар. 5, 26.

[104] 4 Цар. 6, 17.

[105] Ис. 42, 2.

[106] По иному чтению: «Вид святых Ангелов – приятный и спокойный: они не спорят между собою, не кричат, – столько тихи, что не слышится голос их. Являясь с благостью и тихостью, изливают в душу радость, наслаждение, извещение». Pag. 142.

[107] Лк. 1, 13.

[108] Мф. 28, 5.

[109] Лк. 2, 10.

[110] Ин. 8, 56.

[111] Лк. 1, 41.

[112] Мф. 4, 10; Втор. 13, 4.

[113] Лк. 10, 20

[114] Мф. 7, 22–23.

[115] 1 Ин. 4, 1.

[116] 2 Кор. 12, 11.

[117] Пс. 19, 8.

[118] Пс. 37, 14.

[119] Человек, при видении духов – так как это состояние находится вне обычного порядка – не может тотчас дать себе верного отчета, совершается ли видимое им на самом деле, или это – только видение. Деян. 12, 9.

[120] Рим. 8, 35.

[121] Лк. 10, 18.

[122] 1 Кор. 4, 6.

[123] Пс. 9, 7.

[124] Нав. 5, 13.

[125] Дан. 10, 20.

[126] Иное чтение, местами вписанное здесь в выносках, есть перевод греческого текста на латинский Евагрием. Этим чтением пользовался святой Димитрий Ростовский, составляя жизнеописание преподобного Антония Великого. Евагрий сознается в недостаточной точности своего перевода, но перевод этот, будучи сделан иноком, имевшим опытное знание отшельнической жизни, имеет свою цену. Достопамятные сказания, изречения прп. Пимена Великого, гл. 90.

[127] Слово 55.

[128] Четьи-Минеи, житие прп. Исаакия – 14 февраля, житие прп. Никиты – 31 января.

[129] 1 Пет. 5, 8.

[130] Четьи-Минеи, 1 сентября.

[131] Прп. Макарий Великий. Беседа 26, гл. 3

[132] Гл. 73. Доброт., ч. 2

[133] Мф. 24, 4.

[134] Такое поклонение воздал диаволу, явившемуся в виде Христа, прп. Исаакий Печерский, и страшно пострадал.

[135] Апреля в 22 день.

[136] Последняя из глав зело полезных прп. Григория Синаита. Доброт., ч. 1.

[137] Мф. 7, 16, 20.

[138] Евр. 5, 14.

[139] Рукопись.

[140] Четьи-Минеи, житие прп. Пахомия Великого, 15 мая.

[141] Быт. 3.

[142] Быт. 4.

[142] 1 Кор. 9, 22.

[143] Слово 7, гл. 7.

[145] Мф. 4, 11.

[146] Лествица. Слово 27, прп. Нил Сорский. Слово 11, Пролог, 9 января, о монахе, прельщенном бесами, житие прп. Никиты Печерского, Четьи-Минеи 31 января.

[147] Прп. Нил Сорский. Слово 11; так рассуждают и прочие наставники христианского подвижничества.

[148] О слепоте духа много говорит свт. Тихон Воронежский в келейных письмах своих. Тома 14 и 15.

[149] Ин. 9, 40.

[150] Ин. 9, 39, 41.

[151] Мф. 23.

[152] Доброт., ч. 3.

[153] Пс. 33, 9.

[154] Св. Исаак Сирский. Начало 59 Слова.

[155] Изречение прп. Иоанна Колова, Алфавитный Патерик.

[156] Мф. 5, 39.

[157] Мф. 5, 38.

[158] Алфавитный Патерик.

[159] Иноки Каллист и Игнатий. О безмолвии и молитве, гл. 68, Доброт., ч.2.

[160] Лествица. Слово 4, гл. 35. Этого же мнения и все святые отцы.

[161] Пс. 118, 128.

[162] Ин. 13, 2.

[163] Ин. 13, 27.

[164] Ин. 12, 6.

[165] Деян. 5, 3.

[166] Лк. 4, 5.

[167] Слово о трезвении, гл. 43. Доброт., ч. 2.

[168] Иов., гл. 1 и 2.

[169] Лк. 13, 10–16.

[170] Слово 38.

[171] Лк. 24, 32.

[172] 1 Ин. 4, 1.

[173] Ответ на вопрос 59.

[174] Мф. 7, 15.

[175] Рим. 16, 18.

[176] Мф. 7, 15–16.

[177] Ответ на вопрос 21.

[178] 2 Кор. 9, 14.

[179] Гал. 5, 22.

[180] Слово 4, гл. 13.

[181] Третья стихира самогласна на вечерни в Пятидесятницу.

[182] Пс. 33, 9.

[183] О духовном ощущении см. беседу 8 прп. Макария Великого и 1 Слово прп. Симеона Нового Богослова.

[184] Евр. 5, 14.

[185] Прп. Кассиан Римлянин. Слово о рассуждении, Доброт., ч. 4.

[186] Иак. 5, 16.

[187] Кол. 1, 28–29.

[188] Алфавитный Патерик.

[189] Авва Дорофей. Поучение о еже не оставляти свой разум.

[190] Гл. 33. Доброт., ч. 1

[191] Предисловие к уставу.

[192] Эта мысль обретается в житии старца Паисия Величковского, искуснейшего наставника иноков, скончавшегося в конце 18 столетия. Житие и писания его изданы Оптиной Пустынью в 1847 г.

[193] Рим. 5, 5.

[194] Алфавитный Патерик, в житии прп. Иоанна Колова.

[195] Так же, в житии Антония Великого.

[196] Рим. 11, 33–36.

[197] Пс. 118, 105.

[198] Пс. 118, 165.
[199] Пс. 118, 98, 115, 97.
[200] Пс. 18, 9.

К СЛОВУ О СМЕРТИ

[201] Втор. 16, 3.
[202] 1 Кор. 2, 10.
[203] Лк. 23, 43.
[204] Лк. 16, 19–31.
[205] Апок. 6, 10–11.
[206] Апок. 20, 13.
[207] Ин. 5, 25.
[208] Пс. 9, 18.
[209] Мф. 20, 30; Лк. 20, 36.
[210] Мф. 25, 34, 41.
[211] Апок. 22, 12.
[212] Лк. 12, 47, 48.
[213] Член 18.
[214] Пс. 18, 22.
[215] Беседа 22.
[216] Лк. 24, 4; Ин. 20, 12.
[217] Деян. 1, 10.
[218] Лк. 24, 38–39.
[219] Деян. 12, 13–15.
[220] Беседа 7.
[221] Беседа 4, гл. 9; Слово 5, гл. 6.
[222] Беседа 7, гл. 6 и 7.
[223] Слово 6, гл. 8. Описывая сверхъестественные действия Божественной благодати во время молитвы, Великий Макарий говорит: «В той час случается человеку, что с исхождением из уст молитвы исходит купно из него душа». Очевидно, что это случалось с самим святым Макарием.

[224] В наше столетие, сколько известно писавшему это Слово, два инока сподобились зреть душу свою исшедшей из тела во время молитвы: Сибирский пустынник, монах Василиск, скончавшийся

в 1825 году, и Никифоровской пустыни схимонах Игнатий, скончавшийся в 1852 году. Последний лично открыл о себе писавшему Слово, а с ближайшими учениками первого составитель Слова удостоился сожительства и о Господе дружбы.

[225] Известно, что духовные мужи и духовные письмена со всей точностью излагают мысль Духа, весьма часто употребляя слово современного человеческого общества, как понятное всем, нисколько не заботясь, в каком виде эта мысль принята ученостью человеческой. Так изрек Иисус Навин: *да станет солнце* (Нав. 10, 12), и день продлился более обыкновенного: сила Божия отозвалась духовному слову веры, немоществовавшему плотью, и тщетны возгласы человеческой учености, критикующей материальную точность слова, вызвавшего сверхъестественное событие. Вникнув в писания отцов, найдем, что словом дух, по современному им понятию, весьма недавно утратившемуся, всегда именовались газы и пары, наиболее воздух, ветер и человеческое дыхание. Прп. Григория Синаита гл. 1 из 15 глав о безмолвии и о двух образех молитвы. Доброт., ч. 1.

[226] Духовное видение духов благодатной чистотой ума и сердца несравненно выше видения духов очами телесными, или душевными, когда эти очи видят только наружный образ духов. При последнем видении неопытный зритель почти всегда подвергается или обману, или душевному бедствию. Видение духовное, напротив того, есть плод благочестивой подвижнической жизни, осененной Божией благодатью и Божиим благословением. Оно преисполнено душевной пользы, потому что видит свойство духов, образ действия их и потому охраняется от духов лукавых, как и святой апостол Иоанн сказал: *рожденный от Бога блюдет себе, и лукавый не прикасается ему* (1 Ин. 5, 18).

[227] Смотри толкование блаженного Феофилакта, епископа Болгарского, на Евангелие от Иоанна, главу 3, стих 8. Также преподобный Григорий Синаит говорит: «*дух идеже хощет дышет* (глаголет Господь), прияв пример от дыхания чувственного ветра». Глава 3 из 15 вышеприведенных глав.

[228] «Бестелесным и невещественным, – говорит святой Иоанн Дамаскин, – называется Ангел по сравнению с нами. Ибо все, в срав-

нении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество в строгом смысле не вещественно и бестелесно». Точное изложение Православной веры, книга 2. Глава 3 «об Ангелах». «По естеству, – говорит тот же святой, – бестелесен только Бог: Ангелы же, демоны и души бестелесны по благодати и в сравнении с грубым веществом». Там же гл. 12 о человеке. «Ниже премудрии премудростию своею, – говорит святой Макарий Великий, – ниже разумнии разумом своим возмогли поняти тонкость души, или сказати, каким образом она существует, кроме тех, которым чрез Духа Святого открыто постижение и точное души познание. Но ты здесь размысли, рассуди и внемли, и слыши, что она есть? Той есть Бог, а она не Бог; Той Господь, а она раба; Он Творец, а сия тварь; Тот Создатель, а она создание; нет никакого подобия между естеством Того и сея». Беседа 49, глава 4. – «Хотя мы называем, – говорит преподобный Кассиан Римлянин, – многие существа духовными, каковы Ангелы, Архангелы и прочие Силы, также самая душа наша, или каков этот тонкий воздух, но их никак не должно признавать бестелесными. Они имеют соответственное тело, в котором существуют, хотя несравненно тончайшее нашего тела. Они суть тела, по мнению апостола, который сказал: *и телеса небесная, и телеса земная, и опять: сеется тело душевное, востает тело духовное* (1 Кор. 15, 40, 44), чем ясно указуется, что бестелесен один только Бог». Собеседование 7, гл. 13. – Преподобный Кассиан чествуется Святой Православной Церковью в лике святых угодников Божиих (память его 29 февраля), хулится и причисляется к еретикам полупелагианам папистами за то, что он еще в начале V века обличал римлян в отступлениях, в которых впоследствии они обличены были шестым Вселенским Собором, и фактически доказывал, что христианство несравненно совершеннее развито на Востоке, чем на Западе. Сочинения преподобного Кассиана изданы, при пространных комментариях, иезуитом Аллардом Газеем. Издатель разделяет нерасположение своей секты к преподобному, критикуя во многих местах его сочинение святое. Критикует он и мнение преподобного, что духи суть тонкие тела (Собес. 7, гл. 13, примечание 6, и Собеседование 8, гл. 12, примечание а). Аллард называет это мнение парадоксом (учением новым, странным) и сумасбродством, проти-

вопоставляет этому мнению мнение, как называет его, общепринятое, что Ангелы вполне бесплотны, вполне духовны, невещественны. Критика, сама по себе незаслуживающая никакого внимания! К сожалению, и у нас некоторые участвуют в темном и неопределенном мнении иезуита и западных умстовователей насчет бестелесности сотворенных духов. Священное Писание и святые отцы постоянно называют их бесплотными и невещественными, но так называют их только *относительно*: относительно к грубым телам человеческим и к грубому миру вещественному, а отнюдь не относительно к Богу – единому Духу. Един Бог – вполне Дух. Ангелы, как святые, так и падшие, подчинены времени и пространству. Понятие о подчинении пространству неразлучно от понятия о подчинении форме. Отвергнув понятие о подчинении Ангелов пространству, должно или вовсе отвергнуть их существование, или признать их беспредельными, т.е. приписать им вездесущие Божеское. Только две неопределенные величины – ничто и бесконечное – не подчиняются никакой форме; всякая, напротив того, определенная величина, как бы ни была велика или мала, непременно имеет форму, по самой определенности своей. Согласившись, что Ангелы ограниченны, необходимо должно принять и то, что они, по отношению к пространству, имеют форму, а по отношению к тонкости естества имеют известную степень этой тонкости, т. е. неизбежно суть тела, как бы эти тела ни были тонки. Форма ограниченного существа непременно обрисовывается, так сказать, самыми его пределами, оконечностями; обрисованное таким образом существо имеет свой вид. Бесконечное не подчинено никакой форме, как неимеющее ни в каком направлении никакого окончания; по этой же причине оно не может иметь никакого вида. *Бога никтоже виде нигдеже* (Ин. 1, 18). Бесконечное существо не может быть тело, потому что оно тоньше всякой превосходнейшей тонкости, оно вполне дух. Такой Дух – Существо, несравнимое ни с каким существом созданным, единое существо в точном смысле – есть Бог. Не один преподобный Кассиан был того мнения, что Ангелы имеют тонкие тела, но и все те угодники Божии, которые сподобились видеть лицом к лицу Ангелов Света и видели ангелов тьмы. Многие из них претерпели лютые биения от бесов (например, Антоний Великий); другие, полу-

чив силу от Бога, подвергали биению падших ангелов (см. житие св. Андрея, 2 окт., житие св. мученицы Иулиании, 21 дек). Как бы могло это осуществиться, если бы падшие ангелы вполне были бестелесны, как говорит о них западный писатель? Напротив того, их явную борьбу со святыми только и можно объяснить, приняв, что они имеют тонкие тела. Аллард говорит, что преподобные отцы египетского Скита заимствовали мысль о тонкой телесности духов у греческого философа Платона (Collatio 7, cap. 13), но великий Макарий, основатель этого Скита, как выше приведено, утверждает, что познание о тонкости существа души, а потому и духов, скрыто от премудрых земли, а доставляется единственно Святым Духом. Учение о сотворенных духах, принятое Российской Церковью и всей Восточной Православною, изложено, хотя кратко, но весьма ясно и определенно, *в Догматическом богословии Православной, Кафолической Восточной Церкви*, которое, по определению Святейшего Синода, служит учебным руководством в российских семинариях. «Они (духи), сказано в Богословии, *бестелесны*». Впрочем, святые отцы понимают бестелесность Ангелов *в смысле ограниченном*, именно, что они *бестелесны* только *по сравнению* с нами, облеченными грубой и тяжкой плотью. Святой Иоанн Дамаскин говорит: *бестелесным* и *невещественным* называется Ангел *по сравнению* с нами. Ибо все, в сравнении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. *Одно* только *Божество* в строгом смысле *невещественно*. Они – *невидимы*. Впрочем и сие свойство принимается отцами ограниченно: Ангел, душа, демон, говорит святой Дамаскин, хотя и не имеют грубости телесной, но также имеют *вид* и *ограниченность*, свойственную своей природе. «*Одно Божеское существо неописанно, совершенно безвидно, необразно и неограниченно*»: Гл. 97, стр. 95 и 96, изд. седьмое, 1857 г.

[229] Ин. 4, 24.

[230] Евр. 1, 7.

[231] Лк. 12, 49.

[232] «Умы некогда сущии и тии (демоны), и безвеществия оного и тонкости отпадше, вещественную некую дебелость кийждо имать, по чину или действу втелесеваемь, по немуже действу укачествися: понеже бо и тии, подобне человеку, ангельскую сладость погубльше, наслаждения Божественного лишишася, и в персти, якоже и мы, наслаждение имут, веществени некако и тии бывше вещественных страстей навыкновеньми (приятием). И чудитися недостоит, понеже и наша душа, создана бывши по образу Божию, словесна же и умна, не познавши же Бога, скотна соделася и нечувственна, и мало не безумна вещественных дел наслажденьми: обыче бо навыкновение (в рукописи: имство, т. е. приятие чего-либо извне естества) претворяти естество и изменяти действо к произволению». Преподобного Григория Синаита гл. 123. Доброт., ч. 1. Каким образом естество, чрез принятие чего-либо извне себя, подчиняется действию этого, чуждого естеству, с очевидностью можно заметить при принятии пищи и питья. Праотцы, преступив заповедь Божию, тотчас подчинились действию зла, произвольно ими принятого, хотя оно было и неестественно им.

[233] Известно, что ближайшие части предмета к глазу кажутся ему больше, а отдаленные – меньше. На этом свойстве глаза нашего основана наука: Дескриптивная или Начертательная Геометрия.

[234] Быт. 2, 8.

[235] Быт. 2, 1.

[236] Быт. 3, 23–24.

[237] Быт. 13, 24.

[238] Быт. 2, 9.

[239] Быт. 3, 24.

[240] Лк. 23, 43.

[241] Бес. 16, 8.

[242] Рукопись Молдавского Нямецкого монастыря, имеющаяся у составившего Слово и содержащая житие и сочинение преподобного Григория Синаита на славянском языке, гл. 10; также Доброт., ч. 1.

[243] Быт. 2, 10.

[244] Пс. 148, 4.

[245] Житие Преподобного Василия Нового. Четьи-Минеи, 26 марта.

[246] Четьи-Минеи, 24 мая.

[247] Рукописное житие преподобной.

[248] Доброт., ч. 1. Главы, краегранесием в греческом писании расположенные, зело полезные, гл. 11.

[249] 2 Кор. 12, 3–4.

[250] 1 Кор. 2, 9–10.

[251] Житие преподобного Симеона Дивногорца, 24 мая. Четьи-Минеи.

[252] Житие святого Андрея. Четьи-Минеи, 2 октября.

[253] Житие преподобного Василия Нового. Четьи-Минеи, 26 марта.

[254] Святой Петр Дамаскин. О первом разуме, и о том, како подобает начинати оный. Кн 1. Доброт., ч. 3.

[255] 2 Пет. 3, 7, 10.

[256] Ис. 6, 5.

[257] Пс. 21, 15.

[258] Пс. 148, 8. Смотри толкование сего стиха в Псалтири издания Киево-Печерской Лавры с толкованиями, заимствованными из святых отцов и помещенными в начале и в конце псалмов и на брезе.

[259] 1 Сол. 4, 17.

[260] По воскресении и тело будет духом. Прп. Макарий Великий, слово 6, глава 13.

[261] Ад, тартар (ἅδος τάρταρος) – слова греческие, означающие низменное, весьма глубокое место. Им соответствует славяно-русское слово: преисподняя. Геенна – слово еврейское, собственное имя глубокого оврага, находящегося близ Иерусалима.

[262] Быт. 3, 19.

[263] *Земля еси, и в землю пойдеши*. Святая Церковь относит этот приговор Божий преимущественно к душе человека, который за преступление заповеди Божией обречен на погребение в земле и телом, и душою; приговор падает всей тяжестью на душу, которая, и по разлучении с телом, сохраняет при себе способности мышления и ощущения, которая, одна, чувствует на себе действие приговора; тело, по разлучении его от души, упокоевается в решительном нечувствии. Тропарь 2 песни 5 канона на утрени в Неделю 7-ю по Пасхе. Святой Афанасий Великий в Слове на Пасху говорит: «Человеческое естество, соединенное с Божеским (в лице Спасителя), привело в трепет преисподнюю. Воскликнул ад в сретение Похитителю умерших: Зачем Ты извращаешь определение, сделанное Тобою же в раю? Зачем расторгаешь рукописание, написанное и скрепленное против естества человеческого? Я знаю определение, справедливо произнесенное на человеков. *Земля еси, и в землю отыдеши*». Opera omnia sancti Athanasii, Tom IV, pag. 1,079 и 1,680.

[264] Быт. 37, 37.

[265] Иов. 10, 20–22.

[266] Чис. 16, 29–35.

[267] Пс. 85, 13.

[268] 1 Цар. 28, 14.

[269] Исх. 14, 15.

[270] Иез. 31, 16 и 18.

[271] Мф. 12, 40.

[272] Еф. 4, 9.

[273] 1 Пет. 3, 19.

[274] Точное изложение Православной веры, кн. 3, гл. 29.

[275] Мф. 12, 40.

[276] Ин. 1, 2–5.

[277] Ос. 13, 14.

[278] Ион. 2, 3.

[279] Ион. 2, 6.

[280] Ион. 2, 7.

[281] Поучение 14, гл. 17 и 20.

[282] Собрание Поучений, составлено редакцией Воскресного Чтения при Киевской Духовной Академии. Том 1.

[283] Похвала к 56 стиху 118 псалма.

[284] К стиху 17.

[285] К ст. 25.

[286] К ст. 48.

[287] К ст. 53.

[288] К ст. 59.

[289] К ст. 80.

[290] К ст. 58.

[291] К ст. 117.

[292] К ст. 160.

[293] Похвала к 46 стиху 118 псалма.

[294] К ст. 47.

[295] Песнь 1, троп. 3.

[296] Триодион.

[297] 2 стихира в понедельник Светлой Седмицы вечера.

[298] 1 стихира во вторник Светлой Седмицы вечера.

[299] Тропарь 1 песни 8 канона утрени в 4 неделю по Пасхе.

[300] Тропарь 2 песни 3 канона на утрени в 4 неделю по Пасхе.

[301] Тропарь 2 песни 7 канона на утрени в 5 неделю по Пасхе.

[302] Припев на 9 песни в Воскресенье.

[303] Тропарь 2 песни 5 канона на утрени в неделю 7 по Пасхе.

[304] Тропарь 2 песни 6 канона на утрени в 7 неделю по Пасхе.

[305] Тропарь 2 песни 8 канона на утрени в неделю Всех Святых.

[306] Воскресная стихира на хвалитех 8 гласа.

[307] Воскресный икос 7 гласа.

[308] Ирмос 6 песни 2 гласа.

[309] Служба по вся дни канона, песнь 4.

[310] Чин погребения священников.

[311] Лествица. Степень 7. О радостотворном плаче.

[312] Святой Афанасий Великий положительно утверждает о местонахождении ада внутри земли (вышеприведенная цитата; также послание к Антиоху, ответ на вопрос 19). Того же мнения и святой Василий Великий (на пророка Исаию, гл. 5, 14). Святой Кирилл Александрийский, как ниже будет видно, признавал ад во внутренности земли; там указывают его и другие отцы. Соотечественник наш, святой Димитрий Ростовский, говорит: «На страшном судищи Христос Бог наш егда речет на грешники: идите от Мене проклятии в огонь вечный: и в той час под грешники земля расступится, якоже расступилася под Кореем, Дафаном и Авироном при Моисее, и тогда впадут вси грешные во ад, – потом паки земля в место сомкнется. Грешницы же будут во аде под землею, яко в сосуде железне тесне заперты и во веки неисходны». Часть 2, поучение второе на вход в Иерусалим Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

[313] Святой Иоанн Златоустый говорит: «В каком месте, спрашиваешь, будет геенна? Полагаю, вне всего этого мира. Как царския темницы и рудокопни бывают вдали, так и геенна будет вне этого мира. Станем искать не того, где она находится, но средств избегать ее» (Толкование на послание к Римлянам, беседа 31. Opera omnia Chrysostomi). Этому мнению помещение ада во внутренности земли

нисколько не противоречит, напротив того, подтверждает его; какой может быть удобный способ скрыть ад от взоров вселенной, как не погребение его в недрах земли? Главы 16 Евангелия от Луки стих 22-й в некоторых греческих изданиях читается так: *умер и богатый, и похоронили его во аде*. Впрочем, и при чтении, принятом Греко-Российской Церковью, слова Господа о богаче *погребоша его* имеют то значение, что богач был душою низведен во ад, – так объясняются эти слова блаженным Феофилактом. Златоустый, не одобряя одно любопытство при определении места аду, не только не воспрещает тех размышлений и изысканий о аде, которые приводят к страху Божию и уклонению от зла, но и завещает непрестанно погружаться в них, непрестанно иметь пред очами геенну огненную, ожидающую беззаконников. Слово 1-е о покаянии к Димитрию. Во времена, последующие Златоустому, Церковь выразила свое мнение о местонахождении ада со всей определенностью, огласила и оглашает его Божественными песнопениями и чтениями во всеуслышание и научение народа.

[314] Землетрясение, разрушившее Бруссу в 1854 году, уничтожило горячие источники; такое, по крайней мере, сведение доставлено было современными газетами.

[315] «Боюсь тартара, зане не причастен есть теплоты». Святого Кирилла о исходе души.

[316] Четьи-Минеи, 19 мая. Святой Патрикий жил в начале IV века и пострадал при императоре Иулиане в 343 году по Р.Х. Смотри Следованную Псалтирь.

[317] См. выше.

[318] Воин Таксиот, житель африканского города Карфагена, проводил жизнь в грехах. Случилось в Карфагене моровое поветрие. Видя множество умирающих, Таксиот пришел в чувство, покаялся во грехах своих и переселился за город. Там он впал в прелюбодеяние с женой земледельца, у которого жил, вскоре был укушен змеей и, не успев покаяться, скончался. Его похоронили в соседнем монастыре. Чрез шесть часов, по погребении, он воскрес, и едва пришел в себя на четвертые сутки. Тогда все приключившееся ему по смерти он поведал, обливаясь слезами, карфагенскому архиепископу, блаженному Тарасию. Четьи-Минеи, 28 марта.

[319] Biblioteka veterum patrum Gallandii T. VII, Macarii Alexandrini sermo de excessu justorum et peccatorum.

[320] Святой Кирилл жил в V веке и председательствовал на третьем Вселенском Соборе. Приводимое здесь Слово его на исход души помещено в Следованной Псалтири. Учение, подобное святому Кириллу, проповедывал и патриарх Феофил, которого Кирилл был племянником и преемником. См. Достопамятные сказания.

[321] См. прим. выше.

[322] Многие перед кончиной своей видели смерть. Если значительная часть предметов видимого мира нам неизвестна, тем более неизвестны предметы мира невидимого, неизвестны особливо тем, которые на изучение их не обратили всего своего внимания, а занимаются ими только поверхностно. Не все, что кажется странным для плотского ума человеческого, уже странно и само по себе. Мы не должны ограничивать всемогущества Божия своими предрассудками. Каждый человек, нестяжавший истинного духовного разума, преисполнен предрассудков, как бы он ни был образован скорогибнущей образованностью мира – этим буйством в отношении к Богу.

[323] Лк. 16, 22.

[324] Лк. 12, 20.

[325] Мф. 26, 38.

[326] Мф. 26, 39.

[327] Четьи-Минеи, 15 августа.

[328] Патерик Скитский.

[329] Мф. 22, 14.

[330] Патерик Скитский

[331] Patrologia, Vitae Patrum, Lib. 6, cap. 13

[332] Патерик Скитский.

[333] Пролог, 17 октября.

[334] Лествица, 6 степень, по рукописному славенскому переводу с греческого, сделанному в молдавском Свято-Вознесенском Нямецком монастыре.

[335] Лествица, 5 степень.

[336] Патерик Скитский.

[337] Молитва на вечерне Пятидесятницы. Требник.

[338] Слово 1, глава 2, по изданию 1833 г.

[339] Быт. 2, 16–17.

[340] Святой Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский. Послание к Ксении монахине.

[341] 1 Ин. 5, 16–17.

[342] Мнение преподобного Пимена Великого (Патерик Скитский). Оно выражено многими другими святыми отцами, – наконец, свт. Тихоном Воронежским. Это мнение принадлежит вообще Церкви и основывается на словах Спасителя. Исцелив расслабленного в Вифезде, при овчей купели, Господь сказал ему: *Се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14). Жене, уличенной в любодеянии, Господь сказал: *Ни Аз тебе осуждаю: иди, и отсель ктому не согрешай* (Ин. 8, 11).

[343] Еф. 5, 14.

[344] Лк. 9, 10.

[345] По объяснению святого Григория Паламы (Послание к монахине Ксении), блаженного Феофилакта Болгарского и других святых отцов.

[346] Апок. 20, 5.

[347] Сынами грома Господь назвал двух апостолов: Иакова и Иоанна Зеведеевых (Мк. 3, 17).

[348] Апок. 20, 6.

[349] Апок. 6, 11.

[350] Песн. 8, 11–12.

[351] Мф. 13, 8.

[352] Толкование святого Андрея на Апокалипсис.

[353] «Перешел уже от смерти в жизнь». Русский перевод Евангелия (Ин. 5, 24).

[354] По толкованию блаженного Феофилакта, Ин. 11, 25–26.

[355] Слово 7, гл. 1

[356] Апок. 20, 4–5.

[357] Апок. 20, 6.

[358] Апок. 20, 7.

[359] Ис. 1, 28.

[360] Рим. 8, 13.

[361] Ин. 6, 63.

[362] Ин. 6, 68.

[363] 2 Кор. 2, 16.

[364] 1 Фес. 4, 17.

[365] Евр. 6, 20 и Рим. 8, 18.

[366] 1 Кор. 15, 22–23.

[367] Евр. 10, 31.

[368] Св. Григория Паламы к монахине Ксении.

[369] Эпикур, греческий философ, утверждал, что человек находится на земле для наслаждения, и предоставлял последователям своим вполне предаваться ему. Чтобы доставить разврату всю свободу, он отвергал бытие Божие и бессмертие души человеческой. Для всех, желающих разрушить закон, ограничивающий их злую волю, уничтожить даже воспоминание о Боге, о добродетели, о казни за грех, учение Эпикура оказалось столько удобным, что нашло множество последователей в древние и особливо в новейшие времена.

[370] Эти положения о бесконечности адских мук заимствованы из известной, математической теории о бесконечном. К этой теории мы обращаемся часто, чтобы по возможности правильно и точно объяснить отношения тварей к Творцу, в собственном смысле непостижимые и необъяснимые. Неспособна к такому объяснению ни одна наука, кроме математики. Она, одна она, доказывая неприступность бесконечного к постижению его, ставит в правильные отношения к нему все числа, то есть, все виды тварей. Вселенная есть число, и все составные части ее суть числа. Непосвященный в таинства математики никак не совместит в себе понятия, что все числа, столько различные между собой, вместе совершенно равны одно с другим в отношении к бесконечному. Причина такого равенства очень проста и ясна: она заключается в бесконечной, следовательно постоянно равной, разнице между бесконечным и каким бы то ни было числом. При посредстве неоспоримых выводов математики делается очевидным, что понятие о числе есть понятие относительное, а не существенное. Это понятие, составляя естественную принадлежность ограниченных разумных тварей, составляя неотразимое последствие впечатлений, под влияние которых твари вступают вместе с вступлением в существование, никак не может быть принадлежностью существа бесконечного. Бесконечное, объемля

собой все числа, вместе с этим пребывает превыше всякого числа по свойству совершенства, не имеющего ни в чем никакого недостатка и неспособного подвергнуться недостатку. По этому свойству бесконечное, объемля все впечатления, пребывает превысшим всякого впечатления: иначе оно подверглось бы изменениям, что свойственно числам и несвойственно бесконечному. Если же число не имеет существенного значения, то вполне естественно миру быть сотворенным из ничего действием бесконечного, которое одноимеет существенное значение. Естественно действию бесконечного быть превыше постижения человеческого. Таковы неопровержимые истины, добытые уму человеческому математикой: ее нуль, изображающий идею о несуществующем, обращается в число, когда действует на него бесконечное. В помощь математике приходят естественные науки, к которым она относится как душа к телу. Без математики они не могут существовать; они строятся и держатся на ней, как плоть на скелете. Во всей природе господствует строжайший математический расчет. Что же открывают нам естественные науки? То, что вещество, в среде которого мы вращаемся, которое мы видим и осязаем, разнообразно и прикосновениями, и слухом, и вкусом, и обонянием, – это вещество не только не понято, не постигнуто нами, – мало того! – оно непостижимо для нас. Придумана теория атомов, чтоб была возможность остановиться, и основать дальнейшие суждения на чем-нибудь правдоподобном. Теория атомов остается произвольным предположением (ипотезой). В точном смысле нет существ в природе: в ней одни явления. Этому закону подчинены и числа: нет числа, которое бы не могло изменяться от присовокупления к нему или от исключения из него; нет числа, которое не могло бы обратиться в ноль. Всякое число есть явление. Одно бесконечное постоянно пребывает неизменным, оно не изменяется ни от присовокуплений к нему, ни от вычитаний из него. Одно бесконечное совмещает в себе всю жизнь; одно оно есть в точном смысле существо. Если так, то сотворение мира Богом есть математическая необходимость и истина. Сколько верна эта истина, столько верна и та истина, что мироздание, как дело Ума неограниченного, не может быть постигнуто, обсуждено и поверено ограниченным умом человеческим. Первую истину открывает людям, заодно с наукой,

Божественное Писание; на основании второй истины человеческий разум не имеет ни права, ни возможности отвергать того поведания о миросотворении, которое читаем в книге Бытия. Это опять подтверждает наука. С неба гремит нам апостол Иоанн Богослов. *В начале бе Слово и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово*. Математика отвечает с земли: «Истина, всесвятая Истина! Иначе быть не может. Таково свойство бесконечного: оно, одно оно, живет в себе и собой. Оно – саможизнь. Действия его на числа, как бы ни были громадны, не имеют и не могут иметь никакого влияния на образ существования бесконечного, отделенного от всех тварей бесконечным различием, существующего среди тварей вполне независимо от тварей и несмесно с ними. Нет никакого сходства между существованием и существованием». Опять гремит Богослов: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть*. И опять отвечает математика: «Истина, всесвятая Истина! Явления, как и числа, должны иметь свой источник, источник неиссякаемый, – и такой источник есть бесконечное, есть Бог!» *Бога никтоже виде нигдеже,* продолжает провозглашать человечеству небесный Вестник, и опять в сретение его исповедует математика: «Истина, всесвятая Истина! По бесконечному различию, которым отличается бесконечное от всякого числа, нет возможности никакому ограниченному существу, как бы оно ни было возвышено, видеть Бога, ни чувственным зрением, ни постижением ума!» Бог пребывает *в свете неприступном* во всех отношениях, сказал апостол. Бог объявил о Себе в Евангелии: *Я – жизнь*. Жизнь эта так всемогуща, что дала существование всей твари, существующей существованием, заимствованным из Само-жизни, что возвращает жизнь тем тварям, которые утрачивают свою жизнь смертью. Жизнь бесконечная не может не быть всемогущей. Согласно с положительной наукой Святая Церковь исповедует, что души человеческие и Ангелы бессмертны не по естеству, а по Божией благодати. Какое верное суждение: оно сделано в то время, когда математика безмолствовала об этом предмете. Необходимо усвоить себе понятия о бесконечном различии бесконечного, и по естеству и по свойствам, от чисел и при суждениях о Боге повсюду иметь ввиду это различие, определять его, чтобы не увлечься к суждениям, превышающим нашу способность понимания, и потому к суждениям неправильным по необходимости. Без этого придется

бред свой выставлять за истину к погибели своей и к погибели человечества. Мечтатели сделались безбожниками, а изучившие глубоко математику всегда признавали не только Бога, но и христианство, хотя и не знали христианства, как должно. Таковы были Невтон и другие. Желательно, чтобы кто-либо из православных христиан, изучив положительные науки, изучил потом основательно подвижничество Православной Церкви и даровал человечеству истинную философию, основанную на точных знаниях, а не на произвольных гипотезах. Мудрец греческий Платон воспрещал упражнение в философии без предварительного изучения математики. Верный взгляд на дело! Без предварительного изучения математики с зиждущимися на ней другими науками и без деятельных и благодатных познаний в христианстве невозможно в наше время изложение правильной философской системы. Многие, признающие себя сведущими в философии, но незнакомые с математикой и естественными науками, встречая в сочинениях материалистов произвольные мечты и гипотезы, никак не могут отличить их от знаний, составляющих собственность науки, никак не могут дать удовлетворительного отзыва и опровержения на самый нелепый бред какого-либо мечтателя, очень часто сами увлекаются этим бредом в заблуждение, признав его доказанной истиной. Одна логика может обойтись без математики, но и логика в сущности неразрывно связана с математикой и от последней может заимствовать особенную точность и положительность. Что такое – силлогизм? Это – алгебраическое уравнение. Что такое пропорции и прогрессии? Это логическая последовательность понятий.

[371] Мф. 25, 41.

[372] Мф. 25, 46.

[373] Лк. 16, 29.

[374] Мк. 9, 48.

[375] Лк. 12, 4–5.

[376] Требник, последование пострижения в малую схиму

[377] Vita beati Antonii, Patrologiae, Tom 73. Также Четьи-Минеи 17 янв.

[378] Преподобный авва Дорофей. Поучение о страхе будущей муки.

[379] «Письма святогорца», п. 6. Подобно этому в наше время некоторая старица в Горицком Девичьем монастыре, близ города

Кириллова Новгородской губернии, видела во сне адские муки и, во свидетельство истины сновидения, адское зловоние оставалось в ее обонянии в течение целых семи дней, не допуская ее в течение всего этого времени вкусить какой-либо пищи. – Святой Димитрий Ростовский так исчисляет адские муки: «Будут тамо терпеть и огонь неугасающий; ибо рекл Христос Спаситель наш: *огнь их не угаснет* (см. Мк. 9, 44). – Будет же тамо и зима лютая, и от тоя студености, не терпя, грешнии скрежетати зубы своими будут. О сем рек Христос Спаситель наш: *тамо будет плач и скрежет зубов* (Лк. 13, 28)… Будет же тамо и непрестанное червей томление, которые будут тамо непрестанно терзати и ясти человек грешных, и никогда они умрети не имут, ибо речено есть: *червь их не умрет* (см. Мк. 9, 44)… Будет же тамо еще и смрад нестерпимый от огня серчатого: ибо написано есть: *огнь и жупел и дух бурен часть чаши их* (Пс. 10, 6)… Будет же тамо и тоска велия, такова лютая, яко аще бы возможно было умрети, то в сладость бы ея (смерть) со тщанием ради были восприяти, но никогда же умрут. Ибо писано есть: *взыщут человецы смерти, и не обрящут ее; и возжделеют умрети, и убежит от них смерть* (Апок. 9, 6)… Еще же будет тамо и тьма кромешная: ибо писано есть: *связавше ему руце и нозе, вверзите* (его) *во тму кромешнюю* (Мф. 22, 13): и в той тме ввержены будут сидети во веки, и не будут видети лица Божия никогда… Будет же тамо и глад, ибо рек Сам Христос: *горе вам, насыщеннии ныне, яко взалчете* (Лк. 6, 25)... Еще же тамо будет и жажда велия, ибо Сам же Христос рек: *яко вы возжаждете*. Тамо же будет теснота велия: ибо ад полон будет человек грешных, овии вверху, овии среди его, инии же в самом дне адском. Ибо якоже кто насыплет мещец пенязей полн, и завяжет его, или кто каковый сосуд наполнит до верху рыбою, и закроет его: тако и Бог, весь ад полн человеки грешными наполнит, и заключит его, чтоб оттуду грешницы не исходили.

[380] Лествица, степень 6.

[381] Патерик Печерский. Память преподобного Афанасия совершается 2 декабря.

[382] Евр. 10, 27–31.

[383] Деян. 7, 55–56.

[384] Патерик Скитский.

[385] Патерик Скитский.

[386] Патерик Скитский.

[387] Житие Паисия Нямецкого, параграф 14.

[388] Патерик Скитский.

[389] Жена подверглась диавольскому искушению за то, что провела целые шесть недель без приобщения Святых Христовых Тайн. При обильном действии Божественной благодати в первенствующей Церкви и такие погрешности, которые ныне кажутся малозначительными, влекли за собой наказание Божие (Деян., гл. 5). Патерик Скитский.

[390] Пс. 141, 8.

[391] Пс. 75, 3.

[392] 2 Пет. 1, 19.

[393] Апок. 12, 7–8.

[394] Иез. 28, 16.

[395] Иов. 1, 7.

[396] Еф. 6, 12.

[397] Еф. 2, 2.

[398] Cassiani collatio 8. Это очевидно из писаний и многих других святых Отцов.

[399] 1 Пет. 5, 8.

[400] Быт. 1, 28.

[401] Быт. 2, 15.

[402] Слово 4, гл. 3. Что власть сатаны над падшими ангелами и человеками, над миром и веком, не есть собственность его, но приобретена от тех, которые произвольно предали ее ему, он сам засвидетельствовал пред Спасителем, когда показал Ему *вся царствия вселенныя в часе временне*, и сказал о них: *Тебе дам власть сию всю и славу их: яко мне предана есть, и, емуже аще хощу, дам.* (Лк. 4, 5–6).

[403] Быт. 3, 24.

[404] Прп. Кассиан полагает, что сатана до падения принадлежал к лику Херувимов (Col. 7 cap. 8). И другие святые отцы согласны, что он из числа высших Ангелов.

[405] «Ужаснулась смерть, узрев, что снисшел во ад новый Некто, недержимый тамошними узами. Почему же, увидев Его, убоялись-

вы, вратницы адовы (Иов. 38, 17)? Какой необычайный страх овладел вами? Бежала смерть, и бегство обличило боязнь. Стеклись святые пророки, и законодатель Моисей, и Авраам, и Исаак, и Иаков, и Давид, и Самуил, и Исаия, и Креститель Иоанн, который вещает и свидетельствует: *Ты ли еси грядый, или иного чаем* (Мф. 9, 3)? Искуплены все праведные, которых поглотила смерть: потому что проповеданному Царю надлежало соделаться Искупителем добрых проповедников. И после сего каждый из сих праведников сказал: *где ти, смерте, жало? Где ти, аде, победа* (1 Кор. 15, 55)? Нас искупил Победодавец». Святого Кирилла Иерусалимского 14 Огласительное Слово, пар. 19, по переводу Московской Духовной Академии.

[406] Когда сошел Господь Иисус Христос во ад, устрашились князи адские и возопили: *Возмитесь врата плачевныя: взошел Царь славы, Христос*. Когда Господь сокрушил ад и, освободив из его плена души праведников, возносился на небо, то небесные Силы, удивляясь новому чуду, вопияли: *Кто Царь славы?* Другие отвечали: *Господь сил,* восходящий плотью, Бог – Слово, сидящий на престоле славы, Сын Отца, предвечно сущий со Отцем, сошедши на землю, восприял человечество и вознес его с Собой на небо – *Царь славы*». Толкование, заимствованное из святых отцов и помещенное по третьей кафизме в Псалтири издания Киево-Печерской Лавры с толкованием на брезе.

[407] Евр. 9, 27.

[408] Мф. 18, 17.

[409] Святой Иоанн Лествичник повествует, что некто Стефан, живший на Синае, любивший пустыню и безмолвие, пробывший много лет в монашеском подвиге, украшенный постом и еще более слезами, процветавший и другими превосходными качествами, достигший действительного покаяния, за день до кончины своей, пришел в исступление, начал озираться на правую и левую сторону одра своего, и, истязуемый невидимыми существами, говорил во всеуслышание всех предстоявших: «Так, точно так; но за это я постился столько-то лет». Потом: «Нет, вы лжете; я этого не сделал». Опять: «Да, точно так, да; но я плакал, я предал себя в служение братиям». И опять: «Нет, вы клевещете на меня». На иные обвинения он отвечал: «Да, точно так, и не знаю, что сказать на это: у Бога есть ми-

лость». Этим невидимым и тяжким истязанием представлялось зрелище грозное и страшное; всего страшнее было то, что его обвиняли в таких проступках, которых он вовсе не делал. Увы! Безмолвник и отшельник говорил о некоторых своих согрешениях: «Не знаю, что сказать на это»; между тем он провел в монашестве сорок лет, и имел слезы… Куда скрылось тогда изречение Иезекииля: *в чем обрету тебя, в том и буду судить,* сказал Бог (Иез. 33, 12, 20). Поистине он не нашелся сказать ничего такого: почему слава Единому Всеведущему! А некоторые поведали, свидетельствуясь в справедливости слов своих Господом, что Стефан в пустыне кормил из рук своих леопарда. Но он разлучался от тела с таким истязанием… и оставил в неизвестности, каким определением кончились этот суд, это истязание (Лествица, степень 7). – *Не предаждь мене в души стужающих ми: яко восташа на мя свидетеле неправеднии, и солга неправда себе* (Пс. 26, 12), так говорит Святой Дух от лица души человеческой, описывая невидимую борьбу ее с невидимыми врагами.

[410] «Частный суд Божий над душами, по разлучении их с телами, предваряется, по учению Православной Церкви, истязанием на так называемых мытарствах, чрез которые они, восходя от земли, в сопровождении Ангелов, проходят воздушное пространство, и на которых злые духи задерживают их и обличают все грехи, содеянные ими в жизни». Догматическое Богословие Православной Кафолической Восточной Церкви, преосвященного Антония, гл. 341, с. 244–245, издание седьмое, 1857 г.

[411] Четьи-Минеи, 15 августа.

[412] Еф. 6, 12.

[413] Еф. 6, 13.

[414] Тит. 2, 8. Vita blati Antonii, caput 37. Преподобный Антоний Великий жил в III веке и в начале IV. Судя по долговременной его жизни и вступлению в монастырь, в двадцатилетнем возрасте, с достоверностью можно заключить, что он оставил мир во второй половине III века. Описанным здесь восхищением души преподобного на воздушные мытарства в то время, как он стал на молитву, подтверждается мнение св. Макария Великого, что души преуспевших в благочестивом подвиге иногда выходят из тела во время молитвы, по особенному действию Святого Духа.

[415] Пс. 123, 7, 6.

[416] Маргарит. Слово о терпении и благодарении, и о том, чтобы мы не плакали неутешно о умерших. Слово это положено читать в седьмую субботу по Пасхе, и при каждом погребении усопшего. Западные критики признают слово не принадлежащим Златоусту: но оно издревле освящено в Восточной Церкви чтением при богослужении.

[417] Беседа 16, гл. 18.

[418] Святые великомученики Евстратий (память его празднуется 13 декабря) и Георгий (память его 23 апреля) пострадали при императоре Диоклетиане, между 301 и 310 гг. по Р. Х. Четьи-Минеи. Молитва св. Евстратия внесена в чин дванадесяти псалмов. См. Канонник Киево-Печерский.

[419] Святой Нифонт жил во второй половине III и в начале первой половины IV века. Четьи-Минеи, 23 декабря.

[420] Преподобный Симеон жил в VI веке. Четьи-Минеи, 21 июля.

[421] Пролог, 19 декабря. Святой Иоанн Милостивый скончался во второй половине VII века, по взятии Александрии магометанами.

[422] Пролог, 13 марта.

[423] Пс. 123, 7.

[424] Слово 5, глава 22.

[425] Прп. Исаак. Слово 1.

[426] Преподобный Исаия жил в VI веке.

[427] Вопрос 145. Великий Варсонофий жил в V и VI веках по Р. Х.

[428] Послание 1.

[429] Прп. Иоанн Карпафийский. Утешительная глава 25.

[430] Лк. 12, 47–48.

[431] Слово святого Исихия, пресвитера Иерусалимского, о трезвении, главы 149, 161 и 4. Доброт., ч. 2.

[432] 2 Флп. 1, 9. – Главы 60 и 75 по переводу старца Паисия. Аскетическое сочинение преподобного Феогноста помещено в Христианском чтении за 1826 год, ч. 23.

[433] Там же, см. вышеприведенную выноску.

[434] 2 Кор. 5, 15.

[435] Пролог, 27 октября.

[436] Сочинения Георгия, затворника Задонского Богородицкого монастыря, часть I, стр. 65, по изданию 1850 г.

[437] Требник малый, Москва, 1838 г.

[438] Песнь 4, тропарь 4.

[439] Песнь 8, тропарь 2.

[440] Песнь 8, тропарь 3.

[441] По 4 кафизме.

[442] По 17 кафизме.

[443] Акафисты с каноны, издание Киево-Печерской Лавры.

[444] 4 тропарь 8 песни канона в акафисте Божией Матери.

[445] Пяток, глас 4, песнь канона 8.

[446] Четверток, глас 4, песнь 6.

[447] Вторник, глас 4, песнь 8.

[448] Пяток, глас 3, песнь 6.

[449] Суббота, глас 2, песнь 9.

[450] Требник, Москва, 1852 г., песнь 1, тропарь 2 и 3.

[451] См. предыдущую сноску.

[452] Песнь 7, тропарь 2.

[453] Канонник, песнь 6.

[454] Песнь 9.

[455] Песнь 9.

[456] Акафисты и каноны, издание Киево-Печерской Лавры.

[457] Патерик Печерский.

[458] Православно-догматическое богословие преосвященного Макария. Том V, стр. 85, издание 1853 г. «Непрерывное, всегдашнее и повсеместное употребление в Церкви учения о мытарствах, особливо же между Учителями четвертого века, непререкаемо свидетельствует, что оно передано им от Учителей предшествовавших веков и основывается на предании апостольском». Там же стр. 86.

[459] Мф. 13, 36–37.

[460] Еф. 4, 29 и 5, 4.

[461] Лк. 6, 25.

[462] Тов. 21, 9–10.

[463] Святой Иоанн Лествичник повествует, что во время пребывания его в одном общежительном монастыре, близ Александрии, пришел в этот монастырь для покаяния и пострижения в монашес-

тво разбойник. Великий отец, игумен монастыря, повелел учинить ему исповедание грехов своих при собрании всего братства в церкви. Когда разбойник исполнил это с горячей ревностью и самоотвержением, то Великий облек его немедленно в схиму. Святой Иоанн спросил наедине святого игумена: почему он постриг разбойника так скоро? Игумен привел в причину то, что разбойник сподобился исповедью полного отпущения грехов. «И не неверуй этому», – присовокупил великий, – потому что некоторый из присутствовавших тут братий уверял меня, говоря: я видел некоего страшного, державшего исписанную хартию и трость; и когда исповедавшийся произносил свой грех, тот страшный изглаждал этот грех на хартии тростью, и по справедливости, ибо говорит Писание: *рех, исповем беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5)». Лествица. Слово 4. Нелишним будет упомянуть здесь о событии, нам почти современном. В окрестностях Вологды находится большое село, Кубенское, имеющее несколько приходов. Один из приходских священников сделался болен и, приближаясь уже к кончине, увидел одр свой окруженным демонами, которые готовились похитить его душу и низвести во ад. Тогда явились три Ангела. Один из них стал у одра и начал препираться о душе с отвратительным демоном, державшим отверстую книгу, в которой были записаны все грехи священника. Между тем пришел другой священник, чтоб напутствовать собрата. Началась исповедь; больной, устремляя испуганные взоры в книгу, произносил с самоотвержением грехи свои. Как бы извергая их из себя, – и что же видит он? Видит ясно, что едва произносил какой грех, как этот грех исчезал в книге, в которой оставался пробел вместо записи. Таким образом исповеданием он изгладил из бесовской книги все грехи свои, и, получив исцеление, остаток дней провел в глубоком покаянии, поведая ближним, для назидания их, видение, запечатленное чудесным исцелением.

[464] Быт. 8, 21.

[465] Флп. 1, 23.

[466] Четьи-Минеи, 5 апреля. «Воззрев, говорит преподобный Серапион, присутствовавший при кончине преподобного Марка, видех душу святаго, от соузов плотских уже разрешившуюся и ру-

ками ангельскими белосветлою одеждою покрываемую и на небеса возносимую».

[467] Патерик Скитский. Шествие Великого Макария от земли к небу видели некоторые ученики его, бывшие в особенном преуспеянии, а поведал об этом шествии преподобный Пафнутий, соделавшийся после Великого настоятелем Скита.

[468] Прп. Марк Подвижник. Слово о рае и законе духовном.

[469] Втор. 22, 10.

[470] Втор. 22, 11.

[471] Лев. 19, 19.

[472] Св. Макарий Великий. Слово 2, гл. 4.

[473] Святой Макарий Великий. Беседа 37, гл. 5 и прп. Марк Подвижник. Слово 6.

[474] Еф. 6, 10.

[475] Пс. 117, 12.

[476] В Слове Никифора монашествующего, Доброт., ч. 2. Также в Слове 1-м устава прп. Нила Сорского и в Слове 7, гл. 2, Макария Великого.

[477] Преподобный Исихий Иерусалимский. Слово о трезвении, гл. 23.

[478] Еф. 6, 11–12.

[479] 2 Кор. 10, 4–5.

[480] «Когда диавол видит кого нежелающего согрешить, то он не так несмыслен, чтоб предлагать ему явное зло. Он не говорит ему: иди, соблуди, или поди, укради. Он знает, что мы не хотим этого, и не трудится говорить нам то, чего не хотим, но старается отыскать в нас какое-либо пожелание, какое-либо оправдание, и ими наносит нам вред. Потому и говорит Писание: *лукавый злодействует, егда сочетавается с праведным* (Притч. 11, 15). Лукавый – диавол. Тогда он злодействует, когда сочетает правде нашей свою правду; – тогда укрепляется, тогда более вредит, тогда действует. Когда водимся своими пожеланиями и последуем правде нашей, тогда, как бы делая добро, сами себе наветуем, и даже не примечаем, как погибаем». Поучение аввы Дорофея: о еже не составляти свой разум.

[481] Слово 4, 23.

[482] Мф. 5, 19.

[483] По толкованию блаженного Феофилакта Болгарского.
[484] Пс. 118, 126.
[485] Еф. 6, 13.
[486] Это очевидно из житий прп. Антония Великого, прп. Иоанна Многострадального Печерского и других.
[487] Еф. 6, 13.
[488] Прп. Исихий, гл. 23, Доброт., ч. 2.
[489] Беседа 21, гл. 5.
[490] Иак. 2, 10–11.
[491] Ин. 9, 25.
[492] Притч. 13, 8.
[493] Иак. 2, 10–11.
[494] Иез. 33, 13.
[495] Иез. 33, 20.
[496] 1 Кор. 6, 18.
[497] Пролог, 12 августа.
[498] 1 Кор. 6, 9–10.
[499] Гал. 5, 19–24.
[500] Ис. 58, 1–3.
[501] Исаак Сирский. Слово 53, по переводу старца Паисия.
[502] Пс. 40, 11.
[503] По толкованию Макария Великого. Слово 2, гл. 3
[504] Пс. 18, 13–14; 50, 14; 18, 15.
[505] Пс. 118, 15–21.
[506] В алфавитном Патерике читается следующее изречение преподобного Иоанна Колова: «Врата Божии – смирение. Отцы наши взошли, радуясь, в храм Божий путем многих уничижений».
[507] «Письма святогорца», п. 16.
[508] 2 Кор. 7, 1.
[509] 1 Кор. 3, 17.
[510] 2 Кор. 11, 2.
[511] Притч. 4, 23.
[512] Прем. 1, 3.
[513] Прп. Нил Сорский. Слово 1.
[514] Лк. 12, 32–40; 42–46.
[515] 1 Кор. 15, 31.

[516] Прп. Макарий Великий. Беседа 49, гл. 2.
[517] Сирах. 7, 39.
[518] Patrologiae tomus 73, vita beati Antonii, cap. 15
[519] Слово 12.
[520] Слово 86.
[521] Слово 41.
[522] Извлечено из 6-й степени святой Лествицы.
[523] Флп. 3, 13.
[524] Ответы на вопросы 229 и 623.
[525] Ответы на вопросы 799 и 645.
[526] Ответы на вопросы 799 и 644.
[527] Прп. Филофей. Гл. 2. Добротолюбие, ч. 2.
[528] Прп. Нил Сорский. Слово 7.
[529] Лествица, степень 28.
[530] Прп. Филофей. Гл. 6
[531] Его же, гл. 13.
[532] Прп. Филофей. Гл. 21.
[533] Того же, гл. 38.
[534] Слово о трезвении, гл. 17, 18, 155.
[535] Деятельные и Богословские главы 66 и 67. См. Доброт., ч. 1
[536] Заимствовано наиболее из 7 Слова прп. Нила Сорского. Внезапная смерть постигает одних нерадящих о своем спасении: это возвещено Самим Господом (Лк. 12, 46). «Бог, – сказал преподобный Варсонофий Великий брату, боявшемуся неожиданной и преждевременной смерти, – не возьмет души его (подвижника, борющегося со страстями) дотоле, доколе не приведет его в меру высокую, в мужа совершенна». Ответ 265.
[537] Лк. 61, 11.

К ПРИБАВЛЕНИЮ К «СЛОВУ О СМЕРТИ».

[538] Dictionnaire de Theologie par l'abbe Bergier. Заимствованные статьи у этого писателя отмечены знаками «……..».
[539] Tom III. Esprit.
[540] Tom I. Ange.
[541] Tom I. Ame.

[542] Александрийский. Его особенно уважают западные, как председательствовавшего на III Вселенском Соборе по приглашению папы. И восточные признают его одним из великих отцов Церкви.

[543] Здесь надо разуметь мнение западной Церкви, принятое ей недавно, как увидим дальше.

[544] Tom I. Ange.

[545] Tom III. Esprit.

[546] Tom III. Esprit.

[547] Tom III. Esprit.

[548] Tom III. Esprit.

[549] Быт. I, 3.

[550] Tom III. Esprit.

[551] Tom III. Esprit.

[552] Пс. 148, Tom III. Esprit.

[553] Рене Декарт жил в 1-й половине VII века, до появления химии, этой новой науки, родившейся в конце VIII столетия и извратившей прежние понятия о веществе.

[554] Tom III. Esprit.

[555] Разговор с Иудеем Трифоном.

[556] О душе.

[557] Dictionnaire de Theologie, Tom IV, Platonisme, pag. 401 – 402.

[558] Tom III. Esprit.

[559] Tom I Ame. Последние две строчки переведены с скрупулезной точностью, как вынаруживающие с особенной ясностью мнение западного писателя.

[560] Tom III. Esprit.

[561] Tom III. Esprit.

[562] Tom III. Esprit.

[563] Tom III. Esprit.

[564] Tom III. Esprit.

[565] Евр. 4, 12.

[566] Лк. 23, 46; Ин. 10, 15, 18.

[567] Лев. 17, 11, 14.

[568] Беседа 7, гл. 8, перевод Московской Академии, 1820 г.

[569] 1 Фес. 5, 23. Евр. 4, 12.

[570] Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви, § 120.

[571] *Совершенной духовностью* названа здесь Декартова ипотеза о духах. Как Декарт был великий математик, то ипотезу его весьма прилично изобразить математической формулой. Для этого означим буквою X предмет, который намереваемся определить, как это обыкновенно делается; отсутствие всякой вещественности, в величине не бесконечной, необходимо изобразить знаком нуля 0: таким образом, получится алгебраическое уравнение X=0.

[572] Tom III. Esprit.

[573] Tom I. Ame.

[574] Tom II. Demon.

[575] Ин. 3, 8. Евр. 2, 14.

[576] Быт. 3, 15.

[577] 1 Пет. 5, 8.

[578] Еф. 6, 12.

[579] Еф. 6, 16.

[580] 2 Кор. 11, 14.

[581] Ин. 8, 41.

[582] Ин. 8, 44.

[583] Поучение о духах преподобного Антония Великого, Patrologiae Graecae, Tom. XXVI. S. Athanasii, Tom. II, Vita S. Antonii, pag. 873, 874–907, 908.

[584] Ин. 8, 42–47.

[585] Прп. Макарий Великий. Слово 7, гл. 31.

[586] 3 Цар. 17, 21.

[587] Tom I. Ame.

[588] Исх. 3, 14.

[589] Ин. 14, 6.

[590] Ин. 5, 26.

[591] Точное изложение православной веры святого Иоанна Дамаскина, кн. 4, гл. 13.

[592] Epistolae ad Serapionem Tom. II, pag. 551, 552.

[593] Patrologiae Graecae Tom. XXIX. Contra Evnomium, Lib. V,

De Spiritu Sancto, guod non sit creatura pag. 709, 710 и 711, 712. по слич. Quod Spiritus creator est. Pag. 713, 714.

[594] Четьи-Минеи, 2 января. Житие святого Сильвестра папы Римского. Словопрение его с избранными учителями еврейскими об истинной вере.

[595] Благовестник, москов. изд. 1850 г., толкование на Евангелие от Лк. гл. 15, ст. 4.

[596] Беседа 49, гл. IV. По переводу Московской Духовной Академии 1855 г.

[597] Chrisostomi op.omn. I Tom. pag. 757 Parisiis, 1842.

[598] Ин. 6, 46.

[599] Chrisostomi op.omn. Tom I pag. 736.

[600] 1 Тим. 6, 15–16.

[601] Ис. 6, 1–2.

[602] Chrisostomi opera omnia pag. 721 и 722.

[604] Ин. 1, 18.

[605] Тим. 6, 16.

[606] Patrologiae Graecae. Tom XXVIII, S. Athan. Alex. Archiep. – quest. XXVIII, pag. 614

[607] Евр. 12, 29.

[608] Беседа 4, гл. 11.

[609] Беседа 4, гл. 13.

[610] Беседа 4, гл. 9 и 10.

[611] Беседа 4, гл. 9 и 10.

[612] Лев. 4, 5.

[613] Пс. 131, 10.

[614] 1 Цар. 24, 7.

[615] Пс. 145, 4.

[616] Зах. 12, 1.

[617] Пс. 103, 4.

[618] Пс. 47, 8.

[619] Ис. 7, 2.

[620] Пс. 148, 8.

[621] Ин. 6, 63.

[622] Ос. 4, 12.

[623] На основании этих слов святого Кирилла западные приписывают ему, и справедливо, мнение о вещественности духов, им свойственной Patr, Graecae, Tom XXXIII, pag. 1637 и 1661.

[624] Patrol, Graecae, Tom XXXIII, Catechisis XVI, cap XIII, XV, XXIII.

[625] Гл. 10. По переводу преосвященного Амвросия архиепископа Московского и Калужского, напечатанному в Москве в 1784 г.

[626] Поучение огласительное 2-е, о покаянии.

[627] По переводу Московской Академии 1820 г.

[628] Лк. 1, 11.

[629] Лк. 2, 8–15.

[630] Эта высокая идея проявлялась и у древних святых мыслителей. «Бог не есть имя, но мысль, всажденная в природу человеческую, о чем-то неизъяснимом», сказал святой мученик Иустин Философ. Апология 2, гл. 6.

[631] Прежде полагали, что ноль, помноженный на бесконечное, производит единицу. Несправедливо! Он дает число, то есть, все вообще числа, которые в отношении к бесконечному – все равны и различаются от бесконечного бесконечным различием, не произведя в нем никакого изменения своим явлением в бытие. Вот высшая идея, какая только может быть доставлена наукою о мироздании.

[632] 2 Кор. 12, 2.

[633] 3 Цар. 8, 27.

[634] Догматическое Богословие преосвященного Антония, издание 7-е, 1857г., стр. 95 и 96.

[635] 1 Тим. 6, 16.

[636] Беседа 16, гл. 5.

[637] Апок. 22, 8–9.

[638] «Иоанн Дамаскин – первый систематик между отцами Церкви: это его неотъемлемая слава. Изложение Православной Веры составляет систематическое учение о созерцательных истинах Откровения. О предметах откровения Дамаскин рассуждает на основании слова Божия, по соображениям разума, и всего чаще говорит словами отцов Церкви, – особенно Григория Богослова, Василия, Афанасия. В сем последнем отношении Макарий Анкирский справедливо назвал Дамаскина провозвестником и истолкователем всех Богословов». Историческое учение об отцах Церкви архиепископа Филарета, т. 3.

[639] Мк. 8, 11–12.

[640] Ин. 3, 8.

[641] Люди долгое время не знали о существовании газов. По этой причине когда приходилось говорить о газах, то понятие темное выражалось очень темно. Газы открыты в конце XVIII столетия.

[642] Ин. 19, 30.

[643] 2 Еф. 6, 12.

[644] Мф. 22, 30, Мк. 12, 26, Лк. 20, 36.

[645] Пс. 103, 4.

[646] Быт. 19, 1.

[647] Быт. 18, 2.

[648] Быт. 19, 3.

[649] Быт. 19, 10–11.

[650] Быт. 19, 16, 17.

[651] Быт. 19, 24.

[652] Быт. 19, 22.

[653] Пс. 77, 49.

[654] Исх. 7, 11; 22, 8, 7.

[655] Это видно и из жизнеописаний святых: о морской буре, произведенной демонами, говорится в 5 икосе акафиста святителю Николаю.

[656] Так и дождь называется в Писании сходящим с неба. Иак. 5, 18.

[657] Иов. 1, 16.

[658] Иов. 1, 9.

[659] Апок. 12, 9.

[660] Апок. 13, 2.

[661] Апок. 13, 13.

[662] Суд. 6, 11–22.

[663] Осии 12, 3–4. Иаков… *труды своими укрепе к Богу, и укрепе со Ангелом, и превозможе.*

[664] Быт. 32, 24–31.

[665] Род хвойного дерева.

[666] 3 Цар. 19, 4–8.

[667] Деян. 12, 1–11.

[668] Деян. 8, 39–40.

[669] Дан. 14, 31–39.

[670] Дан. 3, 50.

[671] Деян. 2, 2.

[672] Поуч. 17, о Святом Духе, гл. 5.

[673] Икос 8 Акафиста Божией Матери.

[674] Лк. 1, 11.

[675] Лк. 1, 26–38. По преданию Церкви, Архангел Гавриил предстал Богоматери в виде человека. 2 стихира Акафиста Божией Матери.

[676] Мк. 16, 5.

[677] Мф. 28, 2–3.

[678] Ин. 20, 11–12.

[679] Мф. 12, 43–45.

[680] Иов. 1, 7.

[681] Мф. 4, 1–11.

[682] Чис. 22, 22–23.

[683] Natura horret vacuum.

[684] Деян. 12, 23.

[685] 2 Цар. 24, 15–17; 1 Пар. 21, 15–27.

[686] 4 Цар. 19, 35.

[687] Иов. 2, 7, 6.

[688] Лк. 13, 16.

[689] Тов. 3, 8.

[690] Описание чудотворных икон Афона и письма Святогорца.

[691] Мф. 22, 30; Лк. 20, 36.

[692] Лк. 2, 8–15; Пс. 6, 3.

[693] Тов. 6, 8–18; 8, 2–3.

[694] Быт. 18, 1–2.

[695] Нав. 5, 13–15.

[696] Суд. 13, 6–20.

[697] Лк. 24, 4.

[698] Деян. 1, 10–11.

[699] Деян. 10, 30.

[700] Дан. 3, 49.

[701] Дан. 3, 91–95.

[702] Дан. 9, 21.

[703] Дан. 10, 5–6.

[704] Дан. 12, 7.
[705] Деян. 5, 19–20.
[706] Мк. 9, 25.
[707] Лк. 11, 14.
[708] Мф. 13, 28.
[709] Апок. 12, 9.
[710] Пс. 73, 19.
[711] Быт. 3, 1.
[712] Лк. X, 18; Апок. 13, 9.
[713] Иов., главы 29–41.
[714] Мф. 18, 10.
[715] Мф. 22, 30.
[716] Евр. 1, 14.
[717] Мф. 24, 31.
[718] Еф. 6, 12.
[719] Апок. 12, 7–9.
[720] Иов. 1, 7; 2, 2.
[721] Еф. 6, 12.
[722] Еф. 2, 2.
[723] Лк. 8, 33.
[724] Лк. 8, 29.
[725] Ис. 14, 15.
[726] Апок. 20, 1–7; слич. 1, 18.
[727] Лк. 24, 39.
[728] Еф. 6, 12.
[729] Homilia, quod Deus non est auctor malorum. Tom. III, Pag. 351–352.
[730] Слово о душе.
[731] Апок. 6, 9.
[732] Апок. 7, 9.
[733] 1 Цар. 28, 14.
[734] Мф. 17, 2 и далее.
[735] Святой Кирилл Иерусалимский. Огласительное слово 14, гл. 19.
[736] Мф. 27, 52.
[737] Втор. 34, 6.
[738] 2 Кор. 12, 3.

[739] Об этом подробно изложено в «Слове о смерти».
[740] Четьи-Минеи, 3 марта.
[741] 1 Кор. 15, 39–46.
[742] Мф. 16, 27.
[743] Мф. 25, 31.
[744] Мф. 26, 64.
[745] Четьи-Минеи, 28 октября.
[746] Патерик Печерский.
[747] Четьи-Минеи, 20 января.
[748] Патерик Скитский.
[749] Четьи-Минеи, 23 ноября.
[750] Патерик Печерский.
[751] Патерик Печерский.
[752] Четьи-Минеи, 2 октября.
[753] Пролог, 6 октября.
[754] Четьи-Минеи. Житие святого Нифонта, 23 декабря.
[755] Акафист Успению Божией Матери
[756] Патерик Печерский.
[757] Смотри житие преподобномучеников Феодора и Василия Печерских в Патерике Печерском, житие святого Аверкия, епископа Иерапольского, 22 октября.
[758] Четьи-Минеи, 7 сентября.
[759] Рукописное житие прп. Нила Сорского.
[760] Четьи-Минеи, 7 октября.
[761] На пламени Невмановой лампы металлы плавятся подобно воску. Пламень лампы образуется от возженных газов кислорода и водорода, пущенных в одну струю.
[762] Четьи-Минеи, 12 июля.
[763] Пространная повесть о обращении схимонаха Кириака, о его видении в Невской Лавре, о постоянном пребывании в благодатном состоянии во время жительства в Валаамском монастыре, написана им самим, по приказанию игумена Назария, в духе глубокого смирения, единственно в исполнение священной обязанности послушания. Повесть была несколько раз напечатана; в последний раз она напечатана в журнале «Странник», в книжке за февраль 1862 г.

[764] Житие святого Нифонта, 23 декабря.

[765] Слово 86, по славянскому изданию.

[766] Патерик Скитский, житие Арсения Великого.

[767] Сказание о многих современных явлениях из мира духов помещено в журнале «Странник». Указываем на некоторые из них: а) *Видение Ангела*. Ангел явился отроковице Вере в таком виде, в каком пишется на иконах. Книжка «Странника» за сентябрь 1864 г. б) *Замечательная кончина*. Крестьянин Филипп видел наяву, пред кончиной своей, пришедшую к нему Богоматерь в сопровождении двух Ангелов, которые были в образе юношей. Август 1864 г. в) *Дивная христианская кончина отрока*. Двенадцатилетний сын мещанина города Твери умер, потом ожил. Ожив, поведал о рае, в который был восхищен, и о помещенных в раю душах родственников его. Июль 1864 г. г) *Редкая христианская кончина дьячка.* Ангелы и демоны, представ дьячку наяву, за несколько дней до кончины его, состязались о душе его. Февраль, 1863 г. д) *Урок кощунству и неверию*. Демоны явились, среди шумного мирского собрания, безбожнику, отвергавшему существование духов. Октябрь 1863 г.

[768] Этот причетник принял монашество в Сергиевой пустыне и по отличным нравственным качествам и хозяйственным способностям сделан настоятелем Введенского Островского монастыря. Ныне настоятельствует, в сане игумена, над Коневским монастырем.

[769] Невещественным названо здесь, по пониманию древних отцов, неимеющее грубой плоти. Под именем воздуха или огня должно разуметь теплород, газы или эфир. Газами называем тела, принадлежащие земле, в их утонченнейшем виде, а эфиром – собрание газов, еще более тонких, нам неизвестных, наполняющих пространство, превысшее земной атмосферы. В природе нет пустоты. Natura horret vacuum, сказал знаменитый Галилей.

[770] Пс. 103, 4.

[771] 1 Кор. 12, 3.

[772] Книга о Святом Духе, Patrologiae Graecae tom. 4 pag. 138.

[773] Деян. 10, 3, 8, 26.

[774] Лк. 1, 11.

[775] Прем. 1, 7.

[776] Пс. 138, 7.

[777] Агг. 2, 5–6.

[778] Книга о Святом Духе, Patrologiae Graecae, omnia opera Sancti Basilii, tom. IV pag. 167 и 170.

[779] Беседа на Пс. 33, ст. 12 – Patrologiae Graecae, tom XXIX.

[780] Еф. 6, 12.

[781] Еф. 2, 2.

[782] Беседа о том, что Бог не есть причина зол.

[783] Comment, in Isaiam. cap. I, tom. II, pag. 165, 166, 167 и 168.

[784] Ис. 10, 10–11.

[785] 1 Цар. 5, 2–3.

[787] Кор. 10, 21.

[788] Ис. 19, 1.

[789] Втор. 27, 15.

[790] Comment. in Isaiam Pr. cap. X tom. II, pag. 531–534

[791] Тов. 6, 17–18; 8, 23.

[792] Быт. 3, 1.

[793] Patrologiae Graecae tom XXIX, Vita Sancti Basilii, pag. 169

[794] Oratio XLV, in Sanctum Pascha, Omnia opera Sancti Gregorii, tom. 2, pag. 629, 630.

[795] Пс. 103, 4.

[796] Евр. 1, 14. Служебные дуси в служение посылаеми.

[797] Oratio Theologica II, cap. 30, t. 2, pag. 71 и 72.

[798] Oratio XXXVIII, tom. 2, 319 и 318.

[799] Так назван иронически Иулиан.

[800] Oratio contra Iulianum 1, cap. LV и LVI, tom. 1, pag. 577, 578, 579,580.

[801] Здесь говорится о нападении на святую деву Иустину блудного беса, которого послал Киприан, будучи еще язычником и волхвом.

[802] Tom I, Oratio XXIV, cap. IX и X pag. 1179 и 1180.

[803] Гл. 9. Доброт., ч. 4.

[804] Patrologiae Graecae, s. Athanasii, t. 2. Vita S. Antonii, pag.873–874, 907–908.

805 Disputatio contra Arium, cap. II, tom. IV. Omnia opera S. Athan. Mag.

[806] De sancta Trinitatae dialogus I, cap. 12, tom IV.
807 De communii essentia Patr. et. Fil. et Sp. S. quaestio 51, tom. IV
[808] Quaestiones ad Antiochum, quaestio VII, tom. IV.
[809] Synopsis Scripturae Sacrae pag. 371 – 372, Tom. IV.
[810] Еф. 2, 2.
[811] Евр. 10, 20.
[812] Лк. 10, 18. – Oratio de incarnatione Verbi, tom. 1, pag. 139, 140.
[813] Подобно тому, как ныне пребывают в столах.
[814] Oratio de incarnatione Verbi, tom. I, pag. 177, 178, 179, 180.
[815] 1 Пет. 5, 8.
[816] Лк. 21, 8.
[817] Быт. 3, 1.
[818] Иов. 2, 9–10.
[819] Ис. 10, 14.
[820] Ис. 11, 8.
[821] Ис. 14, 14.
[822] Пс. 49, 16.
[823] Сир. 15, 9.
[824] Мф. 4, 10.
[825] Мф. 8, 29; Мк. 1, 24.
[826] Мф. 13, 25.
[827] Мф. 7, 15.
[828] 1 Ин. 4, 1. – Epistola ad Episcopos Aegypti et Libiae, tom. I, pag. 539–544.
[829] 17 января.
[830] Рим. 8, 28.
[831] Opera omnia S. Epiphanii, tom I, Vita ejus, pag. 107, 108.
[832] Opera omnia Sancti Athanasii Magni, tom. IV, pag. 1431–1434.
[833] Надо бы новейшим философам помнить слова отца языческой философии Платона, который отказывал вход в философию всем незнающим математики. Естественные науки, в настоящем положении их, входят в состав наук математических, принадлежа в значительной степени к прикладной математике.
[834] 1 Кор. 11, 10.
[835] Быт. 48, 16.
[836] Деян. 12, 15.

[837] Быт. 32, 1.
[838] Chrisostomi opera omnia, tom. II, pag. 443 и 444.
[839] На кн. Быт., беседа 22, Быт. 6, 2. Мф. 22, 30.
[840] На деяния Апостолов беседа 26, Деян. 12, 15.
[841] Дан. 10, 5–8.
[842] Дан. 10, 11.
[843] Дан. 10, 12.
[844] Дан. 10, 16–17.
[845] Chrisostomi opera omnia, tom. I, pag. 722 и 723.
[846] Op. Chrys. tom II, pag. 551–554.
[847] Толкование на Апокалипсис, гл. 9, ст. 13, 14, 15, 16.
[848] Там же, гл. 12, ст. 3
[849] Беседа на Евангелие 12, гл. 7, книга 1. Чтение св. Евангелия от Мф. 25, 1–13. стр. 112–131.
[850] Беседа 35, гл. 3, 2.
[851] Лк. 19, 43.
[853] Лк. 19, 44.
[856] Лк. 19, 44.
[857] Лк. 12, 58.
[858] Ин. 14, 30.
[859] Мф. 16, 19.
[860] 2 Кор. 12, 2.
[861] Ин. 21, 20.
[862] Пс. 50, 7.
[863] Пс. 142, 2.
[864] Еккл. 7, 21.
[865] 1 Ин. 1, 8.
[866] Иак. 3, 2.
[867] Пс. 87, 5–6.
[868] Беседа 39, главы 4, 5, 8 и 9, стр. 300–308. На чтение Евангелия от Луки 19, 42–47.
[869] Беседа 40, гл. 11, с. 330–334, на чтение Ев. от Луки 16, 19–31.
[870] Беседа 34, гл. 13, с. 200, на Ев. от Луки 15, 1–10.
[871] Преподобный Варсонуфий Великий. Ответ 611.
[872] Преподобный Макарий Великий объясняет причину, по которой святые мужи, упражняющиеся в проповеди слова Божия, не

могут в то же время пребывать в духовных видениях. Беседа 8, гл. 4. Эту же причину приводил и преподобный Арсений Великий, когда его спрашивали: почему он так тщательно убегает общества людей, даже святых? Алфавитный Патерик.

[873] См. «Слово о чувственном и духовном видении духов». Аскетические опыты, т. 2.

[874] Общий тропарь священномученику.

[875] Беседа 21.

[876] Слово 55.

[877] Collatio 17, cap. 6.

[878] Житие Иоанна Многострадального. Патерик Печерский.

[879] Collatio VII et VIII.

[880] Учение преподобного Кассиана смотри в «Слове о Смерти».

[881] V заседание II Никейского Собора, Вселенского Седьмого.

[882] Преподобный Феодор в сочинении преподобного Кассиана. Книга 5, о чревообъядении, гл. 33 и 34.

[883] Святой Исаак Сирский, слово 55.

[884] По образу описания, языческого жреца-прорицателя Калкаса, сделанного Расином в трагедии «Ифигения».

[885] Влияние понятий, заимствованных из идолопоклонства, с особенной ясностью вынаружилось в ереси или заблуждении антропоморфитов, представлявших себе Бога в колоссальном человеческом виде. Эта ересь открыта в IV веке, но очевидно, что и прежде многие, по неведению, держались ее. Последнее явствует из следующего факта. Когда Феофил, архиепископ Александрийский, изложил опровержение заблуждения в окружном послании, которое обыкновенно составлялось Александрийскими архиепископами пред Пасхой и рассылалось по всему Египту: тогда в одной только церкви пустыни Скита, в которой жили тысячи монахов, послание было принято и прочитано; в прочих трех церквах настоятели не только не приняли послания, но и воспретили монахам чтение его по кельям, как прямо противоречащего Священному Писанию. Из слов Писания, что человек сотворен по образу и подобию Божиим, антропоморфиты выводили заключение, что Бог имеет вид. Cass. Coll. X.

[886] Ареопагит указывает здесь на следующие места Писания: Иез. 1, 7; Дан. 7, 9; Зах. 1, 8; 2 Мак. 3, 25; Нав. 5, 13. Небесные силы названы *Богоподобными*, как сотворенные по образу и подобию Божиим. Так сотворен и человек. Далее, как увидим, Ареопагит говорит, что все бесконечно далеко от того, чтоб быть *подобным* Богу; самые первые существа нимало не *подобны* Ему.

[887] Глава 2, § 1. Из самого изложения, сделанного святым, видно, что он понимал под названием вещественности и образа. Далее он согласно со всеми древними не признает уже свет *образом чувственным.*

[888] Глава 2, § 2.

[889] Ин. 1, 1; Пс. 135.

[890] См. выноску.

[891] 1 Тим. 6, 16; Пс. 144, 13; Рим. 11, 31.

[892] Глава 2, § 3.

[893] Глава 13, § 4.

[894] Глава 1, § 2.

[895] Т. е. собственно существа Божия, собственно Бога.

[896] Глава 4, § 3.

[897] Быт. 16, 7–12; 21, 17.

[898] Ин. 1, 8.

[899] Глава 1, § 2.

[900] Послание к святому апостолу Павлу о свидании Дионисия с Божией Матерью.

[901] Добротолюбие, ч. I. Сочинения святых Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Феофана, умиленного инока, Лествица, Слова 25 и 26, святой Исаак Сирский, Слова 8, 15 и проч.

[902] Добротолюбие, ч. I, Слово о вере.

[903] Глава 2, § 5.

[904] Апок. 1, 20.

[905] Главы 17, 18 и 19.

[907] Глава 12.

[908] Глава 13.

[909] Деян. 7, 55–56.

[910] Иез. 1. Преподобный Макарий. Беседа 1.

[911] Бержье может быть отчасти оправдан тем, что он получил образование прежде появления химии, хотя он и дожил до появления ее в конце XVIII века. Но нельзя не признать многих погреш-

ностей его намеренными: ему нужно было, во что бы то ни стало, отстоять новое учение. Это усматривается на всем пространстве его полемики.

[912] Святой Исаак Сирский, Слово 38. Преподобный Марк Подвижник сказал: «Память, возобновляя страстно и с услаждением виденное или слышанное или *осязанное* мыслью, воображением или порочным размышлением, живописует в душе образы, и посредством этого оскверняет ум, еще находящийся в порабощении у страстей». Послание к монаху Николаю. – Очень верно! Как телесные чувства имеют общее значение осязания: так и душевные. Святые иноки, достигнув при свете Божественной благодати самовоззрения, которому самообольщение уже не может давать той неправильности и темноты, которые оно сообщало философам, водимым духом века сего, духом лжи и прелести, соделались единственными истинными психологами.

[913] Исх. 7, 11 и далее.

[914] Histoire du Christianisme, par. Fleury, tom. I

[915] Мудрец и маг египетский, противодействовавший Моисею. 2 Тим. 3, 8.

[916] Житие священномученика Киприана. Четьи-Минеи, 2 октября.

[917] Чис. 22, 1; 1 Цар. 28 и проч.

[918] Ис. 14, 13, 14; Ин. 8, 44.

[919] Vita Beati Antonii cap. XVIII. Опытное доказательство этого можно видеть в жизни преподобного Исаакия Печерского: Патерик Печерский; также в житии преподобного Пахомия Великого. Четьи-Минеи, 15 мая.

[920] Слово о чувственном и духовном видении духов.

[921] Послание к Ефесеям. По изданию Киево-Печерской Лавры 1824 г.

[922] Послание к Филипписиям. «Потщитеся, – говорит святой Игнатий, – частее собиратися ко Евхаристии и славе Божией: егда бо часто вкупе бываете, ослабевают силы сатанинския, и бездельны возвращаются его разженныя стрелы ко греху. Ваше бо единомыслие и согласная вера, погибель *ему* есть, *сослужителем* же его мучение. Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же всякая брань разрушается *воздушных и земных духов*». Сказав это, Богоносец ссылается, подобно Василию Великому, на слова апостола: «*Несть бо наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12). Послание к Ефесеем». Из этой цитаты видно, что Богоносец разумел духов одинаково с прочими отцами Православной Церкви. Он установил, по свидетельству историка Никифора (книга 13, 8) в Антиохийской Церкви, которой был епископом, пение на два лика, вследствие Божественного откровения, в котором видел *Ангелов, поющих* таким образом.

[923] 1 Кор. 12, 10.

[924] Слово о чувственном и духовном видении духов.

[925] Пс. 138, 14, 6.

[926] Великий прокимен на вечери в Богоявление.

[927] Dictionnaire de Theologie par l'abbe Bergier, tom. VI. Paradis.

[928] Мф. 23, 30; V, 13.

[929] Tom III. Enfer.

[930] Втор. 32, 22.

[931] Объяснения отвлеченные или самые обыкновенные часто заменяли собою прямое отвержение глубокого учения, преподаваемого Священным Писанием, чтоб отвержение учения не было ясным для всех.

[932] Иов. 26, 6.

[933] Иов. 10, 21–22.

[934] Пс. 15, 9–10.

[935] Ис. 66, 24.

[936] Мк. 9, 44, 46.

[937] Мф. 25, 41.

[938] Слово 1. К Феодору падшему.

[939] Часть 2, поучение 2 на Вход во Иерусалим Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

[940] Келейные письма. Том 14, письмо 2.

[941] Том 15, письмо 62.

[942] Так называется сочинение блаженного Августина, написанное им в старости. В этом сочинении блаженный пересматривает прежние свои сочинения и исправляет их. И святые не вдруг получали о всех предметах откровенного Богопознания точное поня-

тие, но достигали этих понятий постепенно, соответственно жительству своему.

[943] Мф. 24, 30.

[944] Деян. 7, 55.

[945] Мф. 18, 19.

[946] Ин. 1, 18.

[947] Ин. 21, 18.

К РЕЧИ АРХИМАНДРИТА ИГНАТИЯ

[948] Пс. 54, 8–9.

[949] Выражение это заимствовано у святого Иоанна Лествичника. Слово 28 гл. 51 по московскому изданию 1851 г.

[950] Пс. 105, 25.

[951] 1 Кор. 2, 10.

[952] Исаак Сирский. Слово 55. Преподобный Варсонофий Великий. Ответы 2, 108, 311, 342 и другие; преподобный Иоанн Лествичник. Слово 4, гл. 35, 36, 74, Слово 28, гл. 1; преподобный Нил Сорский Слово 11.

[953] Преподобный авва Дорофей. Поучение 5.

[954] Дан. 13, 22.

[955] Втор. 23, 7.

[956] Так, например, вещество, из которого составлена земля, доступно для наших чувств. Но кора земли исследована только на самую незначительную глубину: дальнейшее исследование превышает средства человеческие и доступное само по себе делается недоступным по невозможности исследования.

К СЛОВУ О ЧЕЛОВЕКЕ

[957] Кол. 2, 8. Преподобный Макарий Великий, беседа 49, 4.

[958] Мф. 12, 43. Лк. 11, 24. См. объяснение этих слов Евангелия блаженным Феофилактом Болгарским, также в Слове о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу (Аскетич. опыты, т. II, изд. 1865 г.)

[959] Преподобный Марк Подвижник. О законе духовном, гл. 27.

[960] Гл. 224. О мнящихся от дел оправдитися.

[961] Sanct. Chrysost., pag. 667. Sermo de Anna. Св. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 4, с. 820.

[962] Sanct. Chrysost., I, pag. 915. Contra iudeoi sermo VI. Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1, с. 718.

[963] Sanct. Chrysost., XI, pag. 14. Свт. Иоанн Златоуст. Творения, т. 11, с. 50.

[964] Очевидно, что это участие может быть лишь сердечным: и такого участия достаточно для отъятия у сердца сосредоточенной, неразвлеченной молитвы. Чтоб стяжать неразвлеченную молитву, должно верою возложить все попечения свои на Бога.

[965] Слово 68.

[966] Слово 8.

[967] Упокоевается Бог человеком тогда, когда человек пребывает в преданности и покорности воле Божией, или, что то же, в учении Евангелия.

[968] Память Божия или Поучение состоят в непрестанной молитве. См. о сем во 2-й части Аскетических опытов.

[969] Слово 89.

[970] Присовокупление этого слова служит намеком, что многие, чуждые благодати, приписывают ее себе, а другие признают благодатью вкравшуюся в них бесовскую прелесть.

[971] Слово 21. Святой Исаак согласно с прочими отцами (Слово 1, Слово 84) научает, что Христос насаждается в сердца наши Таинством Святого Крещения, как семя в землю. Дар этот сам собою совершен, но мы его или развиваем, или заглушаем, судя по тому, какое проводим жительство. По этой причине дар сияет во всем изяществе своем только в тех, которые возделали себя евангельскими заповедями и по мере этого возделания. См. преподобного Марка Подвижника Слово о Крещении, Ксанфопулов главы 4, 5 и 7; также Слово о трех отношениях естества человеческого к добру и злу (Аскетические опыты, ч. 2).

[972] Беседа 18, гл. 6.

[973] Беседа 16, гл. 7.

[974] Беседа 6, гл. 5.

[975] Беседа 27, гл. 19.

[976] То есть, правдами плотского мудрования или ветхого человека, отверженными Богом. Богу благоугодна одна евангельская правда.

[977] Беседа 4, гл. 6.

[978] Беседа 28, гл. 1, 2.

[979] 2 Пет. 3, 10: *Приидет день Господень яко тать в нощи, воньже небеса убо с шумом мимоидут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят.*

[980] Мироздание описано в 1 и 2 главах книги Бытия.

[981] Действие чувств в святых мужах, обновленных Святым Духом, гораздо обширнее, нежели у людей, пребывающих в области падения. Даже некоторые механические средства, каковы зрительные трубы, телескоп, микроскоп и другие, распространяют действие чувств и соделывают видимым то, что в обыкновенном состоянии нашем невидимо.

[982] Мысли сей статьи заимствованы из Записок на книгу Бытия преосвященного митрополита Московского Филарета.

[983] Слово 5, гл. 6.

[984] Точное изложение Православной веры, книга 2, гл. 12, о человеке.

[985] Беседа 49, гл. 4.

[986] Книга вторая, гл. 12, о человеке.

[987] По объяснению блаженного Феофилакта Болгарского.

[988] Так именуется первый человек. Впрочем, на еврейском языке, которому принадлежит это слово, оно – нарицательное имя, и «Адам» значит «Человек» вообще.

[989] Беседа 12, гл. 8.

[990] Беседа 12, гл. 6 и 8.

[991] Св. Исаак Сирин и другие св. отцы называют состояние человека по падении чрезъестественным. Это слово с точностью выражает сущность дела. (Слово 4. По переводу Паисия Нямецкого).

[992] Слово 4, гл. 3.

[993] Точное изложение Православной веры, кн. 3, гл. 1.

[994] Там же, кн. 2, гл. 12.

[995] «Душа наша проста некако сущи и блага, тако от благаго Владыки своего создавшися», и проч. Преподобного Исихия Слово, глава 43. Добротолюбие, ч. 2.

[996-998] Точное изложение Православной веры прп. Иоанна Дамаскина.

[999] Слово 5, гл. 6.

[1000] Беседа 7, гл. 7.

[1001] Collatio VII, caput XIII.

[1002] См. «Слово о смерти».

[1003] Нелишним будет упомянуть здесь, что люди, лишившиеся рук и ног, вполне ощущают присутствие этих членов при теле и способность действовать ими. Такое практическое познание дает ясный намек о существе души, согласно тому, как изображают его святые Отцы.

[1004] Беседа 16, гл. 8.

[1005] Ангелы, которых существо однородно с существом души человеческой, являлись святым Божиим облаченные в белые или светлые одежды (Мф. 28, 3; Лк. 24, 4; Ин. 20, 12; Деян. 1, 10). Святой Андрей, Христа ради юродивый, будучи восхищен в рай, видел себя в одежде, сотканной из молний. И проч.

[1006] В московском издании бесед преподобного Макария Великого 1820 года к 9-й главе 4 беседы приложено примечание, в котором сказано, что некоторые из древних церковных учителей, как то: Ориген, Тертуллиан, прп. Кассиан, прп. Макарий Египетский приписывали ангелам и душам тончайшие тела, что Иоанн Дамаскин в своем Изложении Православной веры (кн. 2, гл. 3), толкуя сие их мнение, говорит, что они называли их телесными по отношению только к Богу, что прочие учители Церкви, как то: Игнатий, Василий Великий, Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст полагали их «бестелесными и существами простыми». Мы сочли нужным дополнить это примечание нижеследующим: святой Иоанн Дамаскин, как в третьей главе 2-й книги, так и во всем «Изложении Православной веры», не сделал ни одной ссылки ни на сочинения святого Макария Великого, ни на сочинения преподобного Кассиана Римлянина, а ссылается он наиболее на святого Григория Богослова, потом на святых: Дионисия

Ареопагита, Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Нисского и других. Отнюдь не в виде толкования, а как прямое Предание Православной Церкви, излагает Дамаскин учение об ангелах в упомянутых книге и главе. «Бестелесным и невещественным, – говорит он, – называется Ангел по сравнению с нами. Ибо все в сравнении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество, в строгом (точном) смысле, невещественно и бестелесно». Где тут толкование мнения преподобных Макария и Кассиана? Очевидна тут цель святого писателя: она состоит в том, чтобы охранить читателя от пагубной мысли признать Ангелов и души духами наравне с Духом-Богом, от пагубной мысли поставить в один разряд существ Творца и Его тварей. Если угодно видеть тут толкование, то тут – толкование того, в каком смысле святые Григорий Назианзин, Василий Великий и другие называли Ангелов и души бестелесными и невещественными по современным понятиям, не сделав такой ясной оговорки, какую сделал Дамаскин, но всегда вполне отличая существо Творца от существа тварей, что явствует из всех писаний их. Понятия древних о духе и веществе, о началах, о простом и сложном, понятия, которых держалось человечество до новейших времен, изменились в конце прошедшего и начале настоящего столетий с явлением новой науки – химии. Человечество признавало прежде, руководствуясь поверхностным взглядом, четыре вещественные начала (стихии): землю, воду, воздух и огонь. Из этих начал воздух и огонь назывались невещественными, и воздух часто назывался духом, потому что веществом или материею называлось одно грубое вещество. Химия изменила эти понятия. Вода и воздух, будучи разложены на свои составные части, низошли с степени начал на степень веществ сложных; понятие, что земля есть начало, как вполне неопределительное и очевидно нелепое, отвергнуто; пламя, которое, собственно, называли огнем, признано явлением при отделении от некоторых веществ теплорода, который отделяется от других веществ и без пламени. Понятие о веществе расширилось и сделалось правильнее. Все газы, все пары, теплород и свет сознательно признаны материею. Химия в соединении с математикою неоспоримо доказали,

что собственно начал, существ и веществ простых, бестелесных, не существует между тварями. Все твари более или менее вещественны, более или менее сложны. Ни одна тварь не имеет ни одного бесконечного свойства; все свойства тварей конечны, т. е. ограниченны. Основываясь на этой аксиоме, мы утверждаем, что сотворенные духи ограничиваются местом, и потому непременно имеют вид (форму), имеют свою степень тонкости, а отнюдь не бесконечно тонки, а потому и свою степень вещественности. Дух – один Бог, как имеющий бесконечную тонкость, как превысший всякого пространства. Бог бесконечно тоньше всех тончайших сотворенных существ и потому существом Своим бесконечно различествует от существа тончайших тварей, ибо между бесконечным и самовеличайшим числом разница – бесконечна; таков неопровержимый вывод математики. По этой причине начало в точном смысле и простое существо – вина с всех прочих существ, видимых и невидимых – един Бог. – Очевидно, что святой Григорий Богослов, Василий Великий и другие говорили о веществе и духах сообразно современным им понятиям; благодать Святого Духа доставляла им правильное понятие о Боге. Движимый этой благодатию, святой Иоанн Дамаскин изрек непреложную истину, что «в сравнении с Богом, единым несравнимым, все оказывается грубым и вещественным». Он изрек это за десять столетий до того времени, как человечество пришло к этому познанию путем науки, говорим дерзновенно – по Промыслу Божию, для удобнейшего Богопознания. Составитель вышеупомянутого примечания тщетно старается найти разноречие в чтениях святых отцов: мы находим в них одно и то же учение, выраженное у одних яснее, у других не так очевидно. Странное явление! Столько было Вселенских и Поместных Соборов, столько святых писателей упоминают о Макарии Великом и преподобном Кассиане, и никто не подал голоса против их учения об ограниченности сотворенных духов; внезапно раздается обвинительный голос в 1820 году с нареканием на духоносных мужей в разноречии, усиливающийся сотворенных духов представить тождественными с Богом. Что бы значило такое явление? Не можем объяснить его ничем иным, как только влиянием па-

пистов, которые, между прочими чудовищными учениями своими, поставляют в одну категорию существ и Творца-Духа, и твари-духов, богохульно выставляя зараженными философиею Платона святых отцов, признанных Вселенскою Церковью сосудами Святого Духа, свидетельствующих о себе, что познание о душе им открыты Святым Духом. См. прим. 8 и 9 к «Слову о смерти».

[1007] Добротолюбие, ч. 2. Преподобный Исихий, гл. 1. Преподобный Филофей Синайский, гл. 16. Это учение встречается у весьма многих святых отцов. В некоторых русских переводах сила твердости названа раздражительностью, но раздражительность, как и ожесточение, и малодушие, суть болезненные состояния этой силы, или характера.

[1008] Прп. Серафим Саровский.

[1009] Молитва архиерея во время Херувимской песни.

[1010] Очевидно, что при атмосферных наблюдениях человекнаблюдатель служит центром наблюдений, а центр наблюдений всего человечества – земля. Область наблюдений всего человечества имеет вид шара. Пространства, чем ближе к центру, тем более стесняются и умаляются, а чем более удаляются от него, тем более расширяются и увеличиваются.

[1011] Точное изложение Православной веры, кн. 4, гл. 12.

[1012] Там же.

[1013] Четьи-Минеи, 24 мая.

[1014] Определение места на земле для земного рая поставляет защитников этого мнения в такое затруднение, что они принуждены прибегать к другой ложной мысли, именно, что земной рай уничтожен всемирным потопом. Dictionnaire Theologique par Bergier, Paradis.

[1015] Точное изложение Православной веры, кн. 2, гл. 6.

[1016] Четьи-Минеи, 2 октября.

[1017] Сочинения прп. Григория Синайского по рукописи Молдавского Нямецкаго монастыря. См. прим. 12 к «Слову о смерти».

[1018] Толкование на 23 главу, 43 стих Евангелия от Луки.

[1019] Рукопись Нямецкого монастыря, гл. 10.

[1020] Vita Sanctorum Barlaam Eremitae et Iosaphat Indiae Regis, caput XXX. Patrologia tomus LXXIII.

[1021] Пролог, 7 декабря.

[1022] Пролог, 11 сентября, и Отечник, буква Е.

[1023] Четьи-Минеи, 6 февраля.

[1024] По этой причине святой Архангел Гавриил изображается с пальмовою ветвью в руке.

[1025] Четьи-Минеи, 15 августа.

[1026] В приведенных здесь повестях мы видим, что райские произрастания, перенесенныя на землю, переходили, по мановению Божию, из тонкого состояния в состояние более грубое, чтоб соделаться способными к действию на наши чувства. При скудных понятиях, которые мы имеем о веществе горнего мира, с достоверностью, однако ж, утверждаем, что вещество этого мира свободы, нетления и блаженства должно управляться другими законами, нежели какими управляется вещество мира дольнего, служащего темницею и изгнанием для преступников заповеди Божией. Доказательства этому видим в проявлениях из горнего мира в нашу юдоль плача. Так, тело Богочеловека, по воскресении Его уже принадлежавшее горнему миру, соделывалось и видимым и невидимым по воле Богочеловека, то являлось с плотью и костями, было осязаемо, принимало пищу, то проходило сквозь твердейшие земные вещества, как дух. Тела величайших святых уподобились еще в сей жизни телу Господа, а по воскресении и по всему будут подобны Ему (1 Ин. 3, 2; 1 Кор. 15, 39–46). Вещество горнего мира должно быть сообразно тому веществу, в которое облечены его жители, как и вещество дольнего мира находится в соотношении с веществом своих жителей. Впрочем, и в дольнем мире многие тела, не изменяясь в естественных свойствах своих, то есть, не разлагаясь химически на свои составные части, могут быть в виде более тонком и более грубом. Например, вода, сера, все металлы могут быть и в твердом виде, и в жидком, и в виде паров. Углерод мы имеем в виде газа и в виде камня (алмаза). Новейшие гигантские открытия в стране вещества приводят к уверенности, что человеческие познания о веществе вполне ничтожны. При этой уверенности с доверчивостью выслушивается сказание Писания и отцов о природе рая.

[1027] Добротолюбие, ч. 4, Каллист Катафигиот – 3, 5, 6 главы. Преподобный Феолипт Филадельфийский говорит в своем Слове о сокровенном делании: «Память Бога видение Бога есть, влекущаго зрение и желание ума к Себе, и светом от Себя озаряющаго оный. Обращаяся бо ум к Богу, внегда преставати всем видотворным мыслем, зрит безвидне, и превосходящим неведением неприступныя ради оныя славы, воззрение свое просвещает. И не познавая за непостижимость видимаго, познавает истины ради свойственне Сущаго, и Единаго Могущаго превыше быти; и богатством источающияся отонуду благости питая свое рачение, и свое быстроумие извествуя, сподобляется непрестаннаго и блаженнаго покоя». Также см. 15 и 16 Слово преподобного Исаака Сирского.

[1028] Преподобный Кассиан Римлянин. Collatio VIII, capiti IX-XI.

[1029] Достопамятные сказания. Об авве Иосифе Панефосском, гл. 3.

[1030] Св. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский. Послание к Ксении монахине.

[1031] Толкование Евангелия от Луки, гл. 20.

[1031–1032] Преподобный авва Дорофей. Поучение 1.

[1034] Cassiani. Collatio VIII, cap. X.

[1035] Cassiani. De institutis renuntiantium, caput XXXVII.

[1036] Святой Макарий Великий говорит, что в совершенных христианах Господь есть как бы душа. Слово 7, гл. 12.

[1037] Беседа 2, гл. 1, 2, 4.

[1038] Поучение первое.

[1039] Святой Исихий. Слово о трезвении, гл. 46. Добротолюбие, ч. 2.

[1040] Преподобный Макарий Великий. Слово 7, гл. 31.

[1041] Акафист Божией Матери, стихиры на Господи воззвах.

[1042] Слово 2.

[1043] Слово 4, гл. 3

[1044] См. «Слово о смерти».

[1045] См. житие Василия Великого, не скончавшегося в противность предсказанию врача, который столько был убежден в вер-

ности своего предсказания, что неисполнение его приписал положительно силе Христа, уверовал в Него и принял святое Крещение. Прежде этого никакие убеждения мудрого и святого Василия не могли сломить врача-еврея к принятию христианства. Четьи-Минеи, 1 января.

[1046] Исх., гл. 7 и далее. Деян., гл. 8, 9 и проч.

[1047] Описание книжников и фарисеев заимствовано из собственных слов Господа нашего Иисуса Христа и из поведаний Евангелия. Господь произнес на них грозное определение Свое, назвав их родом лукавым и прелюбодейным (Мф. 12, 39), лицемерами, выкрашенными гробами, по наружности красивыми, внутри же исполненными лицемерия и беззакония, как и гробы внутри полны мертвых костей и всякой нечистоты (Мф. 23, 13, 23, 27–29). Он признал их чадами диавола, и диавола отцом их (Ин. 8, 44). Он признал их слепцами, ослепленными своим ложным знанием, руководящими других слепцов, слепцов по невежеству своему; Он объявил, что и слепцы руководители и слепцы руководимые влекутся в бездну погибели (Мф. 15, 14). Он признал недуг их неисцельным, потому что они признавали слепоту свою удовлетворительнейшим видением и ведением (Ин. 9, 41). Он заповедал ученикам Своим охраняться от кваса фарисейского (закваски), т. е. от учения их, вполне основанного на лицемерстве, вполне проникнутого ложью и лицемерием, имеющего началом отца лжи (Мф. 16, 6, 12; Лк. 12, 1; Ин. 8, 44). Господь обличил фарисеев в том, что они, притворно совершая пред глазами людей продолжительные молитвы, снедали домы вдовиц и совершали и готовы были совершить ужаснейшие беззакония и преступления (Мф. 23, 14, 34; Ин. 8, 40). Сребролюбие было недугом фарисеев (Лк. 16, 14). Искание славы человеческой было недугом фарисеев (Ин. 5, 44). Они были не способны к вере по причине своего пристрастия к земным преимуществам (Ин. 5, 44; Лк. 16, 13–14). Они присвоили себе ключ разумения и затворили Царство Небесное для человеков: сами не входили в него и не допускали других войти в него (Лк. 11, 52; Мф. 23, 13). Страшная гордость их слышится, как глас самого сатаны, в беседе их с исцелевшим слепорожденным (Ин. 9). О единоплеменном им народе, не имевшем их ученос-

ти, они выразились так: *Народ сей, иже не весть закона, прокляти суть* (Ин. 7, 49).

[1048] Таковы были праведные Захария и Елизавета, родители святого Иоанна Предтечи, святой Симеон Богоприимец, святая Анна пророчица, дочь Фануила (Лк., гл. 1 и гл. 2).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТРОПАРЬ СВЯТИТЕЛЮ ИГНАТИЮ БРЯНЧАНИНОВУ, ГЛАС 8-Й

Правосла́вия побо́рниче, покая́ния и моли́твы де́лателю и учи́телю изря́дный, архиере́ев богодухнове́нное украше́ние, мона́шествующих сла́во и похвало́: писа́нии твои́ми вся ны уцелому́дрил еси́. Цевни́це духо́вная, Игна́тие богому́дре, моли́ Сло́ва Христа́ Бо́га, Его́же носи́л еси́ в се́рдце твое́м, дарова́ти нам пре́жде конца́ покая́ние.

ИН ТРОПАРЬ СВЯТИТЕЛЮ ИГНАТИЮ БРЯНЧАНИНОВУ, ГЛАС ТОЙ ЖЕ:

Избра́нник возлю́блен Христо́ви яви́лся еси́, Тому́ скорбьми́ мно́гими и моли́твою непреста́нною прилепи́вся, благода́ть Ду́ха Свята́го стяжа́в, учи́тель изря́ден лю́дем был еси́. Помина́й нас, свяги́телю Игна́тие, Богоно́се Росси́йский, да учёнии и моли́твами твои́ми покая́ние спаси́тельное обря́щем и любо́вию серде́чною Христу́ усво́имся.

КОНДАК СВЯТИТЕЛЮ ИГНАТИЮ БРЯНЧАНИНОВУ, ГЛАС 8-Й

А́ще и соверша́л еси́ стезю́ жития́ земна́го, свяги́телю Игна́тие, оба́че непреста́нно зрел еси́ зако́ны бытия́ ве́чнаго, сему́ поуча́я ученики́ словесы́ мно́гими, и́мже после́довати и нам, свя́тче, помоли́ся.

МОЛИТВА СВЯТИТЕЛЮ ИГНАТИЮ БРЯНЧАНИНОВУ

О вели́кий и пречу́дный уго́дниче Христо́в, святи́телю о́тче Игна́тие! Ми́лостиво приими́ моли́твы на́ша, с любо́вию и благодаре́нием тебе́ приноси́мыя! Услы́ши нас си́рых и безпо́мощных, к тебе́ с ве́рою и любо́вию припа́дающих и твоего́ те́плаго предста́тельства о нас пред Престо́лом Го́спода сла́вы прося́щих. Ве́мы, я́ко мно́го мо́жет моли́тва пра́ведника, Влады́ку умилостивля́ющая. Ты от лет младе́нческих Го́спода пла́менно возлюби́л еси́ и, Ему́ Еди́ному служи́ти восхоте́в, вся кра́сная ми́ра сего́ ни во что же вмени́л еси́. Ты отве́ргся себе́ и взем крест твой, Христу́ после́довал еси́. Ты путь у́зкий и прискорбный жития́ и́ноческаго во́лею себе́ избра́л еси́ и на сем пути́ добродете́ли вели́кия стяжа́л еси́. Ты писа́ньми твои́ми сердца́ челове́ков глубоча́йшаго благогове́ния и поко́рности пред Всемогу́щим Творцо́м исполня́л еси́, гре́шников же па́дших му́дрыми словесы́ твои́ми в созна́нии своего́ ничто́жества и своея́ грехо́вности, в покая́нии и смире́нии прибега́ти к Бо́гу наставля́л еси́, ободря́я их упова́нием на Его́ милосе́рдие. Ты николи́же притека́вших к тебе́ отверга́л еси́, но всем оте́ц чадолюби́вый и па́стырь до́брый был еси́. И ны́не не оста́ви нас, усе́рдно тебе́ моля́щихся и твоея́ по́мощи и предста́тельства прося́щих. Испроси́ нам у человеколюби́ваго Го́спода на́шего здра́вие душе́вное и теле́сное, утверди́ ве́ру на́шу, укрепи́ си́лы на́ша, изнемога́ющия во искуше́ниих и ско́рбех ве́ка сего́, согре́й огне́м моли́твы охладе́вшая сердца́ на́ша, помоги́ нам, покая́нием очи́стившимся, христиа́нскую кончи́ну живота́ сего́ получи́ти и в черто́г Спа́сов преукраше́нный вни́ти со все́ми избра́нными и та́мо ку́пно с тобо́ю покланя́тися Отцу́ и Сы́ну и Свято́му Ду́ху во ве́ки веко́в. Ами́нь.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ДУХОВНОМ ВИДЕНИИ ДУХОВ 3

Введение 3

О чувственном видении духов 7

О духовном видении духов 48

Заключение 60

СЛОВО О СМЕРТИ 63

ПРИБАВЛЕНИЕ К «СЛОВУ О СМЕРТИ». ВЗГЛЯД НА МНЕНИЕ ЗАПАДНЫХ О ДУХАХ, АДЕ И РАЕ 165

Статья первая. О духах 165

Статья вторая. О рае и аде 276

О рае 276

О аде 276

ПИСЬМО ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ К НЕКОТОРОМУ ДУХОВНОМУ ЛИЦУ, СПРАШИВАВШЕМУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ЕГО УБЕЖДЕНИЙ О СУЩЕСТВЕ СОТВОРЕННЫХ ДУХОВ И ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ, И ПОЧЕМУ

ОН НАЗВАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДУШУ – ЭФИРНОЙ 284
РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В СВЯТЕЙШЕМ СИНОДЕ НАСТОЯТЕЛЕМ СЕРГИЕВОЙ ПУСТЫНИ, АРХИМАНДРИТОМ ИГНАТИЕМ, ПРИ НАРЕЧЕНИИ ЕГО ВО ЕПИСКОПА КАВКАЗСКОГО И ЧЕРНОМОРСКОГО; 25 ОКТЯБРЯ 1857 г. 286
СЛОВО О ЧЕЛОВЕКЕ 289
Предисловие к изданию 1995 г. 289
Введение 291
Определение человека 294
Мироздание 301
Сотворение человека 304
Тело и душа 306
Силы души 312
Образ и подобия Божии 318
Рай 319
Введение в рай и совершенство первозданных 326
Падение первозданных 327
Смерть души 332
Подчинение человека дьяволу 333
Земная жизнь 335

Мир 337
Идолопоклонство 339
Смерть и ад 342
Преуспеяние зла на земле 344

Примечания 346

Приложение 411

БЛАГОВЕСТ